

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2025. TOM 5. № 4

ДЕМИС. Демографические исследования.

2025. Том 5. № 4

DEMIS. Demographic Research.

2025. Vol. 5. No. 4

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раза в год

Журнал открытого доступа

DOI 10.19181/demis.2025.5.4

EDN VYPBHU

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly

Open access

DOI 10.19181/demis.2025.5.4

EDN VYPBHU

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Издатель: Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate

El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный

Плата за публикацию с авторов не взимается

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access

Authors are not charged for publication

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303

ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавазы Мохаммад Джалал, доктор PhD, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор PhD, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, профессор, кафедра международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

До Кармо Роберто Луиз, доктор PhD, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор PhD, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор PhD, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор PhD, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор PhD, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор PhD, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия

Охаси Кэнити, магистр социологии, профессор, университет Рикке, Токио, Япония

Пизарро Синтия Александра, доктор PhD, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Хорие Норико, доктор PhD, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор PhD, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Inna V. Andronova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Nikolay P. Gusakov**, Doctor of Economics, Full Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasilii I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Eteri D. Rubinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khranova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПАМЯТИ М. К. ГОШКОВА	6
----------------------------	---

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

Воробьева О. Д., Субботин А. А. РЕПАТРИАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: ЭКСПЕРТНЫЙ МЕТОД	8
Доброхлеб В. Г. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ОЦЕНКИ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ	25
Камарова Т. А., Тонких Н. В., Вербенская А. В. РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ФОРМИРОВАНИЕ «МОДЫ» МОЛОДОГО РОДИТЕЛЬСТВА В МЕДИАСРЕДЕ	33

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Узнародов Д. И. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	56
Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Гарибова Ф. М. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ СИБИРИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	70
Письменная Е. Е., Рязанцев Н. С. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ: СОСТОЯНИЕ И ТОЧКИ РОСТА	97
Полянская Е. В. КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПО УРОВНЮ ДЕТЕРМИНАНТ ЗДОРОВЬЯ	117

УРБАНИЗАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ

Рыбаковский О. Л., Фадеева Т. А. ИТОГИ ЕСТЕСТВЕННОГО И ОБЩЕГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ (2001–2024 ГГ.)	133
Мусин Э. Р. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ РОССИИ С НАСЕЛЕНИЕМ СВЫШЕ 100 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК В 2014–2024 ГГ.	146
Кублицкая Е. А. ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ И НЕРЕЛИГИОЗНЫХ МОСКВИЧЕЙ	165
Ситковский А. М., Мирязов Т. Р. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ И РАБОТ	188

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Бесфамильный Д. А. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН В ДИНАМИКЕ	216
Рязанцев Н. С., Храмова М. Н., Лукашенко Е. А. АДАПТАЦИЯ ТАИЛАНДА К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПОТОКОВ В ПОСПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД	238

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

Козин С. В., Жидяева Т. П., Закиева Р. Р. ЖУРНАЛУ «ДЕМИС. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» – 5 ЛЕТ!	256
---	-----

CONTENT

IN MEMORIAM OF MIKHAIL K. GOSHKOV	6
---	---

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION THEORY

<i>Olga D. Vorobyeva, Alexander A. Subbotin.</i> RUSSIA'S REPATRIATION POTENTIAL: AN ANALYSIS OF EXPERT ASSESSMENTS	8
<i>Valentina G. Dobrokhleb.</i> ETHNO-DEMOGRAPHIC METHOD OF ASSESSING WAR-RELATED HUMAN LOSSES	25
<i>Tatyana A. Kamarova, Natalya V. Tonkikh, Alena V. Verbenskaya.</i> REPRODUCTIVE ATTITUDES OF MODERN YOUTH: THE FORMATION OF "FASHION" FOR YOUNG PARENTHOOD IN THE MEDIA ENVIRONMENT	33

REGIONAL DEMOGRAPHICS

<i>Dmitry I. Uznarodov.</i> DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF CRIMEAN POPULATION DURING THE SECOND HALF OF THE 20 TH CENTURY	56
<i>Sergey V. Ryazantsev, Zafar K. Vazirov, Farzona M. Garibova.</i> MIGRATION POLICY IN ETHNIC REGIONS OF SIBERIA: CHALLENGES AND PROSPECTS	70
<i>Elena E. Pismennaya, Nikita S. Ryazantsev.</i> DEMOGRAPHIC POLICY IN THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS DISTRICT: STATUS AND POTENTIAL FOR GROWTH	97
<i>Elena V. Polyanskaya.</i> CLUSTERING OF REGIONS OF THE FAR EAST BY THE LEVEL OF HEALTH DETERMINANTS	117

URBANIZATION AND POPULATION DISTRIBUTION

<i>Oleg L. Rybakovsky, Tamara A. Fadeeva.</i> RESULTS OF THE NATURAL AND GENERAL POPULATION CHANGE IN RUSSIA AND ITS REGIONS (IN 2001–2024)	133
<i>Eldar R. Musin.</i> DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES WITH A POPULATION OF OVER 100 THOUSAND IN 2014–2024	146
<i>Elena A. Kublitskaya.</i> EMIGRATION ATTITUDES OF RELIGIOUS AND NON-RELIGIOUS MUSCOVITES	165
<i>Arseniy M. Sitkovsky, Timur R. Miryazov.</i> METHODOLOGICAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC EXPERTISE OF PROJECTS AND WORKS	188

FOREIGN DEMOGRAPHICS

<i>Danila A. Besfamilny.</i> DEMOGRAPHIC WELL-BEING OF POST-SOVIET COUNTRIES IN DYNAMICS	216
<i>Nikita S. Ryazantsev, Marina N. Khramova, Elena A. Lukashenko.</i> THAILAND'S ADAPTATION TO THE RECOVERY OF TOURIST FLOWS IN THE POST-PANDEMIC PERIOD	238

REVIEWS AND ESSAYS

<i>Sergey V. Kozin, Tatyana P. Zhidyayeva, Rafina R. Zakieva.</i> 5 TH ANNIVERSARY OF THE JOURNAL "DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH"	256
---	-----

ПАМЯТИ М. К. ГОШКОВА **(29 декабря 1950 г. – 24 ноября 2025 г.)**

24 ноября 2025 г. ушел из жизни Михаил Константинович Горшков, известный советский и российский социолог – специалист в области теории и методов социологического изучения состояний массового сознания, академик Российской академии наук, член Президиума РАН, доктор философских наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, основатель Федерального научно-исследовательского социологи-

ческого центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), директор ФНИСЦ РАН с момента основания до 2020 г., в 2020–2025 гг. – научный руководитель ФНИСЦ РАН, первый федеральный вице-президент Российского общества социологов (РОС).

М. К. Горшков разработал и внедрил в отечественную науку методологический инструментарий «социологии реальности», который превратил ее из описательной дисциплины в действенный инструмент познания и терапии общества. Ученый был твердо убежден в том, что социология – это публичная наука, которая говорит с обществом на понятном языке, выполняет гуманитарную миссию и помогает противостоять манипуляциям.

Родился 29 декабря 1950 г. В 1973 г. окончил Московский медикостоматологический институт имени Н. А. Семашко. В 1973–1976 гг. – на партийно-комсомольской работе, заведующий студенческим отделом Свердловского РК ВЛКСМ в Москве.

С 1976 г. работал в должности младшего научного сотрудника Академии общественных наук при ЦК КПСС (АОН при ЦК КПСС). Затем, до 1988 г. занимал ряд ключевых должностей: референт ректора академии, старший научный сотрудник, доцент кафедры социологии и социальной психологии, докторант, заместитель руководителя кафедры социологии и социальной психологии.

В 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Формирование и функционирование социалистического общественного мнения», в 1989 г. стал доктором философских наук (диссертация на тему: «Общественное мнение советского общества: сущность, становление, динамика обновления»). С мая 2006 г. –

член-корреспондент РАН по Отделению общественных наук (социология), в декабре 2011 г. избран действительным членом (академиком) РАН, в 2022 г. – членом Президиума РАН.

В 1988–1990 гг. работал в аппарате ЦК КПСС в должности инструктора, заведующего сектором отдела научных и учебных заведений, помощника члена Политбюро – секретаря ЦК КПСС В. А. Медведева.

С сентября 1990 г. – первый заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ при ЦК КПСС), с 1991 г. исполнял обязанности директора Института теории и истории социализма ЦК КПСС (ИТиИС ЦК КПСС).

После запрета КПСС и ликвидации партийных учреждений на материальной базе ИТиИС ЦК КПСС был создан негосударственный Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП). В октябре 1991 г. М. К. Горшкова избрали его генеральным директором.

В апреле 2001 г. на базе РНИСиНП был основан Институт комплексных социальных исследований (ИКСИ), научное учреждение в системе РАН, его директором – организатором по решению Президиума РАН был назначен М. К. Горшков. С 2005 г. руководил Институтом социологии РАН (ИС РАН).

С 2015 г. до кончины являлся деканом социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН).

В 2017 г. возглавил Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, созданный в результате присоединения к Институту социологии РАН Социологического института РАН. С 2020 г. – научный руководитель ФНИСЦ РАН.

Являлся экспертом и членом международного комитета Московского экономического форума. Входил в состав редколлегии журнала «Социологические исследования» и «Социологического журнала».

Был первым федеральным вице-президентом Российского общества социологов, членом Международной и Европейской социологических ассоциаций; научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, экспертного совета по научным проектам Российского научного фонда (РНФ); экспертно-консультативного комитета при Правлении Фонда инфраструктурных и образовательных программ; Союза писателей России.

Дирекция, ученый совет и весь трудовой коллектив Института социальной демографии ФНИСЦ РАН приносят искренние соболезнования родным, близким и друзьям Михаила Константиновича.

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1)

EDN [BYXNPM](https://www.edn.ru/BYXNPM)

РЕПАТРИАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: АНАЛИЗ ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

Воробьева О. Д.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: 89166130069@mail.ru

Субботин А. А.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Для цитирования: Воробьева, О. Д. Репатриационный потенциал России: анализ оценки экспертов / О. Д. Воробьева, А. А. Субботин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 8–24. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1). EDN [BYXNPM](https://www.edn.ru/BYXNPM).

Аннотация. В статье представлены результаты обобщения и анализа мнений специалистов в области миграции, высказанных в ходе экспертного опроса о репатриационном потенциале России. Актуальность исследования определяется демографическими вызовами, связанными с естественной убылью населения и необходимостью восполнения человеческого капитала, в том числе за счет привлечения и возвращения репатриантов. В работе использован новый подход к оценке репатриационного потенциала, основанный на классификации мигрантов по категориям с позиций их потенциального возвращения. Такой подход позволил выявить особенности и различия репатриационных намерений в зависимости от региона проживания, социально-демографических характеристик и культурно-идентификационных факторов. Результаты исследования показывают, что готовность к возвращению формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных условий. Независимо от региона, ключевыми модераторами выступают возраст и семейная конфигурация: наибольший потенциал возвращения характерен для молодежи и людей среднего возраста, одиночек и семей без детей. По социально-экономическому статусу наиболее «конвертируемыми» категориями являются наемные работники, учащиеся и лица, активно ищущие работу, тогда как возвращение предпринимателей требует создания специальных условий. Группы, слабо вовлеченные в трудовые и образовательные каналы, характеризуются минимальной готовностью к репатриации. Этнокультурная и языковая близость системно повышает вероятность возвращения во всех региональных контекстах, подтверждая значимость культурной идентичности как фактора, поддерживающего репатриационные установки.

Ключевые слова: репатриационный потенциал, миграционные процессы, миграционный потенциал, миграционная политика, возвращение мигрантов, соотечественники, факторы репатриации, человеческий капитал

Введение

В условиях нарастающих демографических вызовов, связанных с устойчивой естественной убылью населения, сокращением трудоспособных возрастных групп и структурным старением населения, задачи миграционной политики приобретают для России стратегическое значение. В отечественной и зарубежной литературе последних десятилетий все чаще подчеркивается растущая роль репатриации

как одного из действенных инструментов восполнения человеческого капитала, поддержания социально-экономического развития и укрепления национальной идентичности стран исхода [1; 2; 3]. Опыт ряда государств – Израиля, Германии, Южной Кореи, Казахстана – показывает, что целенаправленные программы возвращения репатриантов и этнических групп могут стать эффективным элементом демографической и национальной политики, способствующим не только количественному приросту населения, но и укреплению его качественного состава.

Для России проблематика репатриации имеет особое значение, поскольку тесно связана с многоуровневым и исторически сложившимся пространством русскоговорящего населения за рубежом. Речь идет не только о потомках граждан бывшего СССР и населении постсоветских государств, но и о более широком круге лиц, сохраняющих культурные, этнические и экономические связи с Россией [4]. Вместе с тем, несмотря на устойчивый интерес к данной теме, в научном дискурсе до сих пор отсутствует единое определение и унифицированный аналитический инструментарий для оценки репатриационного потенциала. Само понятие нередко используется в интуитивном смысле – как вероятностная готовность мигрантов вернуться на историческую или гражданскую родину при определенном сочетании социально-экономических и культурных факторов, однако его структура и границы остаются методологически неустойчивыми и требуют дальнейшей систематизации и уточнения.

В этой связи особую исследовательскую ценность приобретают экспертные методы, позволяющие выявить скрытые закономерности и тенденции, интегрировать профессиональные знания специалистов и сопоставить относительную значимость факторов, влияющих на готовность мигрантов к возвращению. Такой подход обеспечивает возможность оценить репатриационный потенциал не только как статистическую категорию, но и как сложный социокультурный феномен, зависящий от институциональных условий, индивидуальных стратегий и степени включенности мигрантов в принимающее общество.

Настоящая статья посвящена анализу мнений экспертов, высказанных в ходе опроса о репатриационном потенциале, с использованием нового подхода к оценке – по категориям мигрантов с позиций их потенциального возвращения, что позволяет сопоставить репатриационные установки в зависимости от региона проживания, социально-демографических характеристик и культурно-идентификационных факторов. Экспертный опрос проведен весной 2025 г. кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом.

Цель статьи – на основе концептуализации понятия «репатриационный потенциал» и разработанной типологии категорий мигрантов с позиций их потенциальной готовности к возвращению провести систематизацию и анализ экспертных оценок репатриационного потенциала, направленных на выявление групп с наибольшими шансами на репатриацию в Россию. В рамках исследования акцент сделан на сравнении региональных различий, социально-демографических и культурно-идентификационных характеристик мигрантов.

Методология исследования

Исследование выполнено в форме экспертного опроса и проведено кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова в марте-апреле 2025 г. В опросе приняли участие 30 экспертов из России и зарубежных стран, специализирующихся в области демографии и миграции, социологии, экономики и государственного управления. Отбор респондентов носил целевой (невероятностный) характер: в выборку включались специалисты с подтвержденной профессиональной компетенцией в вопросах миграции и репатриации, а также эксперты, обладающие знанием специфики отдельных стран и регионов, в том числе особенностей миграционных процессов, социальной интеграции и институциональной среды, и значительным практическим и аналитическим опытом. Большинство экспертов имеет более чем десятилетний стаж научной и прикладной работы в данной сфере.

Опрос проводился в онлайн-формате с использованием платформы «Яндекс Формы». Экспертам направлялись персональные приглашения по электронной почте, после чего они заполняли анкету самостоятельно. Формат онлайн-опроса обеспечил широкий географический охват участников и минимизировал влияние интервьюера. Для повышения достоверности результатов анкета содержала встроенную проверку полноты заполнения, а ответы представлялись в обезличенном виде.

Анкета включала как шкальные, так и открытые вопросы, что позволило объединить количественные оценки и качественные комментарии. Шкальные оценки фиксировались по пятибалльной шкале (от 1 – «очень низкий потенциал» до 5 – «очень высокий»), что позволило количественно сравнивать восприятие различных факторов. Открытые ответы использовались для раскрытия аргументов, уточнения мотиваций, барьеров и условий репатриации.

Анализ проводился по следующим основаниям:

- по региональной специализации экспертов, отражающей страны и регионы, в которых они обладают наибольшей профессиональной компетенцией (страны СНГ, Восточная Европа, Западная Европа, США и Канада, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и Латинская Америка);

- по продолжительности проживания за рубежом – «новоселы» (до 3 лет проживания), «краткосрочные» (4–7 лет), «среднесрочные» (8–15 лет), «долгосрочные» (>15 лет);

- по возрастным группам – молодежь (18–35 лет); средний возраст (36–55 лет); старший рабочий возраст (56–72 года); пожилые (72+ лет);

- по семейному положению – одиночки, семьи с детьми, семьи без детей, разведенные и вдовцы;

- по социально-экономическому статусу – наемные работники, самозанятые, предприниматели, учащиеся, рантье;

- по этнокультурной идентичности – этнические русские, русскоговорящие (не этнические русские), лица, не связанные с русской культурой.

Ключевым методологическим принципом стал подход «регион через эксперта», при котором для анализа по каждому региону использовались только ответы тех специалистов, которые указали данный регион как область своей профессиональной компетентности. Это позволило избежать межрегионального

смещения мнений и сделать сравнения содержательно корректными. Реализация подхода включала несколько шагов:

- для каждого региона R в анализ включались только те эксперты, которые указали R в качестве области своей профессиональной компетентности;
- оценки этих экспертов агрегировались исключительно для соответствующего региона, тогда как их ответы по другим территориям не учитывались при расчетах для R.

Обработка данных проводилась методами описательной статистики. Для каждого показателя вычислялись средние значения (M), медианы (Me), стандартные отклонения (SD) и количество наблюдений (N). Поскольку шкала оценок имеет ordinalный характер, для проверки устойчивости результатов средние значения сопоставлялись с медианами, а пропуски исключались поэлементно.

Следует подчеркнуть, что в целом исследование отражает синтез профессиональных оценок, а не индивидуальные установки мигрантов. Такой подход позволил рассмотреть репатриационный потенциал как сложный социально-демографический феномен, а также выявить группы населения, обладающие наибольшей вероятностью возвращения в Россию. Результаты интерпретируются как экспертная оценка тенденций, представляющая собой основу для совершенствования государственной политики в сфере репатриации.

Понятие репатриационного потенциала

В научной литературе, посвященной миграции и демографическим процессам, используются схожие, но не тождественные понятия: «миграционный потенциал», «репатриационные намерения», «возвратная миграция» [2; 5; 6]. Под миграционным потенциалом, как правило, понимается совокупность установок, мотивов и условий, которые могут привести к совершению миграционного акта [7; 8; 9]. Репатриация же представляет собой особый вид миграции, связанный с возвращением на историческую, этническую или гражданскую родину, и требует отдельного теоретического и методологического осмысления [10; 11; 12; 13].

В отечественной научной традиции категория «репатриационный потенциал» пока не имеет устоявшегося определения и единой операционализации. Чаще всего она используется как обобщенное обозначение совокупности возможностей или намерений мигрантов вернуться в страну происхождения, однако ее смысловые границы остаются нечеткими. В связи с этим авторами предложена уточненная концептуализация понятия, позволяющая объединить демографический, правовой и социокультурный аспекты феномена.

Репатриационный потенциал может быть определен как совокупность лиц, постоянно проживающих за пределами страны своего происхождения и идентифицирующих себя с ней по гражданству, происхождению (в том числе как потомки) либо культурно-языковой принадлежности, которые одновременно демонстрируют устойчивое намерение вернуться, обладают необходимыми интеграционными ресурсами, располагают правовыми основаниями для переселения и потенциально могут воспользоваться действующими государственными механизмами переселения.

Такое определение отражает многомерную природу репатриационного потенциала как явления, объединяющего субъективные установки, объективные возможности и институциональные предпосылки для возвращения.

Результаты анализа экспертных оценок

Анализ данных экспертного опроса позволил выявить устойчивые закономерности для оценки репатриационного потенциала различных категорий мигрантов. Эксперты рассматривали феномен репатриации комплексно – через призму региональных различий, социально-демографических характеристик и культурной идентичности мигрантов, что позволило реконструировать целостную картину факторов, определяющих готовность к возвращению в Россию.

Общие региональные тенденции

В соответствии с принципом «регион через эксперта» в анализ по каждому региону включались только ответы тех специалистов, которые обозначили данный регион как область своей профессиональной компетенции. Это позволило минимизировать межрегиональные искажения и сделать результаты более точными и релевантными.

Результаты анализа показывают, что основным источником потенциальных репатриационных потоков остается постсоветское пространство. Это объясняется сохраняющимися тесными культурными, языковыми и социальными связями мигрантов из стран СНГ с Россией, более высокими показателями репатриационного потенциала среди мигрантов, проживающих в этих странах. Средняя интегральная оценка репатриационного потенциала мигрантов из стран СНГ составила 3,2 из 5 ($Me=3$; $SD=0,7$; $N=18$), что значительно выше, чем в других регионах. Для Ближнего Востока средний балл оказался также высоким – 3,3 ($Me=3$; $SD=0,6$; $N=3$), однако малая подвыборка требует осторожной интерпретации. В Восточной Европе показатель составил 2,6 ($Me=3$; $SD=1,1$; $N=5$), в Западной Европе – 2,3 ($Me=2$; $SD=0,5$; $N=4$), в Юго-Восточной Азии – 2,2 ($Me=3$; $SD=1,2$; $N=9$), а в США и Канаде – 2,0 ($Me=2$; $SD=1$; $N=5$). Дополнительно, для Латинской Америки средняя оценка составила 2,0 ($Me=2$; $SD=1$; $N=3$).

Таким образом, при сопоставимом объеме данных именно СНГ сохраняет наивысший совокупный репатриационный потенциал, тогда как в других регионах репатриационный потенциал мигрантов варьируется от средних до сдержанных значений. Эти различия обусловлены различной степенью интеграции мигрантов в социальные и трудовые структуры принимающих стран, а также рядом культурных и исторических факторов. Стоит отметить, что по ряду регионов, таких как Африка и Океания, данные отсутствуют, поскольку среди респондентов не было экспертов с необходимой профессиональной компетенцией по этим территориям. В открытых ответах эксперты отмечают, что миграционные потоки из этих регионов в Россию крайне ограничены, а репатриационные связи носят, как правило, эпизодический характер.

Вместе с тем агрегированные показатели скрывают существенные внутригрупповые различия, проявляющиеся при анализе по социально-демографическим и поведенческим характеристикам мигрантов. Поэтому перейдем к рассмотрению

репатриационного потенциала мигрантов по различным основаниям, которые могут существенно влиять на готовность к возвращению.

1. Продолжительность проживания за рубежом

Продолжительность пребывания мигрантов за границей, по мнению экспертов, существенно влияет на их готовность вернуться в Россию, что подтверждает первоначальную гипотезу. Мигранты, которые недавно покинули страну, сохраняют более сильные социальные, культурные и профессиональные связи с родиной, и это облегчает принятие решения о возвращении. По мере углубления интеграции в принимающее общество эти связи ослабевают, а замещение институтов (рынок труда, образование детей, жилищные и кредитные обязательства, медицинское обслуживание) повышает «стоимость» возврата. В результате долгосрочные мигранты, проживающие за рубежом более 15 лет, практически во всех регионах демонстрируют заметно меньшую склонность к возвращению по сравнению с «новоселами» и «краткосрочными» мигрантами.

Табл. 1 отражает экспертные оценки репатриационного потенциала мигрантов по продолжительности проживания за рубежом в разрезе регионов. Из нее видно, что уровень готовности к возвращению существенно варьирует в зависимости не только от региона проживания, но и от срока пребывания за рубежом.

Таблица 1

Репатриационный потенциал по продолжительности проживания за рубежом и регионам, метод «регион через эксперта»

Table 1

Repatriation potential by duration of residence abroad and regions, “region through expert” method

Регион	Новоселы (до 3 лет)	Краткосрочные (4–7 лет)	Среднесрочные (8–15 лет)	Долгосрочные (>15 лет)
Страны СНГ (N=18)	3,3 (Me=3,5, SD=1,6)	2,8 (Me=3,0, SD=1,0)	2,0 (Me=2,0, SD=1,0)	2,3 (Me=2,0, SD=1,5)
Восточная Европа (N=5)	3,4 (Me=4,0, SD=1,8)	2,6 (Me=2,0, SD=1,3)	1,8 (Me=1,0, SD=1,1)	1,4 (Me=1,0, SD=0,5)
Западная Европа (N=4)	3,3 (Me=4,0, SD=1,5)	2,8 (Me=3,0, SD=1,5)	1,8 (Me=1,5, SD=1,0)	1,3 (Me=1,0, SD=0,5)
США и Канада (N=5)	4,2 (Me=4,0, SD=0,4)	3,2 (Me=3,0, SD=0,8)	2,0 (Me=2,0, SD=0,7)	1,0 (Me=1,0, SD=0)
Ближний Восток (N=3)	2,7 (Me=2,0, SD=2,1)	3,3 (Me=4,0, SD=1,2)	3,0 (Me=3,0, SD=0)	3,0 (Me=3,0, SD=1,0)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,3 (Me=4,0, SD=1,4)	3,4 (Me=4,0, SD=1,5)	2,1 (Me=1,0, SD=1,5)	2,0 (Me=1,0, SD=1,6)
Латинская Америка (N=3)	3,3 (Me=4,0, SD=1,2)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	2,7 (Me=3,0, SD=1,5)	1,3 (Me=1,0, SD=0,6)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Полученные количественные оценки наглядно иллюстрируют описанную динамику, которая, однако, имеет важные региональные исключения. Так, в США, Канаде и странах Западной Европы наблюдается наиболее резкое снижение репатриационного потенциала – от высоких значений у новоселов до критически низких у долгосрочных мигрантов. Тренду также следуют Восточная Европа и Латинская Америка. В отличие от них, картина в странах СНГ хотя и демонстрирует спад,

но итоговый потенциал долгосрочных мигрантов (2,3) остается существенно выше, чем в западных странах, что подтверждает роль сохраняющихся тесных связей. Еще более яркими исключениями являются Ближний Восток и Юго-Восточная Азия. На Ближнем Востоке потенциал, наоборот, изначально невысок и не снижается со временем, а в Юго-Восточной Азии показатель у долгосрочных мигрантов (2,0) сопоставим со странами СНГ. Специфика этих принимающих регионов, вероятно, связанная с их социально-экономическим укладом и изначальными причинами миграции, может формировать устойчивую ориентацию на жизнь за рубежом, которая не ослабевает со временем.

Таким образом, данные подчеркивают, что репатриационная политика должна учитывать как длительность пребывания мигрантов за рубежом, так и их региональную принадлежность.

2. Возрастные группы

Возраст мигрантов добавляет к разрезу продолжительности проживания за рубежом важное измерение (так называемый «стажевый» разрез – длительность пребывания мигранта за границей). Мигранты более молодой и средней возрастной группы (18–35 лет и 36–55 лет) показывают более высокий репатриационный потенциал, что связано с их мобильностью, склонностью к «переупаковке» компетенций и желанием смены места жительства. В отличие от них, для старших возрастных групп (56–72 года и 72+ лет) «стоимость» перемещения оказывается выше, поскольку такие мигранты уже имеют значительные профессиональные достижения и накопленные обязательства, а, кроме того, сильно привязаны к социальной инфраструктуре страны пребывания. Этот процесс подтверждается данными из табл. 2, которая показывает средние оценки репатриационного потенциала для разных возрастных групп с учетом регионального фильтра.

Таблица 2

**Репатриационный потенциал по возрастным группам и регионам,
метод «регион через эксперта»**

Table 2

Repatriation potential by age groups and regions, “region through expert” method

Регион	18–35 лет	36–55 лет	56–72 лет	72+ лет
Страны СНГ (N=18)	3,1 (Me=3,0, SD=1,5)	3,1 (Me=3,0, SD=0,9)	2,0 (Me=2,0, SD=1,1)	1,7 (Me=1,0, SD=1,2)
Восточная Европа (N=5)	2,4 (Me=2,0, SD=1,7)	2,8 (Me=3,0, SD=0,8)	1,8 (Me=2,0, SD=0,8)	1,6 (Me=1,0, SD=0,9)
Западная Европа (N=4)	2,3 (Me=2,0, SD=1,5)	2,8 (Me=3,0, SD=0,5)	2,0 (Me=2,0, SD=0,8)	1,5 (Me=1,0, SD=1,0)
США и Канада (N=5)	3,6 (Me=4,0, SD=1,5)	3,2 (Me=3,0, SD=0,4)	2,2 (Me=2,0, SD=0,4)	1,4 (Me=1,0, SD=0,9)
Ближний Восток (N=3)	3,0 (Me=3,0, SD=2,0)	4,7 (Me=5,0, SD=0,6)	4,0 (Me=4,0, SD=1,0)	3,7 (Me=3,0, SD=1,2)
Юго-Восточная Азия (N=9)	2,6 (Me=1,0, SD=1,9)	3,3 (Me=3,0, SD=1,1)	2,2 (Me=2,0, SD=1,0)	2,1 (Me=2,0, SD=1,4)
Латинская Америка (N=3)	3,3 (Me=4,0, SD=2,1)	2,7 (Me=3,0, SD=0,6)	2,0 (Me=2,0, SD=1,0)	3,3 (Me=3,0, SD=0,6)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Результаты показывают, что молодые мигранты (18–35 лет) и мигранты среднего возраста (36–55 лет) в целом демонстрируют более высокий репатриационный потенциал, чем пожилые мигранты (56–72 лет и 72+ лет). Например, в СНГ и США/Канаде для мигрантов из группы 18–35 лет показатели репатриационного потенциала составляют 3,1 и 3,6 соответственно, что соответствует высокому потенциалу. Этот тренд подтверждается в других регионах, к примеру, в Юго-Восточной Азии, где мигранты из возрастной группы 18–35 лет имеют 2,6, а для возрастной группы 36–55 лет – 3,3. Это подтверждает гипотезу, что молодежь более склонна к возвращению.

В то же время с увеличением возраста репатриационный потенциал мигрантов снижается. Для возрастной группы 56–72 года в СНГ репатриационный потенциал составляет 2,0, а для старших мигрантов (72+ лет) – 1,7, что указывает на низкий репатриационный потенциал в этих возрастных группах. Снижение потенциала также наблюдается в Восточной Европе, Западной Европе и других регионах, где для мигрантов возрастных групп 56–72 лет и старше показатель репатриационного потенциала остается низким.

Сопоставление возрастных и стажевых категорий указывает на то, что в регионах с высоким репатриационным потенциалом для новоселов и краткосрочных мигрантов, как правило, высокие оценки и для возрастной группы 18–35 лет. В то время как старшие мигранты в этих регионах, равно как и в других, демонстрируют тенденцию к снижению репатриационного потенциала, что связано с профессиональными обязательствами, необходимостью адаптации к новому месту проживания и весьма крупными затратами на перемещение.

3. Семейное положение

Семейное положение мигрантов оказывает значительное влияние на их репатриационный потенциал, поскольку добавляет дополнительные факторы, усложняющие процесс возвращения, который уже зависит от возраста и продолжительности пребывания за рубежом. Наличие детей, требования, связанные с их образованием, потребности в жилье, инфраструктуре и повышенные расходы на адаптацию значительно увеличивают «стоимость» репатриации. В большинстве регионов одиночки и пары без детей показывают более высокий репатриационный потенциал, чем семьи с детьми, но существуют исключения, связанные с локальными рынками труда и условиями для семей с детьми в разных странах.

В табл. 3 приведены средние оценки репатриационного потенциала по семейному положению.

Семейное положение оказывает значительное влияние на репатриационный потенциал. Одиночки и пары без детей демонстрируют более высокий потенциал для возвращения, поскольку их перемещение связано с меньшими затратами на жилье, образование и другие социальные услуги. В то же время семьи с детьми сталкиваются с наибольшими издержками на адаптацию, что снижает их репатриационный потенциал. Исключения могут быть связаны с благоприятными условиями для семей в определенных регионах, как это наблюдается в Ближнем Востоке, где для семей с детьми репатриационный потенциал оказывается высоким.

Таблица 3

**Репатриационный потенциал по семейному положению и регионам,
метод «регион через эксперта»**

Table 3

Repatriation potential by family status and region, “region through expert” method

Регион	Одиночки	Семейные (с детьми)	Семейные (без детей)	Одинокие (разведенные / вдовцы)
Страны СНГ (N=18)	3,3 (Me=3,0, SD=1,3)	2,9 (Me=3,0, SD=1,1)	3,1 (Me=3,0, SD=1,1)	2,8 (Me=3,0, SD=1,3)
Восточная Европа (N=5)	2,8 (Me=3,0, SD=1,5)	2,2 (Me=3,0, SD=1,1)	2,6 (Me=2,0, SD=1,5)	2,4 (Me=2,0, SD=1,7)
Западная Европа (N=4)	2,3 (Me=2,5, SD=1,0)	3,0 (Me=3,5, SD=1,4)	1,8 (Me=1,5, SD=1,0)	2,0 (Me=2,0, SD=1,2)
США и Канада (N=5)	3,2 (Me=3,0, SD=0,4)	2,2 (Me=2,0, SD=1,1)	2,4 (Me=3,0, SD=0,9)	2,0 (Me=2,0, SD=0,7)
Ближний Восток (N=3)	3,0 (Me=2,0, SD=1,7)	4,0 (Me=4,0, SD=0)	3,3 (Me=3,0, SD=1,5)	3,0 (Me=2,0, SD=1,7)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,1 (Me=3,0, SD=1,4)	2,7 (Me=3,0, SD=0,9)	2,4 (Me=2,0, SD=1,4)	2,7 (Me=3,0, SD=1,3)
Латинская Америка (N=3)	2,7 (Me=3,0, SD=0,6)	2,3 (Me=1,0, SD=2,3)	2,7 (Me=2,0, SD=1,2)	2,0 (Me=2,0, SD=1,0)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

4. Социально-экономический статус

Положение на рынке труда играет ключевую роль в репатриационном потенциале мигрантов, служа своего рода «операциональным мостом» для их возвращения в Россию. Наличие стабильного канала занятости в стране (и признания квалификаций) ощутимо повышает готовность к репатриации, даже если перемещение связано с довольно значительными затратами, такими как расходы на жилье или адаптацию. Прямое влияние социально-экономического статуса на репатриацию хорошо видно из экспертных оценок, представленных в табл. 4.

Существенно на репатриационный потенциал мигрантов влияет их положение на рынке труда. Мигранты, находящиеся в категории наемных работников, имеют высокий потенциал возвращения, поскольку возможность найти работу и адаптироваться к новому рынку труда в России является одним из решающих факторов. Например, в СНГ для наемных работников средняя оценка репатриационного потенциала составила 3,1, что свидетельствует о достаточно высоком потенциале для возвращения, особенно в случае стабилизации ситуации на рынке труда.

В то же время самозанятые и предприниматели обычно демонстрируют умеренный репатриационный потенциал, что связано с необходимостью адаптироваться к новым условиям ведения бизнеса и правовым рамкам в Российской Федерации. В Содружестве Независимых Государств для самозанятых репатриационный потенциал составил 2,6, а для предпринимателей – 2,4.

Для рантье (людей, получающих пассивный доход) репатриационный потенциал зачастую низкий, поскольку их финансовая независимость снижает потребность в возвращении. В СНГ для рантье репатриационный потенциал составил 2,0, что подтверждает гипотезу о низком потенциале для возвращения среди этой группы.

Таблица 4

Репатриационный потенциал по социально-экономическому статусу и регионам, метод «регион через эксперта»

Table 4

Repatriation potential by socio-economic status and region, “region through expert” method

Регион	Наемные	Самозанятые	Предприниматели	Рантье	Учащиеся	Иждивенцы	Ищут работу	Не ищут работу
Страны СНГ (N=18)	3,1 (Me=3,0, SD=1,1)	2,6 (Me=2,0, SD=1,1)	2,4 (Me=2,5, SD=1,2)	2,0 (Me=2,0, SD=1,2)	3,2 (Me=3,0, SD=1,2)	1,9 (Me=2,0, SD=0,8)	3,2 (Me=3,5, SD=1,2)	2,1 (Me=2,0, SD=1,1)
Восточная Европа (N=5)	2,6 (Me=3,0, SD=0,9)	2,8 (Me=2,0, SD=1,6)	2,6 (Me=2,0, SD=1,3)	2,8 (Me=3,0, SD=1,5)	2,6 (Me=3,0, SD=1,1)	2,0 (Me=2,0, SD=0,7)	2,4 (Me=2,0, SD=1,1)	2,0 (Me=2,0, SD=1,2)
Западная Европа (N=4)	2,5 (Me=3,0, SD=1,0)	2,0 (Me=2,0, SD=0,8)	2,0 (Me=2,0, SD=0,8)	2,0 (Me=2,0, SD=0,8)	2,5 (Me=2,5, SD=1,3)	2,8 (Me=2,5, SD=1,0)	3,5 (Me=3,5, SD=0,6)	2,8 (Me=3,0, SD=1,3)
США и Канада (N=5)	4,2 (Me=5,0, SD=1,1)	3,4 (Me=4,0, SD=1,3)	3,8 (Me=4,0, SD=1,3)	3,2 (Me=3,0, SD=1,3)	3,4 (Me=3,0, SD=1,1)	3,0 (Me=3,0, SD=0,7)	4,2 (Me=4,0, SD=0,8)	3,0 (Me=3,0, SD=1,0)
Ближний Восток (N=3)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	4,3 (Me=4,0, SD=0,6)	3,0 (Me=4,0, SD=1,7)	3,7 (Me=3,0, SD=1,1)	3,0 (Me=3,0, SD=1,0)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	4,0 (Me=4,0, SD=1,0)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,6 (Me=4,0, SD=1,2)	3,1 (Me=2,0, SD=1,6)	3,2 (Me=3,0, SD=1,3)	2,6 (Me=2,0, SD=1,5)	2,9 (Me=2,0, SD=1,7)	3,0 (Me=3,0, SD=1,6)	3,9 (Me=4,0, SD=1,1)	3,0 (Me=3,0, SD=1,5)
Латинская Америка (N=3)	4,0 (Me=4,0, SD=1,0)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	4,3 (Me=5,0, SD=1,2)	3,3 (Me=4,0, SD=1,2)	2,7 (Me=2,0, SD=1,2)	4,3 (Me=4,0, SD=0,6)	4,0 (Me=4,0, SD=1,0)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Учащиеся и безработные мигранты, особенно те, кто активно ищут работу, демонстрируют высокий потенциал репатриации. К примеру, в США и Канаде для учащихся репатриационный потенциал составил 3,4, а для безработных, ищущих работу – 4,2, что говорит о высокой вероятности возвращения для этих групп, особенно в случае, если они смогут найти работу в России.

Безработные, не ищущие работу, имеют низкий потенциал для возвращения, так как они не заинтересованы в поиске стабильного дохода или не видят для себя возможностей для трудоустройства в России. В СНГ для не ищущих работу репатриационный потенциал был оценен на уровне 2,1.

Важную роль в формировании репатриационного потенциала мигрантов играет их социально-экономический статус. Мигранты, занятые в стабильных трудовых категориях (наемные работники, учащиеся и безработные, активно ищущие работу), имеют высокий потенциал возвращения, так как их профессиональные и образовательные траектории позволяют легко адаптироваться к российскому рынку труда. В то время как предприниматели, самозанятые и рантье характеризуются более низкими шансами на репатриацию вследствие экономических и правовых трудностей, связанных с ведением бизнеса в России.

5. Этнокультурная идентичность

Этнокультурная идентичность выступает одним из наиболее устойчивых факторов, определяющих различия в репатриационном потенциале. Даже при равных

других характеристиках – стаже проживания за рубежом, возрасте или социально-экономическом статусе – культурно-языковая близость к России заметно повышает вероятность возвращения. Владение русским языком, понимание культурных норм, традиций и социальных кодов снижает барьеры реинтеграции и делает процесс возвращения более предсказуемым и комфортным.

Табл. 5 отражает оценки репатриационного потенциала мигрантов в зависимости от их этнокультурной идентичности в разрезе регионов.

Таблица 5

Репатриационный потенциал по этнокультурной идентичности и регионам, метод «регион через эксперта»

Table 5

Repatriation potential based on ethnocultural identity and regions, “region through expert” method

Регион	Этнические русские	Русскоговорящие (не этнические русские)	Не связаны с русской культурой
Страны СНГ (N=18)	3,7 (Me=4,0, SD=1,1)	2,8 (Me=3,0, SD=1,2)	1,6 (Me=1,5, SD=0,7)
Восточная Европа (N=5)	3,4 (Me=4,0, SD=1,5)	2,4 (Me=2,0, SD=1,1)	1,2 (Me=1,0, SD=0,4)
Западная Европа (N=4)	3,0 (Me=3,5, SD=1,4)	2,5 (Me=2,0, SD=1,0)	1,5 (Me=1,0, SD=1,0)
США и Канада (N=5)	4,2 (Me=4,0, SD=0,4)	3,2 (Me=3,0, SD=0,8)	1,0 (Me=1,0, SD=0)
Ближний Восток (N=3)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	3,0 (Me=3,0, SD=1,0)	1,7 (Me=2,0, SD=0,6)
Юго-Восточная Азия (N=9)	4,0 (Me=4,0, SD=1,2)	2,9 (Me=2,0, SD=1,2)	2,7 (Me=3,0, SD=1,4)
Латинская Америка (N=3)	3,3 (Me=4,0, SD=2,1)	3,3 (Me=3,0, SD=1,5)	2,7 (Me=2,0, SD=2,1)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Результаты анализа демонстрируют ожидаемую закономерность: чем выше степень этнокультурной близости к России, тем выше репатриационный потенциал.

Во всех регионах этнические русские демонстрируют высокие или очень высокие оценки готовности к возвращению (в диапазоне от 3,0 до 4,2 балла). Особенно заметен этот эффект в США и Канаде (4,2) и Юго-Восточной Азии (4,0), где этническая идентичность компенсирует даже значительное территориальное и институциональное расстояние от России. В странах СНГ, где связи исторически и культурно глубже, потенциал также остается устойчиво высоким (3,7), что подтверждает важность языковой и культурной среды в сохранении связи с родиной.

Для категории русскоговорящих, не являющихся этническими русскими, значения в большинстве случаев варьируются в диапазоне 2,5–3,3, то есть соответствуют среднему уровню потенциала. Это указывает на наличие культурного капитала, но меньшую степень символической и идентификационной привязанности к России.

Наиболее низкие показатели наблюдаются среди тех, кто не связан с русской культурой. В большинстве регионов они оцениваются экспертами как очень низкие

(в диапазоне 1,0–1,7), что говорит о слабом интересе к возвращению и высокой вероятности долгосрочной интеграции в принимающих странах. Исключением частично выступают регионы с традиционно открытыми культурными системами – например, Юго-Восточная Азия и Латинская Америка, где даже среди несвязанных с Россией мигрантов фиксируются немного более высокие значения (2,7), что может отражать мягкие формы симпатии к России или наличие смешанных семейных связей.

Таким образом, этнокультурная идентичность остается одним из наиболее стабильных и сильных факторов, влияющих на репатриационный потенциал. Она формирует не только эмоционально-мотивационную базу, но и практические преимущества – знание языка, понимание норм, доверие к социальным институтам, что облегчает возвращение и повышает вероятность успешной реинтеграции.

Синтетическая связка результатов

Проведенный анализ позволяет рассматривать репатриационный потенциал не как простую сумму демографических и социальных признаков, а как результат динамического баланса между факторами удержания в стране проживания и факторами притяжения со стороны исторической родины. С одной стороны, действуют факторы удержания: чем дольше срок проживания за рубежом, прочнее трудовые позиции и «сложнее» семейная конфигурация, тем выше издержки смены жизненной траектории. С другой – этим силам противостоит ключевой фактор притяжения – этнокультурная и языковая близость, которая системно снижает неопределенность реинтеграции. Именно региональные контексты определяют конфигурацию этого баланса: в странах СНГ культурная близость поддерживает возможность возвращения в течение длительного времени, сохраняя потенциал даже для долгосрочных мигрантов, тогда как в Западной Европе или Северной Америке раннее включение в высокостабильные социально-экономические системы приводит к быстрому закреплению мигрантов, оставляя шанс на возвращение в основном у новоселов.

Оценки репатриационного потенциала на горизонтах 3 и 5 лет

В данном подразделе суммированы ожидания экспертов относительно динамики репатриационного потенциала в ближайшие 3 года и на пятилетнем горизонте. Использовалась пятибалльная шкала (1 – «очень низкие перспективы», 5 – «очень высокие перспективы»). В среднем трехлетний горизонт оценивается сдержанно: средний балл составил 2,2 ($Me=2,0$, $SD=0,8$), причем 63% экспертов дали оценки «2 и ниже», и лишь 3% – «4 и выше». На пятилетнем горизонте наблюдается разворот к осторожному оптимизму: средний балл равен 3,1 ($Me=3,0$, $SD=1,1$), 80% оценок – «3 и выше», а каждый третий эксперт (33%) дал оценку «4–5».

Это свидетельствует о формировании базового консенсуса: рост репатриационной активности ожидается умеренным в среднесрочной перспективе (5 лет), тогда как в краткосрочной (3 года) он оценивается как незначительный. Это объясняется тем, что в первые годы пребывания за рубежом попытки интегрироваться в новое общество обычно преобладают над желанием возвращения.

При этом у экспертов, специализирующихся на разных регионах, темпы роста ожиданий существенно различаются (см. табл. 6).

Таблица 6

**Репатриационный потенциал через 3 и 5 лет по регионам,
метод «регион через эксперта»**

Table 6

Repatriation potential in 3 and 5 years by region, “region through expert” method

Регион	Потенциал в ближайшие 3 года	Потенциал в ближайшие 5 лет
Страны СНГ (N=18)	1,8 (Me=2,0, SD=0,8)	2,7 (Me=3,0, SD=1,1)
Восточная Европа (N=5)	1,4 (Me=1,0, SD=0,5)	2,4 (Me=3,0, SD=1,3)
Западная Европа (N=4)	1,8 (Me=2,0, SD=0,5)	2,5 (Me=3,0, SD=1,0)
США и Канада (N=5)	2,4 (Me=2,0, SD=0,5)	3,6 (Me=3,0, SD=0,9)
Ближний Восток (N=3)	3,0 (Me=3,0, SD=0)	3,7 (Me=4,0, SD=0,6)
Юго-Восточная Азия (N=9)	2,4 (Me=2,0, SD=0,9)	3,2 (Me=3,0, SD=1,1)
Латинская Америка (N=3)	2,3 (Me=2,0, SD=0,6)	3,3 (Me=3,0, SD=0,6)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Так, например, для Ближнего Востока характерны наиболее высокие и стабильно растущие оценки, что может быть связано с особенностями трудовой миграции в этот регион, не предполагающей долгосрочной интеграции. В то же время, для США и Канады отмечается один из самых значительных скачков оптимизма от 3-х к 5-летнему горизонту, что, вероятно, отражает гипотезу экспертов о накоплении «миграционной усталости» и ностальгических настроений у русскоязычной диаспоры со временем.

Открытые ответы экспертов дополняют и конкретизируют эти количественные оценки. В краткосрочном горизонте преобладают сдерживающие аргументы, объясняющие невысокий средний балл. Часть экспертов прямо указывает на высокую стоимость и сложность «обратной» интеграции, включая экономические и межкультурные барьеры, а также на внешние геополитические риски.

На этом фоне оптимизм в оценках на 5-летний горизонт выглядит условным – он опирается на ожидание определенных реформ и целевых мер, которые, по мнению экспертов, способны раскрыть существующий потенциал. В числе таких «опорных» мер регулярно упоминаются:

- административные (упрощение и цифровизация процедур; «решительное устранение всех бюрократических и коррупционных барьеров»);
- социально-экономические (создание карьерных «мостов» и программ жилищной поддержки);
- образовательные (создание привлекательных образовательных траекторий; «получение образования в российских вузах – гражданство РФ»);
- институциональные (адаптация успешного международного опыта; например, программ репатриации в Израиле, Германии, Южной Корее).

Эти предложения формируют практический механизм, объясняющий, почему пятилетний горизонт закономерно оценивается выше. Программы поддержки требуют времени на разработку, запуск и – что наиболее важно – на накопление

доверия у целевых групп мигрантов. Именно на пятилетнем горизонте совокупный эффект от таких мер становится статистически заметным.

В совокупности перспективные оценки складываются в прозрачную логику. Ближайшие 3 года – это период точечного возвращения самых мобильных групп (молодежь, учащиеся, одинокие специалисты), прежде всего из тех регионов, где степень их интеграции еще невелика. Пятилетний горизонт – это окно возможностей, в течение которого, при условии целенаправленной политики, к возвращению могут начать склоняться более «сложные» категории (часть семей с детьми, квалифицированные специалисты среднего возраста). Именно поэтому у подавляющего большинства экспертов (77%) пятилетняя перспектива оценивается выше трехлетней. Таким образом, растущий «градиент оптимизма» от 3 к 5 годам является агрегированным эффектом, объединяющим влияние структурных факторов (стаж, возраст, семья) и потенциал целенаправленных управленческих решений.

Отдельного внимания заслуживает категория семей с детьми из стран постсоветского пространства. Исторически именно эта группа обладала высоким потенциалом репатриации, поскольку ключевым миграционным мотивом в 1990-х гг. была забота о будущем детей. Этот глубинный мотив, связанный с образованием, безопасностью и культурной идентичностью, продолжает действовать. В современных условиях он может удерживать от возвращения семьи из стран с высокой социальной стабильностью, но, в то же время, выступать мощным «выталкивающим» фактором для семей из менее безопасных государств. Это исторически обусловленное влияние фактора детей не противоречит выявленной в исследовании общей закономерности, согласно которой семьи с детьми сталкиваются с высокими издержками переезда, а лишь подчеркивает сложность и многомерность репатриационных решений для данной категории.

Заключение

На основе проведенного экспертного анализа можно сделать следующие выводы. Репатриационный потенциал России представляет собой сложный, многомерный феномен, структура которого определяется динамическим взаимодействием пяти ключевых измерений: продолжительности проживания за рубежом, возраста, семейного положения, социально-экономического статуса и этнокультурной идентичности. Доказано, что наибольшей готовностью к возвращению обладают мигранты, недавно покинувшие страну, представители молодых и средних возрастных групп, одинокие лица и семьи без детей, а также наемные работники, учащиеся и безработные, активно ищущие работу. Наиболее устойчивым фактором, системно повышающим вероятность репатриации во всех региональных контекстах, является этнокультурная и языковая близость к России.

Региональный анализ выявил значительную дифференциацию потенциала. Страны СНГ остаются его основным источником благодаря сохраняющимся тесным историческим, культурным и социальным связям, которые создают «длинный» канал возврата, то есть сохраняют возможность репатриации даже для тех, кто прожил за рубежом много лет. В то же время, в таких регионах, как Западная Европа и Северная Америка, наблюдается эффект быстрого «закрепления» мигрантов

Сведения об авторах

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1304-3715](https://orcid.org/0000-0003-1304-3715); РИНЦ SPIN-код: [6059-0372](https://elibrary.ru/6059-0372); Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](https://orcid.org/H-9920-2016); Scopus Author ID: [57202602806](https://orcid.org/57202602806).

Субботин Александр Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0001-5016-0473](https://orcid.org/0000-0001-5016-0473); РИНЦ SPIN-код: [1124-8020](https://elibrary.ru/1124-8020); Web of Science Researcher ID: [AAG-6149-2021](https://orcid.org/AAG-6149-2021); Scopus Author ID: [57204652931](https://orcid.org/57204652931).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № [24-28-01328](https://elibrary.ru/24-28-01328) «Репатриационный потенциал России в зарубежных странах: оценка масштабов».

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; принята в печать 01.12.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RUSSIA'S REPATRIATION POTENTIAL: AN ANALYSIS OF EXPERT ASSESSMENTS

Olga D. Vorobyova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: 89166130069@mail.ru

Alexander A. Subbotin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

For citation: Vorobyova, O. D., Subbotin, A. A. Russia's Repatriation potential: An Analysis of Expert Assessments. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 8–24. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1). (In Russ.)

Abstract. This article presents the results of a synthesis and analysis of expert opinions on migration, obtained through a survey concerning Russia's repatriation potential. The relevance of the study is determined by demographic challenges associated with natural population decline and the need to replenish human capital, including through the attraction and return of repatriates. The study employs a novel approach to evaluating repatriation potential, based upon the classification of migrants according to categories reflecting their likelihood of return. This approach enabled the identification of distinctive features and variations in repatriation intentions, depending on the region of residence, socio-demographic characteristics, and cultural-identification factors. The findings indicate that the intentions to return are shaped by a complex set of interrelated conditions. Regardless of region, age and family configuration emerge as the key moderators: the highest repatriation potential is observed among young and middle-aged individuals, singles, and childless families. In terms of socio-economic status, the categories with the highest return potential comprise employees, students, and actively job-seeking individuals, whereas the return of entrepreneurs necessitates the creation of specific conditions. Groups weakly engaged in employment and educational channels exhibit minimal readiness for repatriation. Ethno-cultural and linguistic proximity systematically increases the likelihood of return across all regional contexts, thereby confirming the significance of cultural identity as a factor supporting repatriation intentions.

Keywords: repatriation potential, migration processes, migration potential, migration policy, return migration, compatriots, factors of repatriation, human capital

References

1. Cohen, R. *Global Diasporas: An Introduction*. London : Routledge, 2008. 240 p. ISBN 978-0-20392-894-3. DOI [10.4324/9780203928943](https://doi.org/10.4324/9780203928943).

2. Constant, A. F., Zimmermann, K. F. Diaspora Economics: New Perspectives. *International Journal of Manpower*. 2016. Vol. 37, No. 7. Pp. 1–28. DOI [10.2139/ssrn.2830927](https://doi.org/10.2139/ssrn.2830927).
3. Grishanova, A. G., Kozhevnikova, N. I. Migration Potential: Theoretical Aspects. *Population*. 2016. No. 1–1 (71–1). 2016. Pp. 42–51. EDN [VWEUGB](https://www.edn.ru/VWEUGB). (In Russ.).
4. Vorobieva, O. D., Subbotin, A. A., Mishchuk, S. N. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17, No. 5. Pp. 219–231. DOI [10.15838/esc.2024.5.95.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12).
5. Cassarino, J.-P. Theorising Return Migration: A Revisited Conceptual Approach to Return Migrants. *Journal on Multicultural Societies*. 2004. Vol. 6, No. 2. Pp. 253–279.
6. Zayonchkovskaya, Zh. A. *Rossiya: migratsiya v raznom masshtabe vremeni [Russia: Migration on Different Time Scales]*. Moscow : Adamant Publ., 1999. 68 p. (In Russ.).
7. Grishanova, A. G., Kozhevnikova, N. I., Rybakovsky, L. L. *Migratsionnyy potentsial Rossii v novom zarubezh'ye [Russia's Migration Potential in the New Abroad]*. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2016. 183 p. ISBN 978-5-9908933-4-4. (In Russ.).
8. Rybakovsky, L. L., Savinkov, V. I., Kozhevnikova, N. I. Criteria for Migration Potential. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2016. No. 3. Pp. 33–37. (In Russ.).
9. Rybakovsky, L. L. *Rossiya i novoye zarubezh'ye: migratsionnyy obmen i yego vliyaniye na demograficheskuyu dinamiku [Russia and the New Abroad: Migration Exchange and Its Impact on Demographic Dynamics]*. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow : Institute of Socio-Political Research RAS Publ., 1996. 55 p. (In Russ.).
10. Iontsev, V. A. *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya [International Population Migration: Theory and History of Study]*. Moscow : Dialog-MSU Publ., 1999. 317 p. (In Russ.).
11. Vishnevsky, A. G. Raspad SSSR: etnicheskiye migratsii i problema diaspor [The Collapse of the USSR: Ethnic Migrations and the Problem of Diasporas]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*. 2000. No. 3. Pp. 115–130. (In Russ.).
12. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Khramova, M. N. Return Migration of Compatriots to Russia: Is there a Migration Potential? *Population*. 2015. No. 2 (68). Pp. 64–73. (In Russ.).
13. Subbotin, A. A. Approaches to Assessing Russia's Migration Potential. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 176–192. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11). (In Russ.).

Bio notes

Olga D. Vorobyeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1304-3715](https://orcid.org/0000-0003-1304-3715); RSCI SPIN-code: [6059-0372](https://www.scopus.com/authid/detail/authid?href=06059-0372); Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](https://orcid.org/H-9920-2016); Scopus Author ID: [57202602806](https://orcid.org/57202602806).

Alexander A. Subbotin, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0001-5016-0473](https://orcid.org/0000-0001-5016-0473); RSCI SPIN-code: [1124-8020](https://www.scopus.com/authid/detail/authid?href=1124-8020); Web of Science Researcher ID: [AAG-6149-2021](https://orcid.org/AAG-6149-2021); Scopus Author ID: [57204652931](https://orcid.org/57204652931).

Acknowledgments and financing

The reported study was funded by RSF according to the research project No. [24-28-01328](https://orcid.org/24-28-01328) “Russia's repatriation potential in foreign countries: assessing the scale”.

Received on 01.10.2025; accepted for publication on 01.12.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.2)EDN [CAEYNH](https://www.edn.ru/CAEYNH)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ОЦЕНКИ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Доброхлеб В. Г.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: vdobrokhleb@mail.ru*

Для цитирования: Доброхлеб, В. Г. Этнодемографический метод оценки людских потерь во время войны // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 25–32. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.2). EDN [CAEYNH](https://www.edn.ru/CAEYNH).

Аннотация. В условиях обостряющихся внешнеэкономических вызовов, в ряде случаев переходящих в военное противостояние, все более актуальными становятся работы в области анализа демографических потерь в ходе современных военных конфликтов. Основной целью настоящего исследования является оценка вклада выдающегося исследователя Л. Л. Рыбаковского в изучение демографических потерь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в разработку направлений по использованию этнодемографического метода в целях укрепления демографической безопасности Российской Федерации. Население стран-участниц Второй мировой войны оказало значительное влияние на исход конфликта, что делает демографический анализ ключевым инструментом для понимания факторов, определивших ход и результаты военных действий. Методологический подход Л. Л. Рыбаковского, основанный на оценке этнодемографических потерь, позволил провести комплексный анализ изменений численности и половозрастной структуры населения в условиях военного и послевоенного времени. Война привела к существенным демографическим трансформациям, включая снижение общей численности населения, диспропорции в половом составе и миграционных процессах, вызванных вынужденным перемещением населения. Эти изменения требуют тщательного изучения и осмысления с точки зрения их влияния на долгосрочное развитие общества. Новизна данного исследования позволяет восполнить пробел в научном знании, затрагивающий обзор методологии Л. Л. Рыбаковского по демографическим последствиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. для России, а также направлений по использованию этнодемографического метода для анализа демографических изменений в ходе современных военных столкновений как на макро-, так и на мезоуровнях в целях укрепления национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: метод оценки людских потерь, война, этнонациональный фактор, Л. Л. Рыбаковский, методология демографии, историческая демография

Введение

Наше демографическое будущее будет определяться не только обычными демографическими факторами: рождаемостью, смертностью, миграцией. Оно также будет формироваться под влиянием общественных факторов, которые воздействуют на социальное положение людей [1]. Отечественные исследователи, опираясь на опыт зарубежных ученых, отмечают, что динамика и современное состояние этнодемографических характеристик населения может рассматриваться, с одной стороны, как некий итог выполнения государственной стратегии и демографической политики, а с другой – становится основой перемен, идущих в различных сферах жизнедеятельности людей: экономической, социальной, политической [2].

В современных условиях обострения геополитических противоречий и расширения военных конфликтов растет актуальность анализа их демографической составляющей. Эти исследования важны, во-первых, для оценки военных потерь, как на уровне страны, так и в разрезе ее регионов, а во-вторых, они необходимы

для своевременной разработки мер и программ по преодолению демографических потерь, в том числе с учетом этнонационального фактора.

Результаты и обсуждение

Российский ученый и военачальник А. Е. Снесарев еще в 1930 г. в своем крупнейшем труде «Философия войны» писал: «Философия войны – наука чистая и пытается отвечать на вопрос: почему и зачем воюют». Далее он отмечал, что война – это огромное и глубоко драматическое явление в мировой истории, и от нее не представляется возможности избавиться в ближайшей перспективе. В книге приводятся сведения более чем за пять тысячелетий истории цивилизации, показывающие, что за этот период война вспыхивала примерно пятнадцать тысяч раз [3].

Профессор О. А. Бельков в статье «Война как явление и понятие» предлагает четыре тезиса, связанные с войной, а именно:

- широко распространенное явление человеческой истории;
- настоящий хамелеон, «меняется явление, а не сущность», автор выделяет сущности разного порядка;
- сегодня распространено «расширительное толкование войны»;
- попытки пересмотра дефиниции «война» обуславливают новые вызовы в практике политических отношений.

При этом прошедший XX в. отмечен самыми значительными военными катастрофами [4].

В настоящее время меняются теоретические представления о типах войны в XX – начале XXI вв. Особый интерес в этом плане представляет исследование, проведенное Н. В. Илиевским, результаты которого в текущем году опубликованы в статье со знаковым названием «К вопросу об эволюции феномена войны: история и современность» [5]. По мнению ученого, в настоящее время идет «глобальная война XX–XXI вв.». В связи с чем Первую и Вторую мировые войны, холодную войну, а кроме того, современные процессы, которые автор считает всеобщей гибридной войной, следует рассматривать не отдельно, как принято в настоящее время, а «как части единого процесса», который длится более века, и пока не ясны сроки его завершения. В подтверждение своего вывода Н. В. Илиевский приводит аналогию со Столетней войной между Англией и Францией (1337–1453 гг.), которая по длительности составила 116 лет. Вместе с тем глобальная война двух последних столетий и текущая всеобщая гибридная война являются инструментом преодоления цивилизационных противоречий, в том числе обусловленных переходом к новому технологическому укладу.

В ходе военных конфликтов человеческие ресурсы являются существенным фактором, определяющим силы противников. Людские потери в период войн определяют их дальнейшую демографическую динамику. Одними из наиболее интересных методологических инструментов в оценке военных потерь стали разработки Л. Л. Рыбаковского по анализу влияния войны на состояние воспроизводства населения России, понимания взаимосвязи между замещением поколений и геополитическими перспективами страны. Как правило, вклад в теоретическое знание в области демографии, который внес Л. Л. Рыбаковский, ассоциируется с миграционными исследованиями. Это действительно важнейшая область его анализа. Кроме

того, существенный теоретический вклад Леонида Леонидовича связан также с его работами, которые касались рассмотрения демографических потерь СССР в годы Великой Отечественной войны и анализа репрессий 30-х годов XX века. Необходимо подчеркнуть, что исследователь комплексно рассматривал безопасность РФ, включая ее демографическую составляющую. Его научный интерес к данной теме возник еще в начале текущего века, когда он опубликовал две статьи в журнале «Социологические исследования» [6; 7]. Наиболее значимые результаты демографических последствий Великой Отечественной войны отражены в его монографиях «Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне» [8; 9] и «Великая Отечественная: Особенности. Людские потери. Факторы победы» [10]. Эти публикации представляют собой фундаментальные научные труды, основанные на анализе обширного массива данных и методологически обоснованных подходах к демографическому анализу. Они позволяют глубже понять масштабы демографических потерь, вызванных войной, и выявить ключевые факторы, повлиявшие на демографическую динамику в послевоенный период.

Л. Л. Рыбаковский предложил этнодемографический метод для оценки потерь населения в отдельных регионах государства или страны в исторической ретроспективе. Такой подход, в отличие от традиционных методов прямого счета и балансового анализа, предоставляет более точную и достоверную информацию. Этнодемографический метод учитывает потери государствообразующих этнических групп, что позволяет нивелировать влияние миграционных процессов и существенно упростить аналитические расчеты. Следовательно, данный подход является важным инструментом для детального и объективного анализа демографических изменений в контексте исторических событий.

Применение этнодемографического метода дает возможность получать оценки человеческих потерь по каждому из основных этносов и их распределению по регионам страны, выявлять существенные факторы, ведущие к переменам этнического состава населения регионов. Понимание изменений этнического состава и численности этносов, в том числе в региональном разрезе, позволяет прогнозировать динамику этноструктуры с учетом выявленных потерь. При этом на надежность этнодемографического анализа могут оказывать влияние такие факторы, как достоверность данных переписей и текущего учета населения, а также уровень знания этнографических особенностей населения регионов.

Демографические потери Советского Союза в период Великой Отечественной войны оцениваются приблизительно в 25–27 млн человек, что составляет 97–98% от общего числа потерь антигитлеровской коалиции, достигшего 27 645 тыс. человек [10, с. 102]. Эти цифры подчеркивают масштаб человеческого ущерба, нанесенного СССР в ходе войны, и демонстрируют его исключительное положение среди стран-участниц коалиции.

Потери Советского Союза, оценивающиеся в 14% от общей численности населения страны на момент начала войны, существенным образом повлияли на последствия для демографической структуры государства. Для сравнения: потери Соединенных Штатов составили 0,2% от их населения, а Британской империи – 0,1% [10, с. 184–185]. Это показывает значительную разницу в масштабах демографических потрясений между различными участниками антигитлеровской коалиции.

Этнодемографический анализ, предложенный профессором Л. Л. Рыбаковским, позволяет сделать вывод о значительных людских потерях, понесенных РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Согласно проведенным расчетам, совокупные прямые потери равны приблизительно 13,2 млн человек, из которых 5,8 млн приходились на военнослужащих, а 7,4 млн – на гражданское население. Мало того, ученый выделил косвенные демографические потери, обусловленные снижением рождаемости вследствие войны, оценив их в размере около 7 млн нерожденных детей. В результате военных действий население РСФСР сократилось на 12%, составив 97,6 млн человек к концу войны. Особенно пострадали наиболее уязвимые демографические группы: дети и подростки, чья численность уменьшилась на 22%. Мужчины трудоспособного возраста потеряли 20% своего состава. Среди пожилых мужчин до Победы не дожили 14%. Приведенные данные свидетельствуют о масштабном демографическом кризисе, вызванном войной, который оказал долгосрочное влияние на демографическую структуру и социально-экономическое развитие страны [10; 11].

Л. Л. Рыбаковский убедительно аргументировал, что исход Второй мировой войны был предопределен совокупностью пяти основных факторов. Из них три он относил к внутренним факторам, которые для Победы имели ключевое значение. Среди них, во-первых, он подчеркивал значимость природно-географических характеристик Советского Союза, включая его обширную территорию и суровый климатический режим, которые оказывали существенное влияние на стратегическое планирование и логистику. Во-вторых, акцентировал внимание на социалистическом устройстве государства, которое способствовало консолидации ресурсов и мобилизации населения на фронт. Наконец, выделял массовый героизм и самоотверженность советского народа, вдохновленного коммунистическими идеалами и традиционными ценностями, что играло решающую роль в достижении Победы [10, с. 234].

Демографические последствия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. характеризуются значительным сокращением численности населения, обусловленным совокупным воздействием нескольких факторов: высокой смертности в результате боевых действий, санитарных потерь, истощения человеческого потенциала вследствие голодания и экстремальных условий труда. Все вышеперечисленные причины в совокупности привели к существенному демографическому спаду, который оказал долгосрочное влияние на демографическую структуру и социально-экономическое развитие страны. По мнению исследователей, это обусловило третью волну демографического кризиса, пришедшуюся на данный период. Ученые расходятся в количественных оценках потерь, называют цифру в 25–27 млн человек, а разброс в оценках потерь составляет от 7 до 46 млн человек. Снижение численности населения России в Великой Отечественной войне составило 48% от всех потерь Советского Союза, в том числе: 6,75 млн безвозвратные потери военнослужащих (убитые) и 7,2 млн мирные жители, умершие в ходе боевых действий на территории оккупации, в тыловых районах и концентрационных лагерях. Как отмечено выше, Росстат оценивал население РСФСР на момент 1946 г. в 97 млн 457 тыс. человек [12].

В результате войны произошло значительное изменение соотношения полов. В 1946 г. число женщин в общей численности населения на 33,9% превышало

численность мужчин, что, по мнению В. А. Борисова, является уникальным феноменом в демографической истории [13]. Нарушение баланса полов привело к возникновению ряда демографических и социальных проблем, которые требовали длительного времени для нивелирования. Впоследствии структура населения постепенно восстанавливалась, однако в 1990-е гг. этот процесс был вновь нарушен вследствие высокой смертности среди мужского населения. К 2023 г. гендерное соотношение продолжало демонстрировать дисбаланс: количество женщин превышало численность мужчин на 13,3%¹.

Период войны и послевоенные годы вплоть до середины 1950-х гг. характеризуются интенсивной экономической мобилизацией женщин, что стало катализатором формирования этакратического контракта «работающая мать». В рамках такого контракта на плечи женщин помимо обязанностей материнства и профессиональной деятельности легла дополнительная нагрузка в виде исполнения роли домашнего обслуживающего персонала. Российские исследователи отмечают, что «двойная нагрузка», обусловленная необходимостью совмещать профессиональные обязанности с домашними делами, существенно дискредитировала процессы эмансипации женщин, способствуя усилению патриархатных отношений [14]. Данный феномен, как считают эксперты, оказал глубокое влияние на социальную структуру и гендерные роли в советском обществе того времени.

Демографические потери России в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. не были напрасными. Как известно, именно Победа СССР в войне во многом определила лицо послевоенного мира, позволила нашей стране в течение более семидесяти лет вести мирную жизнь, добиться значительных успехов в науке, технологиях, включая выход первого человека в космос, и многих других. Уроки Победы требуют дальнейшего углубленного научного анализа.

Заключение

Потери в современных военных конфликтах являются одним из внешних факторов влияния на демографическую, в том числе на этнонациональную динамику населения. Анализ демографических итогов и последствий для дальнейшего воспроизводства поколений в России в условиях демографического старения выдвигает демографическую составляющую в число важнейших факторов национальной безопасности страны. Л. Л. Рыбаковский четко сформулировал сущность демографической безопасности, состоящей в жестком противодействии депопуляции с учетом внутренних и внешних угроз [15]. Для успешного применения этнодемографического анализа людских потерь в ходе современных военных конфликтов необходим их четко организованный учет среди военнослужащих и мирного населения, с возможно более полным перечнем причин смерти и факторов, которые привели к необратимым последствиям, желательно с определением не только пола и возраста, этнической принадлежности, образования, но и с указанием профессиональной принадлежности и др.

¹ World Population Prospects 2024 // UN DESA Population Division : [site]. URL : <https://population.un.org/wpp/downloads?folder=Standard%20Projections&group=Population> (accessed on 15.08.2025).

Современный вызов для Российской Федерации заключается в необходимости консолидации усилий социума, направленных на обеспечение устойчивого уровня национальной безопасности, включая поддержание демографической стабильности и гармонизацию этнонациональных отношений. Социологи отмечают, что в условиях социальных кризисов значимость этничности повышается, т. к. она помогает устойчиво поддерживать «чувство безопасности» [16]. По результатам опроса ВЦИОМ, проведенного ко Дню народного единства в конце октября 2025 г., 60% респондентов указали на то, что сильной стороной нашей страны является ее многонациональность, 9% не согласны с этим, и еще 23% не смогли ответить. По мнению академика РАН В. А. Тишкова, в научной повестке задачей остается вопрос аргументированного доказательства того, что этническое многообразие и культурное многоцветие становятся все более востребованным ресурсом для успешной реализации, как отдельного человека, так и страны в целом и ее регионов в частности [17].

Реализация вышеуказанной задачи предполагает комплексный подход, включающий междисциплинарные исследования, стратегическое планирование и активное взаимодействие различных институтов гражданского общества.

Список литературы

1. *Alba, R.* What Majority-Minority Society? A Critical Analysis of the Census Bureau's Projections of America's Demographic Future // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. 2018. Vol. 4, № 1. Pp. 1–10. DOI [10.1177/2378023118796932](https://doi.org/10.1177/2378023118796932).
2. *Рязанцев, С. В.* Этнодемографическая структура иммиграции в Россию: возможности статистического анализа / С. В. Рязанцев, С. Н. Мишук, Т. Р. Мирязов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 3. С. 134–153. DOI [10.15838/esc.2022.3.81.7](https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.7). EDN [HYZDDW](https://www.edn.ru/HYZDDW).
3. *Снесарев, А. Е.* Философия войны. Москва : Финансовый контроль, 2003. 288 с. ISBN 5-902048-05-2. EDN [QWFAHJ](https://www.edn.ru/QWFAHJ).
4. *Бельков, О.А.* Война как явление и понятие // *Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия: Философия*. 2024. Т. 6, № 1. С. 63–70. DOI [10.17673/vsgtu-phil.2024.1.9](https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.9). EDN [LRBPZF](https://www.edn.ru/LRBPZF).
5. *Илиевский, Н. В.* К вопросу об эволюции феномена войны: история и современность // *Наука. Общество. Оборона*. 2025. Т. 13, № 3(44). С. 17–25. DOI [10.24412/2311-1763-2025-3-17-25](https://doi.org/10.24412/2311-1763-2025-3-17-25). EDN [FPTUYF](https://www.edn.ru/FPTUYF).
6. *Рыбаковский, Л. Л.* Людские потери СССР в Великой Отечественной войне // *Социологические исследования*. 2000. № 8. С. 89–97.
7. *Рыбаковский, Л. Л.* Великая Отечественная: людские потери России // *Социологические исследования*. 2001. № 6. С. 85–95.
8. *Рыбаковский, Л. Л.* Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. Москва : Каталог, 2001. 192 с.
9. *Рыбаковский, Л. Л.* Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. Москва : Экон-Информ, 2010. 140 с. ISBN 978-5-9506-0520-8. EDN [QPPADP](https://www.edn.ru/QPPADP).
10. *Рыбаковский, Л. Л.* Великая Отечественная: Особенности. Людские потери. Факторы победы. Москва : Экон-Информ, 2020. 251 с. ISBN 978-5-907233-69-0. EDN [LKZBOU](https://www.edn.ru/LKZBOU).
11. *Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник : Стат. сб. / Росстат.* Москва, 2015. 190 с. ISBN 978-5-89476-398-9.
12. *Григоренко, Я. А.* Демографический кризис в Российской Федерации // *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 27–28 апреля 2020 года*. Т. 1. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. С. 270–275. EDN [VQMYVT](https://www.edn.ru/VQMYVT).

13. Борисов, В. А. Демография. Москва : ИД Notabene, 1999, 2001. 272 с. ISBN 5-8188-0016-4.
14. Посадская, А. И. Как мы решаем женский вопрос / А. И. Посадская, Н. М. Римащевская, Н. К. Захарова // Народонаселение. 2002. № 1 (15).
15. Рыбаковский, Л. Л. Демографическая безопасность // Безопасность Евразии : журнал личной, национальной и коллективной безопасности. 2003. № 3. С. 124–156.
16. Рыжова, С. В. К 90-летию со дня рождения Леонаиды Михайловны Дробизевой (1933–2021). Этносоциологическая школа Л. М. Дробизевой: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 1. С. 36–54. DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.2). EDN [DZDDQP](https://www.edn.ru/entry/10.19181/socjour.2023.29.1.2).
17. Тишков, В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. DOI [10.31857/S0869541523040085](https://doi.org/10.31857/S0869541523040085). EDN [HJKIZH](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S0869541523040085).

Сведения об авторе

Доброхлеб Валентина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4864-8231](https://orcid.org/0000-0002-4864-8231); РИНЦ SPIN-код: [6419-6611](https://elibrary.ru/authors/64196611); Web of Science Researcher ID: [B-1337-2017](https://orcid.org/0000-0002-4864-8231); Scopus Author ID: [57193690883](https://orcid.org/0000-0002-4864-8231).

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; принята в печать 17.11.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ETHNODEMOGRAPHIC METHOD OF ASSESSING WAR-RELATED HUMAN LOSSES

Valentina G. Dobrokhleb

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

For citation: Dobrokhleb, V. G. Ethnodemographic Method of Assessing War-Related Human Losses. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 25–32. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.2). (In Russ.)

Abstract. In the context of increasing foreign economic challenges that in some cases lead to military confrontations, research into analyzing demographic losses during recent military conflicts has become increasingly important. The main goal of this study is to evaluate the contribution of prominent researcher L. L. Rybakovsky in studying demographic losses during World War II, as well as develop strategies for using the ethnodemographic approach to strengthen Russia's demographic security. The populations of countries involved in World War II significantly influenced the outcome of the war, making demographic analysis an essential tool for understanding factors that shaped the course and outcomes of military actions. L. L. Rybakovsky's approach based on assessing ethnodemographics allowed for a comprehensive examination of changes in population size, age, and gender structure during wartime and postwar periods. The war resulted in significant demographic shifts, including population decline, gender imbalances, and migration caused by forced displacement. These transformations require careful analysis and understanding of their long-term effects on society. This study's novelty fills a gap in knowledge about L. L. Rybakovsky's methodology for examining the demographic effects of World War II on Russia and the use of ethnic demographic methods to analyze changes in populations during contemporary conflicts at both macro- and mesolevel to enhance Russia's national security.

Keywords: method of assessing human losses, war, ethnonational factor, L. L. Rybakovsky, demography methodology, historical demography

References

1. Alba, R. What Majority-Minority Society? A Critical Analysis of the Census Bureau's Projections of America's Demographic Future. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. 2018. Vol. 4, No. 1. Pp. 1–10. DOI [10.1177/2378023118796932](https://doi.org/10.1177/2378023118796932).

2. Ryazantsev, S. V. Mishchuk, S. N., Miryazov, T. R. Ethnodemographic Structure of Immigration to Russia: Possibilities of Statistical Analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. Vol. 15, No. 3. Pp. 134–153. DOI [10.15838/esc.2022.3.81.7](https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.7). (In Russ.).
3. Snesev, A. E. *Filosofiya voyni [Philosophy of War]*. Moscow : Financial Control, 2013. 288 p. ISBN 978-5-4493-0105-5. (In Russ.).
4. Belkov, O. A. War as a Phenomenon and Concept. *Vestnik of Samara State Technical University. Series "Philosophy"*. 2024. Vol. 6, No. 1. Pp. 63–70 DOI [10.17673/vsgtu-phil.2024.1.9](https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.9). (In Russ.).
5. Ilievskij, N. V. K voprosu ob evolyutsii fenomena voyny: istoriya i sovremennost' [On the evolution of the phenomenon of war: history and modernity]. *Science. Society. Defense*. 2025. Vol. 13, No. 3 (44). Pp. 17–25. DOI [10.24412/2311-1763-2025-3-17-25](https://doi.org/10.24412/2311-1763-2025-3-17-25). (In Russ.).
6. Rybakovskiy, L. L. Lyudskiye poteri SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human losses of the USSR in the Great Patriotic War]. *Sociological Studies*. 2000. No. 8. Pp. 89–97. (In Russ.).
7. Rybakovskiy, L. L. Velikaya Otechestvennaya: lyudskiye poteri Rossii [The Great Patriotic War: Russia's Human Losses]. *Sociological Studies*. 2001. No. 6. Pp. 85–95 (In Russ.).
8. Rybakovskiy, L. L. *Lyudskiye poteri SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human losses of the USSR in the Great Patriotic War]*. Moscow : Catalog Publ., 2001. 192 p. (In Russ.).
9. Rybakovskiy, L. L. *Lyudskiye poteri SSSR i Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War]*. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2010. 140 p. ISBN 978-5-9506-0520-8. (In Russ.).
10. Rybakovskiy, L. L. *Velikaya Otechestvennaya: Osobennosti. Lyudskiye poteri. Faktory pobedy [The Great Patriotic War: Features. Human Losses. Factors of Victory]*. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2020. 251 p. ISBN 978-5-907233-69-0. (In Russ.).
11. *Velikaya Otechestvennaya voyna. Yubileyny statisticheskiy sbornik [The Great Patriotic War. Anniversary statistical collection]* : Statistical collection / Rosstat. Moscow, 2015. 190 p. ISBN 978-5-89476-3989. (In Russ.).
12. Grigorenko, Ya. A. Demographic Crisis in the Russian Federation. *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchestvennykh institutov i territoriy [Development strategies for social communities, institutions and territories]*: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 27–28, 2020. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 2020. Pp. 270–275. (In Russ.).
13. Borisov, V. A. *Demografiya [Demography]*. Moscow : Publishing House No-tabene, 1999, 2001. 272 p. ISBN 5-8188-0016-4. (In Russ.).
14. Posadskaya, A. I., Rimashevskaya, N. M., Zaharova, N. K. Kak my reshayem zhenskiy vopros [How we solve the women's issue]. *Population*. 2002. No. 1 (15). (In Russ.).
15. Rybakovskiy, L. L. Demograficheskaya bezopasnost' [Demographic security]. *Zhurnal lichnoy, natsional'noy i kollektivnoy bezopasnosti [Journal of personal, national and collective security]*. 2003. No. 3. Pp. 124–156. (In Russ.).
16. Ryzhova, S.V. On the 90th Anniversary of Leokadia M. Drobizheva (1933–2021). The Ethnosociological School of L. Drobizheva: Developing Approaches Towards the Study of All-Russian Identity. *Sociological Journal*. 2023. Vol. 29, No. 1. Pp. 36–54. DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.2). (In Russ.).
17. Tishkov, V. A. Counting the Peoples or Deconstructing Population Censuses. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2023. No. 4. Pp. 183–211. DOI [10.31857/S0869541523040085](https://doi.org/10.31857/S0869541523040085). (In Russ.).

Bio note

Valentina G. Dobrokhleb, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4864-8231](https://orcid.org/0000-0002-4864-8231); RSCI SPIN-code: [6419-6611](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=6419-6611); Web of Science Researcher ID: [B-1337-2017](https://orcid.org/B-1337-2017); Scopus Author ID: [57193690883](https://orcid.org/57193690883).

Received on 15.09.2025; accepted for publication on 17.11.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.3)EDN [BSSCBD](#)

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ФОРМИРОВАНИЕ «МОДЫ» МОЛОДОГО РОДИТЕЛЬСТВА В МЕДИАСРЕДЕ

Камарова Т. А.

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия
E-mail: kta@usue.ru

Тонких Н. В.

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия
E-mail: tonkihnv@usue.ru

Вербенская А. В.

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия
E-mail: a.v.verbenskaya1@usue.ru

Для цитирования: Камарова, Т. А. Репродуктивные установки современной молодежи: формирование «моды» молодого родительства в медиасреде / Т. А. Камарова, Н. В. Тонких, А. В. Вербенская // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 33–55. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.3). EDN [BSSCBD](#).

Аннотация. В статье исследуются репродуктивные установки молодежи в возрасте от 20 до 30 лет в контексте планирования рождения детей и восприятия традиционных семейных ценностей. Гипотеза исследования предполагает, что в современном медиапространстве формируются различные, зачастую противоречивые, дискурсы, транслирующие различные ценностные модели в сфере родительства и семейных отношений. Цель работы – на основе анализа репродуктивных установок молодежи и ее медиапотребления предложить модель, направленную на формирование позитивной «моды» молодого родительства через медиаконтент. В качестве исходных данных использованы результаты авторского опроса, данные сторонних исследований и анализ популярных у молодежи источников информации, включая традиционные СМИ и цифровые медиа, такие как социальные сети, блоги, видеоплатформы и интернет-порталы. Методология исследования сочетает количественные и качественные подходы к анализу репродуктивных установок и медиапотребления аудитории. Установлено, что современные молодые люди склонны откладывать рождение первого ребенка, ориентируясь на возраст примерно 28–30 лет, что отражает изменение их репродуктивных установок. Происходит смещение жизненных акцентов: в условиях интенсивного развития цифровых СМИ и массмедиа формируется особый медийный дискурс, оказывающий существенное влияние на стиль жизни и ценностные установки молодежи. Анализ медиапотребления выявил преобладание цифровых и визуально привлекательных форматов в медиаландшафте, включая короткие видеоролики и контент блогеров, что делает эти каналы эффективными для продвижения семейных ценностей и института официального брака. Научная новизна данного исследования заключается в формировании модели медиастратегии популяризации позитивного образа родительства.

Ключевые слова: молодежь, репродуктивные установки, родительство, семейные ценности, социальные сети, блогеры, видеоплатформы, медиастратегия, ценностные ориентиры, молодое родительство, цифровые медиа

Введение

Демографическая проблема в России сейчас является одной из наиболее остро выраженных. В условиях современных демографических трансформаций проблема снижения рождаемости и изменения репродуктивных установок молодежи приобретает особую актуальность [1; 2]. Меняются поколенческие установки по отношению к созданию семьи и родительству. Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению возраста матери при рождении первенца [3], что зачастую влечет за собой отказ от рождения второго и последующих детей. Увеличение возраста матери при рождении первого ребенка характерно не только для России, но и для ряда стран. Средний возраст рождения первого ребенка варьируется от 26,9 лет в Болгарии до 31,8 лет в Италии, тогда как в России он составляет около 26 лет, оставаясь по международным меркам относительно невысоким (рис. 1).

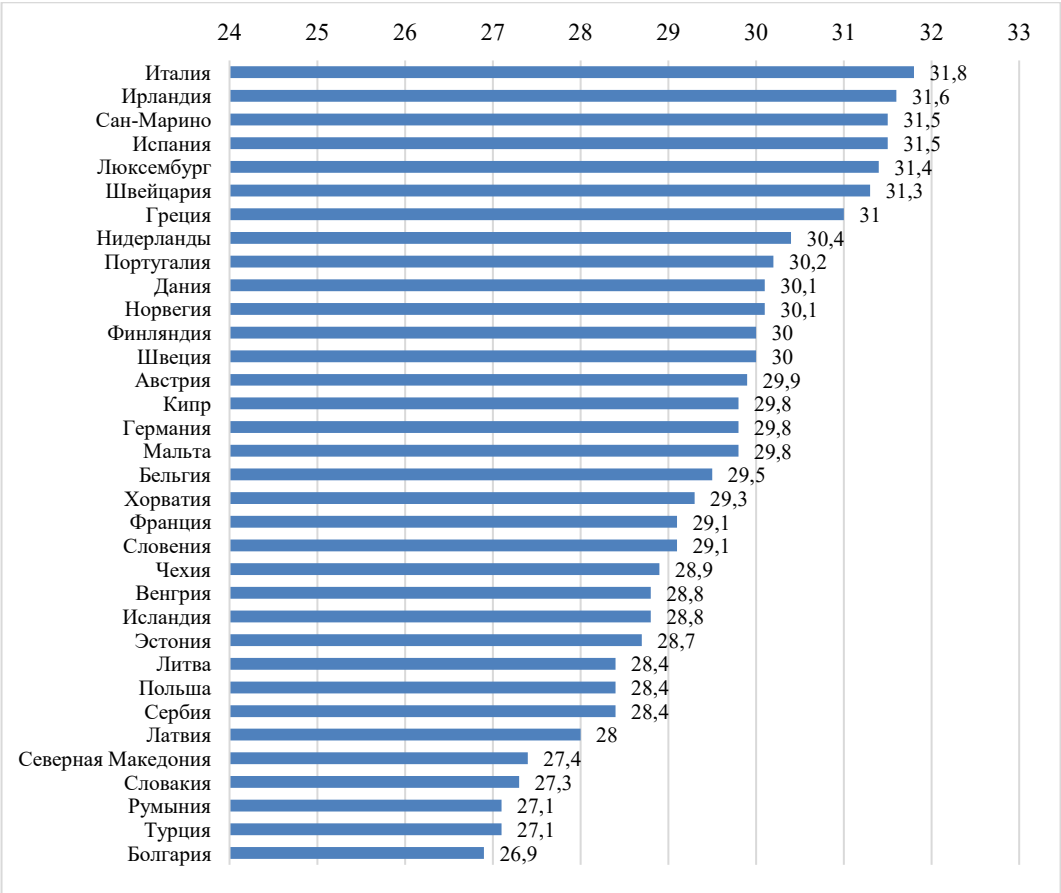

Рис. 1. Средний возраст женщины при рождении первого ребенка (лет)

Fig. 1. Average age of a woman at the birth of her first child (years)

Источник: Составлено авторами по данным Европейской экономической комиссии ООН¹

¹ Средний возраст женщины при рождении первого ребенка // Европейская экономическая комиссия ООН : [сайт]. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/ru/CountryRanking?IndicatorCode=34> (дата обращения: 20.09.2025).

Омоложение возраста при рождении первого ребенка не обязательно влияет на суммарную рождаемость, что свидетельствует о том, что репродуктивное поведение молодежи определяется не только возрастными, материальными и физиологическими факторами.

Одним из ключевых факторов, определяющих репродуктивное поведение молодежи, выступает трансформация ценностных ориентаций. Современные молодые люди все чаще ориентированы на карьерную самореализацию, финансовую стабильность и возможность получения новых впечатлений через путешествия, т. е. происходит смещение ценностей в сторону индивидуализма [4; 5]. Создание семьи и рождение детей при этом отодвигаются на неопределенный срок. Подобные изменения сопровождаются ростом числа гражданских браков и снижением значимости официального брака как института². Несмотря на заметную трансформацию ценностных ориентиров молодежи в отношении родительства, одним из наиболее значимых факторов при планировании рождения детей остается наличие официально зарегистрированного брака, что подчеркивает сохраняющуюся роль института семьи.

Параллельно важное значение обретает медиасреда: социальные сети и цифровые медиа формируют модели поведения, транслируют образы семьи и влияют на ценности, включая отношение к многодетности [3, с. 6; 4; 5]. Визуальные образы и нарративы, транслируемые в социальных сетях, во многом задают ценностно-поведенческую повестку и формируют коммуникативные ориентиры для молодежи [6; 7; 8]. Среди них – многочисленные, зачастую противоречивые, визуальные нарративы блогеров: идеализированные и эстетизированные «картинки»; иллюстрации трудностей семейной жизни с детьми либо контент, популяризирующий одиозную жизнь. Среди примеров «типажей»:

Блогер 1. Сравнение «идеальной» и реальной картины родительства. Контент строится на противопоставлении медийных стереотипов об идеальной семье и повседневных трудностей родительства. Часто используется самоирония, показ «закулисья» красивых кадров, подчеркивается важность принятия несовершенства.

Блогер 2. «Реалист» – демонстрация подлинного опыта воспитания детей. Автор открыто говорит о выгорании, сложностях совместной жизни, усталости, конфликтах и поиске баланса между семьей и самореализацией. Акцент делается на нормализации негативных эмоций и взаимной поддержке молодых родителей.

Блогер 3. «Образцовая семья» – позитивная модель сплоченности и гармонии. Контент направлен на демонстрацию крепких семейных связей, взаимопомощи и ценностей традиционной семьи. Часто акцентируется совместное времяпровождение, воспитание нескольких детей, совместное преодоление бытовых или жизненных трудностей.

Блогер 4. Эстетизация родительства. Основной акцент на визуальной составляющей: гармоничные кадры, уют, порядок, красивая бытовая эстетика. Родительство представляется как часть стиля жизни, наполненной спокойствием, вкусом и заботой.

² Развод по-русски // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvod-po-russki> (дата обращения: 20.09.2025).

Блогер 5. «Осознанное родительство» и личностное развитие. Автор транслирует идеи психологического роста, дает советы по взаимодействию с детьми, акцентирует внимание на эмоциональном интеллекте. Контент часто включает образовательные элементы.

Блогер 6. «Современные родители» – баланс между карьерой и семьей. Показывает, как возможно совмещать родительство и профессиональную самореализацию. Демонстрируется гибкость семейных ролей, участие обоих родителей в воспитании, использование технологий и современных подходов.

Блогер 7. Ироничный подход к семейной жизни. Используются юмор, мемы, пародии на «идеальные» семьи. Через комедийный контент нормализует несовершенство родительства и снижает давление социальных ожиданий.

Блогеры, транслирующие различные модели семейных и родительских установок, отражают и формируют современные представления о семье, демонстрируя разнообразие ценностей и моделей поведения в сфере родительства. Порой это может формировать искаженное представление о реальной жизни у молодежи, которое они склонны копировать как осознанно, так и бессознательно. Такой медиаконтекст способен оказывать заметное влияние на репродуктивные установки и ценностные ориентиры молодежи, подчеркивая необходимость изучения факторов, формирующих их отношение к родительству. В связи с этим особую значимость имеет разработка медиастратегии на государственном уровне, направленной на популяризацию в медиaprостранстве семейных ценностей и формирование позитивного отношения к рождению детей, позитивного образа родительства [9], поскольку сегодня ключевым инструментом формирования репродуктивных норм становятся цифровые медиа [10]. Исследование такой стратегии позволит определить новые подходы к поддержке молодого родительства.

Формирование медиастратегии популяризации семейных ценностей в наибольшей степени должно осуществляться на уровне государства [11]. Это обусловлено тем, что именно государственная политика воспринимается обществом как ключевой фактор, влияющий на демографические процессы. По данным Деминформ³, 60% студентов считают, что государство влияет на число детей в семье, что подчеркивает актуальность разработки таких стратегий.

Обзор научной литературы

Проблемы молодого родительства в России на сегодняшний день связаны, прежде всего, с комплексом социальных, психологических и экономических факторов, в числе которых – низкая финансовая стабильность молодых родителей. Молодые семьи часто сталкиваются с трудностями из-за отсутствия постоянного источника дохода, низкой зарплаты, неполной занятости или безработицы, что затрудняет обеспечение семьи и создает стрессовые ситуации [12, с. 82–83]. Кроме того, можно выделить такие факторы как жилищный вопрос, степень психологической зрелости и наличие/отсутствие жизненного опыта, неопределенность

³Особенности репродуктивных установок современной молодежи // Деминформ : [сайт]. URL: <https://deminform.ru/analytics/osobennosti-reproduktivnykh-ustanovok-sovremennoy-molodyozhi-po-ito-gam-sravnitel'nogo-analiza-sotsiologicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 20.09.2025).

будущего и возможные страхи, связанные с отсутствием гарантий работы и жилья⁴. Все эти проблемы осложняют процесс молодого родительства, увеличивают психологическую нагрузку и могут привести к отложенному и нерегулярному планированию детей в семьях молодежи.

Тем не менее, социальные, экономические и психологические трудности лишь частично объясняют особенности молодого родительства. Существенное влияние оказывают ценностные установки, формируемые через медиадискурс. Поэтому анализ предпочтительных источников информации молодежи является необходимым этапом для понимания факторов, определяющих репродуктивное поведение, и разработки эффективной медиастратегии в сфере семейных ценностей. Данная статья является продолжением цикла работ, посвященных исследованию мер повышения рождаемости и родительского благополучия в условиях цифровизации занятости [13; 14; 15], смещая фокус с анализа макро-условий на инструментальный уровень. Неотъемлемой частью этой новой цифровой реальности становится медиасфера, которая представляет собой совокупность условий функционирования медиакультуры. Например, популярные среди молодежи блоги. Их растущая популярность объясняется постоянными обновлениями, скоростью обновления информации; через блоги и блогеров поступает самая свежая информация [16].

По мере изменений окружающего пространства меняются и молодежь, их ценности и репродуктивные установки, на которые влияют как непосредственное окружение, так и медиапотребление, что исследуется в более широком контексте [17; 18; 19]. Влияние массмедиа на формирование ценностей, образа жизни и картины мира молодежи, важность формирования медиаграмотности у молодежи подчеркивала А. А. Левицкая [20]. Как отмечает Е. А. Фирсова [21], социальные сети являются ключевой средой влияния на духовно-нравственные ценности молодежи в условиях преобладания виртуального взаимодействия.

Масштабное внедрение цифровых технологий и социальных сетей в повседневную жизнь неизбежно трансформирует семейно-родительскую сферу. «Блогеры, инфлюенсеры и другие значимые фигуры в социальных сетях становятся важными агентами формирования сознания молодого поколения. Молодежь, иногда сама того не осознавая, копирует модели поведения, которые транслируются, а порой и навязываются в социальных сетях» [22, с. 780]. В статье В. В. Тучковой отмечается, что медиасреда оказывает значительное влияние на формирование моды на различные семейные модели, транслируя образцы поведения, которые молодые родители воспринимают как ориентиры. Подчеркивается потенциал телевидения как инструмента социализации, создающего социальные нормы родительства и семейной жизни. При этом выявлены некоторые проблемы: недооценка роли отца и межпоколенческих связей, а также формирование негативных стереотипов о многодетных семьях как о социально уязвимых слоях [23]. Роль СМИ как инструмента реализации демографической политики анализируется и в исследовании [24], где авторы подчеркивают необходимость усиления системного подхода

⁴ Молодежь отказывается от брака из-за финансовых проблем и неуверенности в завтрашнем дне – ВЦИОМ // ИА «Моссовет» : [сайт]. 12.08.2025. URL: <https://mossovetinfo.ru/news/obshchestvo/molodezh-otkazyvaetsya-ot-braka-iz-za-finansovykh-problem-i-neuverennosti-v-zavtrashnem-dne-vtsiom/> (дата обращения: 20.09.2025).

к медиастратегии для более эффективного формирования мотивации к родительству и преодоления существующих социальных стереотипов. Также стоит отметить, что наибольший вклад в изучение проблем влияния СМИ на демографические стратегии россиян внесли ученые-социологи. Среди них – А. И. Антонов [25], исследующий особенности репродуктивного поведения, социальные последствия изменения демографических и семейных структур, аспекты разработки демографической политики. Т. К. Ростовская [26] рассматривала брачно-семейные установки молодежи, отношение к семье как к ценности, представления о детях, генезис отношений в студенческих семьях. Представленная проблема характерна и на международном уровне, исследованиями подтвержден вывод о трансформации взглядов на родительство, например в Китае [26; 27]. С точки зрения теории медиатизации влияние медиа на родительские установки современной молодежи изучены такими учеными как Л. А. Грицай [28], проблемам влияния СМИ на трансформации социокультурных ценностей молодежи и их установки посвящены работы М. К. Карповой, В. И. Евдокимова [30], Р. Э. Бараш [30].

Резюмируя, сделаем акцент на том, что в общем контексте исследований по теме преобладает анализ общественно-политических установок молодежи. Влиянию медиа на семейные и родительские установки семейной молодежи и рассмотрению его как инструмента, способного изменить ситуацию, посвящены единичные работы. В исследовательском поле данная тема раскрыта не до конца, чем обусловлена актуальность настоящего исследования. Анализ исследований по данной тематике показал, что репродуктивные установки формируются под влиянием не только социальных и экономических условий, но и ценностных ориентиров медиасреды, что подчеркивает необходимость дальнейшего эмпирического изучения этих процессов.

Материалы и методы

В центре настоящего исследования – разработка модели медиастратегии как ключевого инструмента формирования новой, привлекательной и устойчивой «моды» на молодое родительство в цифровой среде. Методология работы строится на выявлении преобладающих репродуктивных установок и роли нематериальных факторов (ценностей) на основе анализа данных авторского опроса молодежи, полученного путем анкетирования и определении релевантных информационных каналов для целевой аудитории через анализ вторичных данных. Методологическую основу исследования составили структурно-функциональный подход и теория медиатизации. Процесс медиатизации подразумевает интеграцию медиа в повседневную жизнь, через который формируются нормы и модели поведения, включая родительство. Сегодня медиа становятся главным каналом передачи ценностей молодежи [29]. Медиастратегия в соцсетях создает «моду» на молодое родительство, формируя привлекательные образы семейной жизни и влияя на молодежные установки. Итоговая задача исследования заключается в разработке научно обоснованных рекомендаций по построению медиастратегии, базирующихся на результатах первых двух этапов исследования. Эмпирической основой послужили данные всероссийского опроса трудоспособного населения, проведенного с ноября по декабрь 2023 г. на территории всех федеральных округов РФ, за исключением Южного

федерального округа, что обусловлено проведением специальной военной операции и повышенным уровнем тревожности населения в данном регионе. В опросе приняли участие 3 890 респондентов ($N=3\,890$). Для решения поставленных исследовательских задач в финальную выборку были включены участники опроса в возрасте 20–30 лет, что составило 882 человека ($N=882$). Характеристика респондентов приведена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика респондентов

Table 1

Characteristics of respondents

Показатель		Доля (%)
Пол	Женщины	47,9
	Мужчины	52,1
Возраст	20–24	46,4
	25–30	53,6
Место проживания	Город, расположенный ближе 100 км от областного центра	20,1
	Город, расположенный дальше 100 км от областного центра	23,9
	Областной центр	32,0
	Село/деревня/поселок, расположенный ближе 100 км от областного центра	13,4
	Село/деревня/поселок, расположенный дальше 100 км от областного центра	10,7
Наличие детей	Нет детей	69,4
	Есть дети	30,6

Источник: составлено авторами по данным собственного социологического опроса, выполненного в рамках гранта РНФ № 22-18-00614-П

Анкета включала несколько тематических блоков, соответствующих сферам жизни: трудовой, семейно-родительской, личной. Целевой аудиторией исследования выступили молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет. Выбор данной возрастной категории обусловлен рядом факторов. Согласно экспертным оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), возраст от 20 до 30 лет является оптимальным периодом для рождения детей. Раннее рождение первенца увеличивает вероятность последующих рождений, что создает предпосылки для формирования многодетной семьи. Таким образом, фокус на данной возрастной группе позволяет наиболее эффективно адресовать медиастратегии, направленные на популяризацию традиционных семейных ценностей и института брака.

В ходе исследования применялся комплексный подход, сочетающий анализ первичных данных (авторский опрос) и анализ вторичных данных, что позволяет получить более полную картину по рассматриваемой проблематике. Помимо анализа количественных данных, использовался метод вторичных данных по результатам исследований, проведенных Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), Деминформ и ВЦИОМ – были проанализированы популярные для молодежной аудитории от 20 до 30 лет источники информационных ресурсов.

Результаты

Анализ репродуктивных установок российской молодежи выявил противоречивые тенденции. Большинство респондентов (73%) выразило намерение иметь детей в будущем, что отражает сохранение позитивного отношения к родительству

среди молодежи. Вместе с тем значительная часть участников опроса либо сомневается в планировании детей (18%), либо сознательно не планирует их рождение (9%). Эти группы представляют собой ключевую аудиторию для целевых медиастратегий, направленных на продвижение ценностей родительства и снижение барьеров к деторождению.

Ключевыми причинами отказа от родительства выступают смещение жизненных приоритетов в сторону самореализации, карьеры и личной свободы (16,7%), нежелание менять привычный образ жизни (12,5%), стремление «жить для себя» (12,5%), а кроме того, неуверенность в будущем (12,4%). Женская часть респондентов дополнительно указывала на страх, связанный с родами (12,3%). Значимым препятствием также являются психологические факторы – боязнь стать «плохим родителем» (8,3%) и страх ответственности за жизнь ребенка (8,3%). Эти установки отражают формирование у нового поколения иной системы ценностей, в которой родительство все чаще отодвигается на периферию жизненных планов, на что обращалось внимание и другими исследователями [2].

В современной социокультурной среде все более заметно распространение новых типов репродуктивного поведения, включающих осознанное предпочтение малодетности или полный отказ от рождения детей, откладывание официального брака. Ученые отмечают, что речь идет о трансформации семьи как социального института, проявляющемся в изменении форм брачности, росте разводимости и снижении ориентации на деторождение. Подобные установки во многом формируются и закрепляются как в социальной и общественной среде через мнения близких, других людей [21], так и посредством медиапространства – через социальные сети, видеоплатформы и блогеров, оказывающих значительное влияние на семейные паттерны поведения. Все больше проявляется акцент на индивидуализме, приоритете личной свободы и отказе от традиционных семейных моделей. В условиях активного присутствия молодежи в социальных сетях такие ценностные ориентиры получают дополнительное распространение и закрепление через визуальные образы и нарративы, транслируемые блогерами и инфлюэнсерами. При этом значительная часть молодежи откладывает рождение детей даже при позитивных установках, а для кого-то рождение детей приоритетом не является, поэтому рождение детей не входит в их систему ценностей. Среди иных причин – отсутствие желания менять свой нынешний образ жизни, желание пожить «для себя» и неуверенность в завтрашнем дне. Эти мотивы свидетельствуют о том, что медийные инструменты могут сыграть важную роль в коррекции восприятия родительства, снижении тревожности, демонстрации позитивных моделей совмещения личной самореализации и семейной жизни посредством формирования новых установок. При принятии решения о рождении ребенка для большинства становится стремление «реализовать себя в роли родителя». Такой результат подтверждает значимость ценностного и психологического компонентов в репродуктивном поведении молодежи.

Анализ влияния медиапространства на ценностные ориентиры молодежи подтверждает необходимость эмпирической проверки этих тенденций. В связи с чем авторское исследование было направлено на оценку репродуктивных установок молодежи и выявление факторов, определяющих решения о рождении детей.

Проведенное исследование показало, что для большинства респондентов (свыше 60%) ключевым условием рождения ребенка является наличие полной семьи (рис. 2).

Не только материальные условия жизни влияют на репродуктивные намерения, но и другие факторы, среди которых значимую роль играют ценностные установки. Так, при ответе на вопрос «Сколько детей в идеале Вы хотели бы иметь при наличии всех необходимых условий?» большинство участников опроса выбирает двух детей (48–50%) или одного (23–25%), а 14–16% затрудняются с ответом (рис. 3). Эти данные показывают, что решение о количестве детей определяется не только доступностью ресурсов, но и личными ценностными ориентирами.

В текущих условиях жизни при принятии решения о количестве детей, включая уже имеющихся, большинство респондентов предпочитает вариант одного-двух детей (22–33%), тогда как значительная доля участников опроса затрудняется с ответом, при этом среди мужчин сомневающийся больше (28,4%), чем женщин (18,1%). Отказ от планирования детей в рамках имеющихся возможностей выбирают от 12 до 18% опрошенных, причем мужчины демонстрируют большую склонность к отрицательным ответам (рис. 4).

При планировании рождения детей среди ответов молодежи отмечается убывающая градация ответов. Итак, результаты опроса показывают, что среди молодых людей до 30 лет преобладает высокая степень неопределенности в отношении репродуктивных планов (рис. 5).

Почти половина респондентов планирует рождение детей, но пока не определилась с конкретными сроками; около 30% вовсе не планируют детей, и лишь 13–15% намерены завести ребенка в ближайшие 2–3 года. При этом распределение ответов у мужчин и женщин схожее. Отметим, что до 30 лет характерны отложенное родительство и неопределенность в репродуктивных планах, что важно учитывать при разработке семейной политики и медиастратегий.

Ниже на диаграммах представлено распределение ответов мужчин и женщин относительно репродуктивных планов в зависимости от наличия детей (рис. 6, 7).

По диаграммам видно, что женщин характеризуют более ярко выраженные намерения относительно планирования рождения детей в ближайшие годы; в то же время женщины чаще мужчин исключали возможность планирования как таковую.

Молодежь 18–30 лет чаще планирует рождение первенца в 25–30 лет, что соответствует среднему возрасту рождения первого ребенка в России (26–27 лет, в крупных городах – около 30). При ориентации на двух детей реализовать планы мешает смещение рождения первенца на более поздний срок. Оптимальным возрастом считается 20–30 лет, и именно этот диапазон молодежь чаще указывает как рамки для начала семьи^{5,6}. Верхний «потолок» рождения ребенка обычно определяется возрастом в пределах 30–35 лет (рис. 8).

⁵ Стало известно, во сколько лет россиянки рожают первого ребенка // Газета.Ru : [сайт]. 21.01.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/01/21/24882758.shtml> (дата обращения: 20.09.2025).

⁶ Семейные установки российской молодежи сдвигают календарь рождений // Коммерсантъ : [сайт]. 29.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7924631> (дата обращения: 20.09.2025).

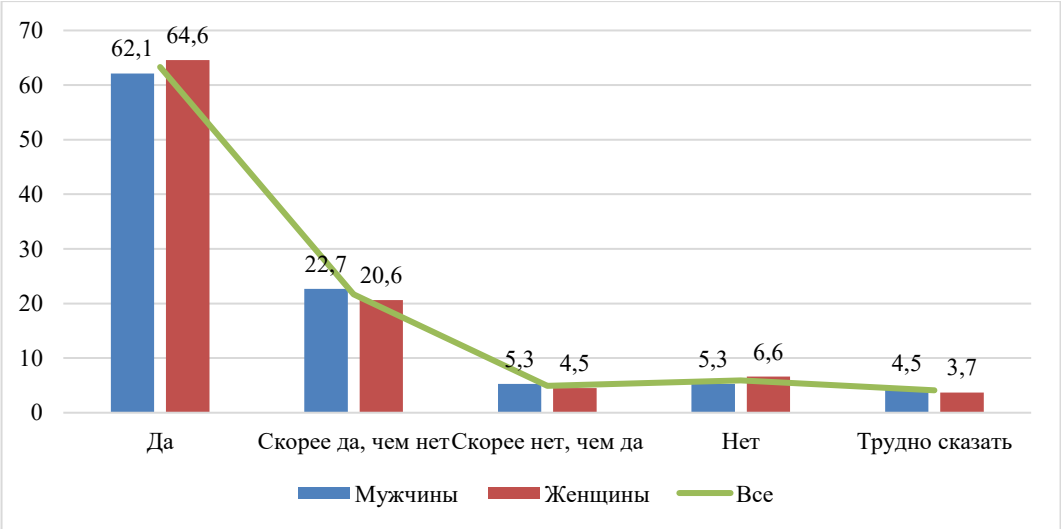

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «Является ли для Вас полная семья обязательным условием для принятия решения о рождении ребенка?» (% от числа опрошенных)

Fig. 2. Respondents' answers to the question "Is a complete family a prerequisite for you to decide to have a child?" (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным собственного социологического опроса, выполненного в рамках гранта РФФ № 22-18-00614-П

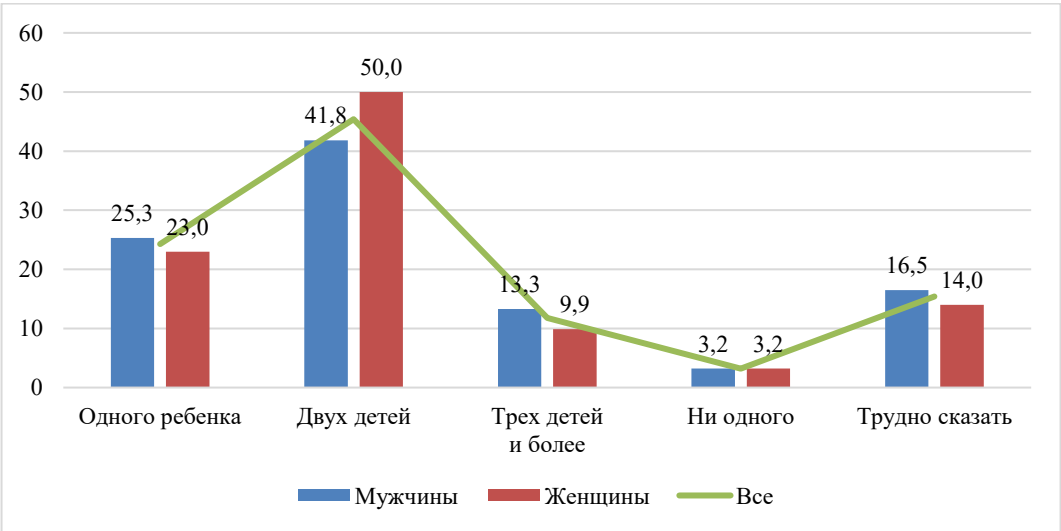

Рис. 3. Предпочтительное количество детей при наличии всех необходимых условий (% от числа опрошенных)

Fig. 3. Preferred number of children if all necessary facilities are available (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным собственного социологического опроса, выполненного в рамках гранта РФФ № 22-18-00614-П

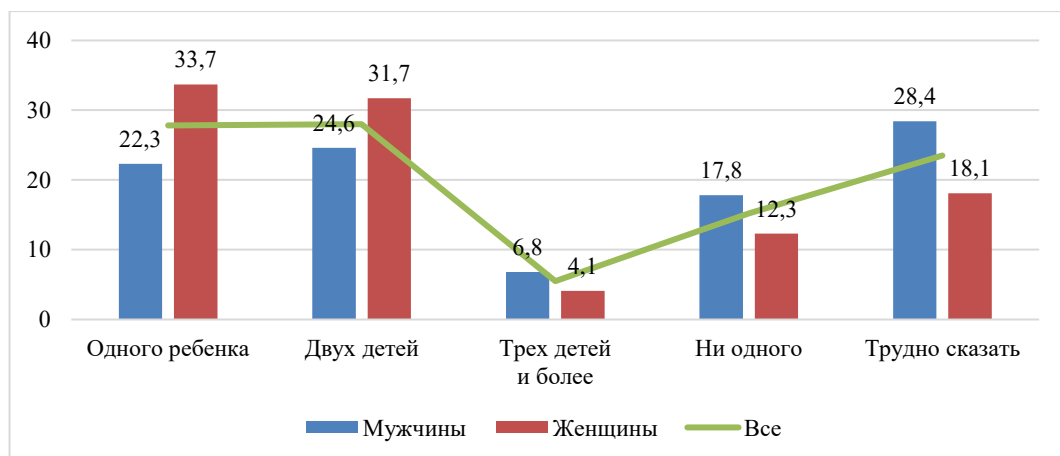

Рис. 4. Планируемое количество детей, включая имеющихся, с учетом текущих условий жизни (% от числа опрошенных)

Fig. 4. Planned number of children including existing children based on current living conditions (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным собственного социологического опроса, выполненного в рамках гранта РФФ № 22-18-00614-П

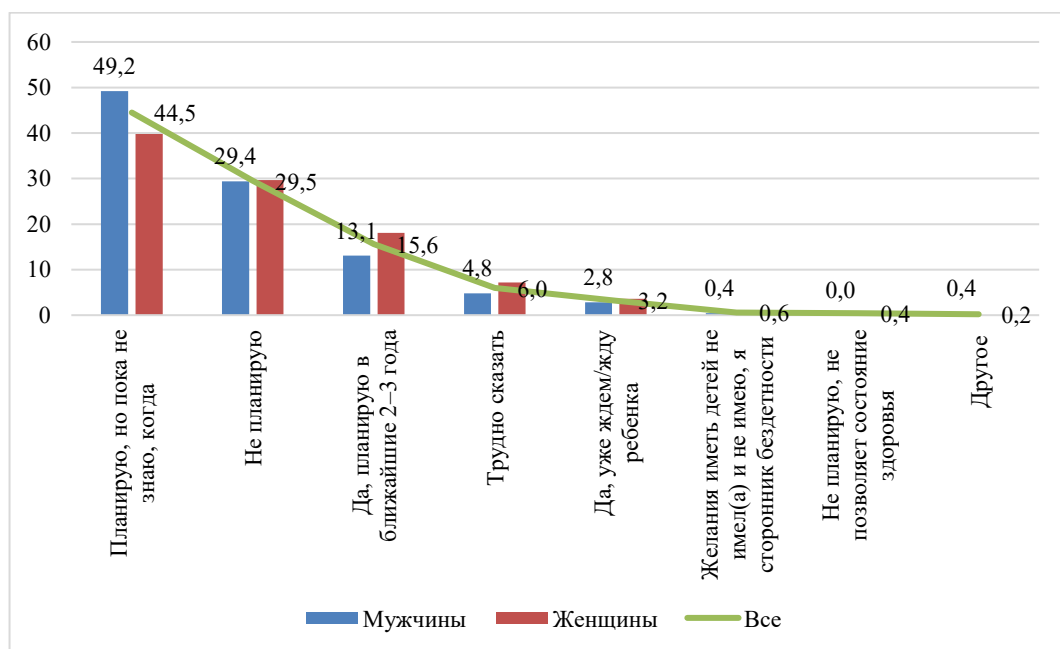

Рис. 5. Намерения респондентов относительно решения о рождении ребенка/детей (% от числа опрошенных)

Fig. 5. Respondents' intentions regarding the decision to have a child/children (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным собственного социологического опроса, выполненного в рамках гранта РФФ № 22-18-00614-П

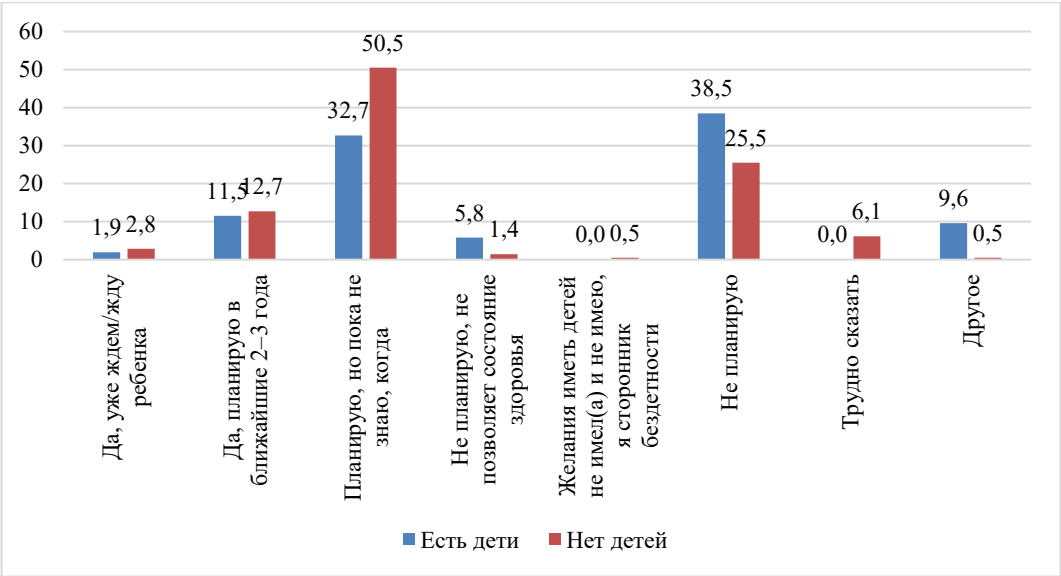

Рис. 6. Репродуктивные установки мужчин в отношении рождения ребенка в зависимости от наличия детей (% от числа опрошенных)

Fig. 6. Men's reproductive attitudes towards having a child depending on the presence of children (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным собственного социологического опроса, выполненного в рамках гранта РНФ № 22-18-00614-П

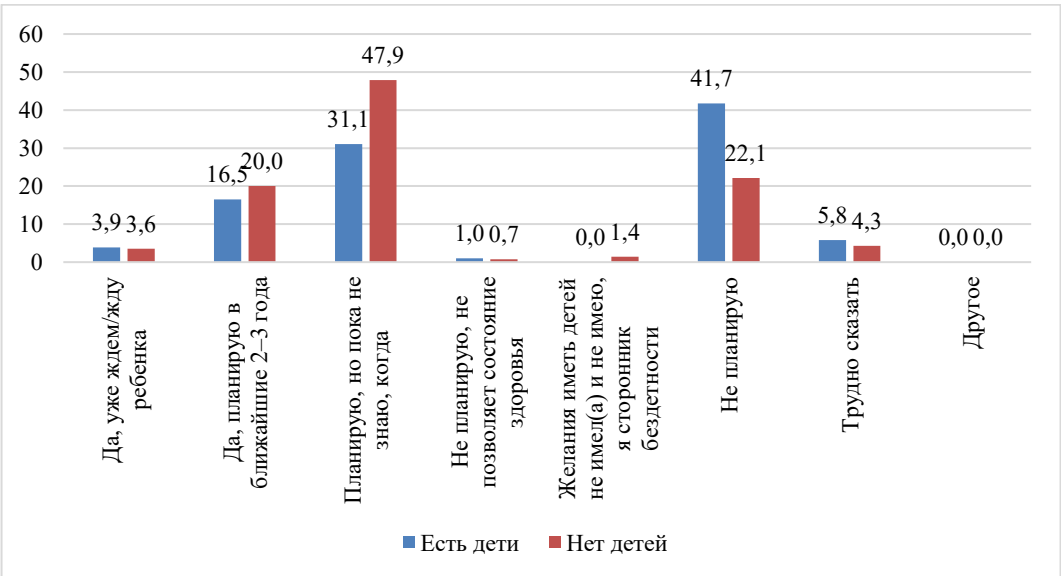

Рис. 7. Репродуктивные установки женщин в отношении рождения ребенка в зависимости от наличия детей (% от числа опрошенных)

Fig. 7. Women's reproductive attitudes towards having a child depending on the presence of children (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным собственного социологического опроса, выполненного в рамках гранта РНФ № 22-18-00614-П

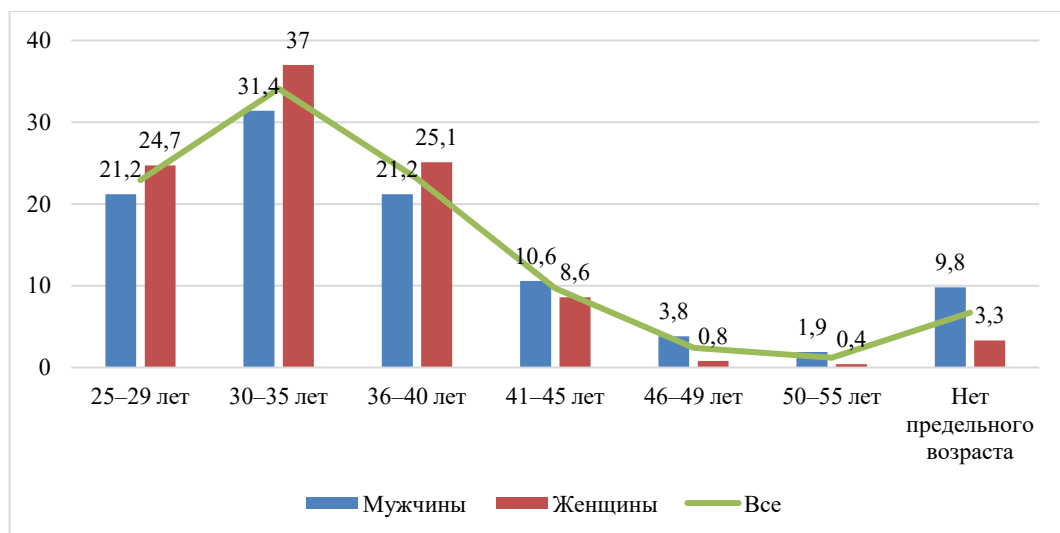

Рис. 8. Предельный возраст рождения ребенка по мнению респондентов (% от числа опрошенных)

Fig. 8. Limit age of childbirth according to respondents' opinion (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным собственного социологического опроса, выполненного в рамках гранта РНФ № 22-18-00614-П

Анализ репродуктивных намерений молодежи выявил высокую неопределенность в ее репродуктивных планах. Понимание причин подобного поведения требует изучения факторов, влияющих на формирование ценностей и установок. Один из наиболее значимых – медиапространство: социальные сети, видеоплатформы и блогеры оказывают заметное воздействие на репродуктивные установки и формирование представлений о семье. В таких условиях актуальной становится разработка медиастратегии популяризации семейных ценностей, которая должна в первую очередь реализовываться на государственном уровне, поскольку именно государственная политика воспринимается обществом как ключевой фактор, способный оказывать влияние на демографические процессы. Медиастратегии, акцентирующие внимание на позитивном опыте родительства и личностном росте через воспитание детей, могут стать эффективным инструментом формирования «моды» на молодое родительство. В следующей части исследования представлен анализ наиболее популярных источников информации среди молодежи.

За последние пять лет молодежь в поиске свежей информации отдает предпочтение преимущественно интернет-источникам⁷ (рис. 9).

⁷ Источники новостной информации: интернет // ФОМ : [сайт]. 19.03.2025. URL: <https://fom.ru/SM-I-i-internet/15154> (дата обращения: 20.09.2025).

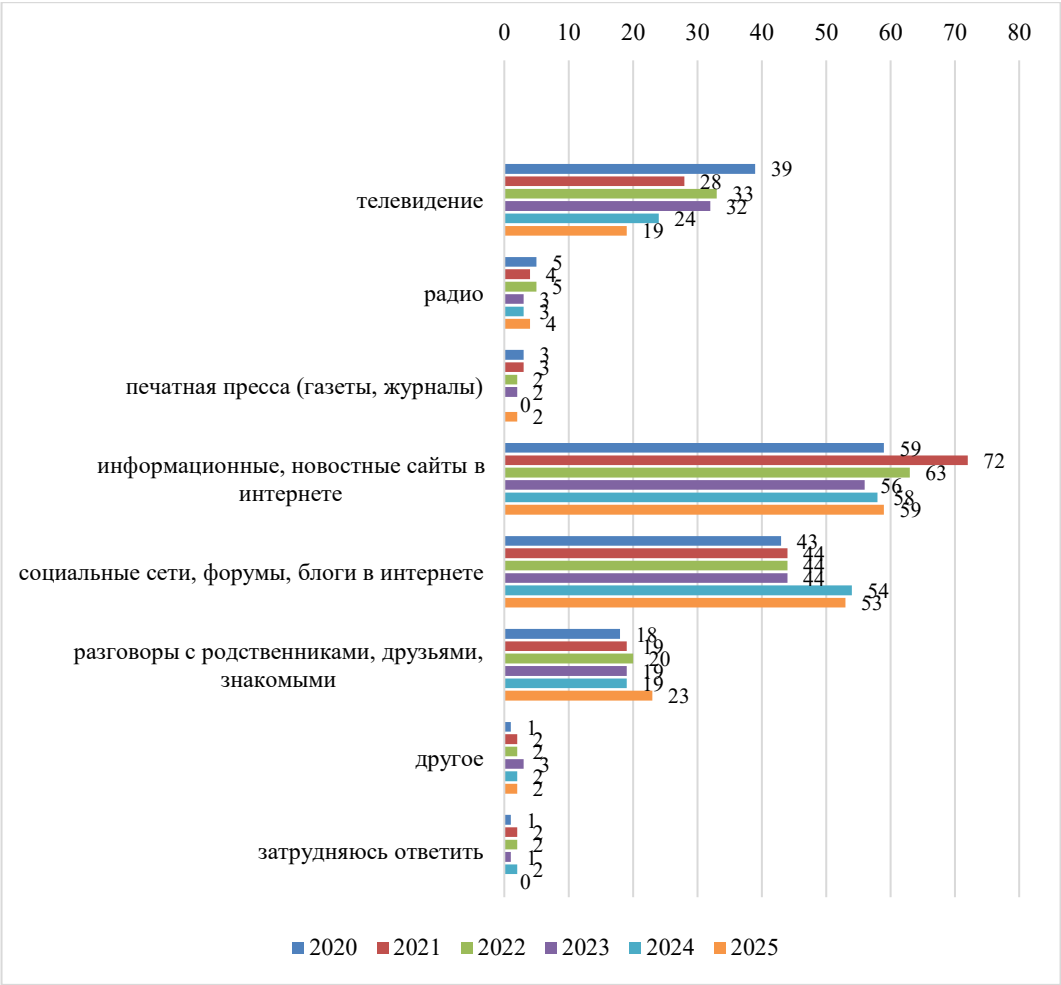

Рис. 9. Наиболее популярные источники новостей и информации среди молодежи (% от числа опрошенных)

Fig. 9. The most popular sources of news and information among young people (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным ФОМ⁸

Сегодня россияне предпочитают получать информацию из источников, удобных для чтения с мобильного устройства, доступных из мессенджера, по популярности сегодня они занимают лидирующие позиции (рис. 10). Часть читающих новости респондентов более доверяют сайтам СМИ, считая их наиболее стабильным источником информации. Кроме того, по мнению аналитиков медиахолдинга Rambler&Co, и в самих соцсетях, и мессенджерах становится важен бренд СМИ⁹.

⁸ База данных // ФОМ : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3PMtBN> (дата обращения: 20.09.2025).
⁹ Медиа-прогнозы 2024: четверть россиян в возрасте от 16 до 24 лет читают новости именно на сайтах СМИ // VC.RU : [сайт]. URL: <https://vc.ru/media/1022285-mediaproгноzy-2024-chetvert-rossiyan-v-vozraste-ot-16-do-24-let-chitayut-novosti-imenno-na-saitah-smi> (дата обращения: 20.09.2025).

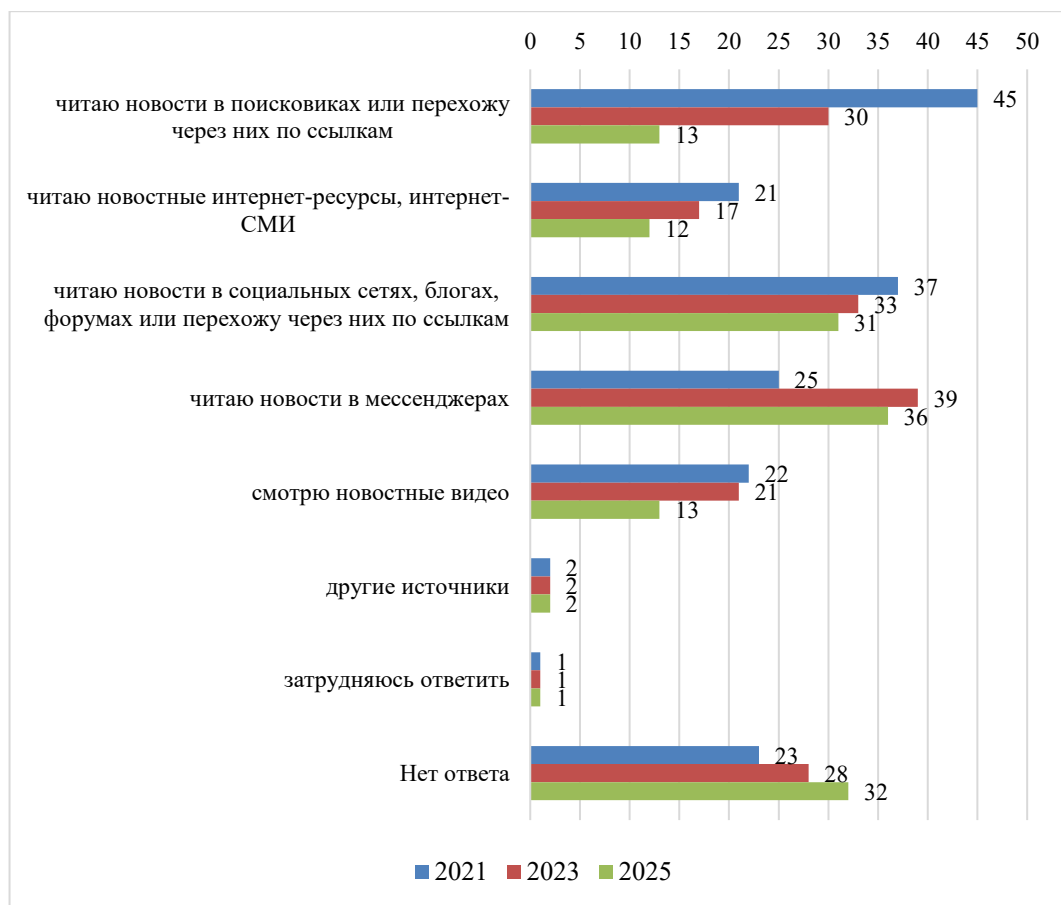

Рис. 10. Предпочтительные источники информации и новостей в Интернете среди респондентов, % от числа опрошенных

Fig. 10. Preferred sources of information and news on the Internet among respondents, % of respondents

Источник: составлено авторами по данным ФОМ¹⁰

Из анализа текущей ситуации видно, что при разработке медиастратегии необходимо учитывать специфику целевой аудитории и степень распространенности социальных сетей, что позволяет повысить эффективность коммуникации с ключевыми группами населения. По результатам исследований, представленных выше, медиастратегия может быть реализована через популярные в 2025 г. мессенджеры, социальные сети, видеохостинги (табл. 2). Несмотря на то, что Rutube в указанном рейтинге находится не в топе, в связи с переходом пользователей с иностранных видеохостингов, он является одной из самых быстрорастущих видеоплатформ в России. На это указывают результаты анализа мобильного трафика на обезличенных данных Big Data за январь-июль 2025 и 2024 гг.¹¹

¹⁰ База данных // ФОМ : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3PMtBN> (дата обращения: 20.09.2025).

¹¹ Rutube показал наибольший рост охвата аудитории среди российских видеоплатформ // Газета.Ru : [сайт]. 18.08.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/08/18/26521766.shtml> (дата обращения: 06.11.2025).

Таблица 2

Возможные каналы для применения медиастратегии и их характеристика

Table 2

Possible channels for media strategy application and their characterization

Канал	Характеристика
ВКонтакте	Основная платформа для адресной работы с широкими слоями населения, особенно 25–44 лет. Здесь можно создавать тематические сообщества и вести кампании с разноплановым контентом: статьи, видео, истории успешных семей.
Telegram/Max	Лидер российского цифрового пространства с охватом около 78% интернет-аудитории России. Высокая эффективность за счет таргетированной рекламы (Telegram Ads), большой объем рекламных размещений и возможность работы с нативной рекламой и лидерами мнений. Идеален для быстрого распространения информации и вовлечения молодежи в качестве активной аудитории. Можно создавать каналы и чаты для обсуждений, проведения опросов и размещения простого для восприятия контента с визуальной составляющей.
TikTok	Ключевой для взаимодействия с молодежью до 25 лет посредством коротких видеороликов, трендов и челленджей, которые форматируют позитивное отношение к семейным ценностям через популярные форматы и инфлюенсеров. Трендовый у молодежи, предоставляет высокие показатели вовлеченности, хорош для «вирусного» и развлекательного формата. Однако здесь преобладающей аудиторией будут все же подростки.
Rutube	Размещение образовательных и просветительских видео о семейных ценностях, а также документальных проектов с реальными семейными историями, которые можно дополнительно продвигать через более популярные социальные сети и мессенджеры. Общая месячная аудитория Rutube возросла к 2025 г. до 79,5 млн человек.

Источник: составлено авторами на основе открытых источников^{12 13 14}

На основании проведенного анализа источников, а также изучения репродуктивных ценностных установок молодежи по результатам проведенного опроса была разработана модель-алгоритм формирования и реализации медиастратегии, направленной на популяризацию ценностей семьи и родительства. Данная модель отражает последовательность ключевых этапов и взаимосвязь основных компонентов коммуникационной стратегии, обеспечивая целенаправленный и системный подход к продвижению семейных ценностей в медийном пространстве (рис. 11). В рамках предлагаемой модели представлены основные этапы разработки и реализации стратегии с учетом особенностей разных информационных источников и метрик, через которые можно измерить ее эффективность. Модель учитывает возможность сотрудничества не только с блогерами, но и в долгосрочной перспективе с различными организациями.

Подводя краткие итоги, отметим: среди молодежи сохраняется позитивное отношение к родительству, однако значительная доля склонна к неопределенности в планах или вообще к отказу от рождения детей. Основными причинами такого поведения выступают смещение приоритетов в сторону самореализации, карьерного и личностного роста, возможности путешествий; часть респондентов испытывает затруднения из-за психологических и социальных барьеров.

¹² Rutube показал наибольший рост охвата аудитории среди российских видеоплатформ // Газета.Ru : [сайт]. 18.08.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/08/18/26521766.shtml> (дата обращения: 06.11.2025).

¹³ Russian social media marketing: key platforms for effective campaigns // Russian Marketing & Advertising Agency : [сайт]. URL: <https://russia-promo.com/blog/social-media-marketing-in-russia> (дата обращения: 06.11.2025).

¹⁴ Global social media statistics // DataReportal – Global Digital Insights : [сайт]. URL: <https://datareportal.com/social-media-users> (accessed on 06.11.2025).

Рис. 11. Возможная модель стратегии, направленная на продвижение ценностей семьи и родительства в медиaprостранстве

Fig. 11. A possible model of a strategy aimed at promoting family values and parenthood in the media space

Источник: авторская разработка

Данные подтверждают, что репродуктивные намерения формируются не только материальными условиями, но и ценностными ориентирами, при этом медиапространство (социальные сети, видеоплатформы и блогеры) заметно влияет на закрепление установок. Целенаправленные медиастратегии, популяризирующие семейные ценности и демонстрирующие позитивный опыт родительства, могут способствовать формированию «моды» на молодое родительство.

Заключение

Исследование показало, что среди молодежи преобладает малодетная модель семьи (1–2 ребенка) с тенденцией откладывания родительства, но при этом родительство сохраняет высокую ценность. Наличие полной семьи и официально зарегистрированного брака рассматривается как важное условие благополучия, а сторонники бездетности составляют незначительное меньшинство. Результаты опроса представителей молодежи свидетельствуют о том, что значительная их часть получает представления о семье и родительстве из медиаконтента (социальных сетей, видеоплатформ и др.), что подтверждает определяющую роль медиапространства в формировании репродуктивных установок. Это согласуется с мировыми демографическими тенденциями и подчеркивает роль медиадискурсов, через которые возможна выработка позитивного отношения молодежи к семье и родительству. В данной связи через цифровые каналы, социальные сети и блогеров вполне реально формирование «моды» молодого родительства, что можно реализовать через привлечение блогеров и инфлюенсеров, способных органично и ненавязчиво интегрировать ценностные сообщения в медиапотребление молодежи.

Ключевую роль в продвижении играют социальные сети, видеоплатформы и блогеры. Эффективными формами коммуникации являются органично встроенные форматы: таргетированная и нативная реклама, сотрудничество с блогерами, визуально привлекательный контент. Важный аспект, по нашему мнению, – это демонстрация реального позитивного опыта родительства и успешного сочетания личной самореализации с семейной жизнью, что способствует укреплению ценностной ориентации молодежи на создание семьи и рождение детей, повышая вовлеченность аудитории. Анализ показал, что наиболее востребованные у молодежи форматы (короткие видео, сторис, посты в мессенджерах) обладают высоким потенциалом для интеграции ценностных смыслов, связанных с родительством. При этом нативные формы подачи информации воспринимаются аудиторией значительно эффективнее. Таким образом, медиаконтент, ориентированный на демонстрацию привлекательного и социально одобряемого образа молодой семьи, может выступать эффективным инструментом формирования «моды» на родительство. Это подтверждает потенциал медиапространства как важного ресурса демографической политики и коммуникационного воздействия, через который можно реализовать предложенную авторскую модель.

Список литературы

1. Тарбеев, Н. Н. Особенности репродуктивных установок современной студенческой молодежи / Н. Н. Тарбеев, А. В. Силкина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 1. С. 82–84. DOI [10.24412/1994-3776-2023-1-82-84](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-82-84). EDN [RWOWCJ](https://www.edn.ru/RWOWCJ).

2. Галиева, Э. Р. Репродуктивное поведение: теоретические подходы и современные сценарии // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 2 (53). С. 23–28. DOI [10.26907/2079-5912.2022.2.23-28](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28). EDN [ВНХОКТ](#).
3. Сененко, А. Ш. Репродуктивные установки молодежи: региональное исследование / А. Ш. Сененко, О. В. Армашевская, Т. А. Соколовская, В. А. Шелгунов // Профилактическая медицина. 2024. Т. 27, № 4. С. 74–81. DOI [10.17116/profmed20242704174](https://doi.org/10.17116/profmed20242704174). EDN [ZGMPHU](#).
4. Наберушкина, Э. К. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения / Э. К. Наберушкина, О. В. Бессчетнова, О. А. Судоргин // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 4. С. 697–714. DOI [10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714](https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714). EDN [ZIBQVB](#).
5. Благоrojeва, Ж. О. Семейные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 91–102. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7). EDN [BXYIMU](#).
6. Левичева, Е. В. Проблематика популяризации семейных ценностей в российских СМИ / Е. В. Левичева, О. А. Алексютина, И. А. Левичев // Крепкая семья – сильная Россия: Сборник материалов Всероссийского научно-практического форума, приуроченного к Году семьи. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2024. С. 219–224. EDN [JLVZPL](#).
7. Автаева, Н. О. Семейные ценности в отечественном медиадискурсе / Н. О. Автаева, О. Н. Савинова. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2022. 170 с. EDN [AUCANY](#).
8. Автаева, Н. О. Роль социальных медиапроектов в популяризации ценностей традиционной семьи и родительства // Челябинский гуманитарий. 2020. № 1 (50). С. 81–87. DOI [10.24411/1999-5407-2020-10110](https://doi.org/10.24411/1999-5407-2020-10110). EDN [MBXBOB](#).
9. Фролова, Т. И. Репрезентация актуальных статусов родительства в российских СМИ: обзор практик в аспекте медиатранзита / Т. И. Фролова, В. И. Фролова, П. В. Нурилова // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 4. С. 710–729. DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).710-729](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).710-729). EDN [UKGCSH](#).
10. Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XXIII Международного симпозиума. Москва: Психологический институт Российской академии образования, 2018. 473 с. EDN [XQAPSP](#).
11. Адилова, Л. Ф. Образ семьи и семейные ценности в российских СМИ / Л. Ф. Адилова, В. А. Мищенко // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4 (126). С. 108–116. EDN [SGMAWV](#).
12. Синельников, А. Б. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства / А. Б. Синельников, В. М. Карпова, С. В. Ляликова, А. И. Антонов // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71–85. DOI [10.21064/WinRS.2023.4.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.6). EDN [KAUWCT](#).
13. Вербенская, А. В. Нестандартные решения демографической политики, направленные на рост рождаемости / А. В. Вербенская, Т. А. Камарова, Н. В. Тонких // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). EDN [ISYUZY](#).
14. Камарова, Т. А. Демографические установки и родительское благополучие глазами молодых / Т. А. Камарова, А. В. Вербенская // III-й международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: Материалы форума. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. С. 497–504. EDN [SVHUWZ](#).
15. Тонких, Н. В. Цифровизация занятости и родительское благополучие: теория и эмпирические исследования / Н. В. Тонких, Т. А. Камарова, Т. Л. Маркова [и др.]. Казань: ООО «Бук», 2023. 362 с. ISBN 978-5-907753-56-3. EDN [UBOGMQ](#).
16. Temnikova, L. B. Media Sphere Yesterday and Today: Using Features for the Older and Younger Generations / L. B. Temnikova, A. V. Vandsheva // Communication Studies. 2021. Vol. 8, No. 1. Pp. 171–182. DOI [10.24147/2413-6182.2021.8\(1\).171-182](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(1).171-182). EDN [OORRHW](#).
17. Овчинникова, Н. В. Репродуктивные установки молодежи // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10, № 2. С. 202–217. DOI [10.18255/2412-6519-2024-2-202-217](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2024-2-202-217). EDN [CAHPDU](#).

18. Назарова, И. Б. Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований) / И. Б. Назарова, М. П. Зеленская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. 2017. Т. 17, № 4. С. 555–567. DOI [10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567). EDN [ZRZSGX](https://www.edn.ru/ZRZSGX).

19. Назарова, И. Б. Исследование репродуктивных установок студенческой молодежи (обзорная статья) / И. Б. Назарова, М. П. Зеленская // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. 2017. № 12, Ч. 3. С. 523–525. EDN [VVKPBZ](https://www.edn.ru/VVKPBZ).

20. Левицкая, А. А. Медиа как реклама образа жизни: влияние на подростковую и молодежную аудиторию. Таганрог : без издательства, 2013. 120 с.

21. Фирсова, И. А. Воздействие социальных сетей на формирование духовно-нравственных ценностей молодежи в современных условиях // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2025. № 2. С. 119–122.

22. Акрамова, А. Р. Социально-демографические последствия влияния социальных сетей на семейные паттерны в Москве // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания: 6-й молодежный конвент УрФУ. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. С. 778–781. EDN [HAULUU](https://www.edn.ru/HAULUU).

23. Тучкова, В. В. Современная семья в зеркале российского телевидения // Медиаскоп. 2012. № 2. С. 6. EDN [PEYFZB](https://www.edn.ru/PEYFZB).

24. Саитова, Д. Г. Институт СМИ в контексте реализации демографической политики России: региональный опыт / Д. Г. Саитова, М. С. Бахтина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 95–109. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.7). EDN [ILPHFY](https://www.edn.ru/ILPHFY).

25. Социальная динамика населения и человеческий потенциал : Материалы VI Международной научно-практической конференции. Москва : ФНИСЦ РАН, 2024. 464 с. ISBN 978-5-4465-4219-2. EDN [JYYYRS](https://www.edn.ru/JYYYRS).

26. Ростовская, Т. К. Студенческая семья как ключевое направление нового национального проекта «Семья» / Т. К. Ростовская, А. В. Пачин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 152–166. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.9). EDN [FYFRDI](https://www.edn.ru/FYFRDI).

27. Ван, Ш. Изменения в демографической политике Китая за 2010–2021 гг. / Ш. Ван, Цзя, С., Мишук, С. Н. // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 66–76. DOI [10.19181/population.2023.26.3.6](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.6). EDN [GYDUBM](https://www.edn.ru/GYDUBM).

28. Мэн, В. Современная демографическая ситуация в Китае / В. Мэн, Ц. Су, С. Н. Мишук // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 37–51. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.3). EDN [HHCYIU](https://www.edn.ru/HHCYIU).

29. Грицай, Л. А. Формирование родительских установок современного молодого человека под влиянием медиакультуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 56–61. EDN [RCHCHT](https://www.edn.ru/RCHCHT).

30. Карпова, М. К. Роль СМИ в трансформации социокультурных ценностей современной молодежи / М. К. Карпова, В. И. Евдокимов // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 2 (26). С. 173–179. EDN [CSTTYV](https://www.edn.ru/CSTTYV).

31. Бараиш, Р. Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2 (168). С. 430–453. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.1980](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1980). EDN [ZRZUTZ](https://www.edn.ru/ZRZUTZ).

Сведения об авторах

Камарова Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: kta@usue.ru; ORCID ID: [0000-0003-0087-9310](https://orcid.org/0000-0003-0087-9310); РИНЦ SPIN-код: [4255-7664](https://elibrary.ru/authors/4255-7664).

Тонких Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, кафедра экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: tonkihnv@usue.ru; ORCID ID: [0000-0003-2957-7607](https://orcid.org/0000-0003-2957-7607); РИНЦ SPIN-код: [7756-5209](https://elibrary.ru/authors/7756-5209); Web of Science Researcher ID: [0-9705-2018](https://orcid.org/0-9705-2018); Scopus Author ID: [57216647690](https://orcid.org/57216647690).

Вербенская Алена Валерьевна, специалист, управление наукометрии, научно-исследовательской работы и рейтингов, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.v.verbenskaya1@usue.ru; РИНЦ SPIN-код: [6086-4021](https://elibrary.ru/authors/6086-4021).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-18-00614 «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие».

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; принята в печать 24.11.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REPRODUCTIVE ATTITUDES OF MODERN YOUTH: THE FORMATION OF “FASHION” FOR YOUNG PARENTHOOD IN THE MEDIA ENVIRONMENT

Tatiana A. Kamarova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

E-mail: kta@usue.ru

Natalia V. Tonkikh

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

E-mail: tonkihvnv@usue.ru

Alena V. Verbenskaya

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

E-mail: a.v.verbenskaya1@usue.ru

For citation: Kamarova, T. A., Tonkikh, N. V., Verbenskaya, A. V. Reproductive Attitudes of Modern Youth: The Formation of “Fashion” for Young Parenthood in the Media Environment. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 33–55. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.3). (In Russ.)

Abstract. This article examines the attitudes of young adults aged 20–30 towards reproduction in the context of family planning, and the perception of traditional values. The hypothesis of the study suggests that there are various, often conflicting, discourses emerging in contemporary media, conveying differing value models for parenting and family relationships. The aim of the research is to propose a strategy for shaping a positive attitude towards young parenthood, through media content based on analysis of young adults’ attitudes towards reproduction and their media use. Initial data includes the results of an author’s questionnaire, data from other studies, and analysis of popular sources of information among young adults, including both traditional and digital media, such as social media, blogs, videos, and internet portals. Research methodology combines quantitative and qualitative methods for analyzing attitudes towards reproduction, as well as media use. It was found that young adults tend to postpone having children until around the age of 28–30, reflecting a shift in attitudes towards parenthood. There is also a shift in emphasis in life, with the rapid growth of digital media leading to a unique discourse that significantly influences young people’s lifestyles and values. Analysis of media use revealed a preference for digital formats, including short video clips and blog content, which are effective in promoting values such as family and marriage. Scientific novelty lies in developing a strategy for media promotion of positive images of parenthood based on this research.

Keywords: youth, reproductive attitudes, parenthood, family values, social media, bloggers, video platforms, media strategy, value systems, young parenthood, digital media

References

1. Tarbeev, N. N., Silkina, A. V. Features of Reproductive Attitudes of Modern Students. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2023. No. 1. Pp. 82–84. DOI [10.24412/1994-3776-2023-1-82-84](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-82-84). (In Russ.).

2. Galieva, E.R. Reproductive Behavior: Theoretical Approaches and Contemporary Scenarios. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2022. No. 2 (53) Pp. 23–28. DOI [10.26907/2079-5912.2022.2.23-28](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28). (In Russ.).
3. Senenko, A. Sh., Armashevskaya, O. V., Sokolovskaya, T. A., Shelgunov, V. A. Reproductive Attitudes of Young People: The Regional Study. *Russian Journal of Preventive Medicine*. 2024. Vol. 27, No. 4. Pp. 74–81. DOI [10.26907/2079-5912.2022.2.23-28](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28). (In Russ.).
4. Naberushkina, E. K., Besschetnova, O. V., Sudorgin, O. A. Family and Family Values in the Perceptions of the Young Generation. *The Journal of Social Policy Studies*. 2024. Vol. 22, No. 4. Pp. 697–714. DOI [10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714](https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714). (In Russ.).
5. Blagorozheva, Z. O. Family Strategies of Regional Youth. *Research Result. Sociology and Management*. 2022. Vol. 8, No. 3. Pp. 91–102. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7). (In Russ.).
6. Levicheva, E. V., Aleksyutina, O. A., Levichev, I. A. The Problems of Popularization of Family Values in Russian Media. *Krepkaya sem'ya – sil'naya Rossiya: Collection of materials from the All-Russian scientific and practical forum dedicated to the Year of the Family*. Bryansk : Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2024. Pp. 219–224. (In Russ.).
7. Avtaeva, N. O., Savinova, O. N. Family Values in the Russian Media Discourse. Nizhni Novgorod : Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2022. 170 p. (In Russ.).
8. Avtaeva, N. O. The Role of Social Media Projects in Popularization the Values of a Traditional Family and Parenthood. *Chelyabinskij Gumanitarij*. 2020. No. 1 (50). Pp. 81–87. DOI [10.24411/1999-5407-2020-10110](https://doi.org/10.24411/1999-5407-2020-10110). (In Russ.).
9. Frolova, T. I., Frolova, V. I., Nurilova, P. V. Representation of Actual Parenthood Statuses in the Russian Media: An Overview of Practices in Terms of Media Transit. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2022. Vol. 11, No. 4. Pp. 710–729. DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).710-729](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).710-729). (In Russ.).
10. *Psychological Problems of the Meaning of Life and Acme*: Electronic Digest of Materials of XXII International Symposium. Moscow : Psychological Institute RAO Publ., 2018. 473 p. (In Russ.).
11. Adilova, L. F., Mishchenko, V. A. Image of Family and Family Values in the Russian Media. *RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2014. No. 4 (126). Pp. 108–116. (In Russ.).
12. Sinelnikov, A. B., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V., Antonov, A. I. The Influence of Reproductive Experience of Parental Families on the Probability of Choosing a Parenting Strategy for Large Families. *Woman in Russian Society*. No. 4. Pp. 71–85. DOI [10.21064/WinRS.2023.4.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.6). (In Russ.).
13. Verbenskaya, A. V., Kamarova, T. A., Tonkikh, N. V. Non-Standard Demographic Policy Solutions Aimed at Increasing Birth Rate. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). (In Russ.).
14. Kamarova, T. A., Verbenskaya, A. V. Demographic Attitudes and Parental Well-Being Through the Eyes of Young People. *III International Demographic Forum "Demography and Global Challenges": Forum Proceedings*. Voronezh: Digital Printing, 2024. Pp. 497–504. (In Russ.).
15. Tonkikh, N. V., Kamarova, T. A., Markova, T. L. [et al.] *Tsifrovizatsiya zanyatosti i roditel'skoye blagopoluchiye: teoriya i empiricheskiye issledovaniya [Digitalization of employment and parental well-being: theory and empirical research]*. Kazan : "Buk" Ltd. Publ., 2023. 362 p. ISBN 978-5-907753-56-3.
16. Temnikova, L. B., Vandsheva, A. V. Media Sphere Yesterday and Today: Using Features for the Older and Younger Generations. *Communication Studies*. 2021. Vol. 8, No. 1. Pp. 171–182. DOI [10.24147/2413-6182.2021.8\(1\).171-182](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(1).171-182).
17. Ovchinnikova, N. V. Reproductive Attitudes of Youth. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024. Vol. 10, No. 2. Pp. 202–217. DOI [10.18255/2412-6519-2024-2-202-217](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2024-2-202-217). (In Russ.).
18. Nazarova, I. B., Zelenskaya, M. P. Reproductive Attitudes of the Student Youth (A Review of Empirical Studies). 2017. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 17, No. 4. Pp. 555–567. DOI [10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567). (In Russ.).
19. Nazarova, I. B., Zelenskaya, M. P. Issledovaniye reproduktivnykh ustanovok studencheskoy molodezhi (obzornaya stat'ya) [A study of reproductive attitudes of student youth (review article)]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Yezhegodnik [Russia: development trends and prospects. Yearbook]*. No. 12, Part 3. Pp. 523–525. (In Russ.).

20. Levitskaya, A. A. *Media kak reklama obraza zhizni: vliyaniye na podrostkovuyu i molodezhnyuyu auditoriyu* [Media as Lifestyle Advertising: Impact on Teenage and Youth Audiences]. Taganrog : No publisher, 2013. 120 p. (In Russ.).
21. Firsova, I. A. Vozdeystviye sotsial'nykh setey na formirovaniye dukhovno-nravstvennykh tsennostey molodezhi v sovremennykh usloviyakh [The impact of social networks on the formation of spiritual and moral values of youth in modern conditions]. *RISC: Resources, Information, Supply, Competition*. 2025. No. 2. Pp. 119–122. (In Russ.).
22. Akramova, A. R. Socio-Demographic Effects on the Influence of Social Network on Family Patterns in Moscow. *Globalnie vizovy v menyayushchemsya mire: tendentsii i perspektivi razvitiya sotsialno-gumanitarnogo znaniya* [Global Challenges in a Changing World: Trends and Prospects for the Development of Social and Humanitarian Knowledge]: 6th UrFU Youth Convention. Yekaterinburg : Ural University Publishing House, 2022. Pp. 778–781. (In Russ.).
23. Tuchkova, V. V. Modern Family in the Mirror of the Russian Television. *Mediascope*. 2012. No. 2. P. 6. (In Russ.).
24. Saitova, D. G., Bakhtina, M. S. Media Institutions in the Context of Demographic Policy Implementation in Russia: Regional Experience. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 4. Pp. 95–109. DOI 10.19181/demis.2022.2.4.7. (In Russ.).
25. *Population Social Dynamics and Human Potential*: Proceedings of the VI International scientific and practical conference. Moscow : FCTAS RAS, 2024. 464 p. ISBN 978-5-4465-4219-2. (In Russ.).
26. Rostovskaya, T. K., Pachin, A. V. Student Family as a Key Area of the New National Project “Family”. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 152–166. DOI 10.19181/demis.2025.5.1.9. (In Russ.).
27. Wang, Ch., Jia, X., Mishchuk, S. N. Changes in China's Demographic Policy in 2010–2021. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 3. Pp. 66–76. DOI [10.19181/population.2023.26.3.6](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.6). (In Russ.).
28. Meng, W., Su, Z., Mishuk, S. N. Contemporary Demographic Situation in China. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 1. Pp. 37–51. DOI 10.19181/demis.2023.3.1.3. (In Russ.).
29. Griczaj, L. A. Formation of the Parental Plans of a Young Person under the Influence of Media Culture. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2013. No. 3 (11). Pp. 56–61. (In Russ.).
30. Karpova, M. K., Evdokimov, V. I. The Role of the Media in the Transformation of Sociocultural Values of Modern Youth. *Science. Society. State*. 2019. Vol. 7, No. 2 (26). Pp. 173–179. (In Russ.).
31. Barash, R. E. Social Media as a Factor Forming Social and Political Attitudes, the Russian Context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022. No. 2 (168). Pp. 430–453. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.1980](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1980). (In Russ.).

Bio notes

Tatiana A. Kamarova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: kta@usue.ru; ORCID ID: [0000-0003-0087-9310](https://orcid.org/0000-0003-0087-9310); PSCI SPIN-code: [4255-7664](https://www.psci-spain.com/4255-7664).

Natalia V. Tonkikh, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory, Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: tonkihny@usue.ru; ORCID ID: [0000-0003-2957-7607](https://orcid.org/0000-0003-2957-7607); PSCI SPIN-code: [7756-5209](https://www.psci-spain.com/7756-5209); Web of Science Researcher ID: [0-9705-2018](https://orcid.org/0-9705-2018); Scopus Author ID: [57216647690](https://orcid.org/57216647690).

Alena V. Verbenskaya, Specialist, Department of Scientometrics, Research and Ratings, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: a.v.verbenskaya1@usue.ru; RSCI SPIN code: [6086-4021](https://www.rsci-spain.com/6086-4021).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by RSF according to the research project No. [22-18-00614](https://www.rsf.ru/22-18-00614) «Researching the Impact of Digital Employment on Fertility and Parental Well-Being».

Received on 23.09.2025; accepted for publication on 24.11.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.4)

EDN [CEHJQK](https://eindex.ru/CEHJQK)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Узнародов Д. И.

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Для цитирования: Узнародов, Д. И. Демографическая динамика населения Крыма во второй половине XX века // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 56–69. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.4). EDN [CEHJQK](https://eindex.ru/CEHJQK).

Аннотация. В статье рассматривается специфика демографической динамики населения Крыма во второй половине XX в. Исследуются различные характеристики демографических процессов на полуострове в указанный период времени, включая изменение общей численности населения, особенности его возрастной структуры, половозрастной структуры трудовых ресурсов, показатели, определяющие стадии демографического старения социума. Основу источниковой базы научной работы составили официальные данные государственных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., статистические сборники по населению СССР обозначенного периода. В результате проведенного анализа можно выделить четыре периода, отражающих демографическую динамику Крыма в исследуемый отрезок времени: восстановительный период (1945–1958 гг.); фаза активного прироста населения (1959–1973 гг.); этап стабилизации демографических процессов (1974–1985 гг.); фаза замедления темпов прироста численности населения (вторая половина 1980-х гг.). Допустимо сделать выводы о том, что в обозначенный период на территории полуострова преобладало молодое население с тенденцией к старению, получившей развитие с 1980-х гг.; наблюдался устойчивый перевес женского населения; произошло увеличение доли горожан на 5,2%.

Ключевые слова: Крымский полуостров, демографические процессы, структура населения, динамика численности населения, демографическая нагрузка

Введение

Одним из ключевых объектов исследования ряда общественных и гуманитарных наук традиционно являются демографические процессы. Интерес к обозначенной тематике зачастую вызван тем, что все более существенную роль в фиксации социальной стагнации, территорий кризиса, а также центров опережающего роста играют такие индикаторы динамики социума, как изменения географии и численности населения, трансформация его половозрастной структуры. Целью нашей работы выступает выявление ключевых особенностей демографической динамики населения Крымского полуострова в обозначенный период, определение периодов, которые характеризуют демографическую динамику в Крыму во второй половине XX в.

Обзор научной литературы

В настоящее время в научном дискурсе существует целый комплекс исследований, раскрывающих различные аспекты демографических процессов в Крыму.

Например, в статье А. Г. Манакова и Л. Б. Вампиловой проводится оценка неоднородности национального состава населения полуострова в период между переписями 1897 и 2014 гг. [1]. В масштабном труде Я. Е. Водарского, О. И. Елисеевой, В. М. Кабузана показывается изменение численности населения Крыма на протяжении двух столетий, на основе данных переписей рассматриваются динамика численности, расселения и этнического состава населения Крыма в конце XVIII – конце XX вв. [2]. В статье Р. М. Старченко исследуется динамика этнодемографического состава населения Крыма в XVIII–XIX вв., раскрывается специфика формирования территорий расселения русского этноса на полуострове [3]. Проблемные вопросы статистического учета крымского населения накануне и в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи поднимаются в работе Д. В. Конкина [4]. Н. Д. Борщик в своем исследовании выявляет ключевые тенденции в развитии населения полуострова в конце XIX – в первой четверти XX вв. [5]. В статье Э. И. Сеитовой анализируется процесс реализации переселенческой программы на Крымском полуострове в послевоенные годы и показывается его значение в аспекте решения демографической проблемы [6].

Большой пласт научных работ посвящен современным процессам в Крыму. Среди них можно выделить работу А. В. Баранова, в которой проводится анализ трансформации этнической структуры населения Крыма в период с 2001 по 2014 гг. В рамках исследования изучается территориальный аспект данных трансформаций, главным образом затрагивающих три ключевые этнические группы Крымского полуострова (русских, украинцев и крымских татар) [7]. Особо отметим работу С. Я. Сущего, в которой значительное внимание уделяется основным геодемографическим трендам постсоветского периода на Крымском полуострове как на уровне больших населенных пунктов, так и отдельно взятых территорий, анализу соотношения миграционной и естественной компонент в регионе [8]. Проблемы зависимости социально-экономического потенциала Республики Крым от демографических факторов поднимаются в статье М. М. Кузнецова [9]. В рамках этой работы анализируются и приводятся данные о численности населения и ее динамике, половозрастной структуре населения, внутренней и внешней миграции, рождаемости и смертности. Кроме того, приводятся факторы, которые оказывают воздействие на процесс воспроизводства и депопуляции человеческого капитала. Ключевые пространственно-временные особенности демографических процессов среди сельского населения нерекреационных территорий современного Крыма анализируются в научном труде К. Ю. Сикача [10]. Особенности реализации социально-демографической политики в Республике Крым на современном этапе находят свое отражение в публикации Ю. П. Майданевич [11].

В то же время ряд аспектов нуждается в более глубинном изучении. В частности, недостаточно подробно раскрыты некоторые вопросы, связанные с выявлением ключевых характеристик динамики демографических трансформаций на территории Крымского полуострова в указанный период.

Материалы и методы

Основу инструментария исследования составили методы статистического анализа, а именно: корреляционный анализ, группировка и сводка имеющихся

статистических данных.

Помимо этого, в качестве базовой нами была выбрана методика Е. В. Чистой, которая позволила выявить стадии демографического старения населения [12]. Ключевым принципом методики является выявление стадий старения населения с применением пороговой системы индикаторов. Такие индикаторы, как глубина и уровень старения отражают реальную ситуацию, сложившуюся в конкретный временной промежуток, а ряд других предоставляет возможность увидеть важные тренды развития процесса на определенном этапе [12]. В рамках используемой методики, согласно значениям индикаторов, население соотносится с одной из четырех стадий демографического старения: I стадия – молодое население; II стадия – стареющее население; III стадия – старое население; IV стадия – глубоко старое население.

Проведенное исследование в методологическом аспекте дополнил и исторический анализ, который способствовал выявлению основных периодов в демографических трансформациях Крыма в исследуемый промежуток времени.

В качестве источниковой базы научной работы выступили материалы переписей населения 1959¹, 1970², 1979³, 1989 гг.⁴, статистические сборники по населению СССР, опубликованные в 1965⁵, 1975⁶ и 1988 гг.⁷

Результаты исследования

Процесс демографической трансформации в Крыму во второй половине XX в. включает в себя несколько основных этапов: восстановительный период (1945–1958 гг.); фаза активного прироста населения (1959–1973 гг.); этап стабилизации демографических процессов (1974–1985 гг.); фаза замедления темпов прироста численности населения (вторая половина 1980-х гг.). Остановимся подробнее на этих этапах и разберем факторы, которые оказали существенное воздействие на изменение динамики демографических процессов.

Следует подчеркнуть, что переселенческая политика на территорию полуострова начала реализовываться сразу после завершения войны, однако в период с 1945

¹ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025).

² Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям и областям (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr70_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025).

³ Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 11.06.2025).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 11.06.2025).

⁵ Численность, состав и движение населения СССР. Статистические материалы. Москва : Издательство «Статистика», 1965. 564 с.

⁶ Население СССР (численность, состав и движение населения), 1973. Статистический сборник. Москва : Издательство «Статистика», 1975. 208 с.

⁷ Население СССР. 1987. Статистический сборник. Москва : Финансы и статистика, 1988. 439 с.

по 1953 г. ее эффективность была достаточно низкой. С 1945 по 1948 г. с территории Крымского полуострова самовольно выбыли 9 449 семей, что составило 52,5% от общего количества принятых в 1944–1946 гг. семей [6, с. 184]. С 1950 по 1953 г. процесс оттока прибывшего населения продолжился – территорию Крыма покинули 24,4% организованно перемещенного на полуостров населения [6, с. 184]. На это повлиял целый комплекс факторов: отсутствие городских и районных приемно-распределительных комиссий, недоступность финансовой помощи, нерешенность вопросов бытового и трудового устройства.

После 1954 г. отношение к переселенцам меняется – увеличились объемы финансовой помощи, повысилась эффективность организации хозяйственной деятельности и создания новой жилищной инфраструктуры, появились образовательные курсы для переселенцев. И как следствие, произошло значительное сокращение самовольно выбывших переселенцев, в частности, в 1958 г. доля уехавших составила лишь 16% [6, с. 187]. К 1960-м гг. процент самовольно выбывших еще больше сократился, а численность переселенцев, в свою очередь, увеличилась.

С 1954 г. и по середину 1960-х гг. переселенцы приезжали на территорию Крыма преимущественно из различных областей Украинской ССР: в основном из Винницкой, Волынской, Житомирской, Киевской, Львовской, Полтавской, Ровенской, Тернопольской, Черниговской, Черновицкой и Хмельницкой областей [6, с. 187]. К 1965 г. в результате интенсивной переселенческой политики население Крымского полуострова за пять лет увеличилось на 25,6% и к 1965 г. превысило полтора миллиона человек (табл. 1).

По итогам переписи населения 1959 г. численность жителей Крымского полуострова составила 1 201 517 человек⁸. Первая послевоенная перепись 1959 г. зафиксировала минимальный за всю историю переписей прирост населения на территории Крыма (всего 6% за 20 лет), что объясняется огромными потерями населения в годы Великой Отечественной войны и выселением из Крыма пяти этнических групп, которые до войны суммарно составляли 28,3% населения полуострова.

Максимальный прирост населения наблюдался, начиная со второй половины 1960-х – начале 1970-х гг. (31,3%), а наименьший – в период с 1986 по 1989 г. – 2,86% (табл. 1).

Для понимания особенностей демографической динамики социума уточним, что к наиболее значимым индикаторам относится расселенческая динамика населения (табл. 2). Еще со времен Российской империи Крымский полуостров являлся одним из наиболее урбанизированных регионов, а в XX в. данный процесс запустился с новой силой. Согласно данным Всесоюзной переписи 1939 г., городское население Крыма до войны составляло уже 52%, а по итогам первой послевоенной Всесоюзной переписи 1959 г. – и вовсе 64,5% (табл. 2). На протяжении всей второй половины XX в. на полуострове происходил устойчивый рост численности городского населения, который к 1989 г. достиг показателя в 69,7%. Исключением стал

⁸ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025).

временной отрезок с 1965 по 1970-е г., когда наблюдался прирост доли сельского населения и незначительное сокращение удельного веса городского населения.

К существенным социодемографическим индикаторам относится и возрастная структура, оказывающая непосредственное влияние на развитие разных сегментов социальной инфраструктуры общества, его социально-экономическую динамику. Как показал проведенный анализ возрастной структуры (табл. 3), к самым многочисленным возрастным группам Крыма в 1959 г. принадлежали возрастная группа до 10 лет, составлявшая 19,57%, а также возрастная группа от 20 до 29 лет, доля которой находилась на уровне 18,74%.

Кроме того, нами были рассчитаны коэффициенты демографической нагрузки (общая демографическая нагрузка, нагрузка по замещению, пенсионная нагрузка) (табл. 4).

Таблица 1

Динамика численности населения Крыма в 1959–1989 гг.

Table 1

Population dynamics of Crimean Peninsula in 1959–1989

Динамика численности населения полуострова										
Год	1945	1950	1955	1959	1965	1970	1973	1979	1986	1989
Численность населения (тыс. человек)	610,0	823,0	1 096,0	1 201,5	1 509,5	1 813,5	1 982,0	2 135,9	2 363,0	2 430,5
Динамика населения полуострова по периодам (%)										
Показатели	1945–1950	1950–1955	1955–1959	1959–1965	1965–1970	1970–1973	1973–1979	1979–1986	1986–1989	
Общий прирост	34,9	33,2	9,6	25,6	20,1	9,3	7,8	10,6	2,9	
Среднегодовые показатели динамики	7,0	6,6	2,4	4,2	4,0	3,1	1,3	1,5	0,95	
Вклад в прирост населения полуострова естественной динамики и миграции										
Естественная динамика (тыс. человек)	68	72	83	81	58	26	49	50,4	23,3	
Механический прирост (тыс. человек)	145	201	22,5	227	246	142,5	104,9	176,7	44,2	
Естественная динамика (%)	31,9	26,4	78,7	26,3	19,1	15,4	31,8	22,2	34,5	
Механический прирост (%)	68,1	73,6	21,3	73,7	80,9	84,6	68,2	77,8	65,5	

Источник: составлено автором по данным Всесоюзных переписей населения и статистическим сборникам⁹

⁹ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям и областям (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr70_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 11.06.2025); Численность, состав и движение населения СССР. Статистические материалы. Москва : Издательство «Статистика», 1965. 564 с.; Население СССР (численность, состав и движение населения), 1973. Статистический сборник. Москва : Издательство «Статистика», 1975. 208 с.; Население СССР. 1987. Статистический сборник. Москва : Финансы и статистика, 1988. 439 с.; Естественное движение населения регионов республик СССР (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr.php> (дата обращения: 11.06.2025); Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник. Одесса : Статистика,

Таблица 2

**Динамика городского и сельского населения Крымского полуострова
в 1959–1989 гг.**

Table 2

Dynamics of the urban and rural population of Crimean Peninsula in 1959–1989

Год	1959	1965	1970	1973	1979	1986	1989
Численность населения (тыс. человек)							
Городское	775,4	981	1 146,7	1 299,0	1 467,1	1 641,0	1 714,0
Сельское	426	528	666,7	683,0	715,7	722,0	744,0
Удельный вес (%)							
Городское	64,5	65	63,2	65,5	67,2	69,4	69,7
Сельское	35,4	35	36,7	34,4	32,7	30,5	30,2

Источник: составлено автором по данным Всесоюзных переписей населения и статистическим сборникам¹⁰

Таблица 3

Возрастная структура населения Крыма в 1959–1989 гг.

Table 3

The age structure of the population of Crimea in 1959–1989

Возрастные группы	Численность населения (тыс. человек)				Удельный вес среди всех этнических групп (%)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
младше 10	235 093	292 666	327 940	371 218	19,57	16,14	15,35	15,27
10-19	179 715	312 481	322 212	340 394	14,96	17,23	15,09	14,02
20-29	225 160	263 030	367 567	345 686	18,74	14,51	17,21	14,22
30-39	201 905	319 380	295 171	399 175	16,8	17,61	13,82	16,42
40-49	147 523	267 745	318 913	297 339	12,28	14,76	14,93	12,23
50-59	112 644	166 414	246 302	309 072	9,38	9,18	11,53	12,72
старше 60	99 433	189 046	257 287	363 685	8,28	10,42	12,05	14,96
неизвестен	44	2740	524	3 926	0	0,15	0,02	0,16

Источник: составлено автором по данным Всесоюзных переписей населения¹¹

1967. 179 с.; Крым в цифрах – до войны и после // Крымское эхо – Живой журнал : [сайт]. URL: <https://kr-echo.livejournal.com/1382797.html> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям и областям (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr70_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 11.06.2025); Численность, состав и движение населения СССР. Статистические материалы. Москва : Издательство «Статистика», 1965. 564 с.; Население СССР (численность, состав и движение населения), 1973. Статистический сборник. Москва : Издательство «Статистика», 1975. 208 с.; Население СССР. 1987. Статистический сборник. Москва : Финансы и статистика, 1988. 439 с.

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов

Таблица 4

Половозрастная структура трудовых ресурсов Крыма в 1959–1989 гг.

Table 4

The gender and age structure of Crimea's workforce in 1959–1989

Численность населения	В том числе в возрасте (человек)			Коэффициенты демографической нагрузки (‰)		
	младше трудо-способного	в трудоспо-собном	Старше трудо-способного	Общая	Нагрузка по замещению	Пенсионная нагрузка
1959						
Всего	328 196	742 165	131 112	618	442	176
Мужчины	167 097	329 183	32 832	607	507	99
Женщины	161 099	412 982	98 280	628	390	237
1970						
Всего	485 159	1 079 837	245 766	676	449	227
Мужчины	247 420	524 707	59 999	585	471	114
Женщины	237 739	555 130	185 767	762	428	334
1979						
Всего	513 540	1 306 398	315 454	634	393	241
Мужчины	262 442	639 819	80 601	536	410	125
Женщины	251 098	666 579	234 853	729	376	352
1989						
Всего	583 042	1 404 453	439 074	727	415	312
Мужчины	297 803	710 056	121 305	590	419	170
Женщины	285 239	694 397	317 769	868	410	457

Источник: составлено автором по данным Всесоюзных переписей населения¹²

Относительно 1959 г. можно говорить о значительном перевесе женского населения (56 на 44%), что во многом обусловлено последствиями Великой Отечественной войны и огромными потерями среди мужского населения.

Второй рассматриваемый период (1959–1973 гг.) отличается максимальным за всю вторую половину XX в. приростом населения на территории Крымского полуострова и наиболее сбалансированным характером движения населения. Большое внимание было сосредоточено на строительстве жилья для новых

и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям и областям (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr70_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 11.06.2025).

¹² Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям и областям (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr70_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 11.06.2025).

переселенцев, которые отбирались уже более точно, а критерии отбора были закреплены в особой инструкции [6, с. 184]. Прирост населения в указанный период составил 31,3%, а рост трудовых ресурсов – почти 60%. При этом необходимо подчеркнуть, что в указанный период механический прирост населения превышал естественный и от общего прироста населения составлял 72,3%. Темпы урбанизации в данный промежуток времени тоже возросли, составив 24,4% (табл. 2).

Подобные процессы повлияли на изменение характера половозрастной структуры населения. Если в 1959 г. наиболее многочисленными возрастными группами были возрастные группы младше 10 лет и 20–29 лет, то к 1970 г. такими возрастными группами стали возрастные группы 10–19 лет и 30–39 лет (табл. 3). Обозначенные изменения, а речь главным образом идет об увеличении численности возрастной группы 30–39 лет, связаны именно с системной переселенческой политикой, которая проводилась на территории Крыма с середины 1950-х гг. и, в частности, в наиболее успешный период, датированный второй половиной 1960-х гг.

Следует отметить, что максимальный прирост с 1959 по 1970 г. фиксировался среди возрастных групп 40–49 лет и старше 60 лет (на 81,4 и 90,1% соответственно). Однако, такой масштабный прирост в рамках обозначенных возрастных групп нельзя полностью связывать с проводимой переселенческой политикой на полуостров, особенно это касается возрастной группы старше 60 лет, прирост которой, в большей степени, обусловлен смещением половозрастной пирамиды, что является вполне естественным процессом для возрастной структуры любого социума. В отношении возрастной группы 40–49 лет речь допустимо вести о влиянии «переселенческого» фактора, но в полной мере считать его определяющим в росте численности этой возрастной группы все-таки будет не совсем верно. Нужно указать и на то, что к 1970 г. увеличился коэффициент пенсионной нагрузки (табл. 4), что также является следствием вышеназванных процессов.

Говоря о гендерной структуре населения региона в исследуемый период времени, следует отметить, что ярко выраженная количественная доминанта продолжала оставаться за женщинами (54 на 46%), и что резкого смещения полового соотношения не произошло (табл. 5).

Таблица 5

Гендерная структура населения Крымского полуострова в 1959–1989 гг.

Table 5

The gender structure of the population of Crimean Peninsula in 1959–1989

Год	1959	1970	1979	1989
Численность (тыс. человек)				
Мужчины	529 134	833 416	983 096	1 131 067
Женщины	672 383	980 086	1 152 820	1 299 428
Относительный показатель				
Число мужчин на 100 женщин	78,69	85,03	85,27	87,04

Источник: составлено автором по данным Всесоюзных переписей населения¹³

¹³ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная

Третий, выделяемый нами период (1974–1985 гг.), отличается определенным снижением темпов прироста населения, что связано, в том числе, с сокращением миграционного притока на территорию полуострова. Этот отрезок времени характеризуется завершением плановой организации трудовой миграции в Крым из различных областей страны, в первую очередь из Украинской ССР. Также был дан старт политике по внутриобластному переселению семей из рабочих поселков, районных центров и некоторых городов с целью оптимизации управления трудовыми ресурсами [6, с. 187]. Решающим фактором для закрепления переселенцев являлась утвержденная властями страны система льгот: государство приняло на себя все расходы по перевозке людей и их собственности; новым жителям была предоставлена единовременная выплата в сумме 2 500 руб. на каждую семью, ссуда на хозяйственные и иные нужды в размере 5 000 руб. с обязательством погашения в течение пяти лет [6, с. 187]. Немаловажную роль сыграло освобождение переселенцев сроком на один год от уплаты всех налогов и страховых платежей [6, с. 187]. Активно применялась практика предоставления кредитов на строительство жилья. Динамичное развитие получила строительная программа. В отличие от начальных этапов заселения Крымского полуострова жителями других областей, на протяжении 1970-х гг. для переселенцев строилось специальное жилье, в частности, по типу М-3-К – более комфортное и увеличенной площади [6, с. 187].

Что касается возрастной структуры, то в 1979 г., в отличие от 1959 и 1970 гг., наиболее многочисленной стала уже возрастная группа от 20 до 29 лет (17, 2%). Второй по численности оказалась возрастная группа младше 10 лет (15,3%), которая в 1959 г. была самой многочисленной (табл. 3). Можно говорить и о перевесе женского населения, который остался почти на том же уровне (53,9 на 46,1%), что и десятилетием раньше (табл. 4).

Переходя к рассмотрению четвертого периода, который датируется второй половиной 1980-х гг., отметим, что в этот промежуток времени произошло еще большее снижение демографического роста (с 10,6% в первой половине до 3,8% во второй). Фиксировались самые низкие значения среднегодовых показателей динамики прироста населения – чуть более 1% (табл. 1).

Относительно расселенческой динамики на территории Крыма в 1980-е гг. XX в. скажем, что к концу десятилетия рекордных значений за советский период в целом достигла доля городского населения – 69,7% (табл. 2). Прирост городского населения был максимальным за весь исследуемый период и составил 2,5%. Примечательно то, что 86% от общего прироста городского населения пришлось на первую половину десятилетия.

перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям и областям (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr70_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 11.06.2025).

Самой многочисленной возрастной группой к концу 1980-х гг. стала возрастная группа 30–39 лет (табл. 3). Впервые в число трех самых многочисленных возрастных групп населения вошла возрастная группа старше 60 лет.

Далее. Приведем результаты анализа индикаторов (табл. 6), отображающих стадии демографического старения населения Крымского полуострова в исследуемый период (на основе методологии Е. В. Чисовой, о которой говорилось ранее) [12].

Таблица 6

Матрица стадий демографического старения населения

Table 6

The matrix of stages of demographic aging of the population

Индикатор	Значение индикатора				Стадии			
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	I	II	III	IV
Коэффициент старения населения (%)	8,27	10,42	12,04	14,96	менее 15	15–20	более 20	более 20
Средний возраст населения (лет)	29,6	31,5	33,6	34,6	менее 30	30–40	более 40	более 40
Коэффициент демографической нагрузки пожилым населением	126	161	184	240	менее 300	300–450	более 450	более 450
Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни мужчин и женщин, достигших 60 лет	11,57	12,01	14,42	11,20	менее 15	15–20	15–20	более 20
Индекс глубины старения (%)	17,15	18,96	21,19	23,67	менее 15	15–25	15–25	более 25
Коэффициент долголетия населения (%)	7,07	8,47	9,17	10,31	менее 2	2–5	2–5	более 5
Темп прироста коэффициента рождаемости населения (%)	–	–23,31	5,94	–3,89	более 100	менее 100	менее 100	менее 100
Темп прироста коэффициента старения населения (%)	–	25,6	15,3	24,1	менее 100	более 100	более 100	более 100

Источник: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения¹⁴

Как показал проведенный нами анализ, население Крыма в исследуемый период можно определить как молодое с тенденцией к старению. Половина указанных выше индикаторов, согласно проведенным расчетам, превышает значения

¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям и областям (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr70_reg1.php (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 11.06.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 11.06.2025).

I стадии демографического старения, что позволяет говорить о начавшейся тенденции старения населения полуострова.

Выводы

В демографических процессах на территории Крыма во второй половине XX в. можно выделить четыре ключевых этапа:

- 1) восстановительный (1945–1958 гг.);
- 2) активного прироста населения (1959–1973 гг.);
- 3) стабилизации демографических процессов (1974–1985 гг.);
- 4) замедления темпов прироста численности населения (вторая половина 1980-х гг.).

В период с 1959 по 1989 гг. на полуострове произошло более чем двукратное увеличение численности населения. Максимальный прирост фиксировался с 1959 по 1973 гг. (31,3%). Согласно выполненному анализу матрицы стадий демографического старения, на территории Крыма во второй половине XX в. превалировало молодое население, но с тенденцией к старению. Доля жителей до 20 лет в период с 1959 по 1989 гг. являлась второй по численности на протяжении нескольких десятилетий (в 1950-е гг., а также со второй половины 1970-х – 1980-х гг.) и в указанный временной отрезок составляла в среднем 31,90%, что почти на 10% ниже, чем в первой половине XX в. В свою очередь, численность населения старше 60 лет возросла в 3,5 раза. Еще один вывод состоит в том, что во второй половине XX в. в Крыму наблюдался устойчивый перевес женского населения, который совсем незначительно сократился к концу 1980-х гг. Что касается расселенческой динамики населения, то ее глобальной трансформации не произошло – с 1959 по 1989 гг. доля горожан возросла с 64,5 до 69,7%.

Несмотря на то, что проводимая с середины 1950-х гг. и по середину 1960-х гг. переселенческая политика на Крымском полуострове ставила целью не только промышленное развитие территории, но и ее украинизацию, выражавшуюся в масштабном переселении граждан с территорий центральной и западной Украины (Винницкая, Волинская, Житомирская, Киевская, Львовская, Полтавская, Ровенская, Тернопольская, Черниговская, Черновицкая и Хмельницкая области), в результате которой численность населения Крыма в короткий отрезок времени возросла более чем на 20%. Тем не менее, она не привела к кардинальному изменению этнического ландшафта и в перспективе не способствовала смене идентификационной матрицы населения региона. Особенно ярким подтверждением этого тезиса являются события «Крымской весны» 2014 г., когда абсолютное большинство населения высказалось за выход Крымского полуострова из состава Украины и последующее присоединение к Российской Федерации.

Список литературы

1. Манаков, А. Г. Оценка степени неоднородности этнической структуры населения Крыма с 1897 по 2014 гг. / А. Г. Манаков, Л. Б. Вампилова // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19, № 1. С. 113–128. DOI [10.37490/S221979310023933-9](https://doi.org/10.37490/S221979310023933-9). EDN [NBHIKR](#).
2. Водарский, Я. Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков / Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кабузан. Москва : Институт российской истории РАН, 2003. 160 с. ISBN 5-8055-0104-X. EDN [QOOWUN](#).

3. Старченко, Р. А. Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX веках // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 6. С. 38–41. EDN [RSBAYT](#).

4. Конкин, Д. В. К вопросу о населении Крыма в конце XVIII – начале XIX вв. и первой волне крымско-татарской эмиграции // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2022. № 27. С. 628–647. DOI [10.29039/2413-189X.2022.27](#). EDN [UJQZIR](#).

5. Борщик, Н. Д. Население Крымского полуострова по материалам Всероссийских переписей 1897–1923 гг.: основные тенденции и факторы развития // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей в 2-х томах. Т. 1. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2022. С. 31–40. DOI [10.17059/udf-2022-1-3](#). EDN [TWNCOF](#).

6. Сеитова, Э. И. Послевоенный Крым: административно-территориальное устройство и демография // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 181–188. EDN [SJEGCZ](#).

7. Баранов, А. В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14), № 4. С. 351–360. EDN [YLBVQT](#).

8. Суций, С. Я. Геодемографическая динамика населения Крыма: основные тренды и факторы постсоветского периода // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9, № 4. С. 121–134. DOI [10.15688/re.volsu.2021.4.12](#). EDN [UFRUSB](#).

9. Кузнецов, М. М. Демографический аспект формирования человеческого капитала Республики Крым // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 6. С. 30–37. EDN [VCDSRN](#).

10. Сикач, К. Ю. Демографические процессы в сельской местности Республики Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. Т. 20, № 3. С. 116–126. EDN [JBYGAE](#).

11. Майданевич, Ю. П. Социально-демографические политики в Республике Крым: проблемы и пути их решения // Экономика и предпринимательство. 2022. № 9 (146). С. 395–400. DOI [10.34925/EIP.2022.146.9.076](#). EDN [UIFUPT](#).

12. Чистова, Е. В. Подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне // Демографический потенциал стран ЕАЭС. Сборник статей VIII Уральского демографического форума. Том 2. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 489–496. EDN [VSZALJ](#).

Сведения об авторе

Узнародов Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

Контактная информация: e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7570-3614](#); ПИНЦ SPIN-код: [1442-1131](#); Web of Science Researcher ID: [J-4865-2018](#).

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН на 2025 г., № 125011300217-1.

Статья поступила в редакцию 11.08.2025; принята в печать 20.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE CRIMEAN POPULATION DURING THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Dmitry I. Uznarodov

Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

For citation: Uznarodov, D. I. Demographic Dynamics of the Crimean Population During the Second Half of the 20th Century. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 56–69. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.4). (In Russ.)

Abstract. The article considers the specific features of the demographic dynamics of the population in Crimea during the second half of the 20th century. Various aspects of demographic processes in the peninsula during this time period are studied, such as changes in total population size, characteristics of its age and gender structure, and indicators that determine stages of demographic ageing in society. The scientific work's source base includes official census data from 1959, 1970 and 1989 as well as statistical collections on the population of the Soviet Union during this period. As a result, four distinct periods can be identified that reflect the demographic trends in Crimea over this timeframe: recovery (1945–1958), active population growth phase (1960–1972), stabilization stage (1975–1984), and slowing population increase phase (late 1990s). During this period, the population of the peninsula was predominantly young with an increasing trend towards older ages since the late 1980-s; there was a stable female majority; and the proportion of urban residents increased by 5.2%.

Keywords: Crimean Peninsula, demographic processes, population structure, population dynamics, demographic burden

References

1. Manakov, A. G., Vampilova, L. B. Assessment of the Degree of Heterogeneity of the Ethnic Structure of the Population of the Crimea from 1897 to 2014. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023. Vol. 19, No. 1. Pp. 113–128. DOI [10.37490/S221979310023933-9](https://doi.org/10.37490/S221979310023933-9). (In Russ.).
2. Vodarsky, Ya. E., Eliseeva, O. I., Kabuzan, V. M. *Naselenie Kryma v konce XVIII – konce XX veka [The population of Crimea at the end of the XVIII – the end of the XX century]*. Moscow : Institute of Russian History RAS Publ. 2003. 160 p. ISBN 5-8055-0104-X. (In Russ.).
3. Starchenko, R. A. Dinamika chislennosti i rasseleniya russkikh Kryma v XVIII–XIX vekakh [Dynamics of the number and settlement of Russians in Crimea in the XVIII–XIX centuries]. *Vestnik of Kostroma State University*. 2013. Vol. 19, No. 6. Pp. 38–41. (In Russ.).
4. Konkin, D. V. On the Problem of the Population of the Crimea in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries and the First Wave of Crimean Tatar Emigration. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2022. No. 27. Pp. 628–647. DOI [10.29039/2413-189X.2022.27](https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27). (In Russ.).
5. Borshchik, N. D. Population of the Crimean Peninsula Based on the Materials of All-Russian Censuses of 1897–1923: Main Trends and Development Factors. In: *Global'nye vyzovy demograficheskomu razvitiyu [Global challenges to demographic development]*: Collection of scientific articles in 2 volumes. Vol. 1. Yekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the RAS Publ., 2022. Pp. 31–40. DOI [10.17059/udf-2022-1-3](https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-3). (In Russ.).
6. Seitova, E. I. Post-War Crimea: Administrative and Territorial System and Demography. *Space and Time*. 2014. No. 2 (16). Pp. 181–188. (In Russ.).
7. Baranov, A. V. Changes to the Ethnic Structure of the Crimea Population in the Post-Soviet Period: Identity Drift and Migration Processes. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2018. Vol. 4 (14), No. 4. Pp. 351–360. (In Russ.).
8. Suschiy, S. Ya. Geodemographic Dynamics of Crimean Population: Main Trends and Factors of Post-Soviet Period. *Regional economy. South of Russia*. 2021. Vol. 9, No. 4. Pp. 121–134. DOI [10.15688/re.volsu.2021.4.12](https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.4.12). (In Russ.).
9. Kuznetsov, M. M. The Demographic Aspect of Human Capital Formation of the Republic of Crimea. *Society: Politics, Economics, Law*. 2015. No. 6. Pp. 30–37. (In Russ.).

10. Sikach, K. Yu. Demographic Processes in Rural Areas of the Republic of Crimea. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2024. Vol. 20, No. 3. Pp. 116–126. (In Russ.).

11. Maydanevich, Y. P. Socio-Demographic Policies in the Republic of Crimea: Problems and Solutions. *Economics and Entrepreneurship*. 2022. No. 9. Pp. 395–400. DOI [10.34925/EIP.2022.146.9.076](https://doi.org/10.34925/EIP.2022.146.9.076). (In Russ.).

12. Chistova, E. V. The Approach to Defining the Stage of Demographic Aging of the Population of Region. In: *Demograficheskiy potencial stran EAES [Demographic potential of the EAEU countries]* : Collection of articles of the VIII Ural Demographic Forum, Vol. II. Yekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the RAS Publ., 2017. Pp. 489–496. (In Russ.).

Bio notes

Dmitry I. Uznarodov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: uzn-dmitrii@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7570-3614](https://orcid.org/0000-0001-7570-3614); RSCI SPIN code: [1442-1131](https://www.scirp.com/spin-1442-1131); Web of Science Researcher ID: [I-4865-2018](https://orcid.org/I-4865-2018).

Acknowledgements and financing

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Southern Scientific Center RAS for 2025, No. 125011300217-1.

Received on 11.08.2025; accepted for publication on 20.10.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.5)

EDN [IUAZVT](https://www.edn.ru/IUAZVT)

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ СИБИРИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рязанцев С. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Вазиров З. К.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Гарибова Ф. М.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Миграционная политика в этнонациональных регионах Сибири: вызовы и перспективы / С. В. Рязанцев, З. К. Вазиров, Ф. М. Гарибова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 70–96. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.5). EDN [IUAZVT](https://www.edn.ru/IUAZVT).

Аннотация. Настоящее исследование предлагает многоаспектный анализ реализации миграционной политики в этнонациональных регионах Сибирского федерального округа (Республика Алтай, Хакасия, Тыва). На основе стратегии сравнительного кейс-стади работа выявляет глубокий структурный дисбаланс современной политики: с одной стороны, наблюдается устойчивый отток местного населения, особенно молодежи, в более развитые регионы страны, а с другой – программы по привлечению соотечественников и иностранной рабочей силы демонстрируют недостаточную эффективность для компенсации демографических потерь. Анализ региональных особенностей подтверждает, что, несмотря на различия в экономической специализации и этнодемографическом профиле, все три республики сталкиваются с общими системными проблемами: недостаточностью мер поддержки, сложностями с адаптацией прибывающих и неспособностью переломить тенденцию к оттоку квалифицированных кадров. Исследование показывает, что существующие меры часто носят символический характер и не соответствуют масштабам вызовов. Результаты работы свидетельствуют о необходимости принципиально нового подхода к формированию миграционной политики. Вместо точечных мер требуется интеграция миграционной повестки в общую стратегию регионального развития. Ключевым условием успеха является создание привлекательных условий жизни для всего населения, развитие современной инфраструктуры и диверсификация экономики. Полученные выводы и материалы могут представлять ценность для федеральных и региональных органов власти, занятых формированием и практическим воплощением курса в сфере миграции, а также для экспертного и академического сообществ, специализирующихся на проблематике пространственного развития и трансформации социально-экономических систем под влиянием миграционных факторов.

Ключевые слова: миграционная политика, этнонациональные регионы, трудовая миграция, миграция, Сибирский федеральный округ, Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Тыва

Введение

В условиях глобализации и ускоренной миграции исследование миграционной политики в этнонациональных регионах Сибирского федерального округа (СФО) Российской Федерации приобретает особую актуальность. СФО, характеризующийся высоким уровнем этнокультурного разнообразия, требует разработки и внедрения специализированных стратегий управления миграционными

потоками, направленных на гармонизацию межэтнических отношений и сохранение культурного наследия.

Одним из ключевых вызовов является необходимость разработки сбалансированной миграционной политики, учитывающей как потребности экономики в трудовых ресурсах, так и этнонациональные особенности территорий. На фоне демографического старения населения и дефицита рабочей силы миграция становится важным фактором восполнения трудовых ресурсов. Но при этом необходимо учитывать, что миграционные потоки могут оказывать значительное влияние на этнонациональный состав населения, что требует разработки специальных мер по интеграции мигрантов.

Другой немаловажный момент – сохранение культурного многообразия, являющегося неотъемлемой частью идентичности этнонациональных регионов. В условиях глобализации и унификации культурных ценностей миграция может способствовать как обогащению культурного наследия, так и его утрате. Поэтому миграционная политика должна быть направлена на сохранение и развитие этнокультурных традиций, на создание условий для межкультурного диалога.

Социальная стабильность – еще один из важнейших аспектов, который следует учитывать при разработке миграционной политики. Миграционные процессы могут вызывать социальное напряжение, связанное с конкуренцией за ресурсы, изменением этнонационального состава населения и иными факторами. В связи с чем необходимо принимать меры по предотвращению конфликтов и обеспечению социальной справедливости.

Выбор республик Алтай, Хакасия и Тыва в качестве объектов данного исследования обусловлен, во-первых, тематикой государственного задания, в рамках которого выполняется работа. Во-вторых, эти три региона представляют собой репрезентативные модельные случаи (case studies) для сравнительного анализа реализации миграционной политики в этнонациональных субъектах Сибирского федерального округа. Несмотря на существенные различия в экономической структуре (промышленная Хакасия против аграрно-туристических Алтая и Тывы) и этнодемографическом профиле (полиэтничные Алтай и Хакасия против моноэтничной Тывы), их ключевое сходство – статус республик с ярко выраженным этнонациональным компонентом – дает право рассматривать их в едином исследовательском поле. Этот сравнительный дизайн, построенный на принципе «единства в разнообразии», позволяет выявить универсальные системные проблемы миграционной политики, проявляющиеся вне зависимости от контекстных различий.

Центральный тезис исследования заключается в том, что современная миграционная политика в этнонациональных регионах Сибири характеризуется глубоким структурным дисбалансом. Такой дисбаланс проявляется в устойчивом оттоке постоянного населения, который не компенсируется ни символическими программами по привлечению соотечественников, ни импортом нестабильной низкоквалифицированной иностранной рабочей силы. Доказывая это, авторы утверждают, что ключевой причиной неэффективности является отрыв миграционной повестки от комплексной стратегии пространственного развития, делающей территории привлекательными для жизни. Настоящая работа призвана не просто описать вышеназванный дисбаланс на примере республик Алтай, Хакасия и Тыва,

но и последовательно проанализировать его проявления на уровне нормативных документов, статистических данных и региональных программ, обосновав необходимость совершенно иного, интегративного подхода.

В рамках исследования под миграционной политикой понимается целенаправленная деятельность государства по регулированию миграционных потоков через систему правовых, экономических и организационных механизмов, направленная на достижение сбалансированного решения трех ключевых задач: демографического восполнения и территориального размещения населения; удовлетворения потребностей экономики в трудовых ресурсах; сохранения социально-политической стабильности и этнокультурного баланса в принимающих регионах. Такой подход позволяет анализировать миграционную политику как систему вынужденных компромиссов между демографическими, экономическими и социально-политическими целями, что особенно актуально для этнонациональных регионов Сибири, где эти противоречия проявляются наиболее остро.

Эволюция государственной миграционной политики России свидетельствует о сложном поиске оптимальной модели. Как отмечает А. Н. Шмачкова, распад СССР коренным образом изменил миграционную ситуацию, превратив внутренних мигрантов во внешних и потребовав разработки принципиально новых подходов [1].

В период, предшествовавший 2025 г., ключевой целью политики, согласно Указу Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», являлось создание миграционной ситуации, способствующей решению задач в сфере социально-экономического, пространный и демографического развития страны¹.

Однако научное сообщество указывало на системные проблемы в реализации этой политики. Еще в 2017 г. О. Д. Воробьева и Л. Л. Рыбаковский аргументировали, что главной доминантой для России должен стать миграционный прирост численности населения, а страна – быть привлекательной для соотечественников. Вместе с тем ученые критически оценивали отсутствие четких приоритетов, отмечая, что Концепция до 2025 г. оказалась «гибридным» документом, где «в этом обилии потерялись истинные цели» [2].

Принятие Указа Президента РФ № 738 от 15 октября 2025 г., утвердившего новую Концепцию на 2026–2030 гг., стало прямым откликом на необходимость перезагрузки подхода². Таким образом, анализ реализации миграционной политики в этнонациональных регионах СФО дает возможность оценить не только текущие вызовы, но и наследие предыдущего этапа, и потенциал нового стратегического курса. Ее положения, в частности акцент на целевой организованный набор иностранных работников, цифровизацию всех процессов и недопущение

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/by-date/31.10.2018> (дата обращения: 25.06.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 25.06.2025).

формирования этнических анклавов, создают новый контекст для оценки региональных программ и миграционной ситуации в целом.

Обзор научной литературы

Значительный вклад в понимание системных проблем миграционной политики внесли О. Д. Воробьева и Л. Л. Рыбаковский. Их критический анализ указывает на такие хронические проблемы, как смещение приоритетов с переселенческой политики на временную трудовую миграцию, неэффективность Программы по переселению соотечественников, а также на то, что законодательство зачастую выступает сдерживающим, а не привлекающим фактором. Многие из выявленных ими дисбалансов находят свое подтверждение в нашем эмпирическом материале, собранном для сибирских регионов.

Международный контекст миграционной политики Российской Федерации исследовала А. Н. Шмачкова, подчеркивая, что Россия остается центром постсоветской миграционной системы, а ее политика испытывает сильное влияние вопросов безопасности. При этом, как отмечает автор, миграционная политика стран СНГ, включая РФ, уделяет недостаточное внимание таким компонентам, как права мигрантов, сотрудничество с диаспорами и программы реинтеграции.

Значительное количество научных исследований посвящено изучению миграционной политики в этнонациональных регионах СФО. Данный вопрос представляет собой предмет междисциплинарного анализа, включающего в себя аспекты демографии, социологии, политологии и этнологии. В рамках этих исследований рассматриваются как теоретические модели миграционных процессов, так и практические механизмы их регулирования на региональном уровне. Особый упор делается на изучение специфики миграционной политики в контексте этнонационального многообразия, что позволяет выявить особенности взаимодействия различных этнических групп и выработать рекомендации по оптимизации миграционных процессов в условиях многонационального региона.

Важным основанием для разработки адресной миграционной политики в этнонациональных регионах Сибири служит анализ их миграционной привлекательности. В рамках исследования миграционных процессов в Сибирском федеральном округе, проведенного Т. М. Ойду, И. Н. Трошкиной и С. Д. Дилековой, была предложена методика, позволяющая не только классифицировать регионы, но и определить конкретные проблемные зоны, требующие целенаправленного регулирования [3]. Используя корреляционный и кластерный анализ, авторы выделили двенадцать ключевых социально-экономических показателей, наиболее сильно влияющих на миграционный прирост: численность населения; среднедушевые денежные доходы; потребительские расходы; число больничных коек; ввод в действие жилых домов; число организаций; среднегодовая численность занятых; оборот розничной торговли; сальдированный финансовый результат организаций; основные фонды в экономике; объем отгруженных товаров обрабатывающих производств; валовой региональный продукт. На их основе республики Южной Сибири – Алтай, Тыва и Хакасия – были отнесены к кластеру с низкой миграционной привлекательностью. При этом авторы подчеркивали необходимость дифференцированного подхода к повышению привлекательности территорий: для Хакасии

приоритетом должен стать рост среднедушевых денежных доходов, валового регионального продукта, объема отгруженных товаров собственного производства и основных фондов в экономике; а для республик Алтай и Тыва требуется системное улучшение по всем 12 выделенным показателям. Такой анализ дает четкие ориентиры для формирования дифференцированной миграционной политики, основанной на эмпирически выверенных критериях.

В своем исследовании С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Н. Храмова пришли к следующим выводам. За последние два десятилетия численность русскоговорящих общин в странах «дальнего» зарубежья значительно возросла за счет эмиграции из России, в то время как в странах бывшего СССР она сократилась из-за иммиграции в Российскую Федерацию. Основной поток возвратной миграции составляют переселенцы из стран СНГ, а вклад государств Балтии и «дальнего» зарубежья незначителен. Миграционный потенциал соотечественников в странах «ближнего» зарубежья сохраняется. Численность русских в СНГ и Балтии оценивается в 14,3 млн человек, но миграционный потенциал для России на ближайшее десятилетие составляет около 2 млн человек. Миграция часто происходит поэтапно, например, через отправку детей на обучение. Реализация миграционного потенциала соотечественников в СНГ все больше зависит от ситуации в РФ. При принятии решения о переезде люди ориентируются на условия в России как в принимающей стране [4].

С. И. Абылкалыков обращает внимание на то, что высокие показатели естественного прироста населения в сельских районах Тывы компенсируются значительным оттоком жителей в города и за пределы республики. Наиболее тесные миграционные связи Тывы наблюдаются с соседними сибирскими регионами, но в последние годы возрастает роль столичных агломераций Москвы и Санкт-Петербурга. Замечена тенденция к снижению доли мигрантов, прибывших из других российских регионов, и увеличению числа тех, кто покидает республику, среди ее уроженцев. Автор отмечает: следует учитывать то, что накопление значительной ошибки в демографическом балансе, вызванное длительным временным промежутком между переписями населения, а кроме того, возможное изменение методов учета миграции могут привести к существенной переоценке численности населения республики в ходе следующей переписи [5].

В статье К. В. Швориной и Л. М. Фалейчика анализируются вопросы миграционной активности населения регионов Сибири. Основное внимание уделяется анализу и характеристике миграционных процессов в СФО, выявлению факторов, влияющих на межрегиональную миграцию и определяющих ее направления. Гипотеза исследования заключается в том, что межрегиональные различия в социально-экономическом развитии играют ключевую роль в формировании факторов, влияющих на миграцию. В результате анализа было установлено, что основная часть населения регионов состоит из местных жителей, причем наблюдается рост их территориальной мобильности. Однако приживаемость мигрантов в большинстве регионов остается низкой. Авторы предлагают свой собственный подход к исследованию факторов миграции, основанный на сочетании методов многомерного кластерного и геоинформационного анализа. Результаты исследования подтверждают зависимость миграционной активности от качества жизни в регионах и могут быть

использованы для разработки эффективных механизмов социально-экономического развития [6].

Статья Т. К. Ростовской и Е. Н. Васильевой, фокусирующаяся на образовательной миграции молодежи Тывы, служит идеальным микрокейсом и углубленным эмпирическим подтверждением макротезиса о структурном дисбалансе миграционной политики в этнонациональных регионах. Если в основном тексте диагностируется общая проблема – устойчивый отток населения и неэффективность компенсационных программ, то анализ образовательной миграции вскрывает ключевой механизм этой проблемы. Он детально иллюстрирует, как институциональные провалы (катастрофический дефицит бюджетных мест, недоступность платного образования и отсутствие перспектив на рынке труда) формируют у молодежи рациональную стратегию отъезда как единственный способ инвестировать в свой человеческий капитал. Таким образом, работа ученых наглядно демонстрирует, что системная непривлекательность региона проявляется, прежде всего, в тотальной неспособности удержать собственную, наиболее перспективную часть населения – молодежь, что усугубляет демографическую изоляцию, описанную в данном исследовании [7].

Тывинские исследователи О. Д. Натсак и Ч. Б. Даржаа на основе социологического опроса, проведенного в апреле 2023 года, оценивают миграционные намерения населения Республики Тыва и приходят к выводу о том, что почти каждый пятый житель республики (32,8% в совокупности) рассматривает возможность переезда. Основными причинами миграции являются поиск работы и высокооплачиваемой занятости, доступ к качественному образованию для детей и медицинским услугам. Наибольший миграционный потенциал наблюдается среди молодежи и экономически активного населения, при этом основными направлениями для переезда выступают другие регионы России (43,3%) и столица Тывы – город Кызыл (31,2%). Ученые также фиксируют негативное миграционное сальдо и прогнозируют усиление оттока населения, что создает риски для человеческого капитала региона, несмотря на сохраняющийся естественный прирост [8].

Помимо анализа вызовов в сибирских регионах, важное значение имеет изучение успешных практик реализации миграционной политики в других субъектах Российской Федерации. К примеру, в этом плане весьма полезна статья Г. Ф. Ахметовой, обобщающая опыт Татарстана по созданию территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и целенаправленному брендингу привлекательности региона для жизни и инвестиций и демонстрирующая, как можно переломить миграционную убыль. Программы поддержки моногородов в Кемеровской области или стратегия развития агломераций вокруг Новосибирска и Красноярска показывают эффективность точечных инвестиций в инфраструктуру и создание высокопроизводительных рабочих мест для удержания населения. Упомянутые нами примеры свидетельствуют о том, что ключом к успеху становится не столько узконаправленная миграционная программа, сколько интеграция миграционной повестки в общую стратегию пространственного и экономического развития региона [9].

Хакасский ученый Е. П. Мамышева в своем исследовании приходит к выводу о системном характере миграционных проблем Республики Хакасия, где

сохраняется устойчивая миграционная убыль населения, обусловленная как оттоком жителей в иные регионы страны, так и негативной динамикой международной миграции, при этом официальная статистика не полностью отражает реальные масштабы внутренних перемещений из-за проблем с регистрацией, а рост временной и нелегальной миграции усугубляет социально-экономические риски для территории, что требует разработки комплексной миграционной политики, тесно увязанной со стратегиями экономического развития для сохранения человеческого капитала [10].

Источники информации и методы исследования

Методологической основой научной работы является системный подход, включающий анализ нормативно-правовой базы и официальной статистической информации. В рамках исследования рассматриваются как положительные, так и отрицательные аспекты реализуемых программ, что позволяет сформулировать основные проблемы и предложить эффективные пути их решения.

Исследовательский дизайн основан на стратегии сравнительного кейс-стади трех этнонациональных республик Южной Сибири, целенаправленно отобранных для анализа. Ключевые сравнительные параметры, определяющие единство и различия объектов исследования, заключаются в следующем. Республика Алтай характеризуется аграрно-туристической специализацией с высокой долей титульного населения (свыше 30%). Ее миграционный профиль демонстрирует устойчивую убыль постоянного населения при одновременном росте импорта низкоквалифицированной иностранной рабочей силы, имеющей зачастую транзитный характер. Республика Хакасия, в отличие от двух других изучаемых регионов, имеет ярко выраженную промышленную специализацию (угольная промышленность, энергетика) при средней доле титульного населения (около 10%). Это определяет ее специфический миграционный профиль: внутренняя миграционная убыль здесь частично компенсируется целенаправленным притоком иностранной трудовой миграции в ключевые отрасли промышленности. Республика Тыва представляет собой случай моноэтничного региона (доля титульного населения превышает 80%) с преобладанием аграрного сектора и бюджетной сферы в экономике. Данный контекст формирует наиболее острую миграционную ситуацию, для которой характерны глубокий отток собственного населения и крайне низкая привлекательность для любых категорий мигрантов, что ведет к демографической изоляции. Таким образом, сравнительный анализ трех республик, обладающих общим статусом этнонациональных регионов, но различающихся ключевыми социально-экономическими и демографическими параметрами, дает возможность выявить не частные, а системные проблемы реализации миграционной политики, проявляющиеся в разнообразных условиях. Иначе говоря, синтез существующих подходов позволяет сформировать комплексную аналитическую призму для исследования.

Критика О. Д. Воробьевой и Л. Л. Рыбаковским смещения приоритетов в сторону временной трудовой миграции будет рассмотрена через призму теории «выталкивающих» и «притягивающих» факторов [11], объясняющую устойчивый отток постоянного населения. Низкая эффективность программ переселения будет проанализирована в рамках концепции «человеческого капитала», поскольку

предлагаемые меры поддержки не компенсируют потерь в его стоимости при переезде в депрессивный регион. Наконец, доминирование импорта низкоквалифицированной рабочей силы будет интерпретировано с точки зрения политэкономического подхода, где краткосрочные экономические интересы отдельных секторов превалируют над долгосрочными демографическими целями региона. Методика оценки миграционной привлекательности, предложенная Т. М. Ойдум и др., предоставляет эмпирический инструментарий для объяснения, почему республики Южной Сибири оказываются в проигрышном положении в борьбе за человеческий капитал. Следовательно, обзор литературы не только контекстуализирует исследование, но и формирует систему координат, в которой будет выстраиваться дальнейшая аргументация о системном характере проблем миграционной политики.

Статья основана на комплексном анализе официальных статистических данных Росстата, включая переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг., статданные о естественном движении населения и миграции, официальные сведения МВД РФ о миграционных потоках и реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Также проанализированы и использованы материалы национальных проектов, таких как «Демография», региональные программы и стратегии социально-экономического развития субъектов РФ (Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Тыва). Однако наибольшую научную ценность имел материал, предоставленный по запросу авторов правительствами республик Алтай и Хакасия.

Итак, исследование опирается на официальные и верифицированные данные, что обеспечивает высокую степень достоверности и обоснованности проведенного анализа и сделанных выводов.

Результаты исследования

Представленные ниже результаты служат убедительным доказательством центрального тезиса исследования о структурном дисбалансе, который проявляется в трех взаимосвязанных тенденциях. Во-первых, все названные республики сталкиваются с масштабной и устойчивой миграционной убылью коренного населения, что создает общую демографическую проблему. Во-вторых, государственные программы по переселению соотечественников оказываются совершенно неэффективными и неспособны компенсировать такие потери. В-третьих, возникает парадоксальная ситуация: несмотря на отток постоянных жителей, растет зависимость от импорта иностранной рабочей силы. Это создает новую социально-экономическую зависимость, но не решает стратегических задач развития, что в совокупности указывает не на отдельные кризисы, а на единую глубокую системную проблему, требующую пересмотра всей демографической и миграционной политики.

В контексте демографической политики рассматриваемых регионов миграционные процессы представляют собой наиболее уязвимое звено. Однако, согласно новейшим данным за период 2023–2025 гг., наблюдается значительная дифференциация миграционных тенденций, что требует более детального и дифференцированного анализа. Внутренняя миграция характеризуется оттоком населения из всех трех республик в иные регионы Российской Федерации. Молодежь

стремится к получению образования и трудоустройству за пределами своих регионов. Данные по республикам Хакасия и Алтай подтверждают наличие миграционной убыли населения, что свидетельствует о тенденции к оттоку молодого поколения в поисках лучших социально-экономических возможностей. Международная миграция также играет значительную роль, но ее влияние варьируется в зависимости от территории. В таком контексте необходимо провести более глубокий анализ факторов, определяющих миграционные потоки, включая социально-экономические, политические и культурные аспекты [11].

Общий анализ миграционной ситуации в Республике Алтай за 2011–2025 гг. выявляет устойчивую миграционную убыль населения. Лишь в отдельные годы (в 2014, 2016, 2019, 2020, 2021 гг.) наблюдался миграционный прирост (с пиком в +558 человек в 2019 г.). В остальные годы фиксировалась убыль, достигшая рекордного значения в -497 человек в 2024 г., что привело к суммарной потере по причине миграции 2 162 человек. Практически вся эта убыль формируется за счет негативного обмена с другими российскими регионами, по которому республика имеет устойчивое отрицательное сальдо, суммарно составившее -4 834 человека за весь период. В отличие от внутрироссийской, международная миграция чаще была источником прироста (суммарно +1 672 человека), но в 2022 и 2023 гг. данный поток также стал убыточным (-131 и -141 человек соответственно). И хотя в 2024 году сальдо стало слабоболожительным (+46 человек), его вклад в компенсацию внутреннего оттока оказался недостаточным [13]. Парадоксальной на таком фоне выглядит растущая зависимость от иностранной рабочей силы: если в 2011–2014 гг. численность трудовых мигрантов колебалась в районе 500–800 человек, то к 2024 г. их число достигло 3 464 человека, причем основными каналами привлечения стали патенты (2 455 человек в 2024 г.) и работа без разрешительных документов (849 человек в 2024 г.), что свидетельствует о дефиците собственных трудовых ресурсов в ключевых секторах экономики. Республика Алтай демонстрирует рост числа иностранных трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (с 584 в 2020 г. до 3 464 в 2024 г.). Основная масса мигрантов работает по патентам (неквалифицированный труд), велика доля нелегалов. Однако, по официальной информации за 2023 г., Алтай имеет отрицательное миграционное сальдо с государствами ЦА (-70 человек), что указывает на то, что мигранты используют регион как транзитный или не задерживаются здесь надолго по причине отсутствия стабильных рабочих мест (см. прил. 2). За 6 месяцев 2025 г. подразделениями по вопросам миграции МВД по Республике Алтай населению предоставлено 45 568 государственных услуг (6 мес. 2024 г. – 46 382, -2%). По данным на 30 июня 2025 г., среди прибывших на территорию республики иностранцев преобладали граждане Узбекистана – 2 989 человек (51%), Таджикистана – 615 (10,5%), Казахстана – 535 (9,1%), Кыргызстана – 481 (8,2%), Белоруссии – 329 (5,6%) и Монголии – 255 (4,4%). При пересечении границы 4 117 иностранцев (70,2% от общего числа прибывших) целью своего визита указали работу, при этом наибольшее количество трудовых мигрантов являются выходцами из Узбекистана (2791), Таджикистана (559) и Киргизии (372). С частной целью прибыли 755 иностранцев (12,9%), а с целью туризма – 410 (7%). В разрезе муниципальных образований на миграционный учет были поставлены: в Майминском районе – 2 644 иностранных гражданина, в городе Горно-Алтайске – 1 841, в Чемальском районе – 609, в Турочакском районе –

186, в Кош-Агачском районе – 121, в Усть-Канском районе – 98, в Улаганском районе – 98, в Онгудайском районе – 86, в Шебалинском районе – 67, в Чойском районе – 62, в Усть-Коксинском районе – 49. На отчетную дату на миграционном учете в республике состоял 3 531 иностранный гражданин, что на 9% больше, чем за аналогичный период 2024 г. (тогда было 3 239 человек). Из них 30 иностранцев имели действительные разрешения на временное проживание (РВП), что на 32% меньше, чем в 2024 г. (44), а 348 – вид на жительство (ВНЖ), это на 2% больше, чем годом ранее (342). В 2025 г. иностранцам было выдано 7 РВП (за три месяца 2024 г. – 11, снижение на 36%), а количество выданных ВНЖ осталось на уровне прошлого года и составило 46. Количество выданных патентов на трудовую деятельность выросло на 15% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. – с 1 983 до 2 271. Разрешения на привлечение иностранных работников в 2025 г., как и в 2024 г., не выдавались. За шесть месяцев 2025 г. было выдано 29 разрешений на работу иностранцам, прибывшим в визовом порядке (за аналогичный период 2024 г. – 19); все они, как и в прошлом году, были выданы высококвалифицированным специалистам. На территории Республики Алтай по состоянию на 30.06.2025 г. трудовую деятельность осуществлял 2 891 иностранный гражданин, что практически соответствовало уровню прошлого года (тогда было 2 900, снижение на 0,3%). Количество иностранцев, приобретших гражданство Российской Федерации, снизилось на 36% – с 36 до 23 человек. За отчетный период 2025 г. трем иностранцам было предоставлено временное убежище на территории РФ (за шесть месяцев 2024 г. – 0). Подразделениями по вопросам миграции за полгода были проведены 1 098 мероприятий по выявлению нарушений миграционного законодательства (+16% к 2024 г., когда было 950), в результате которых выявлены 726 нарушений (+3% к показателю 2024 г. в 707 нарушений). Из Российской Федерации были выдворены 6 иностранных граждан (за шесть месяцев 2024 г. – 19). На основании решений территориальных органов внутренних дел 37 иностранным гражданам был запрещен въезд в РФ (за аналогичный период 2024 г. – 45, т. е. снижение на 18%)³.

Парадоксальная ситуация в Республике Алтай, характеризующаяся одновременным оттоком постоянного населения и ростом импорта иностранной рабочей силы, находит свое объяснение в структурных особенностях региональной экономики и логике индивидуальных миграционных решений. Устойчивый отток коренного населения, особенно молодежи, является реакцией на действие мощных «выталкивающих» факторов: ограниченность рынка труда, низкий уровень доходов, не соответствующий инвестициям в образование, и дефицит перспектив для профессиональной и личной самореализации. В таких условиях миграция в более развитые регионы становится рациональной инвестицией в человеческий капитал. Одновременно ключевые сектора экономики республики – аграрный и туристический – характеризуются сезонностью, низкой производительностью и, как следствие, ориентацией на дешевые и гибкие трудовые ресурсы. Эти рабочие места, не привлекательные для местных жителей, стремящихся к стабильности

³ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции МВД по Республике Алтай за январь – июнь 2025 г. и миграционной ситуации на территории республики // Министерство внутренних дел РФ: [сайт]. URL: [https://04.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika i analitika/statisticheskie-svedeniya-po-migracionnoj-](https://04.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika_i_analitika/statisticheskie-svedeniya-po-migracionnoj-) (дата обращения: 01.09.2025).

и карьерному росту, оказываются востребованными среди трудовых мигрантов из государств Центральной Азии, для которых разница в заработной плате по сравнению со страной исхода сама по себе становится значительным «притягивающим» фактором. Таким образом, выявленный дисбаланс является не сбоем, а закономерным результатом экономической модели, которая воспроизводит непривлекательность региона для постоянного проживания, одновременно формируя структурную зависимость от временного иностранного труда.

В отличие от Алтая, Хакасия имеет положительное сальдо миграции со странами Центральной Азии (+161 человек в 2023 г.). Мигранты привлекаются в качестве рабочей силы в угледобычу и строительство, что коррелирует с ее промышленной специализацией. Это частично компенсирует внутренний отток населения. В 2022 г. в Республику Хакасия прибыли 20 254 человека, а число выбывших составило 20 929 человек. Общая миграционная убыль населения достигла 675 человек, что превышает показатель 2021 г., составивший 432 человека. В результате межрегионального обмена было зафиксировано отрицательное сальдо миграции в размере 592 человека. Основными миграционными потоками республики являлись регионы Сибирского федерального округа, на которые пришлось 77,8% всех прибывших и 72,8% всех выбывших. Наибольший отток населения наблюдался в Красноярский край (миграционная убыль 689 человек), г. Москву (178 человек) и Московскую область (58 человек), Краснодарский край (69 человек), Калининградскую (69 человек) и Тюменскую (59 человек) области. Значительный миграционный прирост был зарегистрирован из Республики Тыва (+542 человека), а также из Иркутской (+60 человек), Кемеровской (+37 человек) и Омской (+33 человека) областей. Миграционная убыль в международном обмене составила 83 человека и сложилась преимущественно за счет стран СНГ, с которыми сальдо было отрицательным (-68 человек). Наибольший отток населения пришелся на Узбекистан (-46 человек), Киргизию (-40 человек) и Казахстан (-32 человека), в то время как приток был отмечен из Таджикистана (+89 человек). С государствами дальнего зарубежья миграционная убыль составила 15 человек, сформированная за счет отрицательного сальдо с Германией (-15 человек), Китаем (-9 человек) и Грузией (-6 человек), которое частично компенсировалось притоком из Эстонии (+13 человек). Во внутренней миграции в пределах республики в 2022 г. участвовал 9 621 человек, что меньше, чем в 2021 г., когда этот показатель был равен 10 632 человек. За период с 2018 по 2023 гг. международная миграция в Республике Хакасия демонстрировала резкие колебания. На фоне общего отрицательного баланса за шесть лет выделяются два контрастных пика: значительный отток в 2020 г. (-330 человек) и рекордный прирост в 2021 г. (+470 человек). Ключевую роль в стабилизации ситуации играет Таджикистан, остающийся единственным постоянным источником миграционного прироста на протяжении всего периода. В противовес этому Узбекистан, Киргизия и Украина формируют устойчивый отток населения из региона⁴. После очередного снижения в 2022 г. (-83 человека) к 2023 г. наблюдается возврат к умеренному

⁴ Социально-экономическое положение Республики Хакасия в 2024 году: доклад № 1.37.2PX. Красноярск: Красноярскстат, 2025. 94 с. URL: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_PX\(4\).pdf](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_PX(4).pdf) // (дата обращения: 01.09.2025).

положительному сальдо (+140 человек), однако общая динамика остается неустойчивой и существенно зависит от миграционных потоков в рамках СНГ (табл. 1).

Таблица 1

Международная миграция в Республике Хакасия в 2018–2023 гг. (человек)

Table 1

International migration in the Republic of Khakassia in 2018–2023 (people)

Год	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции	Основные страны-доноры	Основные страны-реципиенты
2023	934	794	+140	Таджикистан (+113), Германия (+6)	Узбекистан (–19), Эстония (–10)
2022	1 294	1 377	–83	Таджикистан (+89), Эстония (+13)	Киргизия (–40), Узбекистан (–46)
2021	1 062	592	+470	Таджикистан (+197), Киргизия (+119)	Германия (–10), Польша (–3)
2020	941	1 271	–330	Таджикистан (+1), Казахстан (+30)	Узбекистан (–102), Украина (–52)
2019	1 262	1 331	–69	Таджикистан (+85), Казахстан (+7)	Киргизия (–53), Украина (–26)
2018	1 146	1 280	–134	Таджикистан (+102), Узбекистан (+5)	Киргизия (–79), Украина (–78)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁵

Миграционный профиль Хакасии, где внутренняя миграционная убыль частично восполняется целенаправленным притоком иностранной рабочей силы, демонстрирует иную, но столь же системную проблему. Промышленная специализация региона (уголь, энергетика) создает стабильный спрос на труд, в том числе и квалифицированный, что делает его более привлекательным для трудовых мигрантов, чем аграрные республики. Тем не менее компенсация является не качественной, а количественной. Ключевые отрасли, будучи часто локализованными и не создающими мультипликативного эффекта для развития смежных секторов и городской среды, неспособны переломить общие «выталкивающие» тенденции для высокоомобильного и требовательного к качеству жизни местного населения. Более того, ориентация на импорт труда для нужд конкретных промышленных предприятий создает «замкнутый круг»: региональная власть и бизнес получают краткосрочное решение кадровой проблемы без необходимости масштабных инвестиций в создание комплексно привлекательной среды (современное жилье, образование, здравоохранение), которая удержала бы собственных граждан. Это подтверждает тезис о подмене стратегических демографических целей тактическими экономическими интересами, где миграционная политика используется для латания кадровых дыр, а не для фундаментального развития человеческого капитала территории.

Республика Тыва является наименее привлекательным для международных мигрантов регионом. В 2023 г. зафиксировано одно из самых отрицательных миграционных сальдо со странами ЦА (–210 человек). Это полностью согласуется с выводом статьи о том, что моноэтничные республики (к коим относится Тыва, где доля титульной нации превышает 80%) практически не привлекают мигрантов из Центральной Азии из-за отсутствия экономических перспектив и, возможно, культурно-языкового барьера. За период с 2018 по 2023 г. международная миграция в республике демонстрировала выраженную неустойчивую динамику, переходя

⁵ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва : [сайт]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32939> (дата обращения: 25.07.2025).

от значительного прироста в 2019 (+333 человека) и 2021 (+232) гг. к резкой убыли населения в 2022 г. (-385) и 2023 (-62) гг.⁶ Важнейшими государствами миграционного обмена неизменно выступали Киргизия, Беларусь и Монголия, при этом Киргизия являлась основным партнером, вносящим наибольший вклад то в положительное, то в отрицательное сальдо. Резкое увеличение оттока в 2022 г., особенно в обмене со странами СНГ (Беларусь, Киргизия), вероятно, было связано с последствиями геополитических событий, тогда как общая тенденция к снижению миграционной убыли в 2023 г. может указывать на начало стабилизации процессов (табл. 2).

Таблица 2

Международная миграция в Республике Тыва в 2018–2023 гг. (человек)

Table 2

International migration in the Republic of Tuva in 2018–2023 (people)

Год	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост/убыль	Ключевые страны-партнеры
2023	287	349	-62	Киргизия (+26), Монголия (+4)
2022	326	711	-385	Беларусь (-179), Киргизия (-116)
2021	449	217	+232	Киргизия (+150), Беларусь (+82)
2020	359	506	-147	Киргизия (-62), Монголия (-43)
2019	486	153	+333	Беларусь (+123), Киргизия (+138), Монголия (+45)
2018	189	70	+119	Киргизия (+49), Узбекистан (+34)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁷

Тыва являет собой негативный пример, где структурный дисбаланс проявляется в форме демографической изоляции. Значительная миграционная убыль и крайне низкая привлекательность для международных мигрантов обусловлены совокупностью взаимосвязанных факторов. Моноэтничность и уникальный культурно-языковой контекст создают высокий неформальный барьер для интеграции, повышая риски и издержки для потенциальных переселенцев. Экономика, зависящая от бюджетного сектора и малопроизводительного аграрного комплекса, не генерирует ни достаточного количества «притягивающих» экономических стимулов, ни современных рабочих мест. В такой ситуации даже символические программы по привлечению соотечественников заведомо обречены на провал, так как предлагаемые меры поддержки (незначительные компенсации) несопоставимы с масштабом «выталкивающих» факторов, с которыми столкнется мигрант: от удаленности и слабой инфраструктуры до ограниченных возможностей для детей. Таким образом, Тыва оказывается в ловушке: экономическая стагнация и отток населения взаимно усиливают друг друга, а миграционная политика в ее текущем виде не обладает инструментами для разрыва этого порочного круга.

⁶ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Итоги Всероссийской переписи населения 2020 по Республике Тыва. Красноярск : Красноярскстат, 2023. 13 с. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Доклад%20ВПН%20-%20РТ.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

⁷ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва: [сайт]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32956> (дата обращения: 25.07.2025).

Анализ программ миграции: участие в программе возвращения соотечественников и эффективные методы привлечения трудовых мигрантов

Программа переселения соотечественников. Авторами статьи была проделана большая аналитическая работа по изучению и сопоставлению региональных программ содействия добровольному переселению соотечественников в Республику Алтай, Республику Тыва и Республику Хакасия. Их анализ выявил как общую направленность на компенсацию дефицита трудовых ресурсов и стимулирование социально-экономического развития, так и уникальные региональные особенности. Каждый субъект Федерации в рамках единой федеральной инициативы предлагает собственные механизмы адаптации, меры поддержки и целевые показатели, сформированные с учетом географических, экономических и демографических спецификаций. Далее каждый регион будет рассмотрен отдельно. Ниже представлены ключевые моменты данных программ.

Республика Алтай. В соответствии с постановлением правительства республики от 06.08.2024 г. № 287 на территории региона реализуется государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Алтай соотечественников, проживающих за рубежом». Программа направлена на исполнение одноименной федеральной инициативы и обеспечение социально-экономического развития региона. Ее ключевыми задачами являются создание организационных и информационных условий для переселения, включая адаптацию и интеграцию соотечественников, заселение и развитие сельских территорий, увеличение числа квалифицированных кадров. Срок осуществления программы – с 2024 по 2026 г. без деления на этапы. Общий объем финансирования составляет 91,8 тыс. рублей, из которых 89,1 тыс. рублей выделяется из федерального бюджета (основная часть в 2024 г.), а 2,7 тыс. рублей – из республиканского (равными долями по 0,9 тыс. рублей ежегодно). На период реализации установлены целевые показатели: общая численность переселившихся участников и членов их семей должна достигать 21 человека (по 7 человек в год), из них 15 человек должны переселиться в сельскую местность. Планируется ежегодно размещать по 4 информационных материала в СМИ и на портале АИС «Соотечественники». Среди других индикаторов – 100% доля получивших компенсацию за найм жилья, доля оттока (уехавших ранее 3 лет) – не более 14,3% и не менее 42,8% – доля трудоспособных участников с высшим или средним профессиональным образованием и столько же – занятых среди нуждающихся в трудоустройстве. Основные мероприятия программы включают разработку необходимых правовых актов, информационное сопровождение и консультирование. Важнейшими мерами поддержки являются частичная компенсация расходов по найму жилья, содействие в жилищном обустройстве, обеспечение прав на медицинскую помощь и образование, компенсация затрат на медосвидетельствование, оформление полиса ОМС и признание документов об образовании. Оказывается помощь в трудоустройстве, а для отдельных специалистов (молодые педагоги до 35 лет, работники села, медики) предусмотрены дополнительные выплаты и меры поддержки, включая помощь в создании фермерских хозяйств. В программе заложены и риски, такие как отсутствие правовой регламентации, отказ работодателей, проблемы с жильем, недостаток образовательных учреждений, низкая социальная адаптация и межнациональная напряженность. Для их

минимизации запланированы информирование о вакансиях и условиях жизни, разъяснительная работа с местным населением и вовлечение соотечественников в культурные мероприятия. Участниками программы, помимо соответствия федеральным требованиям, могут стать соотечественники в возрасте от 18 до 60 лет (женщины) и до 65 лет (мужчины), имеющие квалификацию по востребованным в республике вакансиям, подтвержденный трудовой стаж либо являющиеся студентами-очниками местных образовательных учреждений. Для беженцев и граждан из недружественных стран эти требования не действуют. Приоритет отдается тем, кто планирует переехать в село для работы в здравоохранении, специалистам и ученым в сфере АПК. Территория вселения – Республика Алтай – характеризуется горным рельефом, умеренно-континентальным климатом, богатыми природными ресурсами (включая объект ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая») и развитым агропромышленным комплексом с акцентом на личные подсобные хозяйства. Активно развивается туризм. В регионе наблюдается дефицит кадров, особенно в образовании и здравоохранении. 71% населения проживает в сельской местности, а основная транспортная связь – автомобильная (Чуйский тракт). Механизм обустройства и адаптации подробно регламентирует взаимодействие органов власти, порядок согласования кандидатур, встречи, временного размещения и оформления правового статуса. Жилищное обустройство осуществляется силами самих переселенцев при поддержке в виде компенсации затрат на наем. Создание центров временного размещения не планируется в связи с незначительным ожидаемым числом прибывающих.

Республика Тыва. Постановлением правительства Республики Тыва № 13 от 21.01.2022 утверждена государственная программа республики «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Тыва соотечественников, проживающих за рубежом» на период 2022–2024 гг. Ее главные цели – реализация на территории региона одноименной федеральной программы и содействие социально-экономическому развитию республики через привлечение квалифицированных кадров. Для этого были поставлены задачи по адаптации переселенцев, сокращению дефицита трудовых ресурсов и привлечению молодежи, особенно в сфере здравоохранения. Финансирование программы осуществлялось из федерального и республиканского бюджетов. Общий объем финансирования составил 174 тыс. рублей. Средства были распределены на 2022 и 2023 гг.; на 2024 г. финансирование не планировалось. Программой предусматривалось, что за три года в регион должны были прибыть 45 человек. Не менее 50% из них должны были иметь среднее или высшее образование. Также были установлены плановые показатели: 100% обеспечение компенсации расходов на медосмотры и 80% трудоустройство участников. В рамках программы планировалось проведение 9 онлайн-презентаций за рубежом и оказание комплекса мер поддержки, включая консультации, медпомощь, содействие в трудоустройстве и обучении, предоставление компенсации за аренду жилья. Основными рисками считались несоответствие квалификации переселенцев вакансиям, проблемы с жильем и трудоустройством, а также возможный отток прибывших в течение трех лет. Ответственными за координацию были назначены Министерство труда и социальной политики Республики Тыва, Минздрав, Минобразования, Минцифры, Минфин. Территорией вселения являлась вся Республика

Тыва. Участниками программы могли стать соотечественники трудоспособного возраста, имеющие востребованное образование или опыт работы. Приоритет отдавался тем, у кого в Тыве были родственники, беженцам и молодым специалистам.

Республика Хакасия. Постановлением правительства республики от 01.11.2016 № 528 (в ред. от 06.11.2024 г.) одобрена государственная программа «Региональная политика Республики Хакасия». На основе ее подпрограммы по содействию добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на территории региона осуществляются меры, направленные на обеспечение социально-экономического развития и улучшение демографической ситуации в республике. Ее основные задачи: оказание мер поддержки для развития малого и среднего предпринимательства (МСП), крестьянского фермерского хозяйства (КФХ), сокращение дефицита трудовых ресурсов и увеличение численности молодежи, в том числе получающей образование. Срок реализации подпрограммы – с 2022 по 2028 г., в два этапа. Общий объем финансирования составляет 1 235,1 тыс. рублей, из которых 1 046,7 тыс. рублей – средства федерального бюджета, а 188,4 тыс. рублей – республиканского. Ожидается, что за весь период в регион переселятся 169 участников программы и членов их семей. Важнейшие индикаторы предусматривают, что 100% соответствующих критериям участников получают единовременную помощь при регистрации ИП или главы КФХ, не менее 65% прибывших будут трудоспособными, а среди них не менее 65% – трудоустроенными. Основные мероприятия охватывают нормативно-правовое и информационное обеспечение, консультационные услуги, содействие в жилищном обустройстве (информационное, без прямого предоставления жилья), оказание медицинской помощи, предоставление финансовой помощи при регистрации бизнеса, содействие в трудоустройстве и получении образования. В числе рисков реализации отмечены возможные отказы работодателей, жилищные проблемы, низкая социальная адаптация и образование замкнутых этнических групп. Для их минимизации планируется использовать информационную систему «Соотечественники», вовлекать переселенцев в культурные мероприятия и устанавливать определенные требования. Для участия в программе соотечественники, уже находящиеся в РФ, должны иметь образование либо опыт работы в Хакасии от 6 месяцев, либо вести предпринимательскую/сельскохозяйственную деятельность, либо обучаться очно (если до 30 лет). Для проживающих за рубежом требуется наличие образования и стаж по профессии не менее года, однако для некоторых категорий (например, из недружественных стран или беженцев) эти требования могут не применяться. Республика Хакасия как территория вселения обладает развитой экономикой (горнодобывающая, металлургическая, энергетическая отрасли, сельское хозяйство), развитой инфраструктурой и потребностью в кадрах, особенно в сферах образования, здравоохранения и промышленности. Механизм обустройства и адаптации детально описывает последовательность действий после въезда, включая оформление документов и получение услуг. Жилищное обустройство осуществляется преимущественно силами самих переселенцев, но им оказывается информационная поддержка и предоставляется возможность после получения гражданства участвовать в региональных жилищных программах.

Таблица 3

Ключевые различия между программами миграции в этнонациональных регионах СФО

Table 3

Key differences between migration programs in the ethno-national regions of the Siberian Federal District

Масштаб и бюджет	Наиболее скромная программа у Республики Алтай (91,8 тыс. руб. на 21 человека), средняя – у Тывы (174 тыс. руб. на 45 человек), а самая масштабная и финансируемая – у Хакасии (1 235,1 тыс. руб. на 169 человек).
Фокус на трудоустройство	Алтай и Тыва делают акцент на трудоустройстве по найму, особенно в дефицитных сферах (здравоохранение, образование). Хакасия, помимо этого, активно поддерживает предпринимательство (единовременная помощь при регистрации ИП или КФХ).
Целевая аудитория	Алтай имеет самые строгие возрастные и профессиональные критерии (требует подтвержденную квалификацию по вакансиям республики). Тыва дает приоритет тем, у кого в республике есть родственники. Хакасия уникальна тем, что позволяет участвовать в программе соотечественникам, уже находящимся в России, если они в настоящее время работают или учатся в республике.
Жилищный вопрос	Во всех трех регионах жилье не предоставляется, но Алтай выделяется тем, что делает ключевой мерой поддержки компенсацию расходов на найм жилья.
Сроки реализации	Программы Тывы (2022–2024) уже завершена, Алтая – краткосрочная (2024–2026), а Хакасии – самая долгосрочная (2022–2028).

Источник: составлено авторами по результатам сравнительного анализа текстов региональных программ и отчетных данных⁸

Эмпирическая оценка эффективности программ: разрыв между целями и реальностью. Сравнительный анализ заявленных параметров региональных программ переселения соотечественников (см. табл. 3) выявляет их изначальное несоответствие масштабу демографических вызовов. Однако подлинная глубина проблем раскрывается при сопоставлении этих планов с данными официальной статистики. Мониторинг МВД России за 2024–2025 гг. предоставляет неопровержимые доказательства их системного провала в исследуемых регионах. В 2024 г. общее число участников Программы и членов их семей, переселившихся в Россию, составило 31 700 человек. Поток был сконцентрирован в развитых регионах: лидерами по приему неизменно выступали Челябинская, Новосибирская, Калининградская области, тогда как ключевым получателем финансирования в СФО был Алтайский край. При этом Республики Алтай, Тыва и Хакасия ни разу не были упомянуты в перечне субъектов, принявших сколько-нибудь значительное число переселенцев, по итогам ни одного из четырех кварталов. Учитывая, что в отчеты попадают регионы, принявшие от 150–200 человек, можно с уверенностью заключить, что фактическое прибытие в три исследуемые республики за весь год составило в лучшем случае

⁸ «Об утверждении государственной программы "Оказание содействия добровольному переселению в Республику Алтай соотечественников, проживающих за рубежом"» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0400202408070003> (дата обращения: 25.05.2025); «Об утверждении государственной программы Республики Тыва "Оказание содействия добровольному переселению в Республику Тыва соотечественников, проживающих за рубежом"» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578111552> (дата обращения: 25.05.2025); «Об утверждении государственной программы "Региональная политика Республики Хакасия"» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444742314>. (дата обращения: 25.05.2025).

несколько десятков человек. Это фиаско становится еще более очевидным при сравнении с целевыми показателями самих программ. Республика Алтай (план на 2024–2026 гг. – 21 человек) не смогла обеспечить даже символического выполнения годового плана. В Республике Тыва программа завершена (была рассчитана на 2022–2024 гг. – 45 человек), так и не достигнув заявленных целей. Республика Хакасия (план на 2022–2028 гг. – 169 человек) продемонстрировала ничтожную результативность на старте многолетнего цикла. Таким образом, выявленный разрыв между декларируемыми целями и фактическими результатами переводит данные инициативы из плоскости реальной политики в плоскость символического действия. Программы борются со следствием (бытовыми трудностями), игнорируя саму причину – структурную непривлекательность территории для реализации долгосрочных жизненных планов.

Как бы то ни было, в Республике Алтай повышенное внимание уделяется привлечению специалистов в сельские районы, что должно способствовать интеграции квалифицированных специалистов в периферийные регионы. Кроме того, переселенцам предоставляется компенсация за аренду жилья, что облегчает их адаптацию на новом месте. В Республике Хакасия реализуется масштабная программа, охватывающая вопросы трудоустройства и поддержки предпринимательства. Это способствует диверсификации экономики и развитию местного бизнеса (табл. 3). В Республике Тыва, где программа по времени исполнения себя уже исчерпала, применялась стратегия, направленная на привлечение молодежи и специалистов, имеющих родственные связи с местным населением. Что должно было укрепить социальную базу региона и повысить эффективность кадровой политики.

Следует отметить, что на официальном сайте МВД России в режиме онлайн можно мониторить ключевые показатели реализации Государственной программы по переселению соотечественников, включая динамику прибытия участников и членов их семей в целом по стране и в разрезе каждого субъекта Федерации, в том числе субъектов Сибирского федерального округа; отслеживать выполнение установленных квот, анализировать демографические и профессиональные характеристики переселенцев; знакомиться с архивными отчетами за предыдущие годы для выявления тенденций и сравнения эффективности программ в разных регионах страны⁹.

В контексте низкой эффективности программ в сибирских республиках нагляден опыт регионов, которым удалось добиться положительных результатов. Так, в Калужской области успешно реализуется модель привлечения высококвалифицированных специалистов через создание промышленных парков и тесное взаимодействие с бизнесом, принимающим участие в предоставлении жилья и социальных гарантий. В Ленинградской области действует эффективная система адаптации и интеграции мигрантов, включающая языковые курсы и культурную ориентацию, что снижает показатели оттока. В отличие от символических бюджетов программ в Сибири, эти регионы обеспечивают значительное финансирование

⁹ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом / Мониторинг Государственной программы // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ: [сайт]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvn/compatriots/monitoring (дата обращения: 25.06.2025).

и создают реальные, а не декларативные стимулы для переселенцев. Данные примеры подчеркивают, что успех миграционной политики напрямую зависит от ее масштаба, комплексности и увязки с реальными потребностями экономики.

Обсуждение

Интеграция полученных эмпирических результатов в контекст научной литературы и авторской концепции позволяет однозначно подтвердить выдвинутый во введении тезис о структурном дисбалансе миграционной политики. Мы наблюдаем не просто набор разрозненных проблем, а самовоспроизводящуюся систему, где точечные меры лишь усугубляют системные противоречия. Во-первых, устойчивый отток молодежи и квалифицированных кадров это прямое следствие неспособности регионов создать привлекательные условия для постоянного проживания. Во-вторых, выявленная нами полная неэффективность программ переселения соотечественников, подтвержденная данными МВД за 2024–2025 гг., служит эмпирическим доказательством тезиса О. Д. Воробьевой и Л. Л. Рыбаковского о «гибридности» и потере истинных целей миграционной политики [2]. Официальная статистика свидетельствует о том, что потоки соотечественников и репатриантов закономерно концентрируются в «рыночно привлекательных» регионах (ЦФО, развитые промышленные области СФО и УрФО), тогда как этнонациональные республики Южной Сибири оказываются полностью неконкурентоспособными в борьбе за человеческий капитал. В-третьих, парадоксальный рост импорта низкоквалифицированной трудовой силы в условиях депопуляции, особенно ярко проявившиеся в Республике Алтай, выглядит не просто тактической ошибкой, а является следствием глубокого структурного дисбаланса, о котором писала А. Н. Шмачкова, отмечая примат краткосрочных экономических и фискальных интересов над долгосрочными демографическими целями [1].

Таким образом, совокупность представленной информации не оставляет сомнений: современная миграционная политика в этнонациональных регионах Сибири не просто неэффективна, она системно дисфункциональна. Она борется с симптомами (временным дефицитом рабочих рук), игнорируя причину – структурную непривлекательность территорий для постоянного проживания и реализации жизненных планов населения.

Проведенный анализ позволяет нам выйти на принципиально важный уровень дискуссии, выявляющий системное противоречие современной миграционной политики в этнонациональных республиках СФО. Мы наблюдаем классический случай структурного дисбаланса. С одной стороны, имеет место устойчивый эндогенный отток наиболее мобильного и экономически активного сегмента населения – молодежи, ведущий к депопуляции и сокращению человеческого капитала. С другой стороны, экзогенные механизмы компенсации этих демографических потерь – программы переселения соотечественников и привлечения иностранной рабочей силы – демонстрируют свою принципиальную неадекватность масштабу вызова. Выявленный в нашем исследовании структурный дисбаланс – устойчивый отток местного населения при одновременном наращивании импорта нестабильной, низкоквалифицированной иностранной рабочей силы – напрямую перекликается с критикой, высказанной О. Д. Воробьевой и Л. Л. Рыбаковским. А они отмечали,

что в 2000-е гг. абсолютным приоритетом стала внешняя трудовая миграция, приносящая доходы в бюджет, в ущерб затратной, но демографически значимой переселенческой политике [2]. Это вело к росту нелегального сектора и не решало стратегических задач демографического и кадрового воспроизводства. Такой дисбаланс усугубляется региональной спецификой. Как показывает наше исследование, в то время как промышленно развитая Хакасия хотя бы частично компенсирует отток населения за счет трудовых мигрантов, моноэтничные республики Алтай и Тыва практически не привлекают международных мигрантов, что усиливает их демографическую изоляцию. Это полностью соответствует выводу А. Н. Шмачковой о том, что российская миграционная политика исторически испытывает «сильное влияние вопросов безопасности» [1], что в условиях этнонациональных регионов приводит к чрезмерной осторожности и ограничительному характеру политики.

Новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. пытается сфокусироваться на выявленных системных проблемах через целевой организованный набор и цифровизацию. Однако в рамках нашего авторского понимания миграционной политики главным остается вопрос о достижении именно сбалансированности между ее целями. Без создания привлекательных условий для постоянного проживания (а не временной работы) как для местного населения, так и для потенциальных переселенцев, даже самые современные механизмы регулирования не позволят переломить негативные тенденции.

Изучение региональных программ по переселению соотечественников демонстрирует их ограниченные масштабы в сравнении с объемом миграционной убыли. Вместе с тем для формирования комплексного представления о миграционной политике в регионах необходим дальнейший анализ эффективности программ, нацеленных на внутреннюю миграцию и закрепление кадров. Парадоксальная ситуация складывается и с иностранной трудовой миграцией. Мы видим, как Республика Алтай, теряя собственное население, одновременно наращивает импорт труда, который зачастую носит нестабильный, низкоквалифицированный и порой нелегальный характер. Это не решает проблему демографического и кадрового воспроизводства, а лишь создает новую социальную зависимость и потенциальные очаги напряженности. Итак, ключевой тезис нашего обсуждения состоит в следующем: текущая миграционная политика не просто неэффективна – она системно не соответствует структурным вызовам депопуляции и экономической стагнации. Она борется со следствиями, не затрагивая причин: низкого качества жизни, отсутствия диверсифицированной экономики и перспектив для самореализации. Стратегический выход видится не в латании дыр путем точечных программ, а в коренном пересмотре подхода, как это заложено в новой Концепции на 2026–2030 гг. Ключевой задачей становится глубокая интеграция миграционной повестки в общую стратегию пространственного развития, нацеленную на опережающее инвестирование в человеческий капитал, инфраструктуру и создание высокопроизводительных рабочих мест. Опыт Республики Татарстан и Калужской области доказывает, что именно такой комплексный подход, а не точечные миграционные программы, позволяет не только привлекать новых жителей, но и удерживать местное население. Только сделав регион привлекательным для жизни собственных граждан, можно

говорить о его устойчивой привлекательности для новых переселенцев и достижениях той самой сбалансированности, которая составляет суть эффективной миграционной политики. Миграционная политика должна быть не самостоятельной областью, а органичной частью комплексной стратегии пространственного развития, нацеленной на опережающее инвестирование в человеческий капитал, инфраструктуру и создание высокопроизводительных рабочих мест. Только сделав территорию привлекательной для жизни собственных граждан, мы сможем говорить о ее привлекательности и для новых переселенцев.

Выводы

В рамках анализа миграционных процессов в этнонациональных регионах Сибирского федерального округа необходимо рассмотреть ряд ключевых аспектов, связанных с демографическими изменениями, этнокультурной динамикой и социально-экономическими факторами. Миграционные потоки в данном макрорегионе характеризуются значительным разнообразием и комплексностью, что обусловлено многонациональным составом населения и уникальными природно-климатическими условиями.

Оценка результативности региональных программ по миграции дает нам право констатировать: миграционная политика неэффективна. Проведенный анализ позволяет сделать основополагающий вывод о том, что миграционная политика в исследуемых регионах не просто требует корректировки, а нуждается в принципиальной переориентации. Системная несбалансированность, при которой устойчивый отток постоянного населения усугубляется полной неэффективностью программ по его компенсации (что наглядно показала официальная статистика МВД за 2024–2025 гг.), свидетельствует о системном кризисе сложившейся модели. В свете этого рекомендации авторов направлены не на улучшение существующих инструментов, а на смену самой парадигмы регулирования. Смена парадигмы заключается в том, чтобы от точечных мер перейти к интегративной стратегии. Важнейшей рекомендацией является отказ от рассмотрения миграции как самостоятельной сферы регулирования. Вместо разрозненных программ по переселению и трудовых квот необходима их глубокая интеграция в общую стратегию пространственного и экономического развития регионов. Приоритет должен сместиться с «латания дыр» дешевой рабочей силой на создание комплексных условий (качественные рабочие места, современная инфраструктура, комфортная среда), которые сделают регион привлекательным для его нынешних и потенциальных жителей. Стратегическая цель состоит в удержании и привлечении человеческого капитала. Все меры, включая миграционные, должны быть подчинены единой цели – сохранению и приумножению человеческого капитала. Это предполагает фокус на создании возможностей для самореализации талантливой молодежи на месте, поддержке внутренней академической и профессиональной мобильности, а также целевом привлечении не просто «рабочих рук», а мотивированных переселенцев, готовых связать свою жизнь с регионом. Региональная специфика вместо унифицированного подхода. Предлагаемые в новой Концепции на 2026–2030 гг. меры (целевой набор, цифровизация) должны быть не просто спущены «сверху», а адаптированы к уникальным условиям каждого этнонационального

региона. Для промышленной Хакасии и аграрно-туристических Алтая и Тыва необходимы принципиально разные модели привлечения и интеграции, учитывающие их экономическую специализацию и этнокультурный контекст.

Только при таком фундаментальном пересмотре подходов, когда миграционная политика станет не источником проблем, а инструментом достижения стратегических целей развития, можно говорить о преодолении системной несбалансированности и создании условий для устойчивого демографического и экономического будущего этнонациональных регионов Сибири.

Констатация системных проблем в сфере внешней и внутренней миграции. Первое. Неспособность политики внешней миграции компенсировать региональную убыль населения. Действующая политика носит преимущественно ограничительный и фискальный характер и не решает главной задачи: целевого распределения потоков иностранных мигрантов и соотечественников для компенсации демографических и трудовых потерь в регионах России. Внешние мигранты концентрируются в крупных мегаполисах (Москве, Санкт-Петербурге, городах-миллионниках), в то время как малые города и сельские территории продолжают пустеть. Второе. Усиление оттока внутренних мигрантов, прежде всего молодежи и квалифицированных кадров, из исследуемых регионов в более развитые части страны. Это свидетельствует о кризисе регионального развития, отсутствии стимулов для удержания собственного населения и для миграции в нужные для российской экономики регионы.

Системное стимулирование перехода легальных мигрантов в статус недокументированных. Действующая система создает условия, при которых легальное пребывание становится чрезмерно затруднительным или экономически невыгодным: чрезмерная бюрократическая нагрузка – сложность, непрозрачность и изменчивость правил получения патентов, разрешений на работу, вида на жительство. Высокие финансовые издержки: совокупная стоимость легального пребывания (пошлины, ежемесячные платежи за патент, обязательные медосмотры, страхование) часто несоразмерна доходам трудовых мигрантов.

Проведенный анализ демонстрирует, что хронические проблемы миграционной политики, описанные в научной литературе, в этнонациональных регионах Сибири проявляются с особой остротой. Реализуемая политика не соответствует критериям сбалансированности, сформулированным в нашем исследовании: демографические цели не достигаются, экономические решаются за счет импорта низкоквалифицированной рабочей силы, а социально-культурные риски усиливаются.

Отсутствие комплексных миграционных программ, направленных на решение демографических вызовов, является ключевым фактором, требующим пристального внимания и системного подхода.

В заключение сформулируем следующие рекомендации.

1. Необходимо разработать целевые программы, ориентированные на создание современных рабочих мест и комфортной городской среды, удержание местной молодежи и привлечение квалифицированных мигрантов из других регионов России (внутренних мигрантов) и соотечественников из-за рубежа, с учетом успешного опыта ряда субъектов Российской Федерации, таких как модель

индустриальных парков в Калужской области или программа развития агломераций в Красноярском крае. Основной дисбаланс современной политики сводится к тому, что она пытается решить демографические проблемы за счет внешней трудовой миграции, которая в сибирских республиках носит нестабильный и низкоквалифицированный характер, но при этом не предлагает эффективных решений для остановки оттока постоянного населения. В результате регионы сталкиваются с двойным негативным эффектом: потерей собственного человеческого капитала и отсутствием его качественной замены.

2. Рекомендуем на уровне Сибирского федерального округа принять общую для региона стратегию демографического развития, фокусирующуюся на межрегиональной кооперации и обмене передовыми практиками. В качестве примера успешного опыта можно рассмотреть структурные сдвиги в рождаемости, реализованные в Республике Хакасия.

3. Важно увязать демографическую политику с программами экономического развития и социальной поддержки. Это предполагает создание условий для повышения доходов и занятости населения, особенно среди женщин и молодежи. Необходимо стимулировать экономическое развитие путем создания новых, в том числе высокотехнологичных рабочих мест, используя лучшие практики создания ТОСЭР, например, таких как в Татарстане, и поддержки инновационного предпринимательства, что должно охватывать не только традиционные отрасли (туризм и сельское хозяйство), но и новые сферы, включая информационные технологии (ИТ), экологический мониторинг и удаленные услуги.

4. Приоритетным направлением для удержания внутренних мигрантов (местного населения) является развитие человеческого капитала. Это включает укрепление системы высшего и профессионального образования в регионе и создание программ, позволяющих талантливой молодежи строить успешную карьеру, не покидая родину.

5. Повышение привлекательности региона для жизни – важнейший аспект демографической политики. Это предполагает развитие городской среды, улучшение социальной инфраструктуры, включая здравоохранение и культуру, внедрение цифровых технологий и повышение качества предоставления государственных услуг.

6. В целях кардинального повышения прозрачности, аналитической ценности и практической полезности системы мониторинга Государственной программы по содействию добровольному переселению соотечественников необходима фундаментальная реформа действующей системы отчетности. Ключевым и безотлагательным направлением является полный отказ от практики размещения разрозненных данных на сайтах региональных управлений МВД, где такая информация зачастую представлена в несистематизированном виде. Вместо этого требуется создание единой централизованной и общедоступной статистической платформы на официальном сайте МВД России, которая бы предоставляла детализированные, верифицированные и регулярно обновляемые данные по каждому субъекту Российской Федерации, участвующему в Программе. Такая платформа должна в обязательном порядке и в стандартизированном виде публиковать исчерпывающий набор показателей по тому или иному региону, а именно: количество поданных

заявлений и выданных свидетельств, численность фактически прибывших переселенцев и членов их семей, показатели их трудоустройства и территориального распределения (городская/сельская местность), основные демографические характеристики. Информация должна быть представлена в интерактивном формате с возможностью фильтрации по субъектам РФ, федеральным округам, временным периодам (квартал, год) и категориям мигрантов, в машиночитаемых форматах для последующего анализа. Подобный подход обеспечит подотчетность регионов, позволит проводить сравнительный анализ их эффективности, выявлять лучшие практики и системные проблемы, а также даст исследователям и федеральным органам власти надежный инструмент для объективной оценки реализации Программы и принятия обоснованных управленческих решений.

Стратегический выход видится не в латании дыр, а в коренном пересмотре подхода, как это заложено в новой Концепции на 2026–2030 годы. Важнейшей задачей становится глубокая интеграция миграционной повестки в общую стратегию пространственного развития, нацеленную на опережающее инвестирование в человеческий капитал, инфраструктуру и создание высокопроизводительных рабочих мест. Только сделав регион привлекательным для жизни собственных граждан, можно говорить о его привлекательности для новых переселенцев и достижении той самой сбалансированности, которая составляет суть эффективной миграционной политики.

А в завершение важно подчеркнуть, что успешная реализация миграционной политики в этнонациональных субъектах Сибирского федерального округа требует комплексного и сбалансированного подхода, одновременно направленного на эффективное привлечение и интеграцию внешних мигрантов, а также на создание условий для удержания и возвращения собственного населения. Такая концепция, интегрированная в общую стратегию развития, позволит обеспечить гармоничное развитие региона, сохранить его уникальное этнокультурное наследие и укрепить межэтническое согласие.

Список литературы

1. Шмачкова, А. Н. Миграционная политика России в контексте управления миграцией на постсоветском пространстве // *Society and Security Insights*. 2019. Т. 2, № 4. С. 55–60. DOI [10.14258/ssi\(2019\)4-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-04). EDN [NFQLIL](https://www.edn.ru/NFQLIL).
2. Воробьева, О. Д. Доминанта миграционной политики современной России / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский // *Социологические исследования*. 2017. № 8 (401). С. 59–65. DOI [10.7868/S0132162517080062](https://doi.org/10.7868/S0132162517080062). EDN [ZGOXPB](https://www.edn.ru/ZGOXPB).
3. Ойдун, Т. М. Анализ миграционной привлекательности республик Алтай, Тыва и Хакасии / Т. М. Ойдун, И. Н. Трошкина, С. Д. Дилекова // *Новые исследования Тувы*. 2025. № 2. С. 92–108. DOI [10.25178/nit.2025.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.5). EDN [VIBPQC](https://www.edn.ru/VIBPQC).
4. Рязанцев, С. В. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Н. Храмова // *Народонаселение*. 2015. № 2 (68). С. 64–73. EDN [TZFRPN](https://www.edn.ru/TZFRPN).
5. Абылкаликов, С. И. Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // *Новые исследования Тувы*. 2021. № 4. С. 131–142. DOI [10.25178/nit.2021.4.10](https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10). EDN [JVCDXE](https://www.edn.ru/JVCDXE).
6. Шворина, К. В. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов / К. В. Шворина, Л. М. Фалейчик // *Экономика региона*. 2018. Т. 14, № 2. С. 485–501. DOI [10.17059/2018-2-12](https://doi.org/10.17059/2018-2-12). EDN [XYCHBJ](https://www.edn.ru/XYCHBJ).

7. Ростовская, Т. К. Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 207–219. DOI [10.25178/nit.2023.3.13](#). EDN [OCKNNK](#).

8. Натсак, О. Д. Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы / О. Д. Натсак, Ч. Б. Даржаа // Азиатские исследования: история и современность. 2023. № 2–3. С. 193–219. DOI [10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219](#). EDN [WDAZWC](#).

9. Ахметова, Г. Ф. Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 53–69. DOI [10.25178/nit.2022.2.4](#). EDN [FOZZUX](#).

10. Мамышева, Е. П. Современные миграционные процессы в Республике Хакасия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 87–91. DOI [10.23672/SAE.2019.11.41479](#). EDN [CJSFZZ](#).

11. Lee, E. S. A Theory of Migration. Demography. 1966. Vol. 3, № 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](#).

12. Тюттенева, С. П. Трудовая миграция из Республики Алтай в преддверии переписи населения 2021 г. // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 209–218. DOI [10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218](#). EDN [EVIUKN](#).

13. Вазиров, З. К. Миграция из Центральной Азии в этнонациональные регионы России: этнодемографические сдвиги и их экономические последствия / З. К. Вазиров, Ф. М. Гарибова // Миграционные процессы в Российской Федерации: вызовы, практика, перспективы : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Йошкар-Ола, 24 апреля 2025 года. Йошкар-Ола : Поволжский государственный технологический университет, 2025. С. 26–44. EDN [ANYKCY](#).

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](#); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](#); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](#); Scopus Author ID: [22136228700](#).

Вазиров Зафар Кабатович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](#); РИНЦ SPIN-код: [4348-5413](#); Web of Science Researcher ID: [S-7156-2018](#); Scopus Author ID: [57194508693](#).

Гарибова Фарзона Майбалиевна, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](#); РИНЦ SPIN-код: [2301-2260](#); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](#); Scopus Author ID: [57209849301](#).

Благодарности и финансирование

Коллектив авторов выражает глубокую признательность руководству и правительствам республик Алтай и Хакасия, а также сотрудникам Министерства труда, социального развития и занятости населения Республики Алтай и Министерства труда и социальной защиты Республики Хакасия за неоценимое содействие в предоставлении информации (Вх. письма № И-10-01-07/3046 от 14.05.2025; № 140–315004 от 18.04.2025).

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; принята в печать 15.12.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MIGRATION POLICY IN ETHNIC REGIONS OF SIBERIA: CHALLENGES AND PROSPECTS

Sergey V. Ryazantsev

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Zafar K. Vazirov

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Farzona M. Garibova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

For citation: Ryazantsev, S. V., Vazirov, Z. K., Garibova, F. M. Migration Policy in the Ethno-National Regions of Siberia: Challenges and Prospects. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 70–96. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.5). (In Russ.)

Abstract. The study provides a comprehensive analysis of migration policy in the ethnic regions of the Siberian Federal District (Republics of Altai, Khakassia, and Tuva). Using comparative case studies, the paper identifies a significant structural imbalance in the current policy. On the one hand, there has been a steady outflow of local populations, especially young people to more developed parts of the country. On the other hand, programs to bring back compatriots or foreign workers have not been effective enough to compensate for demographic losses. Analysis of regional characteristics shows that despite differences in economy and ethnicity, all three regions face similar systemic problems, such as lack of support measures, difficulty in integrating new arrivals and inability to stop the outflow of qualified personnel. The research shows that current measures are often ineffective and do not match the scale of challenges. The findings suggest a need for a new approach to migration policy, which should be integrated with overall regional development strategies. Key factors for success include creating attractive living conditions, developing modern infrastructure and diversifying the economy. The findings can be of interest to federal and local authorities involved in migration policy development and implementation, as well as experts and academics working on spatial development and socio-economic transformation under the influence of migratory factors.

Keywords: migration policy, ethnonational regions, labor migration, migration, Siberian Federal District, Altai Republic, Republic of Khakassia, Republic of Tyva

References

1. Shmachkova, A. N. Russian Migration Policy in the Context of Migration Management in the Post-Soviet Space. *Society and Security Insights*. 2019. Vol. 2, No. 4. Pp. 55–60. DOI [10.14258/ssi\(2019\)4-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-04). (In Russ.).
2. Vorobyeva, O. D., Rybakovsky, L. L. Dominant Migration Policy of Modern Russia. *Sociological Research*. 2017. No. 8 (401). Pp. 59–65. DOI [10.7868/S0132162517080062](https://doi.org/10.7868/S0132162517080062). (In Russ.).
3. Oydup, T. M., Troshkina, I. N., Dilekova, S. D. Analysis of the Migration Attractiveness of the Altai Republic, Tuva and Khakassia. *The New Research of Tuva*. 2025. No. 2. Pp. 92–108. DOI [10.25178/nit.2025.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.5). (In Russ.).
4. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Khramova, M. N. Return Migration of Compatriots to Russia: Is there a Migration Potential? *Population*. 2015. No. 2 (68). Pp. 64–73. (In Russ.).
5. Abylkalikov, S. I. Features of the Demographic Development of Tuva: Contribution of Migration to the Demographic Balance. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 131–142. DOI [10.25178/nit.2021.4.10](https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10). (In Russ.).

6. Shvorina, K. V., Faleichik, L. M. Main Directions of Migration Mobility in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Economy of Region*. 2018. Vol. 14, No. 2. Pp. 485–501. DOI [10.17059/2018-2-12](https://doi.org/10.17059/2018-2-12). (In Russ.).
7. Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. Challenges of Educational Migration of Tuva Youth: Demographic Aspect. *The New Research of Tuva*. 2023. No. 3. Pp. 207–219. DOI [10.25178/nit.2023.3.13](https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13). (In Russ.).
8. Natsak, O. D., Darzhaa, Ch. B. Migration Intentions of the Population of the Republic of Tuva: Directions, Reasons, and Motives. *Asian Studies: History and Modernity*. 2023. No. 2–3. Pp. 193–219. DOI [10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219](https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219). (In Russ.).
9. Akhmetova, G. F. Migration Processes in National Republics with Different Levels of Human Development: The Cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 2. Pp. 53–69. DOI [10.25178/nit.2022.2.4](https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4). (In Russ.).
10. Mamysheva, E. P. Modern Migration Processes in the Republic of Khakassia. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2019. No. 11. Pp. 87–91. DOI [10.23672/SAE.2019.11.41479](https://doi.org/10.23672/SAE.2019.11.41479). (In Russ.).
11. Lee, E. S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
12. Tyukhteneva, S. P. Labor Migration from the Altai Republic on the Eve of the 2021 Population Census. *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). P. 209–218. DOI [10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218). (In Russ.).
13. Vazirov, Z. K., Garibova, F. M. Migration from Central Asia to the Ethnonational Regions of Russia: Ethnodemographic Shifts and their Economic Consequences. *Migration processes in the Russian Federation: challenges, practice, prospects* : Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Yoshkar-Ola, April 24, 2025. Yoshkar-Ola : Volga Region State Technological University Publ., 2025. Pp. 26–44. (In Russ.).

Bio notes

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://www.rsci.ru/spin/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Zafar K. Vazirov, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); RSCI SPIN-code: [4348-5413](https://www.rsci.ru/spin/4348-5413); Web of Science Researcher ID: [S-7156-2018](https://orcid.org/S-7156-2018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Farzona M. Garibova, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](https://orcid.org/0000-0001-6041-8204); RSCI SPIN-code: [2301-2260](https://www.rsci.ru/spin/2301-2260); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57209849301](https://orcid.org/57209849301).

Acknowledgments and financing

The team of authors express deep gratitude to the leaders and governments of the Republics of Altai and Khakassia, as well as to the employees of Ministry of Labour, Social Development, and Employment of Altai, and Ministry of Labour and Social Protection of Khakassia for their invaluable help in providing information. (Incoming Letters No. I-10-01-07/3046, dated 14 May 2021; No.140-315-04, dated April 18, 2019).

Received on 07.10.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.6)EDN [JHNZTP](https://www.edn.ru/JHNZTP)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ: СОСТОЯНИЕ И ТОЧКИ РОСТА

Письменная Е. Е.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: nikitar@list.ru***Рязанцев Н. С.***Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: nikipaulistano@gmail.com*

Для цитирования: Письменная, Е. Е. Демографическая политика в Ханты-Мансийском автономном округе: состояние и точки роста / Е. Е. Письменная, Н. С. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 97–116. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.6). EDN [JHNZTP](https://www.edn.ru/JHNZTP).

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ демографических процессов и механизмов реализации демографической политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО) в 2000–2025 гг. Авторы рассматривают ключевые тенденции изменения численности и структуры населения региона, динамику рождаемости, смертности и миграционных потоков, гендерные и возрастные особенности. Особое внимание уделено структуре управления демографической политикой, нормативно-правовой базе и региональным программам, направленным на поддержку семьи, стимулирование рождаемости, снижение смертности, укрепление института многодетной семьи, развитие здравоохранения и повышение качества жизни граждан старшего поколения. На основе анализа статистических данных Росстата, переписей населения 2002 и 2020 гг., а также материалов региональных органов власти и СМИ, выявлены сильные и слабые стороны демографического развития исследуемого региона. Авторы показывают, что устойчивость демографической ситуации обеспечивается, прежде всего, высоким уровнем урбанизации, реализацией различных государственных и региональных программ социальной поддержки, ростом ожидаемой продолжительности жизни. Вместе с тем сохраняются проблемы сокращения рождаемости и уменьшения естественного прироста населения, требующие оптимизации региональной семейной и социальной политики. В статье предложены рекомендации по повышению эффективности действующих программ, совершенствованию инструментов мониторинга, расширению мер поддержки семей с детьми и включению этнокультурного компонента в демографическую стратегию развития округа. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти (как на федеральном, так и на региональном уровнях), а также экспертным сообществом при разработке долгосрочных планов социально-демографического развития региона.

Ключевые слова: ХМАО, демографическая ситуация, динамика численности населения, этнический состав, структура управления демографической политикой региона, поддержка семьи, стимулирование рождаемости, снижение смертности, здоровый образ жизни, развитие здравоохранения

Введение

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (далее – ХМАО, Югра), как «самый крупный по численности населения регион, полностью относимый к северным местностям» [1] и динамично развивающийся в составе Российской Федерации, представляет неподдельный интерес как с точки зрения экономического, так и социально-демографического развития. Он может быть рассмотрен в качестве типичного региона РФ для анализа демографической ситуации, так как все протекающие здесь демографические процессы отражают общероссийские тенденции, но вместе с тем уже сейчас содержит в своем портфеле демографических

преобразований ресурсы и интересные идеи, которые могут быть востребованы другими регионами с аналогичной демографической картиной.

Теоретические методы научного познания – анализ, синтез, обобщение и систематизация – легли в основу данного исследования кабинетного типа. Были проанализированы доступные статистические данные Росстата РФ, результаты Всероссийских переписей населения 2002 и 2020 гг., информация из открытых источников органов региональной власти: официальных сайтов департамента социального развития, управлений социально-демографического развития и МВД России по ХМАО, региональных СМИ и пр.

Анализ научных источников показал, что этому региону исследователи демографических процессов уделяют непрерывное внимание. Так, одни считают, что «... интенсивный рост городов в Югре прекратился, численность населения в городах в основном стабилизировалась ... Основным источником роста городов становится внутренняя миграция (роль внешней миграции и естественного прироста сокращается)» [1; 2]. По мнению авторов, «инновационный прогноз численности населения сможет реализоваться, когда будет востребован культурно-исторический и социально-экономический феномен ХМАО как трансграничного региона Арктики» [1; 2].

При этом, как правильно, было замечено, «... Люди выбирают регион для постоянного места жительства, руководствуясь высокими показателями уровня и качества жизни... Переход к простому воспроизводству населения потребует повышенного внимания к семейной политике» [3]. Что представляет собой демполитика региона – нам и предстоит разобраться.

Результаты исследования

Демографическую ситуацию в Ханты-Мансийском автономном округе в период 2000–2025 гг. можно охарактеризовать как стабильную с положительным трендом увеличения численности, что подтверждает и ряд других научных исследований [4; 5; 6; 7; 8] и пр. Некоторые исследования отмечают подобную ситуацию среди отдельных этносов [9; 10]. Однако, на наш взгляд, сегодня это, скорее всего, связано не столько с естественным приростом населения, сколько с общим увеличением продолжительности жизни женщин в определенных возрастных когортах. Так, с 45–49 лет наблюдается возрастание числа женщин на 1 000 мужчин: в данном возрасте их насчитывается 1 028, в возрасте 50–55 – 1 030; 55–59 – 1 067; 60–64 – 1 279; 65–69 – 1 602; 70–74 – 2 217; 75–79 – 3 718; 80–84 – 5 555; 85 и более – 7 011.

В то же время анализ численности населения в двадцатилетнем интервале в межпереписные 2002–2020 гг. показывает, что суммарно жителей региона стало больше: было 1 432 817 – стало 1 711 480 человек, что составило 0,99% от численности всего населения России в 2002 г. и 1,16% в 2020 г. Вместе с тем в абсолютных показателях увеличилась численность городского и сельского населения. Если в 2002 г. в городах региона проживали 1 301 924 человека, а в сельской местности – 130 893, то уже в 2020 г. – 1 575 353 (+273 429) в городах и 136 127 (+5 234) в селах.

Естественный прирост самым высоким был в 2015 г. (16 527), что в 2,7 раза оказалось больше показателей начала 2000-х гг. (+6 153). Все последующие годы данный

показатель планомерно снижался – упал почти в два раза и достиг отметки в +7 993 в 2023 г.¹

Соотношение полов показало, что в регионе уменьшилась доля мужчин, а доля женщин увеличилась: 49,7%/50,3% против 48,2%/51,8%. Но при этом численность мужчин в регионе была и остается даже выше, чем в целом по стране: в пределах 2–3%. Так, в России в 2002 г. соотношение полов составляло 46,6%/53,3% в пользу женщин, в 2020 г. – 46,5%/53,5% соответственно. В регионе возросла доля женщин, проживающих как в городской (50,5%/52,0%), так и в сельской местности (47,9%/49,3%) на 2 п. п. Однако если доля мужчин в городе сократилась незначительно (49,5%/48,0%), то в сельской местности сокращение произошло на 2 п. п. – с 52,1% до 50,7%.

Брачная структура населения ХМАО повторяет общероссийский тренд в части снижения числа официально зарегистрированных браков. В 2002 г. в регионе в официально зарегистрированном брачном союзе состояли 329 287 мужчин и 312 730 женщин, в т. ч. включая мужчин и женщин в возрасте до 16 лет. В 2020 г. их насчитывалось не более 320 462 и 296 675 соответственно. Причем число мужчин, состоявших в незарегистрированных союзах, было больше числа женщин, указывавших на такой брачный статус: в 2002 г. – 38 377 мужчин и 37 546 женщин, а в 2020 г. уже такой статус отметили 24 337 мужчин и 24 073 женщин. При этом число официально разведенных мужчин в два раза меньше числа разведенных женщин отмечалось в интервале между переписями 2002 и 2020 гг.: 37 349 против 63 202 и 31 026 против 63 242. Мало того, в незарегистрированном супружеском союзе традиционно больше состоит мужчин и женщин городского населения (42 586) – против 5 824, проживающих в сельских районах.

Результаты переписей показывают, что увеличилось среднее число рожденных детей женщинами в возрасте 15 лет и старше. Так же, как в целом по России, соотношение данного показателя по городским и сельским населенным пунктам на протяжении 20 лет сохраняется в пользу последних. Если при среднем значении в 1 482 в 2002 г. соотношение выглядело как 1 450 к 1 869, то в 2020 г. при значении показателя в 1 625 соотношение выглядит как 1 602 к 1 836. К слову сказать, среднее число рожденных детей в регионе в 2020 г. было выше, чем среднее число по РФ (1 500). За первое полугодие 2025 г. Отделение Социального фонда России по ХМАО профинансировало услуги по родовым сертификатам для 7 355 женщин и 8 тыс. новорожденных детей². Вместе тем коэффициент рождаемости, находясь в течение 25 лет в интервале второго десятка, снизился с 16,6 в 2015 г. до 10,8 в 2023 г. на 1 000 человек³.

¹ Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2023 гг. // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pokaz_KS_2000-2023.pdf (дата обращения: 21.08.2025).

² Васильков, А. Югра поддерживает будущих матерей: более 7 тыс. родовых сертификатов выданы в 2025 г. // Местное время: [сайт]. 09.07.2025. URL: <https://mvremya.ru/article/30868/> (дата обращения: 28.07.2025).

³ Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2023 гг. // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pokaz_KS_2000-2023.pdf (дата обращения: 21.08.2025).

Динамика детской смертности в регионе за указанный период времени уменьшилась в три раза: если «в 2000 г. число детей, умерших в возрасте до 1 года составляло 157 на 1 000 (родившихся живыми), то в 2023 г. – таких случаев было уже 57»⁴. Общий коэффициент смертности населения, начиная с 2000 г., колеблется незначительно, причем в одних и тех же границах. Так, первый вектор снижения можно отметить с 6,9 в 2000 г. до 6,0 в 2019 г. и второй – с максимального в 8,5 в постпандемийном 2021 г. до 6,2 в 2023 г.

Этнический состав населения округа представляет собой пестрый калейдоскоп. Из 150 национальностей, народов и народностей, проживающих в России, в Югре, по данным переписи 2020 г., проживают 138. Несмотря на такое многообразие, стоит отметить, что в межпереписной период 2002–2020 гг. произошло существенное сокращение представителей, по меньшей мере, 7 лидеров, а некоторые в рейтинге и вовсе потеряли позиции. Согласно переписи 2002 г., в ХМАО проживали 946 590 русских, тогда как в 2020 г. свою принадлежность к данной национальности указали лишь 888 660 человек (-57 930). При этом, как показывают статданные, очень разнообразен их состав: великороссы, гураны, кержаки, молокане, русаки, русичи, сибиряки, чалдоны. А вот татары и украинцы в рейтинге поменялись местами: если в 2002 г. второй по численности нацией в Югре были украинцы – 123 238, а татары занимали третье место с численностью в 107 637, то за почти двадцатилетний период произошло сокращение украинцев до 41 596, то есть почти в три раза, что позволило татарам занять вторую позицию (79 727 – это -27 910 человек). Четвертыми в рейтинге 2002 г. оказались башкиры (35 807 человек). Однако в 2020 г. они потеряли в численном составе (их стало 29 717), но не утратили позиции. Незначительно сократилась и численность азербайджанцев – с 25 088 до 21 259, что дало им возможность удержаться на 5 месте в рейтинге национального представительства. Почти в 3,3 раза в регионе уменьшилась численность белорусов: с 20 518 до 6 156, и они поменялись местами с хантами. Если в 2002 г. в ХМАО проживали 17 128 хантов, то их количество в 2020 г. выросло до 19 568 (+2 440). В два раза сократилась численность следующей по количеству в 2002 г. нации – чувашей: с 15 261 до 7 786. В два раза меньше стало молдаван (10 861 против 5 297) и немцев (с 8 292 до 3 626). В три раза уменьшилось число представителей мордвы (вместо 6 386 только 2 297). Сократилось количество марийцев (7 309–4 982), армян (6 471–4 533) и коми (3 081–2 622). Манси и кумыков стало чуть больше: вместо 9 894 и 9 554 теперь их насчитывалось 11 065 и 13 669 соответственно. С 12 позиции в рейтинге в 2002 г. до 6 поднялись лезгины, увеличив численность в два раза – с 8 580 человек до 15 268. Со 182 человек в 2002 г. до 1 в 2020 г. сократилось число рутульцев⁵. Что стоит за таким сокращением – может стать отдельным предметом изучения. Не изменилась практически численность казахов (4 258–4 497). Если в 2002 г. в топ-20 не попали ногайцы (ногай) и киргизы (кыргыз), то в 2020 г. на принадлежность к этим нациям указали соответственно 9 990 и 5 562 жителей Югры. Ногайцев стало почти в 4 раза

⁴ Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2023 гг. // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pokaz_KS_2000-2023.pdf (дата обращения: 21.08.2025).

⁵ Примечание: рутульцы – один из лезгинских народов, проживающих на юго-западе Дагестана и на севере Азербайджана, общей численностью 55 тыс. человек.

больше. В два раза уменьшилось число проживающих в регионе корейцев: с 898 до 480 человек. Увеличилась численность цыган: было 59 человек, а через 20 лет их стало 83. В переписи 2002 г. в регионе не было зафиксировано ни одного казака, тогда как в 2020 г. уже о себе заявили казаки и донские, и кубанские, и русские, и терские – всего 204 человека.

Что касается этносов, относящихся к малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока России, то, несомненно, их численность в регионе вызывает пристальное внимание и заботу местных органов власти. Однако цифры свидетельствуют о низкой результативности такой работы. Незначительно сократилась количество шорцев: с 52 в 2002 г. до 49 в 2020 г. Уменьшилось и число эвен – с 6 до 2 человек, ульчи – с 5 до 1. В 2020 г. с этнического ландшафта исчез такой малочисленный финно-угорский народ как водь (2002 г. был зафиксирован 1 представитель).

Миграционная ситуация на территории ХМАО в первом полугодии 2025 г., как и в 2023 г., характеризуется «... снижением числа иностранных граждан, поставленных на миграционный учет (-11,4%; с 53 216 до 47 128)»⁶. Основной миграционный поток (от числа первично поставленных на учет) приходится на граждан государств-участников СНГ (97,5% или 34 075 из 34 933). Подавляющее большинство всех иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию, составляют выходцы из Узбекистана – 45% (15 549) и Таджикистана – 27% (9 076). Преобладающая часть иностранных граждан (76%) прибывает на территорию автономного округа для трудовой деятельности. По состоянию на конец июня 2025 г. размер квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам составил 250 единиц. В отчетном периоде оформлено 77 разрешений на работу (+ в 1,7 раза; 46), в том числе 58 (+ в 2,5 раза; 23) высококвалифицированным специалистам. Иностранцам оформлено (с учетом переоформления) 16 008 патентов (+12,7%; 14 208). Сумма поступившего в бюджет округа налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа составила почти 1 млн 170 тыс. руб. (+25%; более 933 тыс. руб.). В рамках реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, принято к рассмотрению 47 заявлений об участии в государственной программе (- в 4,8 раза; 227), выдано 13 свидетельств участника программы (в 2,5 раза; 33). На территорию Югры переселились 72 участника и членов их семей (-37%; 114).

Управление социально-демографического развития⁷ является структурным подразделением Департамента социального развития ХМАО. Деятельность управления осуществляется тремя отделами: анализа и прогнозирования; семейной и демографической политики; организации реабилитации и интеграции инвалидов. В частности, отдел семейной и демографической политики в своей деятельности

⁶ Информационный демографический бюллетень «О состоянии демографической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2024 г.». Ханты-Мансийск : Правительство ХМАО-Югры, 2025. 80 с.

⁷ Структура // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: <https://depsr.admhmao.ru/about/struktura/> (дата обращения: 25.07.2025).

руководствуется положением⁸, который представлен на сайте Депсоцразвития Югры. Отдел реализует разнонаправленные задачи в установленной сфере деятельности, в том числе по администрированию межведомственных документов по различным федеральным программам и национальным проектам демографической направленности, а также мониторингу демографической ситуации в округе в разрезе муниципальных образований ХМАО. В структуре штатного расписания отдела 5 человек: 1 – начальник подразделения; 3 консультанта; 1 специалист⁹.

В целях организации взаимодействия исполнительных органов государственной власти Югры, органов местного самоуправления муниципальных образований автономного округа, организаций и объединений по вопросам реализации демографической политики, профилактики семейного неблагополучия, социального сиротства в автономном округе с 2009 г. действует Координационный совет по реализации демографической и семейной политики (постановление Правительства ХМАО от 09.06.2009 № 143-п)¹⁰.

Претворение в жизнь основных направлений демографической политики Ханты-Мансийского автономного округа осуществлялось и осуществляется в соответствии с базовыми нормативными правовыми документами федерального и регионального уровней. В частности, нормативное правовое и организационное обеспечение демографических процессов на региональном уровне обеспечивается рядом документов: законом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 07.07.2014 № 45-оз «О поддержке семьи, материнства, отцовства и детства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»; законом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28.10.2011 № 100-оз «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»; распоряжением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 03.11.2022 № 679-рп «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 г. с целевыми ориентирами до 2050 г.»; планом мероприятий («дорожная карта») по реализации в 2022–2025 гг. в ХМАО Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27.12.2021 № 596-п).

Региональными программами в рамках Национального проекта «Семья» (срок реализации до 31 декабря 2030 г.) в ХМАО - Югре являются: «Поддержка семьи»,

⁸ Положение об отделе семейной и демографической политики Управления социально-демографического развития Департамента социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: <https://depsr.admhmao.ru/upload/uf/cae/f4xuxetnexti27e8decfotdops15de98/11.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

⁹ Телефонный справочник Депсоцразвития Югры // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: <https://depsr.admhmao.ru/contacts/> (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁰ О Координационном совете по реализации демографической и семейной политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: https://depsr.admhmao.ru/activity/otraslevye-napravleniya/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy/47361-zakonodatelstvo/o-koordinatsionnom-sovete-po-realizatsii-demograficheskoy-i-semeynoy-politiki-v-khanty-mansiyskom-av_332130/ (дата обращения: 28.07.2025).

«Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение» и «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Остановимся на каждом из них подробнее.

Региональный проект «Поддержка семьи»¹¹ реализуется в рамках Государственной программы «Социальное и демографическое развитие», цель которого – в увеличении числа семей с детьми. Целевыми группами определены различные социальные общности, в том числе молодые люди 18–35 лет, отцы или матери детей до 3-х лет, семьи с 1 и более детьми, семьи с проблемами зачатия, женщины в отпуске по уходу за ребенком до трех лет. Планируется, что к 2030 г. все семьи с детьми будут обеспечены адресной поддержкой при рождении ребенка. При этом суммарный коэффициент рождаемости должен быть поднят до показателя 1,87 к 2030 г. по отношению к базовому значению СКР в 2024 г., который составлял 1,67. Все запланированы мероприятия (результаты) регионального проекта связаны с материальным стимулированием. Кроме того, предусматривается создание комфортной среды в образовательных организациях для молодых студенческих семей и матерей с детьми. При этом определены два показателя реализации данной задачи: 1) доля образовательных организаций высшего образования, на базе которых созданы комнаты матери и ребенка, из числа образовательных организаций, испытывающих в них потребность (в 2027 г. должна достичь 30%, в 2028 г. – 60%, а в 2029 г. – 100%); 2) доля молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми, получивших поддержку образовательных организаций высшего образования от числа всех молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми, обучающихся в образовательных организациях высшего образования (в 2027 г. – 35%, в 2028 г. – 70%, в 2029 г. – 100%) при базовом нулевом значении в 2024 г.

В паспорте региональной программы «Многодетная семья (ХМАО)» записано, что проект осуществляется в рамках Государственной программы «Социальное и демографическое развитие», и что его целью является увеличение количества многодетных семей. В числе целевых групп проекта названы три категории семей: семьи с 1 и более детьми до трех лет, чей доход ниже двух региональных прожиточных минимумов на человека; семьи с двумя и более несовершеннолетними детьми; семьи с 1 и более детьми. Планируется, что к 2030 г. число многодетных семей в регионе вырастет на 15% (суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей) с базового значения 0,329 в 2023 г. поднимется до 0,862 в 2030 г., и увеличится доля граждан, охваченных государственной социальной помощью на основании социального контракта¹² в общей численности малоимущих граждан¹³. Среди

¹¹ Паспорт регионального проекта «Поддержка семьи» // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: https://depsr.admhmao.ru/activity/natsionalnyy-proekt-semya/regionalnyy-uroven/109552-regionalnyy-uroven/pasport-proekta-podderzhka-semi_11230055/ (дата обращения: 25.07.2025).

¹² Примечание: социальный контракт можно заключить на поиск работы, на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности, на ведение личного подсобного хозяйства и на иные мероприятия, направленные на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации. Отчет о реализации мероприятия будет предоставляться в том числе в разрезе семей с детьми, многодетных семей и одиноко проживающих граждан.

¹³ Паспорт регионального проекта «Многодетная семья» // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: <https://depsr.admhmao.ru/activity/>

мероприятий (результатов) в части мер социальной поддержки многодетных семей в зависимости от очередности рождения ребенка и количества детей за счет средств регионального бюджета предусмотрено предоставление компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в размере 45% от фактически понесенных расходов, ежемесячная денежная выплата на проезд и единовременное пособие для подготовки к началу учебного г. ребенка (детей). При этом не менее 700 семей в ХМАО могут рассчитывать на получение компенсации расходов на проезд к месту отдыха, оздоровления и обратно детям из многодетных семей по путевкам, предоставляемым органами власти различного уровня, работодателем и самостоятельно приобретенным многодетными родителями. 2–3 тыс. многодетных семей Югры ежегодно до 2030 г. включительно смогут бесплатно посещать спортивные сооружения и музеи, парки культуры и отдыха автономного округа, выставки. Количество многодетных семей, получивших социальную выплату взамен земли, и которые тем самым улучшили бы свои жилищные условия за пять лет действия программы, к 2030 г. должно составить нарастающим итогом 10 тыс.

Региональный проект «Охрана материнства и детства (ХМАО)»¹⁴ также направлен на увеличение числа семей с детьми и реализует Государственную программу «Современное здравоохранение». За пятилетний период осуществления этого проекта охват граждан репродуктивного возраста (18–49 лет) диспансеризацией с целью оценки репродуктивного здоровья с 32% в 2025 г. должен составить 50% в 2030 г. Доля взятых под диспансерное наблюдение детей в возрасте 0–17 лет с впервые в жизни установленными диагнозами от общего числа выявленных заболеваний по результатам проведения профилактических медицинских осмотров в 2030 г. должна вырасти до 95% против 80–82% в 2025–2026 гг. Младенческая смертность по планируемым показателям должна снизиться с 3,3‰ до 3,2‰. Не обойдены вниманием в документе и женщины, которые готовятся стать мамами: учтена доля беременных женщин, обратившихся в медицинские организации в ситуации репродуктивного выбора, получивших услуги по оказанию правовой, психологической и медико-социальной помощи и вставших на учет по беременности. Кроме того, в региональном проекте уделено внимание женщинам, проживающим в сельской местности: в показатели результативности заложена доля женщин, получивших медицинскую помощь в женских консультациях, расположенных в сельской местности, поселках городского типа и малых городах, которая должна расти.

Проект «Старшее поколение (ХМАО)»¹⁵ запущен с целью поддержки граждан пожилого возраста (50 лет и старше) и инвалидов. Причем результативность данного

natsionalnyy-proekt-semiya/regionalnyy-uroven/109552-regionalnyy-uroven/pasport-regionalnogo-proekta-mnogodetnaya-semiya_11230056/ (дата обращения: 25.07.2025).

¹⁴ Паспорт регионального проекта «Охрана материнства и детства (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра)» // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: https://depsr.admhmao.ru/activity/natsionalnyy-proekt-semiya/regionalnyy-uroven/109552-regionalnyy-uroven/pasport-regionalnogo-proekta-okhrana-materinstva-i-detstva_11230057/ (дата обращения: 25.07.2025).

¹⁵ Паспорт регионального проекта «Старшее поколение (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра)» // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: https://depsr.admhmao.ru/activity/natsionalnyy-proekt-semiya/regionalnyy-uroven/109552-regionalnyy-uroven/pasport-regionalnogo-proekta-starshee-pokolenie_11230058/ (дата обращения: 26.07.2025).

показателя замеряется через два индикатора: долю граждан пожилого возраста и инвалидов, получивших уход, и долю вовлеченных в региональные программы «Активное долголетие». Институтами региональной власти разработаны и реализуются соответствующие программы разнообразной направленности, которые через культурно-досуговые, творческие и физкультурно-оздоровительные мероприятия способствуют укреплению физического и ментального здоровья людей старшего поколения. В зависимости от индивидуальных потребностей нуждающихся в помощи объем услуг по уходу варьируется от 14 до 28 часов в неделю. Интересна по своей сути и предложенная стационарнозамещающая технология социального обслуживания, ориентированная на уход за нуждающимися (пожилыми людьми/инвалидами) на основании договора о приемной семье. Показателем результативности определено и количество одиноких нуждающихся граждан, которые могут получить услуги ухода и проживания в частных пансионатах «Резиденция для пожилых» по целевым сертификатам.

Государственные программы «Культурное пространство» и «Строительство» детерминировали разработку и внедрение еще одного регионального проекта демографической направленности, но который имеет очень широкую целевую аудиторию: все население, в том числе молодежь 14–35 лет. Речь идет о региональном проекте «Семейные ценности и инфраструктура культуры (ХМАО)». Формирование семейно ориентированной инфраструктуры, укрепление института семьи, продвижение в обществе семейных ценностей – цель подобной инициативы. Паспорт проекта доступен на сайте Департамента социального развития ХМАО – Югра¹⁶. Среди показателей результативности проекта следующие: уровень удовлетворенности граждан работой государственных и муниципальных организаций культуры, искусства и народного творчества, рост числа посещений организаций культуры. Для достижения намеченных задач запланировано построить новые и провести модернизацию существующих детских школ искусств различного бюджетного финансирования (региональные и муниципальные). Запланировано оснащение детских школ искусств и училищ новыми музыкальными инструментами, техническими средствами обучения, специализированным оборудованием и учебно-методической литературой. Проект позволит населению получать услуги современного уровня, а сами дома культуры будут поощрены по итогам всероссийского конкурса по выявлению лучших практик работы. Не упустили из виду разработчики документа и библиотеки, которые также будут поощрены по результатам похожего конкурса и модернизированы. Еще один результативный показатель регионального проекта – это создание на базе действующих учреждений культуры детских культурно-просветительских центров. Стоимость одного такого центра – 4 млн руб., но ожидаемый эффект коснется всех: самих детей, которые получают возможность освоения дополнительных развивающих программ в сфере культуры и искусства, и родителей, для которых в этих центрах предусмотрены создание досуговых

¹⁶ Паспорт регионального проекта «Семейные ценности и инфраструктура культуры (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: [сайт]. URL: https://depsr.admhmao.ru/activity/natsionalnyy-proekt-semya/regionalnyy-uroven/109552-regionalnyy-uroven/pasport-regionalnogo-proekta-semeynye-tsennosti-i-infrastruk_11230062/ (дата обращения: 26.07.2025).

объединений, читальных залов, занятия в студиях. Запланирована модернизация учреждений культурно-досугового типа в населенных пунктах с численностью до 500 тыс. человек, что позволит создать комфортные условия для всей семьи с целью посещения учреждений культуры. Переоснащение региональных и муниципальных театров, которые находятся в городах с численностью населения более 300 тыс. человек, позволит поднять качественный уровень постановок и привлечь новых зрителей. В целом анализ документа показал, что гражданам будет предоставлена возможность расширения доступа к творческим мероприятиям; региональные власти обеспокоены повышением качества предоставляемых услуг в сфере культуры, которые направлены в том числе на сохранение семейных ценностей. Однако осталось непонятным, почему подключение учреждений Югры в сфере культуры к программе «Пушкинская карта» в проекте ограничено только 2025 г.

В конце 2021 г. в рамках государственной программы ХМАО «Социальное и демографическое развитие» (с изменениями на 30 июня 2025 г.)¹⁷ был утвержден план мероприятий по реализации в 2023–2026 гг. в автономном округе¹⁸ Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.¹⁹ На решение задачи сохранения здоровья женщин всех возрастов и создания условий для усиления роли женщин в формировании здорового общества направлены следующие мероприятия: 1) повышение доступности первичной медико-санитарной помощи для женщин и девочек независимо от места проживания, включая использование выездных форм работы, в том числе в сфере охраны репродуктивного здоровья предусматривает в части результативности увеличение доли осмотренных в возрасте 15–17 лет от общего числа девочек, подлежащих осмотрам, рост числа женщин, охваченных диспансеризацией, от общего количества женщин в возрасте 18–39 лет, подлежащих диспансеризации, и доли женщин, охваченных маммологическим скринингом, от общего числа женщин в возрасте 18–39 лет, подлежащих скринингу в 2026 г., соответственно до 90% и 92,3%; 2) наращивание охвата в 2026 г. до 85,5% профилактическими медицинскими осмотрами детей в возрасте 15–17 лет с целью сохранения репродуктивного здоровья; 3) увеличение охвата диспансеризацией женщин в возрасте 18–39 лет до 90% в 2026 г.; 4) повышение охвата (до 92,3% в 2026 г.) маммологическим скринингом женщин в возрасте 40–75 лет; 5) создание Центра охраны репродуктивного здоровья подростков, а на его базе – Школы репродуктивного здоровья с целью оказания консультативной, лечебно-диагностической, реабилитационной, социально-психологической и юридической помощи гражданам в возрасте 10–17 лет (включительно), направленной на сохранение репродуктивного здоровья

¹⁷ Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 декабря 2021 г. № 596-п «О мерах по реализации государственной программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры “Социальное и демографическое развитие”» // Техэксперт : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578039869> (дата обращения: 25.07.2025).

¹⁸ План мероприятий по реализации в 2023–2026 годах в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: https://deptrud.admhmao.ru/activity/otraslevye-napravleniya-okhrana-truda/79472-natsionalnaya-strategiya-deystviy-v-interesakh-zhenshchin/plan-meropriyatiy-po-realizatsii-v-2023-2026-godakh-v-khanty_9649557/ (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁹ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы // Техэксперт : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300462709> (дата обращения: 28.07.2025).

и проведение профилактических мероприятий; 6) увеличение до 100% ежегодно доступности и качества медицинской помощи по профилю «гериатрия».

Помимо того, планом мероприятий предусмотрена широкая просветительская деятельность населения по вопросам сохранения здоровья и информирования женщин о трудовых правах и гарантиях. Местные органы власти на практике осуществили широкий охват социальных институтов в процессе решения задач сохранения здоровья населения, в том числе и представителей местного рынка труда. Поставлены цели повышения доли женского населения, занимающегося физической культурой и спортом (до 34,4% в 2026 г.); внедрения системы долговременного ухода за 100% инвалидов и граждан пожилого возраста из числа признанных нуждающимися в социальном обслуживании.

Очень тесно в плане мероприятий по реализации в 2023–2026 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. переплетены задачи, направленные на решение демографических и общественно-политических проблем. К их реализации привлечены региональные средства массовой информации и коммуникации. Так, например, при решении задачи по укреплению позиций женщин в общественно-политической жизни страны и созданию условий для развития их гражданской активности на телеканале «Югра» предусмотрено следующее: реализация проекта «Социальный паспорт приемных семей» – демонстрация видеороликов, формирующих позитивный образ приемных родителей (15 выпусков ежегодно); выпуск программы «Счастье по рецепту» о многодетных семьях, их традициях, секретах семейного счастья (15 выпусков ежегодно); проведение гостевых блоков в утренней развлекательной программе «С 7 до 10» с участием экспертов в сфере социальной, демографической политики (5 выпусков ежегодно); показ спецрепортажей о мерах поддержки семей с детьми «Больше, чем новости» (2 выпуска ежегодно); создание тематического информационного контента о мерах социальной поддержки, экспертного контента с представителями Депсоцразвития ХМАО – Югры, экспертами в области реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья, ответы на вопросы в форме прямых эфиров и видеороликов, истории семей, получивших поддержку (10 материалов ежегодно).

В газете «Местное время» запланировано ведение рубрик «Особенные дети» об истории семей, воспитывающих детей-инвалидов, мерах поддержки для данной категории семей (10 материалов ежегодно); «Погода в доме» с публикацией материалов, направленных на формирование семейных ценностей (10 материалов ежегодно). В газете «Новости Югры» предусмотрено ведение рубрики «Семейные ценности» об истории югорских семей с публикацией экспертных мнений специалистов социальной и демографической политики, справочной информации о мерах поддержки семей с детьми (6 выпусков ежегодно). Запланировано и создание тематических рубрик, направленных на формирование семейных ценностей, в средствах массовой информации муниципальных образований автономного округа (22 публикации ежегодно). Проиллюстрируем сказанное выше наглядно. К примеру, А. Васильков на страницах газеты «Местное время» от 7 июля 2025 г. рассказал

о выплатах, на которые может рассчитывать в Югре семья с детьми²⁰, а в статье от 9 июля 2025 г. – о том, как в ХМАО поддерживают будущих матерей, где в 2025 г. было выдано более 7 тыс. родовых сертификатов²¹.

На радио «Югра» предусмотрена реализация проектов «Семейный доктор» с участием представителей здравоохранения, общественных экспертов (4 выпуска ежегодно); «Родительский совет» с участием экспертов в сфере социальной и демографической политики, педагогов, общественных экспертов (4 выпуска ежегодно). Также планируется создание короткометражных фильмов о предупреждении абортов (1 фильм ежегодно).

Запланировано и участие в деятельности Евразийского женского форума при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и международного дискуссионного клуба «Евразийское объединение женщин – региональных лидеров», международного дискуссионного клуба «Джуниор ЕЖФ» с целью аккумулирования и популяризации лучшего опыта реализации социальной и гендерной политики в регионе, женских гражданских инициатив, развития женских проектов и женского лидерства, выявления и поддержки интеллектуальных способностей талантливых женщин, развития их компетенций. Сопричастность к работе Евразийского женского форума планируется через участие в заседаниях клуба (не менее 15 чел.).

Далее речь пойдет о развитии здравоохранения в Ханты-Мансийском автономном округе. В 2024 г. в Югре «... создали 8 новых объектов здравоохранения как в крупных, так и в небольших населенных пунктах: долгожданная больница в Нижневартовске, станция скорой помощи в Сургуте, районная больница в Березово, поликлиника в поселке Кондинское, врачебные амбулатории в поселке Луговой Кондинского района и поселке Красноленинский Ханты-Мансийского района, участковая больница с круглосуточным стационаром в поселке Кедровый Ханты-Мансийского района. Кроме того, завершён капитальный ремонт 16 объектов здравоохранения, а также поставлено 14 единиц высокотехнологичного медицинского оборудования и приобретено 53 автомобиля для нужд медицины. Это шаги к более качественной медпомощи для югорчан»²². В частности, Нижневартовская больница стала «... медицинским хабом для восточной части округа, где медпомощь будет оказываться жителям Нижневартовска и Нижневартовского района, Лангепаса, Мегиона, Покачей, Излучинска. Помимо этого, в Югру на лечение приезжают жители Стрежевого – между правительствами автономного округа и Томской области действует соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения»²³.

Правительство Югры 21 октября 2021 г. утвердило постановление № 467-п «О государственной программе ХМАО “Современное здравоохранение”

²⁰ Каждая семья с детьми в Югре может рассчитывать на ряд выплат // Местное время : [сайт]. 07.07.2025. URL: <https://mvremya.ru/article/30837/> (дата обращения: 28.07.2025).

²¹ Югра поддерживает будущих матерей: более 7 тыс. родовых сертификатов выданы в 2025 г. // Местное время : [сайт]. 09.07.2025. URL: <https://mvremya.ru/article/30868/> (дата обращения: 28.07.2025).

²² За последний год Югра сделала важный шаг вперед в развитии здравоохранения // Местное время : [сайт]. 23.05.2025. URL: <https://mvremya.ru/article/30254/> (дата обращения: 28.07.2025).

²³ Там же.

(с изменениями на 22 декабря 2023 г.)», которое вступило в силу с 1 января 2022 г.²⁴ Срок реализации программы – 2022–2027 гг. и на период до 2030 г. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении к концу 2030 г. должна составить 78,5 лет (это больше базового значения 2021 г. на 6,49 лет). Младенческая смертность должна быть снижена с 3,9 от базового значения до 3,7 на 1 000 случаев живых рождений. Долю граждан, ежегодно проходящих профилактический (медицинский) осмотр и (или) диспансеризацию, от общего числа населения в рамках регионального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» Национального проекта «Здравоохранение» планируется увеличить с 48,6 до 72,0%. В рамках этого же регионального проекта до 100% должно вырасти число поликлиник и поликлинических подразделений, участвующих в создании и тиражировании «новой модели организации оказания медицинской помощи», от общего количества таких организаций. По региональному проекту «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами» Национального проекта «Здравоохранение» укомплектованность врачами структур здравоохранения автономного округа должна составлять на момент завершения программы в декабре 2030 г. – 94,8% (в 2022 г. данный показатель достиг значения в 88,1%²⁵).

В ХМАО реализуется региональная программа «Активное долголетие Югры»²⁶, рассчитанная на 2025–2030 гг. и направленная на повышение качества жизни людей старшего поколения с целью увеличения продолжительности их активной жизни. Актуальность разработки и реализации этой программы обусловлена ростом средней продолжительности жизни и проблемой старения населения региона. Так, 2019–2023 гг. отмечена положительная динамика в увеличении числа людей пожилого возраста с 225 267 до 289 108 человек. При этом в 2023 г. ожидаемая продолжительность жизни, по официальным данным, составила 76,32 года, что на 3 года выше данного показателя по России в целом. Активными помощниками в выполнении программы определены волонтеры, результативность деятельности которых может достигаться с применением разнообразных социальных технологий – «дворового» социального менеджмента; семейного ухода за пожилыми людьми и инвалидами (приемная семья для пожилого гражданина и инвалида); «Университета третьего возраста»; школы ухода²⁷; комплексной медико-психолого-социальной помощи мультидисциплинарными бригадами. Все вместе взятое повышает численность граждан старшего поколения, принявших участие

²⁴ Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 31 октября 2021 г. N 467-п О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Современное здравоохранение» (с изменениями на 22 декабря 2023 г.) // Техэксперт : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577930692> (дата обращения: 28.07.2025).

²⁵ Проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами ХМАО – Югры» // Департамент здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: <https://dzhmao.admhmao.ru/natsionalnye-proekty/arkhiv/np-zdrav/regionalnyy-uroven/2509722/kadri/> (дата обращения: 28.07.2025).

²⁶ Региональная программа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Активное долголетие Югры» на 2025–2030 гг. // Техэксперт : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407550768> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁷ Примечание: школы обучения лиц, осуществляющих уход за тяжелобольными людьми, действуют при медицинских организациях и организациях социального обслуживания автономного округа.

1) в занятиях физической культурой и спортом, 2) в культурно-досуговых мероприятиях и творческих проектах, 3) в образовательных проектах, 4) в волонтерском движении. Именно по этим четырем ежегодным контрольным показателям и определяется эффективность воплощения в жизнь программы.

Хочется отметить, что план реализации мероприятий региональной программы очень разнообразен, конкретен и включает 48 пунктов по пяти разделам, которые охватывают различные стороны жизни людей старшей возрастной группы: «продление активного долголетия граждан старшего поколения, создание условий для реализации их личностного потенциала; охрана здоровья граждан старшего поколения, развитие медицинской помощи, в том числе по профилю «гериатрия»; развитие социальных услуг для граждан старшего поколения, продлевающих их здоровую жизнь и обеспечивающих качественный уход; повышение финансовой обеспеченности граждан старшего поколения, создание условий для их занятости; развитие инфраструктуры для качественной и безопасной жизни граждан старшего поколения»²⁸.

По данным из открытых источников, с начала 2016 г. в Югру переехали более 2 700 соотечественников, «главным образом это выходцы из стран бывшего Союза: Белоруссии, Украины, Казахстана. И что очень важно, все переезжающие в Югру – специалисты, в которых нуждается промышленность и социальная сфера региона. Каждый третий из них имеет высшее образование и значительный опыт работы»²⁹. В рамках Государственной программы «Поддержка занятости населения» в ХМАО действует подпрограмма «Оказание содействия добровольному переселению в регион соотечественников, проживающих за рубежом, на 2022–2025 гг.», утвержденная постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24.12.2021 № 578-п. Общий объем финансирования подпрограммы составляет 32 220,1 тыс. руб., в том числе средства бюджета автономного округа – 29 565,2. В паспорте объекта отдельные этапы не выделяются. Как отмечается в паспорте подпрограммы, полная информация об имеющихся вакансиях в автономном округе для трудоустройства участников Государственной программы и членов их семей представлена на информационном портале Роструда «Работа в России»³⁰, где дана классификация по регионам, профессиям, размеру заработной платы, дополнительным условиям, включая возможность переезда; на интерактивном портале «Уполномоченный орган Югры» (раздел «Для граждан», подраздел «Поиск работы»)³¹; информационном портале автономного округа (раздел «Для граждан», подраздел «Поиск работы»)³².

²⁸ Региональная программа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Активное долголетие Югры» на 2025–2030 гг. // Техэксперт : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407550768> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁹ Югру уже выбрали 2 700 соотечественников // Российская газета : [сайт]. 14.09.2017. URL: <https://rg.ru/2017/09/14/reg-urfo/iugru-uzhe-vybrali-2700-sootchestvennikov.html> (дата обращения: 29.07.2025).

³⁰ Общероссийская база вакансий и резюме // Работа России : [сайт]. URL: <http://www.trudvsem.ru> (дата обращения: 29.07.2025).

³¹ Интерактивный портал // Департамент труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: <http://job.admhmao.ru> (дата обращения: 29.07.2025).

³² Департамент труда и занятости населения // Администрация Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: <http://www.deptrud.admhmao.ru> (дата обращения: 29.07.2025).

Готовность ХМАО к принятию соотечественников из-за рубежа обеспечена следующими показателями. В 2018 г. в автономном округе введено 586,0 тыс. кв. м общей площади жилых домов, из них 122,9 тыс. кв. м или 21,0% приходится на индивидуальное жилищное строительство. На 1 января 2019 г. в регионе функционировали 5 наемных домов коммерческого использования в городах Нефтеюганск, Сургут, Ханты-Мансийск общей площадью 32,3 тыс. кв. м (730 квартир) и 1 наемный дом социального использования в г. Сургуте на 512 квартир общей площадью 22,5 тыс. кв. м. Проводится подготовка к эксплуатации 1 наемного дома коммерческого использования в г. Нижневартовске на 178 квартир, 2 наемных домов социального использования в городах Мегионе и Пыть-Яхе на 201 квартиру. Все наемные дома коммерческого использования располагаются в районах с развитой инфраструктурой, подключены к городской системе «Безопасный город», располагают жилыми помещениями различной конфигурации (студии, 1-, 2-, 3-комнатные квартиры). Жители наемных домов коммерческого использования имеют возможность получения регистрации по месту пребывания на период проживания. Информация о наемных домах коммерческого использования размещена в сети Интернет на сайте prostodomugra.ru. Информация о наемном доме социального использования опубликована на официальном портале администрации г. Сургут. Предоставление жилых помещений в наемных домах социального использования осуществляется в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации гражданам, признанным нуждающимися в таковых и не имеющим достаточных доходов для самостоятельного приобретения жилых помещений в собственность.

В дальнейшем планируется создание наемных домов коммерческого использования в г. Нижневартовске на 178 квартир общей площадью 5 863,4 кв. м, в г. Сургуте на 264 квартиры общей площадью 11 299,2 кв. м, в г. Пыть-Яхе на 145 квартир общей площадью 8 905,3 кв. м и в Советском районе (г. Советский) на 70 квартир общей площадью 3 476,55 кв. м, а также 2 наемных домов социального использования в г. Мегионе: в п. Высокий на 56 квартир общей площадью 2 826,8 кв. м и на 112 квартир общей площадью 6 122,2 кв. м. Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя региона на 1 января 2019 г., составила 21,1 кв. м (2017 г. – 20,8 кв. м).

До получения гражданства Российской Федерации участники Государственной программы (в ред. постановления Правительства ХМАО – Югры от 28.12.2024 N 580-п) имеют право: временно трудоустроиться на оплачиваемые общественные работы; принять участие в ярмарках вакансий; получить меры государственной поддержки по профессиональной ориентации в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования. После получения гражданства РФ перечень мер государственной поддержки в области содействия занятости населения, которыми может воспользоваться участник Государственной программы, расширяется (в ред. постановления Правительства ХМАО – Югры от 28.12.2024 N 580-п).

Осуществление мероприятий по содействию в трудоустройстве участников Государственной программы позволит заполнить длительно существующие в автономном округе вакансии по востребованным на рынке труда профессиям

(специальностям) и способствовать обеспечению потребности региона в квалифицированных кадрах. За период 2022–2025 гг. планируется переселить не менее 1 тыс. соотечественников, обеспечив их возможностью обустройства и трудоустройства, а также адаптации и интеграции на территории автономного округа. В подпрограмме обозначены органы власти и адреса различных учреждений, куда могут обратиться соотечественники и члены их семей. На сайте Управления МВД России по ХМАО – Югре в разделе «Новости»³³ представлены публикации об участниках программы переселения соотечественников в Югре с 2019 г. Люди рассказывают о преимуществах программы и личном опыте. В целом фон всех представленных материалов положительный, в зависимости от жизненной ситуации раскрыты различные аспекты данной программы.

Рекомендации

В качестве рекомендаций по реализации демографической политики в регионе можно предложить обратить внимание и доработать следующие моменты:

1. Внести изменения и корректировки в действующие региональные программы. Например, в региональном проекте «Поддержка семьи»³⁴ в пункте плана, предусматривающего «создание комфортной среды в образовательных организациях для молодых студенческих семей и матерей с детьми» рекомендуем заменить словосочетание «матерей с детьми» на «родителей или матерей (отцов) с детьми». При этом желательно скорректировать параметр «доля образовательных организаций высшего образования, на базе которых созданы комнаты матери и ребенка, из числа...» на «родительские комнаты» или «комнаты матери/отца и ребенка». Ввиду того, что в июле 2025 г. были внесены поправки в ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»³⁵ и был официально закреплён статус «студенческая семья» рекомендуем внести изменения и в показатель «доля молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми, получивших поддержку образовательных организаций высшего образования от числа всех молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми, обучающихся в образовательных организациях высшего образования», дополнив его следующей формулировкой: «... обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования и (или) образовательным программам высшего образования». При этом изменить и соответствующий индикатор. В региональном проекте «Семейные ценности и инфраструктура культуры (ХМАО)» расширить план мероприятий и соответствующий показатель результативности в части подключения учреждений в сфере культуры к программе «Пушкинская карта» на весь срок реализации проекта – до 2030 г. включительно, сейчас же он ограничен 2025 г.

³³ Переселение соотечественников // Управление МВД России по Ханты-Мансийскому АО-Югре : [сайт]. URL: <https://86.mvd.pf/search?q=Переселение+соотечественников> (дата обращения: 29.07.2025).

³⁴ Паспорт регионального проекта «Поддержка семьи» // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : [сайт]. URL: https://depsr.admhmao.ru/activity/natsionalnyy-proekt-semya/regionalnyy-uroven/109552-regionalnyy-uroven/pasport-proekta-podderzhka-semi_11230055/ (дата обращения: 25.07.2025).

³⁵ Федеральный закон от 23.07.2025 N 258-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» // Консультант Плюс : [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/90129.html> (дата обращения: 31.07.2025).

2. Следить за выполнением намеченного плана по региональным проектам, обеспечив легкий поиск заложенных индикаторов в интернет-пространстве в целях повышения доверия к институтам власти среди местного населения. К примеру, в утвержденном плане мероприятий по реализации в 2023–2026 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре³⁶ Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.³⁷ заложен показатель «Ведение рубрики “Особенные дети” в газете “Местное время”» об истории семей, воспитывающих детей-инвалидов, мерах поддержки для данной категории семей при намеченном индикаторе результативности в 10 материалов ежегодно. Однако анализ открытых интернет-источников не позволяет это проверить, и на поисковый запрос «Официальный сайт газеты “Местное время” в Югре» выдает следующий результат на сайте медиахолдинга в рубрике «Категория Ханты-Мансийск»: 4 видеорепортажа, выложенных еще в 2022 и 2023 гг.³⁸, о жизни особенных детей в регионе. Или показатель – «Ведение рубрики “Погода в доме” в газете “Местное время”»: публикация материалов, направленных на формирование семейных ценностей (10 материалов ежегодно). Аналогичная ситуация и при формировании поискового запроса в рубрике «“Погода в доме” в газете “Местное время” в Югре» – выходит только один результат – поздравление читателей с новым 2025 г. от издательства, в котором эти рубрики лишь упоминаются: «Вы, наверное, уже заметили на страницах «МВ» новые темы. Так, в уходящем году у нас стартовали сразу два ярких проекта «Погода в доме» и «Особенные дети». После выхода материалов этих направлений в нашу редакцию поступало немало звонков, писем, сообщений...»³⁹, но, найти их, к сожалению, не представляется возможным. В навигаторе на официальном сайте газеты по тематическим разделам таких рубрик просто нет.

3. Анализ региональных программ демографической направленности до 2030 г. показал отсутствие в заложенных показателях результатов – доли/числа построенных и/или реконструированных детских садов. Хотя именно доступность и высокое качество услуг системы дошкольного образования способствуют повышению рождаемости и занятости родителей на рынке труда региона.

Заключение

Проведенное нами исследование выявило, что все реализуемые в ХМАО программы демографического развития являются продолжением федеральных. Несомненно, плановые и достигнутые промежуточные показатели способствуют тому,

³⁶ План мероприятий по реализации в 2023–2026 годах в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы // Департамент труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: [сайт]. URL: https://deptrud.admhmao.ru/activity/otraslevye-napravleniya/okhrana-truda/79472-natsionalnaya-strategiya-deystviy-v-interesakh-zhenshchin/plan-meropriyatiy-po-realizatsii-v-2023-2026-godakh-v-khanty_9649557/ (дата обращения: 28.07.2025).

³⁷ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы // Техэксперт: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300462709> (дата обращения: 28.07.2025).

³⁸ Результаты поиска рубрики «Особенные дети» // Югра ТВ: [сайт]. URL: <https://ugra-tv.ru/news/khanty-mansiysk/?q=особенные%20дети> (дата обращения: 31.07.2025).

³⁹ Спасибо всем, кто шагнул с газетой в Новый год! Планов на 2025 год у журналистов «МВ» много // Местное время: [сайт]. 30.12.2024. URL: <https://mvremya.ru/article/28098/> (дата обращения: 31.07.2025).

что в целом демографическая ситуация в регионе характеризуется не просто стабильностью на протяжении длительного времени, но, если в данном случае допустимо сравнение, некоторым «топтанием на месте». При этом как результат действия демографической и семейной политик можно выделить и положительные, и отрицательные итоги. Так, рост численности постоянного населения, естественный прирост, повышение ожидаемой продолжительности жизни, увеличение количества детей и многодетных семей, снижение младенческой смертности и числа умерших, а также возрастание числа прибывших в регион, несомненно, положительные моменты.

Вместе с тем сокращение количества родившихся, снижение суммарного коэффициента рождаемости, заключенных браков и рост количества разводов должны стать предметом пристального внимания региональных органов власти; вектор демографической политики должен быть направлен на решение именно этих проблем. Только совместное управление экономической и социальной сферами жизни будет способствовать улучшению качества и уровня жизни населения в регионе, и как следствие – демографических показателей. Важно также и проведение разъяснительной работы с населением с помощью средств массовой информации и коммуникаций, которые являются надежными и действенными инструментами формирования общественного сознания, но не используются в полной мере.

Список литературы

1. Ткачев, Б. П. Прогноз численности населения городов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Б. П. Ткачев, Т. В. Ткачева, А. А. Шипицын // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2020. № 11. С. 64–68. DOI [10.17513/mjpf.13150](https://doi.org/10.17513/mjpf.13150). EDN [SKICD](https://www.edn.ru/SKICD).
2. Ткачев, Б. П. Анализ методик прогнозирования социально-экономического развития на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Б. П. Ткачев, Т. В. Ткачева // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 4. С. 28–32. DOI [10.17513/sres.1023](https://doi.org/10.17513/sres.1023). EDN [JAGYRG](https://www.edn.ru/JAGYRG).
3. Бессонова, Т. Н. Демографическое благополучие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Теория и практика общественного развития. 2025. № 7. С. 63–70. DOI [10.24158/tipor.2025.7.7](https://doi.org/10.24158/tipor.2025.7.7). EDN [HHSKFN](https://www.edn.ru/HHSKFN).
4. Ткачев, Б. П. Перспективы социально-экономического развития ХМАО // Вестник Югорского государственного университета. 2005. № 1 (1). С. 109–113. EDN [OQQISH](https://www.edn.ru/OQQISH).
5. Санников, А. Л. Характеристика демографических процессов на примере Ханты-Мансийского автономного округа / А. Л. Санников, А. К. Пищухин, Т. А. Тарасова, А. Г. Калинин // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 1 (139). DOI [10.23670/IRJ.2024.139.30](https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.30). EDN [UYEDPQ](https://www.edn.ru/UYEDPQ).
6. Шепелевич, С. С. Тенденции демографических изменений в Ханты-Мансийском автономном округе / С. С. Шепелевич, Е. Н. Троянова, Н. Н. Огурцов // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2024. Т. 31, № 3. С. 184–194. DOI [10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.87.3.018](https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.87.3.018). EDN [VNZXYO](https://www.edn.ru/VNZXYO).
7. Шульгин, О. В. Исследование демографических процессов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / О. В. Шульгин, А. В. Кутышкин, С. В. Данилова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 6 (140). С. 59–66. DOI [10.26726/1812-7096-2022-6-59-66](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-6-59-66). EDN [LHQOBX](https://www.edn.ru/LHQOBX).
8. Стась, И. Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е – начало 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Стась Игорь Николаевич; Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2014. 29 с.
9. Ткачева, Т. В. Изменение жизненного пространства обских утров в условиях городской среды // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Языки

и культура народов Арктики как полиэтнического региона в условиях глобализации». Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2018. С. 179–183. EDN [YVBBEL](#).

10. Бортникова, Ю. А. Действие фронта в «особой» культуре Западной Сибири: обские угры-мусульмане / Ю. А. Бортникова, О. Н. Наumenко // Развитие Арктики и приарктических регионов: сборник научных статей. Тюмень : Международный институт инновационного образования, 2020. С. 294–315. EDN [ADXWIN](#).

Сведения об авторах

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](#); РИНЦ SPIN-код: [2200-7340](#); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](#); Scopus Author ID: [8731444800](#).

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikipaulistano@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](#); РИНЦ SPIN-код: [2654-1867](#); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](#); Scopus Author ID: [57220204335](#).

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; принята в печать 17.11.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC POLICY IN THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS DISTRICT: STATUS AND POTENTIAL FOR GROWTH

Elena E. Pismennaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nikitar@list.ru

Nikita S. Ryazantsev

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nikipaulistano@gmail.com

For citation: Pismennaya, E. E., Ryazantsev, N. S. Demographic Policy in the Khanty-Mansi Autonomous District: Status and Potential for Growth. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 97–116. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.6](#). (In Russ.)

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of demographic processes and mechanisms for implementing demographic policies in the Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra in 2000–2025. It considers key trends in population size and structure changes, fertility, mortality, and migration dynamics, as well as gender and age-related characteristics. Special attention is given to the structure and management of demographic policies, regulatory frameworks, and regional programs supporting families, promoting birth rates, reducing mortality rates, strengthening large families, and improving healthcare and quality of life for older citizens. The analysis of Rosstat statistical data, 2002–2010 population census data, and materials from regional governments and media identifies strengths and weaknesses in demographic development in the studied area. The article shows that stability in the demographic situation depends primarily on high levels of urbanization and implementation of state and regional support programs. However, challenges remain in terms of declining birthrates and natural population growth, necessitating optimization of family and social policy. Recommendations are offered to enhance existing programs' effectiveness, improve monitoring tools, expand support for families with children, incorporate an ethno-cultural component into district demographic strategies. The results of this study can be utilized by governmental agencies (federal and regional) as well as experts in developing long-range plans for socio-economic development in this region.

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous District, population dynamics, ethnic composition, regional demographic policy management structure, family support, birth rate promotion, mortality reduction, healthy lifestyle, healthcare

References

1. Tkachev, B. P., Tkacheva, T. V., Shipitsyn, A. A. Population Forecast for Cities in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2020. No. 11. Pp. 64–68. DOI [10.17513/mjpf.13150](https://doi.org/10.17513/mjpf.13150). (In Russ.).
2. Tkachev, B. P., Tkacheva, T. V. Analysis of Methods of Forecasting Socio-Economic Development on the Example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. *Scientific Review. Economic Sciences*. 2019. No. 4. Pp. 28–32. DOI [10.17513/sres.1023](https://doi.org/10.17513/sres.1023). (In Russ.).
3. Bessonova, T. N. Demographic Well-Being of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. *Theory and Practice of Social Development*. 2025. No. 7. Pp. 63–70. DOI [10.24158/ti-por.2025.7.7](https://doi.org/10.24158/ti-por.2025.7.7). (In Russ.).
4. Tkachev, B. P. Perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya KHMAO [Prospects for the socio-economic development of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. *Yugra State University Bulletin*. 2005. No. 1 (1). Pp. 109–113. (In Russ.).
5. Sannikov, A. L., Pishchukhin, A. K., Tarasova, T. A., Kalinin, A. G. Characteristics of Demographic Processes on the Example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug. *International Research Journal*. 2024. No. 1 (139). DOI [10.23670/IRJ.2024.139.30](https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.30). (In Russ.).
6. Shepelevich, S. S., Troyanova, E. N., Ogurtsov, N. N. Demographic Changes Trends in Khanty-Mansiysk Autonomous District. *Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH)*. 2024. Vol. 31, No. 3. Pp. 184–194. DOI [10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.87.3.018](https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.87.3.018). (In Russ.).
7. Shulgin, O. V., Kutyskin, A. V., Danilova, S. V. Study of Demographic Processes Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2022. No. 6 (140). DOI [10.26726/1812-7096-2022-6-59-66](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-6-59-66). (In Russ.).
8. Stas', I. N. *Urbanizatsiya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga v period neftegazovogo osvoyeniya (1960-ye – nachalo 1990-kh gg.)* [Urbanization of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug during the oil and gas development period (1960s – early 1990s)] : author's abstract. dis. ... candidate of historical sciences : 07.00.02 / Stas Igor Nikolaevich; National Research Tomsk State University. Tomsk, 2014. 29 p. (In Russ.).
9. Tkacheva, T. V. Changing the Living Space of the Ob Ugrians in the Urban Environment. *Materials of the International Scientific and Practical Conference “Languages and Culture of the Peoples of the Arctic as a Multiethnic Region in the Context of Globalization”*. Khanty-Mansiysk : Yugra State University Publ., 2018. Pp. 179–183. (In Russ.).
10. Bortnikova, Yu. A., Naumenko, O. N. The Action of the Frontier in the “Special” Culture of Western Siberia: Ob Ugrians. *Development of the Arctic and Subarctic Regions: Collection of Scientific Articles*. Tyumen : International Institute of Innovative Education Publ., 2020. Pp. 294–315. (In Russ.).

Bio notes

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); RSCI SPIN code: [2200-7340](https://www.rsci.spin.ru/2200-7340); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikipaulistano@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI SPIN-code: [2654-1867](https://www.rsci.spin.ru/2654-1867); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Received on 15.09.2025; accepted for publication on 17.11.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.7)EDN [HADOVV](#)

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПО УРОВНЮ ДЕТЕРМИНАНТОВ ЗДОРОВЬЯ

Полянская Е. В.

*Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания,
Благовещенск, Россия*

E-mail: polanska2011@yandex.ru

Для цитирования: Полянская, Е. В. Кластеризация регионов Дальнего Востока по уровню детерминантов здоровья // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 117–132. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.7). EDN [HADOVV](#).

Аннотация. Целью исследования является кластеризация регионов Дальнего Востока по уровню ключевых детерминантов здоровья с учетом специфики демографических, социально-экономических, экологических и поведенческих факторов. Актуальность работы обусловлена продолжающимся демографическим кризисом и выработанной дифференциацией регионов по ключевым демографическим показателям. Методология включает многомерный статистический анализ, в том числе кластеризацию методами t-distributed Stochastic Neighbor Embedding (tSNE), K-средние, Fuzzy-средние и самоорганизующиеся карты (SOM). Проведен корреляционный анализ, выполнена кластеризация субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) по уровню детерминантов здоровья. В качестве теоретической базы рассмотрены классические и современные подходы к определению и оценке детерминантов здоровья, включая международный опыт (ВОЗ, Оттавская хартия) и отечественные исследования. В результате выделены кластеры регионов с различной структурой и уровнями детерминантов здоровья, выявлены ключевые внутренние и внешние факторы, влияющие на дифференциацию состояния здоровья населения. Научная новизна заключается в применении комбинации нескольких современных методов кластеризации, позволяющих последовательно провести нормализацию показателей, анализ нечеткой принадлежности регионов к кластерам, визуализацию многомерных данных и выявление топологических связей между регионами с последующей оценкой качества кластеризации на основе использования коэффициента силуэта и внутрикластерной дисперсии. Совместное применение методов классификации с использованием нейронной сети и нечеткой логики значительно повышает качество анализа данных и улучшает результаты кластеризации. Практическая значимость работы состоит в возможности использовать полученные кластеры для адресной региональной политики: целевого распределения ресурсов, совершенствования программ профилактики, инфраструктуры и системы мониторинга общественного здоровья.

Ключевые слова: кластеризация, Дальний Восток, детерминанты здоровья, демографический кризис, региональная дифференциация

Введение

Исследование проблем общественного здоровья и здравоохранения, поиска выхода из демографического кризиса на Дальнем Востоке актуально уже не одно десятилетие.

Показатели смертности по четырем из шести основных групп причин в 2023 г. в ДФО превышали среднероссийские значения: от внешних причин – на 64,4%, от болезней органов дыхания – на 35,9%, от болезней органов пищеварения – на 16,8%¹. Согласно расчетам индекса здоровья населения в регионах РФ за 2022 г., жители Дальнего Востока имеют самые низкие показатели здоровья в России.

¹ Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа // Восточный центр государственного планирования : [сайт]. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

Особенно неблагоприятная ситуация наблюдается в Чукотском автономном округе и Еврейской автономной области, которые занимают наихудшие позиции в рейтинге.

По состоянию на 2024 г. дифференциация в уровне продолжительности жизни в регионах ДФО составляет 7 лет, что однозначно отражает неравенство в состоянии здоровья на региональном уровне².

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в агрегированном виде характеризует, с одной стороны, уровень смертности, с другой – дает возможность адекватного сопоставления уровней смертности между любыми территориями. Ее значение зависит от множества факторов, среди которых состояние окружающей среды, условия труда и быта, психологические, биологические и наследственные факторы, функционирование системы здравоохранения.

Феномен неравенства в отношении продолжительности жизни и, следовательно, здоровья определяет необходимость поиска ответов на ряд вопросов. В каких регионах люди живут дольше? За счет каких факторов формируются существующие различия в уровне здоровья населения и ожидаемой продолжительности жизни? Поиску ответов на эти вопросы и посвящено наше исследование, цель которого заключается в кластеризации регионов Дальнего Востока по уровню ключевых детерминантов здоровья.

Методология исследования

Алгоритм кластеризации регионов Дальневосточного федерального округа, используемый в настоящей работе, включает несколько этапов:

1. Обоснование набора детерминантов, влияющих на здоровье населения.
2. Проведение корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Спирмена. Выявление взаимосвязей внутри и между группами детерминантов позволяет понять, какие факторы потенциально мультиколлинеарны или взаимно поддерживают/усугубляют влияние друг друга.
3. Нормирование (стандартизация) всех показателей внутри каждой группы методом сигмальных отклонений от среднего значения по каждому показателю в каждом регионе ДФО. Применяется следующая формула стандартизации показателей:

$$z_i = \frac{X_i - \mu_x}{\sigma_x} \quad (1),$$

где:

X_i – исходное значение показателя по региону;

μ_x – среднее значение по Дальнему Востоку (по всем регионам ДФО);

σ_x – стандартное отклонение этого показателя по регионам округа.

Далее. Каждому региону по каждому показателю присваивается ранг от 1 до 11 (где 1 – худшее значение, 11 – лучшее).

² Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа // Восточный центр государственного планирования : [сайт]. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

4. Расчет суммы рангов по каждому году исследованного периода и комплексного ранга в соответствии с рейтингом для каждой территории после ранжирования по всем показателям каждой группы детерминантов.

В статье предложена кластеризация регионов по показателям детерминантов здоровья на основе нескольких нелинейных методов: K-средние для нормализации показателей, Fuzzy-средние для анализа нечеткой принадлежности регионов к кластерам, t-SNE для визуализации многомерных данных, самоорганизующиеся карты (SOM) для выявления топологических связей между регионами. Качество кластеризации оценивалось с использованием коэффициента силуэта и внутрикластерной дисперсии. Совместное использование нелинейных методов может значительно повысить качество анализа и улучшить результаты кластеризации. Каждый из методов имеет свои сильные и слабые стороны. Используя их в комбинации, можно получить более полное представление о структуре показателей.

В качестве материала исследования выступают региональные статистические данные субъектов ДФО за период с 2013 по 2023 г. Всего в оценку включены 22 показателя, которые содержатся в официальных статистических ежегодниках. В работе анализировались такие регионы Дальневосточного федерального округа как: Республика Бурятия (РБ), Республика Саха (Якутия) (РС(Я)), Забайкальский край (ЗК), Камчатский край (КК), Приморский край (ПК), Хабаровский край (ХК), Амурская область (АО), Магаданская область (МО), Сахалинская область (СО), Еврейская автономная область (ЕАО), Чукотский автономный округ (ЧАО).

Обзор литературы

Оттавская хартия укрепления здоровья в 1986 г. определила ряд основополагающих направлений деятельности по укреплению здоровья: формирование государственной политики в области здоровьесбережения; создание благоприятной среды, переориентация медицинской помощи на профилактику заболеваний и укрепление здоровья; разработка комплекса мер, направленных на улучшение здоровья на местном уровне; создание благоприятной среды по поддержанию здоровья³. Отсюда проистекла необходимость систематизации детерминантов, влияющих на состояние здоровья.

Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует единый перечень детерминантов здоровья. Они постоянно дополняются новыми компонентами, расширяются и конкретизируются [1; 2; 3]. В научной литературе нет общепринятого определения понятия «детерминанты здоровья». ВОЗ официально определяет только понятие социальных детерминантов здоровья, под которыми принято понимать совокупность условий, в которых население рождается, живет и умирает, уровень доступности к различным ресурсам, включая финансовые [4].

При включении переменных в группу детерминантов, влияющих на общественное здоровье, важно понимать необходимость их регулярного пересмотра, поскольку значимость детерминантов может меняться во времени, в том числе под действием государственной политики в области укрепления здоровья или

³ Ottawa Charter for Health Promotion // World Health Organization : [site]. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/ottawa-charter-for-health-promotion> (accessed on 15.08.2025).

изменений состояния внешней среды. Принимая во внимание необходимость анализа состояния здоровья на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, факторы, влияющие на размерность общественного здоровья, должны учитывать территориальные особенности, такие как дифференциация природно-климатических и экологических условий, региональные особенности доминирования определенных заболеваний [5; 6] и т. д.

Каждый из детерминантов здоровья включает в себя набор переменных, определяющих условия, под воздействием которых формируется уровень общественного здоровья.

В первую очередь, необходимо определить компоненты каждой детерминанты здоровья для ее интегральной оценки. При формировании системы показателей важно учитывать общепринятые показатели, кроме этого, целесообразно опираться на эмпирически доказанные связи между детерминантами и их влиянием на уровень общественного здоровья.

Определяющее влияние на здоровье человека оказывают социально-экономические факторы. Согласно оценке Комиссии по социальным детерминантам здоровья Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) социально-экономические условия формируют определенные детерминанты здоровья, отражающие место людей в социальных иерархиях; в зависимости от своего социального статуса люди испытывают различия в вероятности возникновения условий, угрожающих здоровью [7].

Исследования последних десятилетий убедительно доказывают негативные последствия экономических рисков для здоровья. Так, например, известно, что безработица, нестабильная занятость, низкий уровень доходов способствуют ряду психологических и физиологических проблем.

В исследовании В. Biggs и соавторов выявлено, что рост валового внутреннего продукта (ВВП) положительно влияет на здоровье населения [8]. Однако этот эффект в значительной степени зависел от изменений уровня бедности (нищеты) и уровня неравенства доходов населения. При увеличении уровня бедности рост валового внутреннего продукта (ВВП) существенно не влияет на продолжительность жизни и приводит только к очень небольшому снижению младенческой смертности. Математическая связь между уровнем валового регионального продукта (ВРП) и здоровьем населения в регионах России рассматривалась в ряде научных работ, однако результаты этих исследований порой оказывались неоднозначными. С одной стороны, более высокий уровень ВРП на душу населения часто ассоциируется с лучшими показателями здоровья, такими как ожидаемая продолжительность жизни и доступ к качественным медицинским услугам. В научных трудах Г. Э. Улумбековой это объясняется тем, что в регионах с высоким ВРП, как правило, выше уровень жизни, что включает в себя более качественное питание, доступ к платным медицинским услугам и лекарствам, наиболее развитую инфраструктуру здравоохранения [9]. Вместе с тем экономический рост, выраженный через ВРП, не всегда напрямую ведет к увеличению продолжительности жизни. В краткосрочной перспективе (8–10 лет) влияние ВРП на ожидаемую продолжительность жизни может быть незначительным, а в некоторых регионах с низким ВРП, к примеру, на Северном Кавказе, ожидаемая продолжительность жизни остается

высокой за счет иных факторов. С другой стороны, результаты работ некоторых ученых вообще не подтверждают зависимость между высоким уровнем ВРП и показателями ожидаемой продолжительности жизни [10; 11; 12; 13]. Исследования, проведенные в разных странах, показали, что важен не абсолютный уровень доходов, а их распределение. Доказано, что в регионах РФ с наибольшей дифференциацией доходов наблюдаются более выраженные различия в показателях здоровья, особенно пожилого населения [14].

Существенное влияние на состояние здоровья оказывает уровень жилищных и производственных условий. Впервые воздействие условий проживания на здоровье было выявлено более 200 лет назад [15]. Последующие исследования эпидемиологов, экономистов, географов подтвердили связь между неадекватными жилищными условиями и плохим состоянием физического и психического здоровья [16; 17; 18]. Был установлен риск плохого здоровья для проживающих в жилищах с большой стесненностью, что согласуется с зарубежными исследованиями, нашедшими связь между перенаселенностью жилища и риском плохого физического здоровья, возникновением депрессии, тревожности и иными психиатрическими симптомами у взрослых и детей [19]. Проблемы со здоровьем возникают из-за более тесного контакта между членами домохозяйства, включая рост распространения инфекционных болезней (в том числе туберкулеза и других респираторных заболеваний), подверженность иным факторам риска, включая травмы, вероятность воздействия вторичного табачного дыма, нарушение сна, отсутствие уединения и неспособность надлежащим образом заботиться о больных членах домохозяйства [20; 21]. **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

Здоровье населения во многом зависит от экологических условий на территории проживания. Известно немало работ, доказывающих взаимосвязь заболеваемости, смертности, инвалидности населения и состояния окружающей среды [22; 23]. Статистически установлена достоверная корреляция между развитием бронхиальной астмы, рака легкого, острых респираторных заболеваний и уровнем антропогенного загрязнения окружающей среды [24]. Академиком РАН Ю. Е. Вельтищевым было доказано влияние уровня загрязнения окружающей среды и распространенности хронических заболеваний у детей. Так, частота аллергических заболеваний у детского населения в пять раз выше в зонах проживания с неблагоприятной окружающей средой [25]. В наиболее индустриальных населенных пунктах России проводится мониторинг атмосферного воздуха для определения уровня его загрязнения, комплексной оценки и прогноза его состояния⁴.

Обеспечение доступности медицинской помощи крайне важно для формирования устойчивых трендов в показателях здоровья населения. По данным последних исследований, низкое качество медицинской помощи в РФ обусловило потерю 4 265 лет жизни на 1 000 человек и принесло 91 смерть на 100 тыс. индивидов [26].

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 1806 «О создании и эксплуатации федеральной государственной информационной системы мониторинга качества атмосферного воздуха в городских округах Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец и Чита» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/omnnf6X4KK7bD4KYvA5pzs4pzLocAJQu.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

Среди причин смертности высокую долю занимает смертность, предотвратимая усилиями системы здравоохранения. Многочисленные исследования указывают на то, что система здравоохранения обладает широким диапазоном возможностей для сокращения предотвратимой смертности и улучшения здоровья населения. Количество ресурсов системы здравоохранения, которые выражаются в укомплектованности медицинскими кадрами, материально-техническом обеспечении, информационном обеспечении отрасли, ее финансировании, напрямую определяют возможности положительного исхода лечения. Действительно, в странах с развитой первичной медицинской помощью фиксируется более низкий уровень смертности от наиболее распространенных заболеваний [27; 28; 29].

Поведенческие детерминанты также играют активную роль в формировании здоровья населения. Внимание ученых приковано к влиянию самосохранительного поведения на формирование здоровья населения и уровня медицинской активности. Установлено, что курение, злоупотребление алкогольными напитками, нерациональное питание являются существенными факторами риска для здоровья. Весьма значима роль алкогольного компонента не только для смертности от внешних причин, но и для соматических заболеваний, в том числе сердечно-сосудистых.

К поведенческим факторам риска относят и низкую физическую активность. В исследовании, включавшем мужчин и женщин, проживавших в европейских странах, риск смерти от всех причин среди лиц с умеренным уровнем физической активности был на 16–30% ниже по сравнению с теми, у кого регистрировался малоподвижный образ жизни [30]. При этом доля лиц с недостаточным уровнем физической активности составляла в России 20,8%, в то время как в Финляндии – 37,8%, на Кипре – 55,4%, в Великобритании – 63% [31].

При анализе детерминантов здоровья одна из ключевых проблем сводится к недостатку статистических данных в открытом доступе. В частности, в исследовании Д. Ю. Моисеевой отмечается, что разработка индикаторов здоровья и анализ социальных детерминантов требуют междисциплинарного подхода, однако ограниченный доступ к актуальным статистическим сведениям затрудняет построение точных эконометрических моделей для проверки гипотез о влиянии социальных факторов на здоровье [32]. Доклад генерального директора ВОЗ, представленный на 148-й сессии Исполнительного комитета, акцентирует внимание на том, что неравенство в здоровье связано с социальными, экологическими и экономическими детерминантами, но сбор и анализ данных об этих факторах осложнены из-за отсутствия унифицированных и общедоступных баз данных, особенно в развивающихся странах⁵.

На основе вышеизложенного и с учетом международного опыта, а также наличия статистических показателей в открытых базах данных, можно предложить следующие показатели для оценки детерминантов здоровья в Дальневосточном федеральном округе (табл. 1).

Кластерный анализ широко используется в демографических, социально-экономических исследованиях для типологизации и ранжирования регионов

⁵ Социальные детерминанты здоровья // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB148/B148_24-ru.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

по различным показателям. Известны исследования по классификации регионов Дальнего Востока на основе экономических, климатогеографических, социально-экономических показателей с применением иерархического и кластерного анализа. Используемые подходы различаются по выбору переменных: от комплексной оценки экономической безопасности до медико-эпидемиологической специфики с учетом территориальных особенностей. Так, в работе Ю. А. Хорошиловой [33] типология проведена лишь по показателям экономической безопасности, характеризующим социально-экономическое состояние регионов. При этом использован метод главных компонент, основанный на линейных преобразованиях. Главные компоненты – это переменные, которые являются линейными комбинациями исходных признаков, что затрудняет интерпретацию кластеров в терминах исходных характеристик регионов, что важно для понимания и принятия решений. Кроме того, метод чувствителен к масштабам и выбросам и не учитывает специфики задач кластеризации. В научной статье С. А. Богачевской [34] проведена кластеризация 9 из 11 субъектов ДФО посредством иерархического анализа и К-средних по 26 демографическим, ресурсным и климатогеографическим, эпидемиологическим и медико-социальным показателям. Вместе с тем результаты исследования ограничены рамками одного класса болезней (сердечно-сосудистая патология). В работе А. Б. Суховеевой [35] отобраны социально-экономические показатели и показатели здоровья. Кластеризация регионов основана на индексе здоровья, рассчитанном методом линейного масштабирования и ранжирования по балльной оценке. Таким образом, общими недостатками проведенных исследований являются применение линейных методов, неполный на сегодняшний день учет субъектов Дальневосточного федерального округа и специфический характер задач каждого исследования, положенный в основу кластеризации.

В то же время использование совокупности современных инструментов кластеризации позволяет получить более стойкие и достоверные результаты, особенно на многомерных данных с неявными структурами. Для решения задачи кластеризации регионов по детерминантам здоровья требуется применение нелинейных методов, основанных на использовании нейронных сетей.

Таблица 1

Детерминанты здоровья

Table 1

Determinants of health

Группа детерминантов	Наименование показателей	Единицы измерения
Социально-экономические (С)	Уровень бедности (С1)	%
	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя (С2)	кв. м.
	ВРП на душу населения (С3)	рубли
	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (С4)	%
	Уровень безработицы (С5)	%
	Коэффициент Джини (С6)	-
	Реальные денежные доходы населения (С7)	%
	Потребительские расходы на душу населения (по отношению к среднему значению ДФО) (С8)	рубли

Продолжение таблицы 1

Медицинские (М)	Укомплектованность фельдшерских пунктов, фельдшерско-акушерских пунктов, врачебных амбулаторий медицинскими работниками (М1)	%
	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 человек населения (М2)	число посещений в смену на 10 000 населения
	Численность врачей на 10 000 человек населения (М3)	-
	Численность среднего медицинского персонала на 10 000 человек населения (М4)	-
	Расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение в расчете на одного жителя (М5)	млн руб.
	Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие здравоохранения (М6)	млн руб.
Экологические (Э)	Выбросы наиболее распространенных загрязняющих атмосферу веществ (Э1)	тыс. тонн
	Удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих санитарно-эпидемиологическим требованиям по санитарно-техническим показателям (Э2)	%
	Удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих санитарно-эпидемиологическим требованиям по микробиологическим показателям (Э3)	%
	Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (Э4)	млн м³
Поведенческие (П)	Розничные продажи алкогольной продукции на душу населения (П1)	литры этанола
	Темпы прироста первичной заболеваемости ожирением (П2)	%
	Доля граждан, ежегодно проходящих профилактический медицинский осмотр и (или) диспансеризацию, в общей численности населения (П3)	%
	Розничные продажи папирос и сигарет на душу населения (П4)	тыс. штук

Источник: составлено автором по обзору зарубежной и отечественной литературы

Результаты и обсуждение

Детерминанты здоровья оказывают непосредственное влияние друг на друга. Для визуализации взаимосвязей между различными детерминантами здоровья была использована тепловая карта коэффициентов корреляции (рис. 1). На ней можно увидеть, какие группы детерминантов наиболее тесно связаны между собой.

К примеру, ВРП на душу населения (С3) положительно коррелирует с ресурсным уровнем обеспечения здравоохранения – показателями укомплектованности врачами (М3) и средним медицинским персоналом (М4), расходами на здравоохранение в расчете на 1 жителя (М5). Также отмечается очевидная положительная корреляция между розничной продажей папирос / сигарет (П4) и розничной продажей алкогольной продукции (П1) на душу населения. Что указывает на сопряженные модели нездорового поведения и на то, что меры по снижению потребления одного из этих видов продукции (например, табака) могут повлиять и на сокращение употребления другого (алкоголя), и наоборот.

Кроме того, по мере роста уровня бедности (С1) растет доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (С4). Это фактически два тесно переплетенных детерминанта, где один усиливает влияние другого: бедность усугубляет уязвимость населения, ограничивая возможности для поддержания здоровья. Чем больше коэффициент Джини (С6), тем меньше обеспеченность врачами на 10 000 человек населения (М3). Согласно докладу ВОЗ, посвященному исследованию неравенства трудовых ресурсов в здравоохранении, в регионах с большим разрывом в доходах снижается численность врачей, то есть медицинские услуги становятся

менее доступны. Причины – недостаточное финансирование, миграция медицинских кадров, небольшая привлекательность профессии по причине низкой оплаты труда и значительных социальных различий⁶.

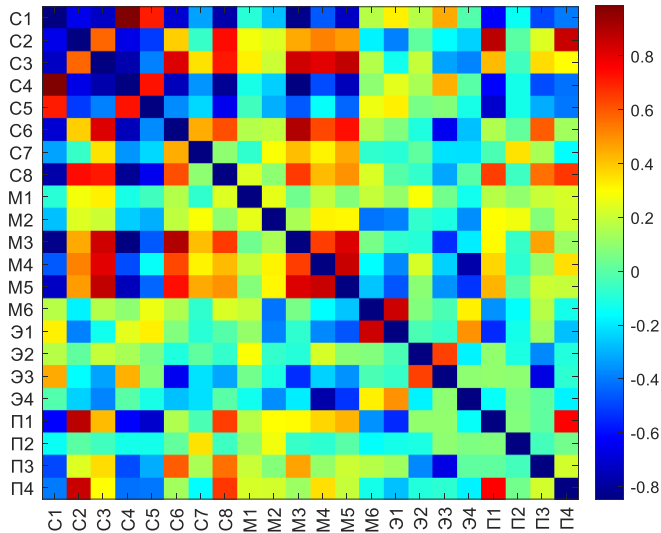

Рис. 1. Тепловая карта коэффициентов корреляции показателей детерминантов здоровья в ДФО

Fig. 1. Heat map of correlation coefficients of health determinants in the regions of the Far Eastern Federal District

Источник: составлено автором

Ввиду того, что все показатели имеют разный диапазон измерений, то для приведения к сопоставимым ранговым значениям был использован метод стохастических вложений соседей с t-распределением (t-distributed Stochastic Neighbor Embedding, tSNE). Данный алгоритм машинного обучения использует технику нелинейного снижения размерности.

Для решения задачи кластеризации регионов применяем методы обучения без учителя: K-средние, Fuzzy-средние и самоорганизующиеся карты (SOM). На рис. 2 показан результат обобщенного кластерного анализа по социально-экономическим, экологическим, поведенческим, медицинским показателям.

Первый кластер сформировался за счет регионов с высоким уровнем экономического потенциала – Хабаровского края, Приморского края, Амурской области, Республики Саха (Якутия). Субъекты территориально находятся преимущественно на южных территориях, за исключением Республики Саха (Якутия). Основной особенностью кластерной группы является наличие сложившейся сети городских центров, расположенных вдоль ключевого инфраструктурного коридора Владивосток – Хабаровск – Благовещенск – Якутия. Для территории характерно

⁶ Measuring Health Workforce Inequalities: Methods and Application to China and India // World Health Organization : [site]. URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/44417/9789241500227_eng.pdf;sequence=1 (accessed on 15.08.2025).

и сравнительно высокое развитие транспортной инфраструктуры, включая Байкало-Амурскую и Транссибирскую магистрали.

Магаданская область, Чукотский автономный округ, Камчатский край и Сахалинская область вошли во второй кластер. Все четыре региона характеризуются уникальной и хрупкой природой – это зоны с редкими и биоразнообразными экосистемами, значительным количеством охраняемых территорий, ценнейшими водными артериями и биоресурсами, схожими климатическими условиями. Основным драйвером их экономик выступает добывающая промышленность, прежде всего золоторудная, цветная и угольная промышленность, нефтегазовая и рыбная отрасли.

Оставшиеся регионы: Забайкальский край, Республика Бурятия, Еврейская автономная область – образовали третий кластер. Более высокие показатели бедности, низкие доходы населения и другие социально-экономические проблемы могут ограничивать доступ граждан к медицинским услугам и снижать их качество в названных регионах.

Рис. 2. Ранжирование регионов ДФО на основе комплексной оценки показателей, детерминирующих здоровье, с использования методов Fuzzy-средних, k-средних и самоорганизующихся карт (SOM)

Fig. 2. Ranking of regions of the Far Eastern Federal District based on a comprehensive assessment of indicators that determine health

Источник: составлено автором

Выделенные нами кластеры отражают различия регионов не только по уровню детерминантов здоровья, но и по их структуре. При формировании политики здравоохранения необходимо делать акцент на профилактические программы укрепления здоровья (для регионов 1 кластера), на повышение доступности медицинской помощи в труднодоступных районах (для регионов 2 кластера), на укрепление

ресурсной базы системы здравоохранения, сокращения неравенства в уровне доходов (для регионов 3 кластера).

Выводы

Кластеризация регионов Дальнего Востока по совокупности детерминантов здоровья показала наличие выраженной пространственной неоднородности, обусловленной как социально-экономическими и медицинскими, так и экологическими и поведенческими факторами.

Выявленная дифференциация обосновывает необходимость разработки адресных демографических и здравоохранительных стратегий для каждого типа регионов, что позволит повысить эффективность используемых ресурсов, снизить уровень демографических и социальных рисков, а также будет способствовать выравниванию показателей здоровья населения.

Кластерный подход может стать инструментом для совершенствования региональной демографической политики, позволяя сосредоточить усилия на ключевых точках неблагополучия, а кроме этого, интегрировать демографическую, социальную и здравоохранительную повестку в единую систему управления человеческим потенциалом Дальневосточного федерального округа.

Практическая значимость заключается в возможности использования типологии для обоснования мер по снижению естественной убыли населения, формированию территориально ориентированных программ повышения рождаемости, продолжительности жизни и улучшения ее качества на уровне региона.

В целях повышения валидности дальнейших исследований необходим междисциплинарный подход, сотрудничество специалистов в области демографии, экономики, медицины и информационных технологий.

Список литературы

1. Старшинин, А. В. Индекс здоровья населения регионов России по ключевым показателям ЦУР / А. В. Старшинин, Н. А. Гречушкина, А. С. Покусаев // Здоровье мегаполиса. 2024. Т. 5, вып. 3. С. 4–16. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i3;4-16](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i3;4-16). EDN [MWQQRD](https://www.edn.ru/MWQQRD).
2. Braveman, P. The Social Determinants of Health: Coming of Age / P. Braveman, S. Egerter, D. Williams // Annual Review of Public Health. 2011. Vol. 32. Pp. 381–398. DOI [10.1146/annurev-publhealth-031210-101218](https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-031210-101218).
3. Braveman, P. The Social Determinants of Health: It's Time to Consider the Causes of the Causes / P. Braveman, L. Gottlieb // Public Health Reports. 2014. Vol. 129, No. 1. Suppl. 2. Pp. 19–31 DOI [10.1177/00333549141291S206](https://doi.org/10.1177/00333549141291S206).
4. Operational Framework for Monitoring Social Determinants of Health Equity. Geneva : World Health Organization, 2024. 100 p. ISBN 978-92-4-008832-0.
5. Шапошников, Д. А. Оценка зависимости избыточной смертности населения в городах Арктического макрорегиона от температурных волн / Д. А. Шапошников, Б. А. Ревич // Экология человека. 2023. № 4. С. 287–300. DOI [10.17816/humeco111013](https://doi.org/10.17816/humeco111013). EDN [KYAIPQ](https://www.edn.ru/KYAIPQ).
6. Ревич, Б. А. Качество атмосферного воздуха и здоровье жителей Норильска: динамика ситуации за 20 лет / Б. А. Ревич, Т. Л. Харьковская // Проблемы анализа риска. 2023. Т. 20, № 1. С. 14–25. DOI [10.32686/1812-5220-2023-20-1-14-25](https://doi.org/10.32686/1812-5220-2023-20-1-14-25). EDN [NDZYZM](https://www.edn.ru/NDZYZM).
7. Сабгайда, Т. П. Управляемые факторы риска, влияющие на смертность населения / Т. П. Сабгайда, А. Е. Иванова. Москва : НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, 2022. 66 с. ISBN 978-5-907547-43-8. EDN [FVUSAN](https://www.edn.ru/FVUSAN).

8. Biggs, B. Is Wealthier Always Healthier? The Impact of National Income Level, Inequality, and Poverty on Public Health in Latin America / B. Biggs, L. King, S. Basu, D. Stuckler // *Social Science & Medicine*. 2010. Vol. 71, No. 2. Pp. 266–273. DOI [10.1016/j.socscimed.2010.04.002](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.04.002).
9. Улумбекова, Г. Э. Здравоохранение России. Что надо делать. Состояние и предложения. 2019–2024 гг. 3-е издание. Москва: ГЭОТАР-Медиа. 2019. 416 с. ISBN 978-5-9704-5417-6. DOI [10.33029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416](https://doi.org/10.33029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416). EDN [KPCCGS](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
10. Андреев, Е. М. Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и ее регионах / Е. М. Андреев, М. В. Школьников // *Демографическое обозрение*. 2018. Т. 5, № 1. С. 6–24. EDN [XOCHQD](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
11. Русинова, Н. Л. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды / Н. Л. Русинова, Л. В. Панова, В. В. Сафронов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. 10, № 1. С. 140–161. EDN [LDGXZB](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
12. Развитие человеческого потенциала в России сквозь призму здоровья населения: коллективная монография / Под ред. В. И. Стародубова, А. Е. Ивановой. Москва: Литтерра, 2012. 357 с. ISBN 978-5-4235-0056-6. EDN [QMBRAN](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
13. Иванова, А. Е. Подходы к оценке резервов снижения смертности в России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 2. С. 177–188. DOI [10.19181/lspr.2022.18.2.3](https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.2.3). EDN [OCWSGE](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
14. Тапилина, В. С. Социально-экономический статус и здоровье населения // *Социологические исследования*. 2004. № 3 (239). С. 126–137. EDN [OWYWRD](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
15. Snow, J. On the Mode of Communication of Cholera. London: John Churchill, 1855. 32 p.
16. Канев, А. Ф. Старение населения и устойчивость национальных систем здравоохранения. Обзор мировых практик / А. Ф. Канев, О. С. Кобякова, Н. Г. Куракова, И. П. Шибалков // *Национальное здравоохранение*. 2023. Т. 4, № 4. С. 5–13. DOI [10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13](https://doi.org/10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13). EDN [SNXYKK](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
17. Бонкало, Т. И. Социальное здоровье / Т. И. Бонкало, О. Б. Полякова. Москва: НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, 2024. 55 с. EDN [CMRLDT](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
18. Kong, N. The Shattered “Iron Rice Bowl”: Intergenerational Effects of Chinese State-Owned Enterprise reform / N. Kong, L. Osberg, W. Zhou // *Journal of Health Economics*. 2019. Vol. 67. DOI [10.1016/j.jhealeco.2019.06.007](https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2019.06.007).
19. Кислицына, О. А. Влияние жилищных условий и среды проживания на состояние здоровья россиян // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 3. С. 342–353. DOI [10.19181/lspr.2022.18.3.6](https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.3.6). EDN [UBXFYM](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
20. Environmental Burden of Disease Associated with Inadequate Housing / ed. by M. Braubach, D. E. Jacobs, D. Ormandy. Geneva: World Health Organization, 2011. 16 p. ISBN 978-92-890-5789-9.
21. Delgado, J. Risk Factors for Burns in Children: Crowding, Poverty, and Poor Maternal Education / J. Delgado, M. Ramirez-Cardich, R. H. Gilman, et al. // *Injury Prevention*. 2002. Vol. 8, No. 1. Pp. 38–41. DOI [10.1136/ip.8.1.38](https://doi.org/10.1136/ip.8.1.38).
22. Щербо, А. П. Оценка риска воздействия факторов окружающей среды на здоровье / А. П. Щербо, А. В. Киселев. Санкт-Петербург: Коста, 2005. 92 с. ISBN 598-40-803-97.
23. Голиков, Р. А. Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье населения (обзор литературы) / Р. А. Голиков, Д. В. Суржиков, В. В. Кислицына, В. А. Штайгер // *Научное обозрение. Медицинские науки*. 2017. № 5. С. 20–31. EDN [ZCRUKZ](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
24. Профессиональные заболевания органов дыхания: Национальное руководство / Отв. ред. Н. Ф. Измеров, А. Г. Чучалин. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 792 с. ISBN 978-5-9704-3574-8. EDN [VEZBEJ](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).
25. Вельтищев, Ю. Е. Экологически детерминированная патология детского возраста // *Российский вестник перинатологии и педиатрии*. 1996. № 2. С. 5–12.
26. Организация и финансирование здравоохранения в России и в мире: тенденции и перспективы / Ред. С. В. Шишкин, И. М. Шейман. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2025. 520 с. ISBN 978-5-7598-4122-7. DOI [10.17323/978-5-7598-4122-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4122-7).
27. Иванова, А. Е. Резервы сокращения смертности в России в контексте ее возрастных и нозологических особенностей / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2023. Т. 3, № 4. С. 92–125. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6). EDN [PZYBQE](https://www.edn.ru/1033029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416).

28. Иванова, А. Е. Резервы снижения смертности в России, обусловленные эффективностью здравоохранения / А. Е. Иванова, В. Г. Семенова, Т. П. Сабгайда // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 865–878. DOI [10.31857/S086958732109005X](https://doi.org/10.31857/S086958732109005X). EDN [YQQLDK](https://www.edn.ru/10.31857/S086958732109005X).
29. Stirba, V. V. Avoidable Mortality from Circulatory System Diseases in Moldova // Population and Economics. 2022. Vol. 5, No. 3. Pp. 30–42. DOI [10.3897/popecon.5.e65218](https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65218). EDN [JCDNHD](https://www.edn.ru/10.3897/popecon.5.e65218).
30. Сабгайда, Т. П. Предотвратимые причины смерти в России и странах Евросоюза // Здравоохранение Российской Федерации. 2017. Т. 61, № 3. С. 116–122. DOI [10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122](https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122). EDN [YSLAVF](https://www.edn.ru/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122).
31. Bunker, J. P. The Role of Medical Care in Contributing to Health Improvements within Societies // International Journal of Epidemiology. 2001. Vol. 30, No. 6. Pp. 1260–1263. DOI [10.1093/ije/30.6.1260](https://doi.org/10.1093/ije/30.6.1260). EDN [IQDPJI](https://www.edn.ru/10.1093/ije/30.6.1260).
32. Моисеева, Д. Ю. Социально-экономические детерминанты здоровья / Д. Ю. Моисеева, И. А. Троицкая // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5, № 3. С. 42–59. DOI [10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59](https://doi.org/10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59). EDN [ZTLPIW](https://www.edn.ru/10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59).
33. Хорошилова, Ю. А. Региональные кластеры, как основа разработки стратегии экономического развития ДВФО // Мы продолжаем традиции российской статистики: Сборник докладов I Открытого российского статистического конгресса. Том 4. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2016. С. 448–455. EDN [WZQCMR](https://www.edn.ru/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122).
34. Богачевская, С. А. Дифференциация субъектов Российской Федерации Дальневосточного федерального округа (на основе многофакторного кластерного анализа климатогеографических, социально-экономических, демографических и медико-эпидемиологических показателей) // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 6 (58). С. 1–14. EDN [TAPETH](https://www.edn.ru/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122).
35. Суховеева, А. Б. Территориальная дифференциация показателей здоровья населения дальневосточных регионов в условиях трансформации социально-экономической среды // География и природные ресурсы. 2013. № 3. С. 105–110. EDN [QZAVSJ](https://www.edn.ru/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122).

Сведения об авторе

Полянская Елена Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания, Благовещенск, Россия.

Контактная информация: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-6260-8693](https://orcid.org/0000-0001-6260-8693); РИНЦ SPIN-код: [9921-6511](https://www.rincc.ru/spin/9921-6511).

Статья поступила в редакцию 19.08.2025; принята в печать 27.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

CLUSTERING OF REGIONS OF THE FAR EAST BY THE LEVEL OF HEALTH DETERMINANTS

Elena V. Polyanskaya

*Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration,
Blagoveshchensk, Russia
E-mail: polanska2011@yandex.ru*

For citation: Polyanskaya, E. V. Clustering of Regions of the Far East by the Level of Health Determinants. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 117–132. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.7). (In Russ.)

Abstract. The aim of the study is to cluster the Far Eastern regions according to the level of their key health determinants, considering demographic, socioeconomic, environmental, and behavioral factors that are specific to each region.

The study's relevance is due to ongoing demographic crises and the pronounced differentiation between regions in terms of key demographic indicators. The methodology included multivariate statistical analysis using t-Distributed Stochastic Neighbour Embedding (t-SNE), k-means clustering, fuzzy-means clustering and self-organized maps, as well as correlation analysis. Clustering of the Far Eastern Federal District's subjects was performed based on their health determinant levels. Classical and modern approaches were considered as a theoretical basis for defining and assessing these determinants, including international experiences (WHO, the Ottawa Charter), and domestic research. As a result, regions were clustered into groups with different health determinant structures and levels. Key internal and external factors affecting population health were identified. Scientific novelty lies in using a combination of modern clustering methods to normalize indicators, analyze fuzzy affiliations of regions to groups, visualize multivariate data, identify topological relationships between groups, and assess clustering quality using the silhouette coefficient. The use of neural networks and fuzzy logic classification methods significantly improves data analysis quality and clustering results. Practical significance lies in applying the resulting clusters to targeted regional policies, such as targeted resource allocation for prevention programs, improved infrastructure, and monitoring public health systems.

Keywords: clustering, Far East, health determinants, demographic crisis, regional differentiation

References

1. Starshinin, A. V., Grechushkina, N. A., Pokusaev, A. S. Population Health Index of Russian Regions in the Context of SDG Key Indicators. *City Healthcare*. 2024. Vol. 5, No. 3. Pp. 4–16. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i3;4-16](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i3;4-16). (In Russ.).
2. Braveman, P., Egerter, S., Williams, D. The Social Determinants of Health: Coming of Age. *Annual Review of Public Health*. 2011. Vol. 32. Pp. 381–398. DOI [10.1146/annurev-publhealth-031210-101218](https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-031210-101218).
3. Braveman, P., Gottlieb, L. The Social Determinants of Health: It's Time to Consider the Causes of the Causes. *Public Health Reports*. 2014. Vol. 129, No. 1. Suppl. 2. Pp. 19–31 DOI [10.1177/003335491412915206](https://doi.org/10.1177/003335491412915206).
4. Operational Framework for Monitoring Social Determinants of Health Equity. Geneva : World Health Organization, 2024. 100 p. ISBN 978-92-4-008832-0.
5. Shaposhnikov, D. A., Revich, B. A. Impact of Heat Waves and Cold Spells on Mortalities in Cities Located in the Russian Arctic Macrorregion. *Ekologiya cheloveka [Human ecology]*. 2023. No. 4. Pp. 287–300. DOI [10.17816/humeco111013](https://doi.org/10.17816/humeco111013). (In Russ.).
6. Revich, B. A., Kharkova, T. L. Air Quality and the Health of Norilsk Population: Dynamics of the Situation over 20 Years. *Issues of Risk Analysis*. 2023. Vol. 20, No. 1. Pp. 14–25. DOI [10.32686/1812-5220-2023-20-1-14-25](https://doi.org/10.32686/1812-5220-2023-20-1-14-25) (In Russ.).
7. Sabgaida, T. P., Ivanova, A. E. *Upravlyayemyye faktory riska, vliyayushchiye na smertnost' nasele-niya [Controllable risk factors influencing population mortality]*. Moscow : Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, Department of Health of Moscow, 2022. 66 p. ISBN 978-5-907547-43-8. (In Russ.).
8. Biggs, B., King, L., Basu, S., Stuckler, D. Is Wealthier Always Healthier? The Impact of National Income Level, Inequality, and Poverty on Public Health in Latin America. *Social Science & Medicine*. 2010. Vol. 71, No. 2. Pp. 266–273. DOI [10.1016/j.socscimed.2010.04.002](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.04.002).
9. Ulumbekova, G. E. *Zdravookhraneniye Rossii. Chto nado delat'. Sostoyaniye i predlozheniya. 2019–2024 gg. [Healthcare in Russia. What needs to be done. Status and proposals. 2019–2024]; 3rd edition*. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 2019. 416 p. ISBN 978-5-9704-5417-6. DOI [10.33029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416](https://doi.org/10.33029/9704-5417-6-3-HR-2019-1-416). (In Russ.).
10. Andreev, E. M., Shkolnikov, M. V. The Relationship Between Mortality and Economic Development in Russia and Its Regions. *Demographic Review*. 2018. Vol. 5, No. 1. Pp. 6–24. (In Russ.).
11. Rusinova, N. L., Panova, L. V., Safronov, V. V. Life Expectancy in the RF Regions: Significance of Economical Factors and Social Environment. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2007. Vol. 10, No. 1. Pp. 140–161. (In Russ.).
12. *Razvitiye chelovecheskogo potentsiala v Rossii skvoz' prizmu zdorov'ya naseleniya [Development of human potential in Russia through the prism of population health]: collective monograph*. Ed. by V. I. Starodubov, A. E. Ivanova. Moscow : Litterra Publ., 2012. 357 p. ISBN 978-5-4235-0056-6. (In Russ.).
13. Ivanova, A. E. Approaches to Assessing Reserves to Reduce Mortality in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 2. Pp. 177–188. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.2.3](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.3). (In Russ.).

14. Tapilina, V. S. Socio-Economic Status and Population's Health. *Sociological studies*. 2004. No. 3 (329). Pp. 126–137. (In Russ.).
15. Snow, J. *On the Mode of Communication of Cholera*. London : John Churchill, 1855. 32 p.
16. Kanev, A. F., Kobyakova, O. S., Kurakova, N. G., Shibalkov, I. P. Population Ageing and National Healthcare Systems Sustainability. A Review of World Practices. *National Health Care (Russia)*. 2023. Vol. 4, No. 4. Pp. 5–13. DOI [10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13](https://doi.org/10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13). (In Russ.).
17. Bonkalo, T. I., Polyakova, O. B. *Sotsial'noye zdorov'ye [Social health]*. Moscow : Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, Department of Health of Moscow, 2024. 55 p. (In Russ.).
18. Kong, N., Osberg, L., Zhou, W. The Shattered “Iron Rice Bowl”: Intergenerational Effects of Chinese State-Owned Enterprise reform. *Journal of Health Economics*. 2019. Vol. 67. DOI [10.1016/j.jhealeco.2019.06.007](https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2019.06.007).
19. Kislitsyna, O. A. The influence of housing conditions and living environment on the health of Russians. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 3. Pp. 342–353. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.3.6](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.6). (In Russ.).
20. *Environmental Burden of Disease Associated with Inadequate Housing* / ed. by M. Braubach, D. E. Jacobs, D. Ormandy. Geneva : World Health Organization, 2011. 16 p. ISBN 978-92-890-5789-9.
21. Delgado, J., Ramirez-Cardich, M., Gilman, R. H., et al. Risk Factors for Burns in Children: Crowding, Poverty, and Poor Maternal Education. *Injury Prevention*. 2002. Vol. 8, No. 1. Pp. 38–41. DOI [10.1136/ip.8.1.38](https://doi.org/10.1136/ip.8.1.38).
22. Shcherbo, A. P., Kiselev, A. V. *Otsenka riska vozdeystviya faktorov okruzhayushchey sredy na zdorov'ye [Risk assessment of environmental factors impact on health]*. Saint Petersburg : Kosta Publ, 2005. 92 p. (In Russ.).
23. Golikov, R. A., Surzhikov, D. V., Kislitsyna, V. V., Steiger, V. A. Influence of Environmental Pollution to the Health of the Population (Review of Literature). *Nauchnoye obozreniye. Meditsinskiye nauki [Scientific Review. Medical Sciences]*. 2017. No. 5. Pp. 20–31. (In Russ.).
24. *Professional'nyye zabolevaniya organov dykhaniya [Occupational respiratory diseases]: National guidelines*; ed. N. F. Izmerov, A. G. Chuchalin. Moscow : Geotar-Media Publ., 2015. 792 p. ISBN 978-5-9704-3574-8. (In Russ.).
25. Veltishchev, Yu. E. Ekologicheski determinirovannaya patologiya detskogo vozrasta [Environmentally determined pathology of childhood]. *Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics*. 1996. No. 2. Pp. 5–12. (In Russ.).
26. *Organizatsiya i finansirovaniye zdravookhraneniya v Rossii i v mire: tendentsii i perspektivy [Organization and financing of health care in Russia and in the world: trends and prospects]*. Ed. S. V. Shishkin, I. M. Sheiman. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2025. 520 p. ISBN 978-5-7598-4122-7. DOI [10.17323/978-5-7598-4122-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4122-7). (In Russ.).
27. Ivanova, A. E., Sabgaida, T. P., Semenova, V. G. Reserves for Reducing Mortality in Russia in the Context of Its Age and Nosological Characteristics. *DEMIS. Demographic studies*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 92–125. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6). (In Russ.).
28. Ivanova, A. E., Semenova, V. G., Sabgaida, T. P. Rezervy snizheniya smertnosti v Rossii, obuslovlennyye effektivnost'yu zdravookhraneniya [Reserves for reducing mortality in Russia due to the effectiveness of healthcare]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91, No. 9. Pp. 865–878. DOI [10.31857/S086958732109005X](https://doi.org/10.31857/S086958732109005X). (In Russ.).
29. Stirba, V. V. Avoidable Mortality from Circulatory System Diseases in Moldova. *Population and Economics*. 2022. Vol. 5, No. 3. Pp. 30–42. DOI [10.3897/popecon.5.e65218](https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65218).
30. Sabgaida, T. P. The Preventable Causes of Death in Russia and in the EU Countries. *Health Care of the Russian Federation*. 2017. Vol. 61, No. 3. Pp. 116–122. DOI [10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122](https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122). (In Russ.).
31. Bunker, J. P. The Role of Medical Care in Contributing to Health Improvements within Societies. *International Journal of Epidemiology*. 2001. Vol. 30, No. 6. Pp. 1260–1263. DOI [10.1093/ije/30.6.1260](https://doi.org/10.1093/ije/30.6.1260).
32. Moiseeva, D. Yu., Troitskaya, I. A. Socio-Economic Determinants of Health. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research* 2019. Vol. 5, No. 3 (19). Pp. 42–59. DOI [10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59](https://doi.org/10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59). (In Russ.).

33. Khoroshilova, Yu. A. Regional Clusters as Basis of Development of Strategy of Economic Development of the Far East Federal District. *My prodolzhayem traditsii rossiyskoy statistiki [We continue the traditions of Russian statistics]: a collection of papers from the 1st Open Russian Statistical Congress. Vol. 4.* Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH", 2016. Pp. 448–455. (In Russ).

34. Bogachevskaya, S. A. Differentiating Subjects of the Far East Federal District (Based on Multifactor Cluster Analysis of Climatic, Geographic, Socio-Economic, Demographic, Medical and Epidemiological indicators). *Social Aspects of Population Health*. 2017. No. 6 (58). P. 4. (in Russ).

35. Sukhoveeva, A. B. Territorial'naya differentsiatsiya pokazateley zdorov'ya naseleniya dal'nevostochnykh regionov v usloviyakh transformatsii sotsial'no-ekonomicheskoy sredy [Territorial differentiation of health indicators of the population of the Far Eastern regions in the context of transformation of the socio-economic environment]. *Geography and Natural Resources*. 2013. No. 3. Pp. 105–110. (In Russ).

Bio notes

Elena V. Polyanskaya, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration, Blagoveshensk, Russia.

Contact information: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-6260-8693](https://orcid.org/0000-0001-6260-8693); RSCI SPIN code: [9921-6511](https://www.elibrary.ru/9921-6511).

Received on 19.08.2025; accepted for publication on 27.10.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

УРБАНИЗАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.8)EDN [FWTRJA](https://www.edn.ru/FWTRJA)

ИТОГИ ЕСТЕСТВЕННОГО И ОБЩЕГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ (2001–2024 ГГ.)

Рыбаковский О. Л.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: 1246185@mail.ru

Фадеева Т. А.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: fadeevatoma@gmail.com

Для цитирования: Рыбаковский, О. Л. Итоги естественного и общего движения населения России и ее регионов (2001–2024 гг.) / О. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 133–145. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.8). EDN [FWTRJA](https://www.edn.ru/FWTRJA).

Аннотация. Предмет исследования – постоянное население регионов Российской Федерации в 2001–2024 гг. Тема исследования – воспроизводство населения регионов России в 2001–2024 гг., его итоги и основные факторы. Цель исследования – выявить группы регионов РФ, сходных по итогам воспроизводства и общего движения населения за период 2001–2024 гг., обосновать основные факторы дифференциации этих итогов. Методы исследования – демографический статистический анализ. Источник статистики для расчетов – Росстат. Результаты и выводы исследования. Все регионы России разделены на группы с типичным и нетипичным характером воспроизводства населения и общего движения населения суммарно за рассматриваемый период. Группы нетипичных территорий РФ – Московский, Ленинградский и Краснодарский макрорегионы, Тюменская область, 6 республик Северного Кавказа и 4 республики Сибири. Типичные – остальные территории страны. В последних в целом за 24 года была депопуляция. Различия между нетипичными группами – отрицательный или положительный естественный прирост и роль миграции и/или переписных поправок в формировании общего прироста населения. Различия между типичными группами – уровень относительной естественной убыли и компенсации/усиления ее миграционным приростом/убылью населения за рассматриваемый период. Обоснованы основные факторы различий между группами регионов по итогам воспроизводства населения за 24 года. Среди них – вероисповедание титульного населения регионов, преобладающий тип местности и половозрастная структура населения как факторы общих индикаторов рождаемости населения; уровень экономического развития территорий, преобладающий климат и половозрастная структура населения как факторы общих индикаторов смертности населения. Основной вывод работы – обоснование на данных за 2001–2024 гг. усиления экономической детерминации демографического развития регионов Российской Федерации, и того, что, при прочих равных условиях, налицо следующая закономерность: чем экономически более развит регион, тем хуже в нем ситуация с естественным приростом, но лучше ситуация с общим приростом населения (без крайностей, конечно).

Ключевые слова: воспроизводство населения регионов России, рождаемость и смертность населения, естественный и общий прирост населения, экономически развитые регионы, демографически неблагоприятные регионы

Вводные замечания

Объект исследования – население 85 регионов России в 2001–2024 гг. (без учета информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям). Тема исследования – итоги

воспроизводства населения регионов Российской Федерации, его общий прирост за период 2001–2024 гг., их основные факторы. Цель исследования – выявление групп регионов страны, различных по итогам воспроизводства и общего движения населения в 2001–2024 гг., обоснование основных факторов этого воспроизводства и дифференциации его итогов на региональном уровне.

Подробный обзор научной литературы, как представляется, не требуется. Тема не новая, ее в различных аспектах и по разным временным периодам изучают представители всех российских научных учреждений, прямо либо косвенно связанных с социальными и/или демографическими направлениями исследований. Только лично нами по данной тематике опубликованы несколько работ [1; 2; 3; 4]. Исследователи также рассматривают проблему либо на уровне отдельных регионов [5; 6], либо их однородных групп [7], либо всей России [8; 9; 10].

По нашему мнению, чтобы понять, что происходит с воспроизводством населения РФ в целом, необходимо исследовать проблему не только по ее составляющим (рождаемости и смертности населения), но и на региональном уровне. Региональный подход позволяет выявлять демографически слабые места и потенциальные векторы усиления территориально дифференцированной демографической политики по сохранению российского населения, находящегося в депопуляции практически все постсоветское время.

Методы исследования – демографический статистический анализ, прежде всего, балансовый метод и табличный метод представления результатов. Источник статистики для всех расчетов – Федеральная служба государственной статистики России (Росстат).

Результаты и обсуждение

По Российской Федерации в целом имеем следующие результаты. На начало 2001 г. до всевозможных переписных корректировок постоянное население страны составляло 144,8 млн человек¹. Естественная убыль за 24 года (с учетом данных по Крыму с 2015 г.) – 10,5 млн человек, т. е. за счет естественной убыли население России с начала 2001 г. до конца 2024 г. сократилось на 7,2%. Но за счет текущего миграционного прироста (плюс 5,2 млн человек), поправок трех переписей населения РФ² (плюс 4,3 млн человек [4]) и вхождения Крыма в состав России (плюс 2,3 млн человек) эта естественная убыль была полностью перекрыта. И за 2001–2024 гг., т. е. к началу 2025 г. численность постоянного населения РФ увеличилась на 1,3 млн человек – до 146,1 млн человек, или почти на 1%.

Вначале на региональном уровне рассмотрим крайности, т. е. те нетипичные группы регионов, которые отличаются от основной массы территорий России своими экстраординарными итоговыми показателями воспроизводства населения либо его общего прироста. Начнем с трех де-факто столичных макрорегионов (Москва плюс Московская область, Санкт-Петербург плюс Ленинградская область, Краснодарский край плюс Республика Адыгея). Три пары данных регионов

¹ Демографический ежегодник России: Стат. сб. Москва : Госкомстат России, 2001. 403 с. ISBN 5-89476-084-4.

² Поправки переписи населения 2002 г. увеличили численность постоянного населения России к началу исследуемого периода.

представляют собой единые миграционные и отчасти демографические пространства. Все они продолжают миграционным путем «выкачивать» население из прочих территорий страны супротив векторов миграционной политики федеральных властей (табл. 1).

Таблица 1

**Воспроизводство населения регионов – первых миграционных реципиентов
России за 2001–2024 гг. (тыс. человек)**

Table 1

**Reproduction of the population of regions – the main migration recipients of Russia
for 2001–2024 (thousand people)**

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Московская область	6 436	-760	-11,8	36,4
г. Москва	8 546	-229	-2,7	55,3
Ленинградская область	1 659	-335	-20,2	24,1
г. Санкт-Петербург	4 628	-337	-7,3	22,1
Республика Адыгея	446	-30	-6,7	12,3
Краснодарский край	4 999	-338	-6,8	16,9
Всего/в среднем	26 714	-2 029	-7,6	35,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата³

Воспроизводство населения, как и одну его составляющих – рождаемость населения – по каждому из двух первых мегаполисов, а также Московской или Ленинградской областей, по нашему мнению, отдельно рассматривать не уместно. Рожать из Московской области часто ездят в Москву, а из Ленинградской – в Санкт-Петербург. И это не только платные роды, но и любые тяжелые случаи и т. п. Вследствие чего статистика занижает рождаемость родителей, постоянно проживающих в Московской и Ленинградской областях, в пользу двух столиц. Поэтому отчасти так разнятся объемы естественной убыли по столичным мегаполисам и окружающим их областям. Суммарно по Москве и Московской области относительная естественная убыль в целом за 24 года составила 6,6%, по Санкт-Петербургу и Ленинградской области – 10,7%. Общий прирост обеих пар был равен 47,2% и 22,7% соответственно.

Следует заметить, что столь бурный общий прирост населения двух первых макрорегионов имел место не только за счет текущей миграции, но и за счет переписных поправок. По нашим оценкам, только за счет поправок переписей населения 2010 и 2020 гг. оба столичных макрорегиона в 2001–2024 гг. прибавили к постоянному населению 3,0 млн человек, притом, что страна в целом за тот же период получила переписных поправок в размере 2,5 млн человек. Источники переписных поправок в РФ в большинстве случаев – межрегиональная и зарубежная миграция, упущенная текущим миграционным учетом, а кроме того, различные улучшения и преобразования учета миграции населения Росстатом, в итоге ведущие, как правило, к росту постоянной миграции и постоянного населения страны.

³ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2025).

Отдельного рассмотрения требует нефтегазоносная Тюменская область, как и три ее составных части (табл. 2).

Таблица 2

Воспроизводство населения Тюменской области России за 2001–2024 гг.
(тыс. человек)

Table 2

Reproduction of the population of Tyumen region of Russia for 2001–2024
(thousand people)

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Тюменская область (без автономий)	1 347	42	3,1	20,8
ХМАО-Югра	1 402	282	20,1	27,1
ЯНАО	505	112	22,2	3,6
Тюменская область	3 254	436	13,4	20,8

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата⁴

Тюменская область (и три ее составных части) – единственный экономически развитый регион России, в котором за первые 24 года XXI в. суммарно были положительными как естественный, так миграционный приросты. Общий прирост Тюменской области в целом на 2/3 состоял из естественного, на 1/3 – из миграционного прироста.

Похожая картина с итогами демографического развития наблюдалась лишь в четырех республиках Северного Кавказа, но причиной тому было не их опережающее экономическое развитие, а вызывающие вопросы переписные поправки Росстата в 2002 и 2010 гг., а также предшествующее этим поправкам отсутствие учета населения в Чеченской Республике до 2005 г. и потоки вынужденных переселенцев между шестью республиками макрорегиона (табл. 3).

Таблица 3

Воспроизводство населения республик Северного Кавказа России
за 2001–2024 гг. (тыс. человек)

Table 3

Reproduction of the population of republics of the North Caucasus of Russia
for 2001–2024 (thousand people)

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Республика Дагестан	2 160	747	34,6	50,9
Республика Ингушетия	460	162	35,3	16,2
Кабардино-Балкарская Республика	784	70	8,9	15,8
Карачаево-Черкесская Республика	431	17	3,9	8,7
Республика Северная Осетия – Алания	677	26	3,8	0,3
Чеченская Республика	610	597	97,8	158,5
Всего/в среднем	5 122	1 618	31,6	45,0

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата⁵

⁴ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2025).

⁵ Там же.

Так как граница между республиками Ингушетия и Чеченская была установлена лишь в 2018 г., то считать перемещения между названными двумя субъектами РФ до этого времени не имеет смысла. И для адекватности анализа демографической ситуации лучше их рассматривать совместно – такими, какими они были до разъединения в конце 1992 г., то есть в составе Чечено-Ингушской АССР. Тогда за 2001–2024 гг. темпы прироста населения этой пары субъектов России только за счет естественного прироста составили 71%, а темпы общего прироста населения – 97%.

Титульное население пяти республик преимущественно исповедует ислам и насчитывает заметную долю сельских жителей. Этим объясняется высокая рождаемость их населения. Кроме того, согласно официальной статистике Росстата, в них один из самых низких уровней смертности в нашей стране. Лишь Республика Северная Осетия - Алания, основное население которой исповедует христианство, имела за рассматриваемый период меньший общий прирост населения, чем ее естественный прирост.

Последняя нетипичная по характеру воспроизводства населения группа регионов РФ – это четыре сибирских республики, основное население которых исповедуют буддизм либо сходные с ним религии – шаманизм и т. п. (табл. 4).

Таблица 4

Воспроизводство населения 4-х республик азиатской России за 2001–2024 гг.
(тыс. человек)

Table 4

Reproduction of the population of 4 republics of Asian Russia for 2001–2024
(thousand people)

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Республика Алтай	205	25	12,3	2,5
Республика Тыва	310	81	26,1	9,2
Республика Бурятия	1 026	41	4,0	-5,3
Республика Саха (Якутия)	986	131	13,3	2,1
Всего/в среднем	2 527	278	11,0	0,0

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата⁶

В четырех названных республиках за рассматриваемое время суммарно был положительный естественный прирост и миграционная убыль, присущая абсолютному большинству территорий азиатской части страны. Естественный прирост в четырех республиках был положительным, несмотря на высокую смертность населения. Так как миграционный прирост из-за рубежа в подавляющей части российских территорий за указанный период был положительным, то основу миграционной убыли составляла межрегиональная компонента. Отток населения обозначенных четырех субъектов России шел как в сторону более экономически успешных соседних территорий, так и в европейскую часть России.

⁶ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2025).

Далее рассмотрим типичные группы регионов РФ, однородные по итоговым показателям воспроизводства населения, его общего прироста и уровня социально-экономического развития как основного фактора демографического развития территорий. Начнем с экономически развитых регионов европейской России (табл. 5).

Таблица 5

Воспроизводство населения экономически развитых регионов европейской России за 2001–2024 гг. (тыс. человек)

Table 5

Reproduction of the population of economically developed regions of European Russia for 2001–2024 (thousand people)

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Белгородская область	1 499	-190	-12,7	-1,1
Воронежская область	2 437	-420	-17,2	-7,3
Калужская область	1 069	-161	-15,0	-0,2
Калининградская область	947	-98	-10,3	9,1
Астраханская область	1 013	-20	-2,0	-6,6
Волгоградская область	2 658	-297	-11,2	-8,4
Ростовская область	4 317	-499	-11,6	-4,2
Ставропольский край	2 654	-126	-4,7	8,7
Республика Башкортостан	4 102	-146	-3,6	-1,5
Республика Татарстан	3 777	-94	-2,5	6,4
Самарская область	3 279	-360	-11,0	-5,1
Всего/в среднем	27 752	-2 411	-8,7	-1,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата⁷

Все экономически развитые территории европейской России имели суммарно за 2001–2024 гг. естественную убыль населения. Основным фактором этого стала минимальная (не считая двух столичных макрорегионов) рождаемость населения и его старая возрастная структура, сформировавшаяся в XXI в. результате (в числе прочего) смертности населения, более низкой относительно менее экономически развитых территорий страны, за исключением Северного Кавказа [11]. За счет зарубежной и межрегиональной миграции естественная убыль в данной группе регионов частично либо полностью компенсировалась. Исключение составила только Астраханская область (по динамике экономического развития за 2022 г. она была на 24-м месте в РФ⁸).

Естественную убыль экономически развитые территории имели не только в европейской, но и в азиатской части страны, не считая упомянутую выше Тюменскую область (табл. 6).

⁷ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2025).

⁸ Астраханская область вошла в топ-30 регионов страны по динамике экономического развития // А24 – новости Астрахани и Астраханской области : [сайт]. 31.03.2023. URL: <https://a24.press/news/misc/2023-03-31/astrahanskaya-oblast-voshla-v-top-30-regionov-strany-po-dinamike-ekonomicheskogo-razvitiya-126544> (дата обращения: 17.08.2025).

Таблица 6

**Воспроизводство населения экономически развитых регионов азиатской
России за 2001–2024 гг., тыс. человек**

Table 6

**Reproduction of the population of economically developed regions of Asian Russia
for 2001–2024, thousand people**

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Свердловская область	4 573	-339	-7,4	-7,7
Челябинская область	3 651	-271	-7,4	-7,3
Новосибирская область	2 731	-169	-6,2	2,0
Томская область	1 065	-36	-3,4	-2,4
Республика Хакасия	578	-22	-3,8	-9,1
Красноярский край	3 032	-127	-4,2	-6,4
Всего/в среднем	15 630	-964	-6,2	-5,3

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата⁹

В отличие от европейских экономически развитых регионов, в сибирских территориях данной группы компенсация естественной убыли миграционным приростом была или минимальная, или даже естественная убыль усугублялась миграционной убылью. Единственным исключением стала Новосибирская область, имевшая в целом незначительный, но положительный общий прирост населения.

Теперь рассмотрим прочие, но также экономически развитые регионы европейской части России, прежде всего, Центрального и Приволжского федеральных округов, а также Вологодскую область СЗФО (табл. 7).

Таблица 7

**Воспроизводство населения отдельных регионов европейской России
за 2001–2024 гг. (тыс. человек)**

Table 7

**Reproduction of the population of individual regions of European Russia
for 2001–2024 (thousand people)**

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Вологодская область	1 311	-146	-11,1	-14,9
Ульяновская область	1 454	-183	-12,6	-19,9
Саратовская область	2 696	-355	-13,2	-12,1
Республика Мордовия	920	-134	-14,6	-17,5
Костромская область	774	-117	-15,1	-27,5
Липецкая область	1 235	-189	-15,3	-10,3
Пензенская область	1 518	-234	-15,4	-19,2
Брянская область	1 424	-228	-16,0	-20,4
Ярославская область	1 401	-226	-16,1	-15,8
Нижегородская область	3 633	-586	-16,1	-16,3
Курская область	1 299	-215	-16,6	-19,2
Орловская область	891	-149	-16,7	-23,0
Всего/в среднем	18 556	-2 763	-14,9	-17,0

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата¹⁰

⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁰ Там же.

За исследуемый период естественная убыль в малой степени компенсировалась миграционным приростом в Саратовской, Липецкой и Ярославской областях. В Нижегородской области сальдо миграции было близко к нулю. В остальных регионах данной группы миграционная убыль усугубляла демографическую ситуацию, увеличивая общую убыль населения.

Регионы европейской части России с худшими относительными показателями воспроизводства населения (не считая Ленинградскую область) представлены ниже (табл. 8).

Таблица 8

Воспроизводство населения демографически неблагополучных регионов европейской России за 2001–2024 гг. (тыс. человек)

Table 8

Reproduction of the population of demographically disadvantaged regions of European Russia for 2001–2024 (thousand people)

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Тамбовская область	1 257	-228	-18,1	-24,7
Владимирская область	1 589	-293	-18,4	-18,3
Ивановская область	1 205	-227	-18,9	-25,4
Рязанская область	1 271	-241	-18,9	-15,5
Смоленская область	1 114	-217	-19,5	-23,1
Новгородская область	720	-144	-20,0	-21,3
Тверская область	1 575	-325	-20,6	-24,4
Тульская область	1 716	-387	-22,6	-15,1
Псковская область	790	-178	-22,6	-27,3
Всего/в среднем	11 237	-2 240	-19,9	-21,1

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата¹¹

Одни из них пострадали во время Великой Отечественной войны в большей степени, чем другие, преимущественно тыловые регионы. Иные теряли население миграционным путем весь послевоенный и особенно постсоветский период. В соседних с Московским макрорегионом Тульской, Владимирской и Рязанской областях имела место небольшая компенсация естественной убыли миграционным приростом. В других областях данной группы миграционная убыль усугубляла и без того плачевную демографическую ситуацию. Все регионы этой группы характеризовались самой старой в стране возрастной структурой населения.

Еще одна группа демографически неблагополучных регионов европейской части России – отдельные регионы европейского Севера, Приволжского федерального округа (в первую очередь северного Предуралья) и Республика Калмыкия (табл. 9).

¹¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2025).

Таблица 9

Воспроизводство населения демографически неблагополучных регионов европейской России за 2001–2024 гг. (тыс. человек)

Table 9

Reproduction of the population of demographically disadvantaged regions of European Russia for 2001–2024 (thousand people)

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста без миграции (%)	Темпы прироста населения (%)
Республика Карелия	760	-94	-12,4	-31,7
Республика Коми	1 126	-41	-3,6	-36,5
Архангельская область (с НАО) ¹²	1 442	-120	-8,3	-31,4
Мурманская область	988	-41	-4,2	-34,1
Республика Калмыкия	314	13	4,2	-14,8
Республика Марий Эл	755	-53	-7,0	-11,8
Удмуртская Республика	1 624	-63	-3,9	-12,1
Чувашская Республика	1 353	-88	-6,5	-14,3
Пермский край	2 941	-214	-7,3	-15,6
Кировская область	1 576	-207	-13,2	-28,9
Оренбургская область	2 212	-140	-6,3	-17,9
Всего/в среднем	15 091	-1 049	-7,0	-21,7

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата¹³

В противоположность областям предшествующей группы относительные показатели воспроизводства населения здесь не такие катастрофические. Но за счет значительной межрегиональной миграционной убыли общая убыль их населения – максимальная для европейской части РФ. Кроме прочего, одним из основных факторов депопуляции в части территорий данной группы является относительно высокая смертность населения, связанная с суровыми климатическими условиями [12].

Последняя группа – демографически неблагополучные регионы азиатской части России (табл. 10).

Здесь ситуация, аналогичная предшествующей группе регионов. Незначительная относительная естественная убыль усиливается за счет значительной миграционной убыли, прежде всего, межрегионального характера. Одной из основных причин депопуляции в данной группе регионов, как и в предшествующей группе, является высокая смертность населения, связанная (в том числе) с суровыми климатическими условиями [12].

В заключение кратко рассмотрим население Крыма, которое за 10 лет учета Росстатом с начала 2015 г. до конца 2024 г. увеличилось на 7% – с 2 295 до 2 461 тыс. человек, при этом за счет лишь естественной убыли оно бы сократилось на 112 тыс. человек, или на 5%. Население Севастополя выросло на 40%, несмотря на относительную естественную убыль в 4%. Население Республики Крым практически не изменилось вопреки относительной естественной убыли в 5%.

¹² НАО – Ненецкий автономный округ. Его население за 24 года сократилось на 3 тыс. человек, несмотря на естественный прирост в 4 тыс. человек. Невзирая на то, что это достаточно богатый регион, а его специализация схожа с Тюменской областью, тем не менее, территория имела общую убыль населения.

¹³ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2025).

Таблица 10

**Воспроизводство населения демографически неблагополучных регионов
азиатской России за 2001–2024 гг. (тыс. человек)**

Table 10

**Reproduction of the population of demographically disadvantaged regions
of Asian Russia for 2001–2024 (thousand people)**

Регионы	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Темпы прироста (без миграции), %	Темпы прироста населения, %
Курганская область	1 087	-118	-10,9	-31,5
Алтайский край	2 643	-247	-9,3	-20,6
Иркутская область	2 729	-90	-3,3	-14,9
Кемеровская область	2 962	-331	-11,2	-14,7
Омская область	2 147	-128	-6,0	-15,9
Забайкальский край	1 247	-10	-0,8	-21,1
Камчатский край	384	-4	-1,2	-24,9
Приморский край	2 155	-173	-8,0	-16,5
Хабаровский край	1 496	-92	-6,2	-14,9
Амурская область	990	-62	-6,3	-23,9
Магаданская область	234	-7	-3,1	-42,5
Сахалинская область	591	-30	-5,1	-22,6
Еврейская автономная область	196	-14	-7,1	-26,3
Чукотский автономный округ	75	2	3,3	-36,3
Всего/в среднем	18 936	-1 304	-6,9	-18,8

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата¹⁴

Выводы

Если попытаться обобщить результаты на более высоком, чем региональный, уровне, скажем, на уровне двух частей России, европейской и азиатской, то, не принимая во внимание выделенные крайности, за рассматриваемый период можно констатировать следующее. В азиатской части России (да и в отдельных регионах европейского Севера) относительный уровень естественной убыли не столь удручающий, как в прочей части страны. Связано это с тем, что возрастная структура населения азиатской части РФ более молодая, интенсивность рождаемости здесь выше, хотя и интенсивность смертности более высокая, чем в европейской половине. В целом регионы азиатской части продолжают терять население в первую очередь за счет межрегиональной миграционной убыли в европейскую часть страны, и относительные показатели общей убыли здесь выше, чем в европейских территориях.

Европейская часть России, за исключением выделенных выше крайностей, имеет более глубокую депопуляцию и не выходила из нее все постсоветское время [3]. Факторы этого – старая возрастная структура населения; и как ни странно, низкая интенсивность смертности населения и низкая интенсивность рождаемости населения в сравнении с азиатской частью страны. Совокупность данных факторов ведет к росту общих показателей естественной убыли населения большинства европейских регионов РФ. И лишь миграционным приростом как из-за рубежа, так и из других, менее экономически развитых территорий страны, а также

¹⁴ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2025).

из территорий России, расположенных в суровых климатических условиях, эта естественная убыль компенсируется.

Таким образом, в Российской Федерации начала XXI в. имеет место следующая закономерность. Без учета крайностей и при прочих равных условиях, налицо очевидность: чем экономически более развит регион страны, тем хуже в нем ситуация с естественным приростом, но лучше ситуация с общим приростом населения. И наоборот. Кроме экономики основными факторами-составляющими депопуляции в регионах России продолжает оставаться процесс старения населения, связанный с падением рождаемости и ростом ожидаемой продолжительности жизни.

Список литературы

1. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах России к началу 2020 года / О. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 3. С. 119–129. DOI [10.19181/population.2020.23.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11). EDN [PPKYBP](#).
2. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах азиатской части России в 1992–2024 гг. // *Социально-трудовые исследования*. 2024. № 4 (57). С. 101–107. DOI [10.34022/2658-3712-2024-57-4-101-107](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-101-107). EDN [AIVRUB](#).
3. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах европейской России в 1992–2024 гг. // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024. Т. 4, № 4. С. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). EDN [KRVKOR](#).
4. Рыбаковский, О. Л. Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки // *Народонаселение*. 2024. Т. 27, № 2. С. 71–82. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-71-82](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82). EDN [HGRXPV](#).
5. Рязанцев, С. В. Демографическая ситуация в Тюменской области и вклад пандемии COVID-19 в ее трансформацию / С. В. Рязанцев, А. Е. Иванова, В. Н. Архангельский // *Человеческий капитал*. 2021. № 9 (153). С. 81–92. DOI [10.25629/HC.2021.09.08](https://doi.org/10.25629/HC.2021.09.08). EDN [OXHATE](#).
6. Рязанцев, С. В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе // *Социологические исследования*. 2002. № 1. С. 77–86. EDN [YSOUOE](#).
7. Фаузер, В. В. Население российского Севера: проблемы воспроизводства // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2017. № 3 (54). С. 121–133. EDN [ZRQAWT](#).
8. Кашепов, А. В. Воспроизводство населения в России – факторы и перспективы // *Экономика и Социум*. 2019. № 9 (64). С. 139–158. EDN [IBKIYE](#).
9. Рыбаковский, Л. Л. Факторы депопуляции в России // *Народонаселение*. 2013. № 3 (61). С. 4–19. EDN [RCOFTN](#).
10. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // *Социально-трудовые исследования*. 2019. № 2 (35). С. 6–15. DOI [10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15). EDN [YAEDKL](#).
11. Рыбаковский, О. Л. Экономические факторы в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // *Народонаселение*. 2025. Т. 28, № 1. С. 4–16. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-4-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16). EDN [RASPFZ](#).
12. Рыбаковский, О. Л. Климатический фактор в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // *Народонаселение*. 2025. Т. 28, № 2. С. 4–15. DOI [10.24412/1561-7785-2025-2-4-15](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-2-4-15). EDN [YATMXM](#).

Сведения об авторах

Рыбаковский Олег Леонидович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8937-3166](https://orcid.org/0000-0002-8937-3166); РИНЦ SPIN-код: [7022-5369](https://elibrary.ru/7022-5369); Web of Science Researcher ID: [B-8924-2018](https://orcid.org/B-8924-2018); Scopus Author ID: [39362389200](https://orcid.org/39362389200).

Фадеева Тамара Андреевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fadeevatoma@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-9866-5913](https://orcid.org/0000-0001-9866-5913); РИНЦ SPIN-код: [4296-4012](https://elibrary.ru/4296-4012); Web of Science Researcher ID: [J-1346-2018](https://orcid.org/J-1346-2018).

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; принята в печать 27.10.2025.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RESULTS OF THE NATURAL AND GENERAL POPULATION CHANGE IN RUSSIA AND ITS REGIONS (IN 2001–2024)

Oleg L. Rybakovsky

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: 1246185@mail.ru

Tamara A. Fadeeva

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: fadeevatoma@gmail.com

For citation: Rybakovsky, O. L., Fadeeva, T. A. Results of the Natural and General Population Change in Russia and Its Regions (In 2001–2024). *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 133–145. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.8). (In Russ.)

Abstract. The subject of the study is the permanent population in the regions of the Russian Federation from 2001 to 2024. The topic of the research was population reproduction in these regions during this period, its results, and main factors influencing it. One of the objectives of the study was to identify groups of territories with similar patterns of reproduction and overall population movement during the specified period. Another objective was to determine the main factors that differentiate these patterns. Research methods included demographic statistical analysis, and data from Rosstat was used as a source for calculations. As a result, all regions were divided into two groups: those with typical patterns and those with atypical ones. The latter included the Moscow, St. Petersburg, Krasnodar, Tyumen, and several republics in the North Caucasus, as well as Siberia. The remaining regions were considered typical. Differences between the groups were found in terms of natural increase, migration, and census changes. Differences between typical regions were also found in terms of relative decline and compensation by migration. Factors that influenced these differences included religion, terrain, age and gender structure, economic development, climate, and age and gender composition. Overall, the main conclusion was that economic development plays a significant role in determining demographic trends in Russian regions. It was also noted that more economically developed regions tend to have worse natural population growth, but better overall population growth when other factors are considered.

Keywords: population reproduction in Russian regions, birth and mortality rates, natural and overall population growth, economically developed regions, demographically disadvantaged regions

References

1. Rybakovsky, O. L., Fadeeva, T. A. Depopulation in the Regions of Russia by the Beginning of 2020. *Population*. 2020. Vol. 23, No. 3. Pp. 119–129. DOI [10.19181/population.2020.23.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11). (In Russ.).
2. Rybakovsky, O. L. Depopulation in the Regions of the Asian Part of Russia in 1992–2024. *Social and Labor Research*. 2024. No. 4 (57). Pp. 101–107. DOI [10.34022/2658-3712-2024-57-4-101-107](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-101-107). (In Russ.).
3. Rybakovsky, O. L. Depopulation in European Russian Regions in 1992–2024. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). (In Russ.).
4. Rybakovsky, O. L. Population Balance of the Regions of Russia in 1992–2023 and Census Corrections. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 2. Pp. 71–82. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-71-82](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82). (In Russ.).
5. Ryazantsev, S. V., Ivanova, A. E., Arkhangelsky, V. N. Demographic Situation in the Tyumen Region and the Contribution of the COVID-19 Pandemic to Its Transformation. *Human capital*. 2021. No. 9 (153). Pp. 81–92. DOI [10.25629/HC.2021.09.08](https://doi.org/10.25629/HC.2021.09.08). (In Russ.).
6. Ryazantsev, S. V. Demograficheskaya situatsiya na Severnom Kavkaze [Demographic situation in the North Caucasus]. *Sociological research*. 2002. No. 1. Pp. 77–86. (In Russ.).

7. Fauzer, V. V. Naseleniye rossiyskogo Severa: problemy vosproizvodstva [Population of the Russian North: problems of reproduction]. *Sever i Rynok: Formirovanie Ekonomicheskogo Poryadka*. 2017. No. 3 (54). Pp. 121–133. (In Russ.).

8. Kashepov, A. V. Population Reproduction in Russia – Factors and Prospects. *Economy and Society*. 2019. No. 9 (64). Pp. 139–158. (In Russ.).

9. Rybakovsky, L. L. Factors of Depopulation in Russia. *Population*. 2013. No. 3 (61). Pp. 4–19. (In Russ.).

10. Rybakovsky, L. L., Kozhevnikova, N. I. Depopulation in Russia: Its Stages, Features and Possibilities of Neutralization. *Social and Labor Research*. 2019. No. 2 (35). Pp. 6–15. DOI [10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15). (In Russ.).

11. Rybakovsky, O. L. Economic Factors in the Demography of Russian Regions (2017–2023). *Population*. 2025. Vol. 28, No. 1. Pp. 4–16. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-4-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16). (In Russ.).

12. Rybakovsky, O. L. Climate Factor in the Demography of Russian Regions (2017–2023). *Population*. 2025. Vol. 28, No. 2. Pp. 4–15. DOI [10.24412/1561-7785-2025-2-4-15](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-2-4-15). (In Russ.).

Bio notes

Oleg L. Rybakovsky, Doctor of Economics Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8937-3166](https://orcid.org/0000-0002-8937-3166); RSCI SPIN-code: [7022-5369](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=7022-5369); Web of Science Researcher ID: [B-8924-2018](https://orcid.org/B-8924-2018); Scopus Author ID: [39362389200](https://orcid.org/39362389200).

Tamara A. Fadeeva, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: fadeevatoma@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-9866-5913](https://orcid.org/0000-0001-9866-5913); RSCI SPIN-code: [4296-4012](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=4296-4012); Web of Science Researcher ID: [I-1346-2018](https://orcid.org/I-1346-2018).

Received on 27.08.2025; accepted for publication on 27.10.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.9)

EDN [TEMBZQ](https://www.edn.ru/TEMBZQ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ РОССИИ С НАСЕЛЕНИЕМ СВЫШЕ 100 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК В 2014–2024 ГГ.

Мусин Э. Р.

ВНИИ труда Минтруда России, Москва, Россия

E-mail: emusin@vcot.info

Для цитирования: Мусин, Э. Р. Демографическое развитие городов России с населением свыше 100 тысяч человек в 2014–2024 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 146–164. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.9). EDN [TEMBZQ](https://www.edn.ru/TEMBZQ).

Аннотация. В статье рассматривается изменение численности населения городов с населением более 100 тыс. человек за период с 2014 по 2024 г. (большие, крупные и крупнейшие города) с целью выявления городов с наиболее благоприятной демографической ситуацией. Информационной базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики, а именно: бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям» и База данных показателей муниципальных образований. На основе их анализа выявляются города с населением свыше 100 тыс. человек, в которых наблюдалась позитивная динамика численности населения и для которых характерен естественный прирост (32 города). В работе также изучается уровень рождаемости и смертности, структура населения таких городов в сравнении с регионами, в состав которых они входят. Было установлено, что рассматриваемые демографические показатели в большинстве этих городов более благоприятные в сравнении с региональными. Общий коэффициент рождаемости в таких городах в среднем выше, чем в регионе в целом (21 город), а общий коэффициент смертности – ниже (28 городов). Проведенное исследование показало неравномерность демографических процессов в больших, крупных и крупнейших городах, а кроме того, позволило выявить города с наибольшим демографическим потенциалом. Полученные результаты могут быть использованы при актуализации региональных программ по повышению рождаемости и программ развития муниципальных образований, при разработке мер демографической политики на муниципальном уровне.

Ключевые слова: демография, динамика численности населения, города с населением свыше 100 тыс. человек, естественный прирост населения, структура населения

Введение

Доля городского населения в общей численности населения Российской Федерации в течение последних 10 лет практически не изменилась, что говорит о высокой степени завершенности процесса урбанизации (с 74,3% в 2014 г. до 74,9% в 2024 г.¹). Вместе с этим наблюдается рост численности населения городов, в которых проживает более 100 тыс. человек. По данным на начало 2024 г., в таких городах проживали 76 622,2 тыс. человек, то есть 52,4% от общей численности населения страны и 70% от городского населения. В то время как в начале 2015 г. население этих городов составляло 73 986,7 тыс. человек, что соответствовало 50,4% от общей численности населения на тот год и 68% от численности городского населения. Наблюдаемая тенденция свидетельствует о продолжающемся росте значения больших, крупных и крупнейших городов в системе расселения, сложившейся

¹ Численность постоянного населения на 1 января // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 05.06.2025).

на территории страны. Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. отмечается необходимость учета демографической ситуации при формировании и реализации мер поддержки и развития территорий².

Классификация размера городов по численности их населения производилась в соответствии со Сводом правил СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений»³. В настоящем исследовании к большим городам были отнесены городские населенные пункты с численностью населения от 100 тыс. до 250 тыс., к крупным – с населением от 250 тыс. до 500 тыс. и от 500 тыс. до 1 млн, к крупнейшим – с населением свыше млн человек.

Как и следовало ожидать, количество больших, крупных и крупнейших городов относительно невелико – 170 (в 2015 г. их было 169), в то время как общее количество городов в России на начало 2024 г. составило 1119⁴. Количество городов с населением от 100 тыс. человек до 250 тыс. человек – 92, городов с численностью населения в диапазоне от 250 тыс. до 500 тыс. – 42. Городов, в которых проживают от 500 тыс. до 1 000 тыс. – 20, а количество крупнейших городов с населением свыше 1 млн. человек равно 16.

Большие, крупные и крупнейшие города в качестве объекта исследования были выбраны автором настоящей статьи в связи с тем, что их сравнительно малое количество позволяло рассмотреть каждый из них в отдельности. В фокусе внимания, прежде всего, находились города, в которых за рассматриваемый период численность населения увеличилась, и наблюдался естественный прирост⁵. Первая задача научного изыскания состояла в том, чтобы выделить такие города из общего перечня больших, крупных и крупнейших городов, а вторая – в анализе структуры населения, уровня рождаемости и смертности, сравнении этих показателей со значениями региона, в состав которого входит город. На основе проведенного анализа был сделан вывод о демографическом потенциале таких городов. При этом под демографическим потенциалом в настоящей статье понимается потенциал воспроизводства населения, характеризующийся рождаемостью и смертностью.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для выработки дополнительных инструментов демографической политики, в том числе на муниципальном уровне, а также они могут быть учтены при актуализации региональных программ по повышению рождаемости, действующих в субъектах Российской Федерации с 2023 г., и программ развития муниципальных образований.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. N 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.» // Гарант : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/> (дата обращения: 12.06.2025).

³ СП 42.13330.2016 «СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (Приказ Минстроя России от 30 декабря 2016 г. № 1034/пр) // Минстрой России : [сайт]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/14465/> (дата обращения: 05.06.2025).

⁴ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 05.06.2025).

⁵ Естественный прирост населения за определенный период определяется как разность между числами родившихся и умерших за этот период.

Обзор научной литературы

Исследователями изучается динамика численности населения городов с учетом их географического расположения, анализ их места и значения в системе расселения, проводится классификация городов и территорий на основе динамики численности населения [1]. Так, например, в работе [2] приводится типология крупнейших городов России по динамике численности населения, а в статье [3] исследуются особенности развития российских агломераций. Динамика численности населения городов в разрезе их величины анализируется в работах [4; 5]. Особое внимание аналитиков обращено на города Сибири [6] и Арктической зоны [7; 8; 9].

Многими авторами отмечается неравномерность в расселении населения, его концентрация в крупнейших городах при снижении численности населения малых, средних и больших городов [10; 11]. Помимо анализа и исследований особенностей динамики численности населения городов, также разрабатываются и предлагаются методики оценки и развития таких городов, что может иметь практическое применение для разработки программ демографического и пространственного развития [12; 13].

В научно-исследовательской литературе отмечается, что из-за сокращения экономической активности в городах происходит уменьшение количества рабочих мест и, как следствие, миграционный отток населения (в первую очередь трудоспособного возраста и особенно молодежи) [7]. В результате в таких городах складывается структура населения с высоким удельным весом пожилых, что ведет к естественной убыли населения и способствует депопуляции [14]. Малым и средним городам в большей степени, чем городам других категорий, характерны демографические проблемы (естественная и миграционная убыль населения), они также часто выступают базой, за счет которой растет численность населения крупнейших городов. Однако описанный выше механизм типичен и для многих больших, и даже крупных городов [15].

Ввиду ограничений статистики естественный прирост населения зачастую анализируется на уровне муниципальных образований (городские округа, муниципальные районы). Среди исследований данной направленности можно выделить работы [16] и [17]. Подробный анализ динамики уровня рождаемости муниципальных образований отдельных субъектов выполнен в статье [18]. Демографическая ситуация непосредственно в городах исследуется, к примеру, в работах [19] (проводится сравнительный анализ демографических процессов в городах Кызыл и Элиста), [20] (изучается влияние социально-экономической ситуации на демографическое развитие города Сургута), [21] (анализируется демографический потенциал городов Краснодар и Ростов-на-Дону).

Методы исследования и использованные источники

В качестве источника официальных данных о численности населения городов России нами задействован бюллетень Федеральной службы государственной статистики «Численность населения Российской Федерации по муниципальным

образованиям» за 2024 и 2014 гг.⁶ Сведения, необходимые для анализа демографической ситуации в регионах России, взяты из Единой межведомственной информационно–статистической системы (ЕМИСС).

Кроме того, для оценки компонент изменения численности населения городов (как то: о естественном приросте, по половозрастным группам, общем коэффициенте рождаемости и смертности) использовалась статистика Базы данных показателей муниципальных образований (БДПМО) в обработке «Если быть точным»⁷, содержащая сведения о демографических событиях в разрезе муниципальных образований. Ввиду того, что выделить статданные отдельно для городов представляется проблематичным, в настоящем исследовании применялись показатели для городских округов (городских поселений), которые образуют города с населением более 100 тыс. человек. А в случае отсутствия в базе данных сведений по необходимому году или в случае их аномального значения – показатели за наиболее близкий к нему год. Для города Севастополя и городов Республики Крым в качестве сведений за 2014 г. использовались показатели за 2015 г.

По причине отсутствия данных в нашей научной работе не рассматривались города Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей.

В качестве переменных, характеризующих структуру населения городов, исследовались доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения и доля населения старше трудоспособного в общей численности населения. Так как в БДПМО доступны сведения о числе родившихся на 1 000 населения по муниципальным образованиям (то есть общий коэффициент рождаемости (далее – ОКР)), то этот показатель был использован в качестве индикатора уровня рождаемости населения в городах. Однако ОКР имеет существенные недостатки: его величина подвержена зависимости от структуры населения, поскольку в качестве знаменателя выступает численность всего населения, но его использование нами объясняется отсутствием в БДПМО другого показателя, позволяющего оценить уровень рождаемости. Аналогичным является объяснение применения общего коэффициента смертности – числа умерших на 1 000 человек (далее – ОКС) как индикатора уровня смертности населения.

Выбранные для оценки структуры населения, уровня рождаемости и смертности параметры позволяют составить характеристику демографического развития территории.

Результаты

За рассмотренный период численность населения крупнейших городов увеличилась на 7,1% (с 33 269 867 человек до 35 621 833 человек). При этом численность населения крупных городов выросла на 2,9%, а больших городов – только на 0,8%. Это

⁶ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 05.06.2025).

⁷ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным : [сайт]. URL: <https://techno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025).

явление также свидетельствует о нарастании дисбаланса в распределении населения в сторону его концентрации в крупнейших городах.

Рост численности населения за рассматриваемый период был отмечен в 83 городах с населением свыше 100 тыс. человек. Наиболее всего вырос количественный состав населения города Мурино Ленинградской области (с 9 945 до 112 536 человек), городов Московской области: Балашиха (114,6%), Видное (85,2%), Мытищи (50,3%).

Среди городов с ростом численности населения естественный прирост был отмечен в 38 городах (остальные 45 городов имели естественную убыль и миграционный прирост населения). Уточним, что для проведения анализа из списка городов нами были исключены Москва (по причине ее особого статуса как города федерального значения), Мурино (Ленинградская область), Балашиха, Видное, Щелково (Московская область), Михайловск (Ставропольский край), что связано с территориальными преобразованиями, затронувшими муниципальные образования, в состав которых входят эти города, а также трудностями в сопоставлении данных. Таким образом, за вычетом указанных городов нами проведен анализ демографической ситуации в 32 городах с численностью населения свыше 100 тыс. человек.

Другими словами, на первом этапе исследования были отобраны 32 города, подходящих под описанные выше условия. Рост численности населения в них в 2024 г. в сравнении с 2014 г. составил от 0,1% (Норильск) до 41,3% (Краснодар). На изменение количественного состава населения этих городов также влиял положительный или отрицательный миграционный прирост населения. К примеру, миграционная убыль населения наблюдалась в городах Грозный, Кизыл, Махачкала, Набережные Челны, Улан-Удэ, Нальчик, Нижнекамск, Вологда, Нефтеюганск, Норильск. Суммарный естественный прирост населения за период 2014–2023 гг. представлен в (табл. 1).

Таблица 1

Естественный прирост населения в городах с населением свыше 100 тыс. человек за 2014–2023 гг.

Table 1

Natural increase in cities with population over 100,000 in 2014–2023

Города с естественным приростом населения	Категория по численности населения	Суммарный естественный прирост за 2014–2023 гг. (человек)	Численность населения на 01.01.2024 г. (человек)
Вологодская область			
Вологда	Крупный	344	311 859
Кабардино-Балкарская Республика			
Нальчик	Большой	8 126	245 756
Краснодарский край			
Краснодар	Крупнейший	30 379	1 138 654
Сочи	Крупный	11 529	444 989
Красноярский край			
Красноярск	Крупнейший	11 574	1 205 473
Норильск	Большой	12 523	176 735
Республика Башкортостан			
Нефтекамск	Большой	2 963	133 960
Уфа	Крупнейший	8 121	1 163 304
Республика Бурятия			
Улан-Удэ	Крупный	14 985	435 751

Продолжение таблицы 1

Города с естественным приростом населения	Категория по численности населения	Суммарный естественный прирост за 2014–2023 гг. (человек)	Численность населения на 01.01.2024 г. (человек)
Республика Дагестан			
Дербент	Большой	7 612	127 084
Каспийск	Большой	11 990	129 833
Махачкала	Крупный	43 368	622 091
Хасавюрт	Большой	14 036	159 252
Республика Ингушетия			
Назрань	Большой	13 573	126 292
Республика Саха (Якутия)			
Якутск	Крупный	25 656	367 667
Республика Татарстан			
Альметьевск	Большой	4 051	163 747
Казань	Крупнейший	33 948	1 318 604
Набережные Челны	Крупный	15 533	544 383
Нижнекамск	Большой	6 543	240 379
Республика Тыва			
Кызыл	Большой	13 414	130 042
Республика Хакасия			
Абакан	Большой	1 523	185 804
Ростовская область			
Батайск	Большой	1 098	124 987
Свердловская область			
Екатеринбург	Крупнейший	15 180	1 536 183
Ставропольский край			
Ессентуки	Большой	1 606	123 138
Ставрополь	Крупный	10 196	557 271
Тюменская область без автономий			
Тюмень	Крупный	44 178	861 098
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра			
Нефтеюганск	Большой	7 162	126 690
Нижневартовск	Крупный	17 503	290 535
Сургут	Крупный	39 247	420 347
Ханты-Мансийск	Большой	8 444	111 772
Чеченская Республика			
Грозный	Крупный	47 120	333 672
Чувашская Республика			
Чебоксары	Крупный	11 408	496 350

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата⁸

В разрезе федеральных округов больше всего городов с населением свыше 100 тыс. человек и естественным приростом в Северо-Кавказском федеральном округе – 9 (без учета города Михайловск), в Приволжском и Уральском федеральных округах – 7 и 6, соответственно. Примечательно, что в Северо-Западном федеральном округе расположен только 1 такой город (Вологда, без учета города Мурино Ленинградской области), а в Центральном федеральном округе (без учета Москвы и городов Московской области) – ни одного. С точки зрения размеров городов, рост численности населения при естественном приросте был отмечен в одной трети крупнейших городов, в 19,7% крупных городов и 17,0% больших городов (без учета

⁸ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://techno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025).

исключенных из списка для рассмотрения городов). Многие большие, крупные и крупнейшие города с естественным приростом населения расположены в национальных республиках, в связи с чем можно отметить потенциальное влияние этнического состава населения на уровень рождаемости в таких городах. Также естественный прирост отмечается в городах Красноярского края, Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – регионах, обладающих богатым запасом полезных ископаемых и высоким уровнем экономического развития.

Отобранные для анализа города было решено разделить на две группы по их принадлежности к регионам с суммарным естественным приростом или естественной убылью населения за период 2014–2023 гг. Города Батайск, Екатеринбург, Краснодар, Сочи, Нефтекамск, Уфа, Вологда, Красноярск, Норильск, Чебоксары, Ставрополь, Эссентуки, Казань, Альметьевск, Набережные Челны, Нижнекамск, Абакан, имеющие естественный прирост населения, расположены в регионах, в которых число умерших превышает число родившихся за рассматриваемый период, то есть происходит естественная убыль населения (обозначим их как *первую группу*). В свою очередь, города Сургут, Каспийск, Тюмень, Грозный, Хасавюрт, Улан-Удэ, Кызыл, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Якутск, Нальчик, Назрань, Дербент, Махачкала относятся к регионам с естественным приростом населения (для удобства обозначим эти города в качестве *второй группы*)⁹. Города второй группы представляют особый интерес с точки зрения выявления причин сохранения в них естественного прироста населения при естественной убыли населения в их регионах. Эти города имеют отличающуюся от региональной структуру населения, что и сказалось на соотношении числа родившихся и умерших.

Перейдем к анализу рождаемости в городах с населением свыше 100 тыс. человек и имеющих положительный естественный прирост населения. Учитывая тот факт, что производится сравнение значений ОКР городов (городских округов, городских поселений) и регионов, в качестве значений для региона используется ОКР городского населения.

Сопоставление ОКР за 2022 г. (как наиболее актуальное значение показателя, имеющееся в используемом в настоящей работе источнике данных) показало, что во всех городах второй группы, за исключением городов Нижнекамск, Набережные Челны и Ставрополь, величина ОКР выше, чем в регионах, к которым данные города относятся (рис. 1). Особенно существенны различия для города Батайска – в 2022 г. ОКР составил 10,7‰ (промилле), в то время как для городского населения Ростовской области он был равен 7,9‰. ОКР в городах этой группы находится в диапазоне от 8,5‰ (Ставрополь) до 11,5‰ (Сочи).

В случае с первой группой ОКР примерно половина из этих городов за 2022 г. оказался ниже значения их региона (рис. 2). Наиболее сильно в положительную или отрицательную стороны выделяются города Республики Дагестан: ОКР в Каспийске и Хасавюрте значительно превосходят региональное значение (на 35,8% и на 28,4%, соответственно), в то время как величина показателя в Махачкале существенно ниже него (на 25,7%).

⁹ Естественный прирост за год // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31018> (дата обращения: 05.06.2025).

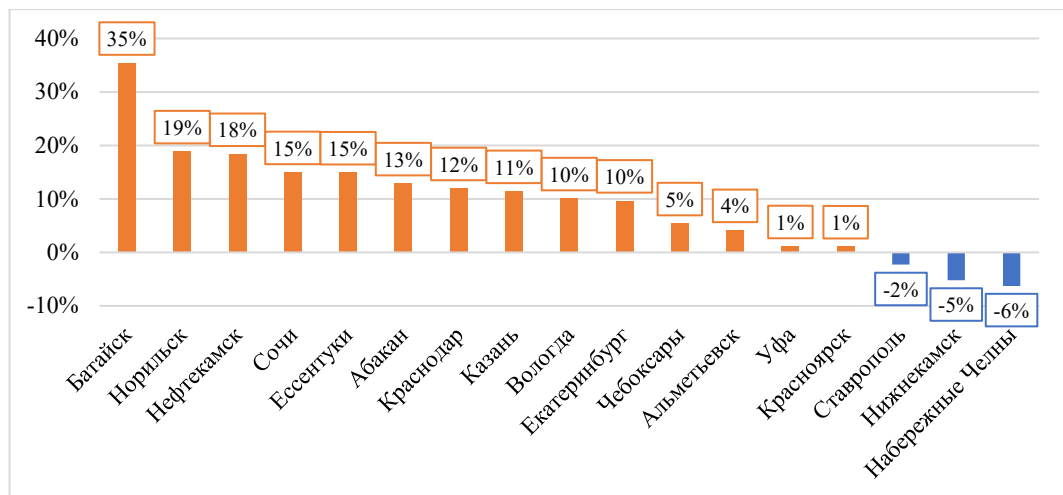

Рис. 1. Группа 1. Разница в величине общего коэффициента рождаемости в городе и регионе, в состав которого он входит, на 2022 г. (%)

Fig. 1. Group 1. The difference in the birth rate per 1,000 people in the city and the region in 2022 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁰

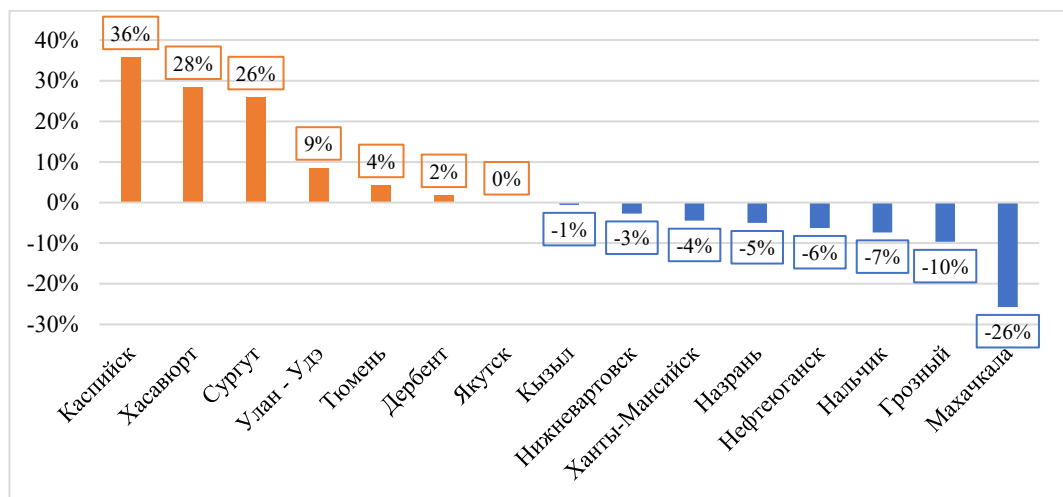

Рис. 2. Группа 2. Разница в величине общего коэффициента рождаемости в городе и регионе, в состав которого он входит, на 2022 г. (%)

Fig. 2. Group 2. The difference in the birth rate per 1,000 people in the city and the region in 2022 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹¹

¹⁰ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025); Число родившихся на 1 000 населения за год // ЕМИСС : [сайт]. <https://fedstat.ru/indicator/31269> (дата обращения: 05.06.2025).

¹¹ Там же.

Города первой группы относятся к регионам с высокой рождаемостью – во всех из них ОКР городского населения существенно выше общероссийского значения (8,9‰ в 2022 г.). Поэтому даже города, в которых ОКР ниже регионального, характеризуются высокой рождаемостью: значение ОКР распределяется в диапазоне от 10,1‰ (Нальчик) до 22,4‰ (Грозный). Исключением является только город Махачкала, ОКР в котором оказался ниже общероссийского значения и был равен 8,1‰.

Однако, принимая во внимание факт, что значение индикатора всего за один год может не являться показательным, было проведено сравнение ОКР в городах и их регионах на протяжении всего рассматриваемого периода. Было установлено, что практически во всех городах второй группы значения ОКР за 2014–2022 гг. были выше региональных (табл. 2). Исключением стали лишь города Нижнекамск (ОКР ниже регионального во всех годах), Набережные Челны (значение ОКР города ниже регионального в отдельные годы), а также Ставрополь, в котором величина ОКР была выше региональной на протяжении 2014–2021 гг.

Таблица 2

Разница в величине общего коэффициента рождаемости в городе и регионе, в состав которого он входит, в 2014–2022 гг. (%)

Table 2

The difference in the birth rate per 1,000 people in the city and the region in 2014–2022 (%)

Название города	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Сочи	6,8	7,3	10,9	12,7	15,1	16,1	10,9	17,1	15,0
Краснодар	6,2	12,7	16,3	19,4	19,8	27,1	25,2	28,8	12,0
Вологда	5,2	6,7	9,7	8,1	11,4	9,7	10,9	10,2	10,1
Нефтекамск	12,6	12,4	5,4	9,2	8,8	5,1	5,2	14,9	18,4
Уфа	6,0	5,9	9,5	7,6	5,3	8,1	6,2	6,4	1,1
Батайск	42,7	31,7	31,1	33,3	36,0	42,9	43,2	41,4	35,4
Альметьевск	5,3	11,5	8,4	12,8	8,8	12,4	9,3	3,7	4,2
Нижнекамск	-4,7	-3,2	-4,5	-7,5	-3,2	-4,4	-3,7	-3,7	-5,2
Набережные Челны	2,0	1,3	0,6	-0,8	-1,6	0,0	0,0	-2,8	-6,3
Казань	4,7	7,7	13,0	14,3	12,8	11,5	12,0	16,7	11,5
Чебоксары	3,6	3,3	4,8	3,3	3,5	2,0	4,9	2,9	5,4
Екатеринбург	1,4	8,2	8,6	7,2	8,5	8,4	9,8	11,0	9,7
Абакан	4,2	6,9	5,8	8,9	6,1	9,5	7,9	9,2	12,9
Норильск	15,1	6,9	2,9	13,1	13,9	13,7	18,2	17,7	18,9
Красноярск	7,9	6,9	9,4	4,9	6,1	7,8	7,1	6,3	1,1
Ессентуки	9,8	29,0	21,2	21,1	17,6	20,6	1,1	30,8	14,9
Ставрополь	18,9	9,9	9,8	14,9	19,4	15,5	19,4	17,6	-2,3

Источник: составлено автором по данным Росстата¹²

В случае с регионами первой группы такой закономерности не наблюдается, напротив, заметно, что ОКР во многих из городов был ниже регионального в период 2014–2022 гг. (табл. 3). За все года рассматриваемого периода ОКР в городах превосходил региональное значение только в Тюмени, Сургуте, Якутске, Каспийске и Хасавюрте.

¹² Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://techno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025); Число родившихся на 1 000 населения за год // ЕМИСС : [сайт]. <https://fedstat.ru/indicator/31269> (дата обращения: 05.06.2025).

Таблица 3

**Разница в величине общего коэффициента рождаемости в городе и регионе,
в состав которого он входит, в 2014–2022 гг. (%)**

Table 3

**The difference in the birth rate per 1,000 people in the city and the region
in 2014–2022 (%)**

Название города	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Тюмень	2,9%	1,8%	2,5%	5,8%	6,2%	5,2%	7,0%	7,2%	4,3%
Грозный	-6,7%	-5,3%	-3,0%	-0,8%	0,9%	-13,3%	-22,7%	-15,9%	-9,7%
Улан-Удэ	2,5%	4,7%	2,5%	1,4%	0,7%	0,0%	-0,8%	-1,7%	8,6%
Кызыл	-4,3%	8,4%	-6,5%	-6,2%	-7,4%	2,0%	2,6%	4,9%	-0,6%
Нижневартовск	0,0%	-3,0%	-4,5%	-2,1%	-0,7%	-4,8%	-3,3%	-5,1%	-2,7%
Ханты-Мансийск	6,4%	1,2%	4,5%	4,9%	1,5%	-3,2%	3,3%	1,7%	-4,5%
Нефтеюганск	-11,6%	-7,2%	-14,0%	-12,0%	-13,2%	-11,2%	-8,1%	-13,7%	-6,2%
Сургут	19,1%	21,1%	24,2%	23,9%	23,5%	24,0%	21,1%	26,5%	25,9%
Якутск	5,9%	8,9%	13,2%	12,4%	12,6%	9,7%	8,9%	11,3%	0,0%
Нальчик	-0,7%	-2,2%	-3,8%	-2,5%	-2,5%	-1,9%	-1,8%	-4,5%	-7,3%
Назрань	21,9%	23,5%	25,6%	0,0%	1,3%	20,0%	-11,7%	-7,6%	-5,0%
Дербент	-5,9%	-3,3%	-4,2%	-5,2%	-7,0%	-3,3%	-1,6%	-1,8%	1,8%
Махачкала	-13,8%	-13,2%	-12,6%	-11,1%	-14,0%	-19,8%	-23,0%	-21,6%	-25,7%
Каспийск	9,9%	17,2%	14,7%	19,3%	20,9%	24,8%	28,7%	27,0%	35,8%
Хасавюрт	3,9%	11,9%	11,2%	5,2%	20,9%	32,2%	26,2%	28,8%	28,4%

Источник: составлено автором по данным Росстата¹³

Поскольку на естественный прирост населения также влияет смертность, рассмотрим ОКС за 2022 г. в выбранных для анализа городах и сравним их с регионами по аналогии с ОКР. Итак, во всех городах второй группы значение ОКС ниже общерегионального (рис. 3). Особенно значительная разница наблюдается для города Норильск – ОКС в нем составил 5,9%, в то время как в Красноярском крае в целом – 13,4%. Иначе говоря, уровень смертности в выбранных городах значительно ниже, чем в регионе в целом.

Кроме того, в первой группе городов в большинстве случаев наблюдается превышение значения регионального ОКС над значением города (рис. 4). Исключением являются только города Назрань, Дербент, Грозный и Якутск, в которых ОКС, по данным на 2022 год, выше регионального значения.

Таким образом, рождаемость и смертность, выраженные в показателях ОКР и ОКС, в большинстве исследуемых городов отличаются от регионального уровня. Соответственно, рождаемость в этих городах в среднем выше, а смертность ниже, что особенно заметно на примере городов, находящихся в регионах с естественной убылью населения.

¹³ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025); Число родившихся на 1 000 населения за год // ЕМИСС : [сайт]. <https://fedstat.ru/indicator/31269> (дата обращения: 05.06.2025).

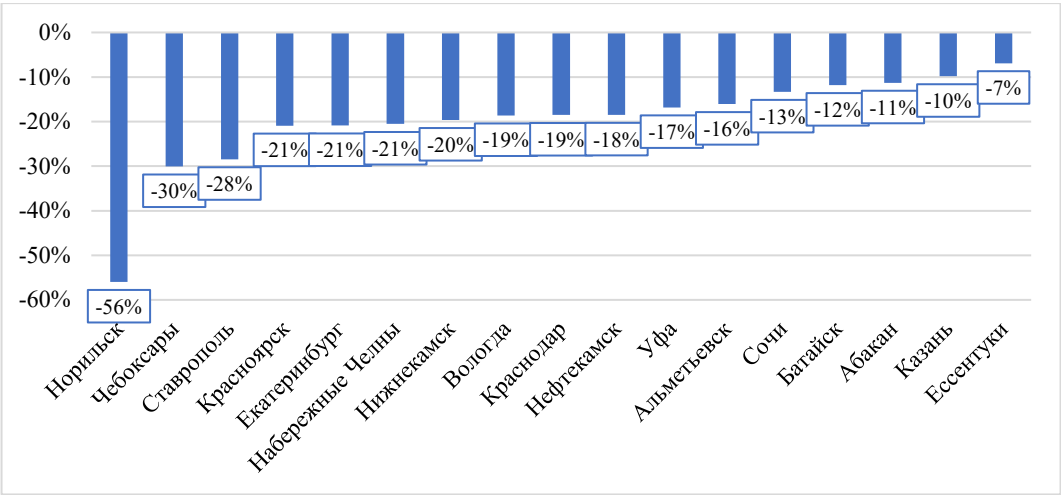

Рис. 3. Группа 1. Разница в величине общего коэффициента смертности в городе и регионе, в состав которого он входит, на 2022 (%)

Fig. 3. Group 1. The difference in Death rate per 1,000 people in the city and the region in 2022 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁴

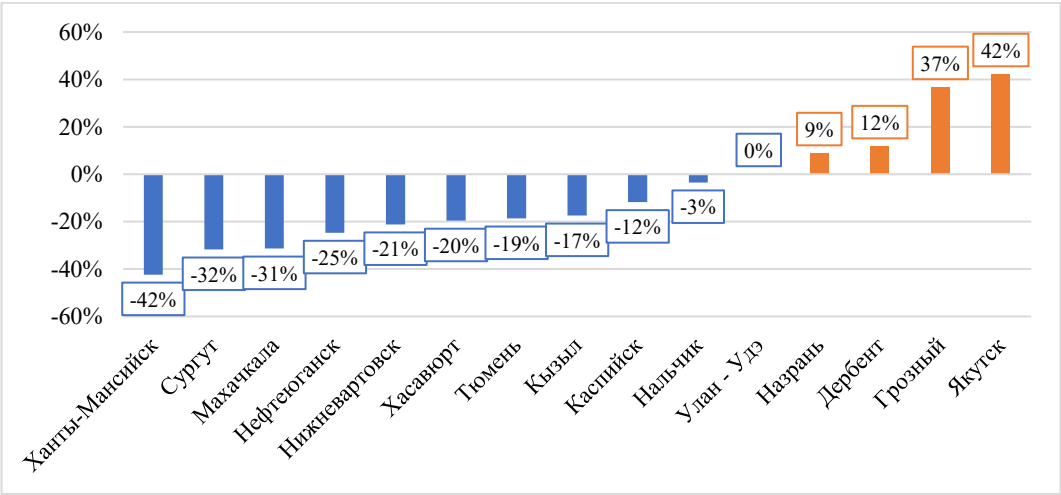

Рис. 4. Группа 2. Разница в величине общего коэффициента смертности в городе и регионе, в состав которого он входит, на 2022 (%)

Fig. 4. Group 2. The difference in Death rate per 1,000 people in the city and the region in 2022 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁵

¹⁴ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным : [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025); Смертность населения от всех причин на 1 тыс. населения // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33534> (дата обращения: 05.06.2025).

¹⁵ Там же.

Далее, необходимо рассмотреть структуру населения выбранных для анализа городов. Доля населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения во всех городах второй группы ниже общероссийского значения (24,5% по данным на начало 2023 г.) и ниже или равна значению региона, в состав которого они входят (рис. 5). Наиболее существенное различие доли населения данной возрастной группы в сравнении с регионом в городе Норильске - 10,4%, в то время как в Красноярском крае в целом значение показателя составило 22,3% (различие с региональным значением в 11,9 п. п. (процентного пункта)), а также в городах Чебоксары (4,1 п. п.), Краснодар (3,9 п. п.), Батайск (3,4 п. п.). В таких городах, как Екатеринбург, Набережные Челны, Ессентуки, Альметьевск, Ставрополь, Нижнекамск разница в доле населения старших возрастов в общей численности населения с региональным значением составила менее 1 п. п., что говорит об отсутствии значимых различий между структурой населения города и региона в целом.

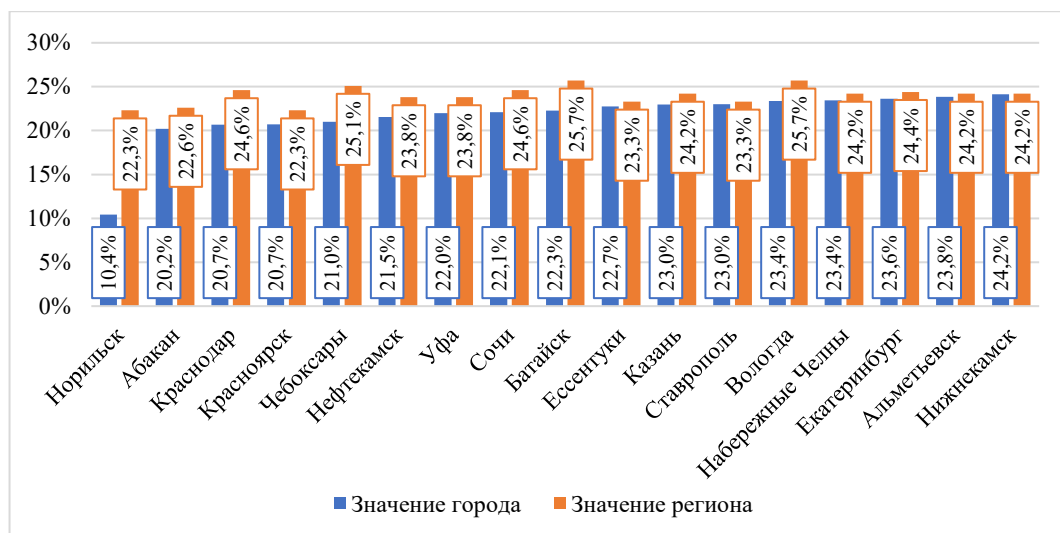

Рис. 5. Группа 1. Удельный вес населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения городов и регионов, в состав которых они входят, на 2023 г. (%)

Fig. 5. Group 1. Proportion of the population over the working age in the total population of the cities and the regions in 2023 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁶

Применительно к городам первой группы можно сказать о том, что доля населения в возрасте старше трудоспособного в них существенно ниже среднероссийской, а в 10 городах из 15 также ниже и регионального значения (рис. 6). Наиболее низкая доля рассматриваемой группы населения в общей численности населения отмечена в городах Грозный (10,1%), Назрань (10,2%), Кызыл (10,6%) а наибольшая –

¹⁶ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025); Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения: 05.06.2025).

в Нальчике (21%) и Тюмени (21,3%). Регионы, в которых расположены города первой группы, отличаются сравнительно «молодым» населением, проблема демографического старения в них выражена наименее остро. Однако и среди городов первой группы обнаружен город со значительно более низкой долей населения старших возрастов в общем населении в сравнении с региональным значением – разница в значениях показателя в городе Ханты-Мансийске и в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре составила 3,7 п. п.

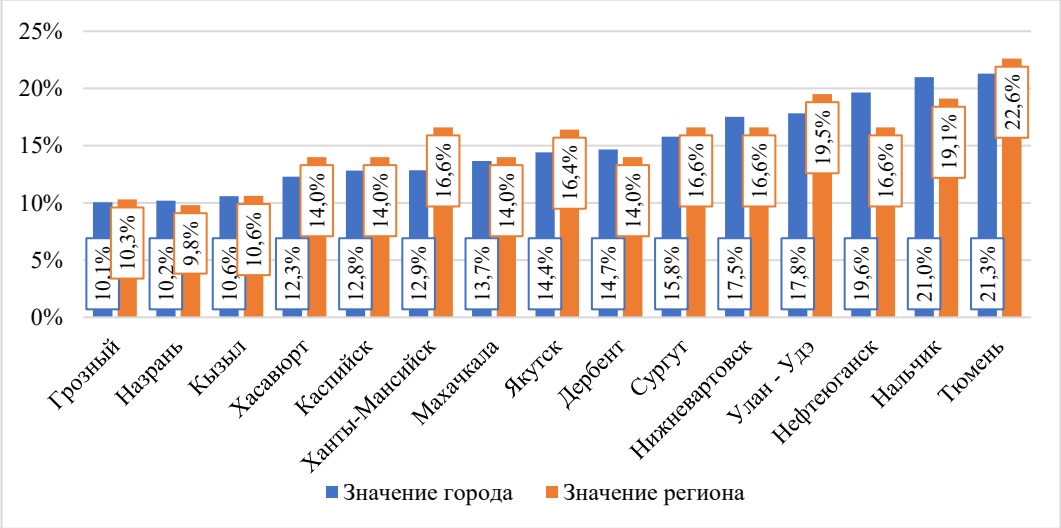

Рис. 6. Группа 2. Удельный вес населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения городов и регионов, в состав которых они входят, на 2023 г. (%)

Fig. 6. Group 2. Proportion of the population over the working age in the total population of the cities and the regions in 2023 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁷

Доля женщин репродуктивного возраста в общей численности населения городов второй группы выше или сопоставима с долей этой группы населения в городском населении региона (рис. 7). Наиболее существенно по данному параметру от регионального значения отличается город Норильск, в котором доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения составляет 55,7%, что на 8,3 п. п. выше значения показателя в Красноярском крае. Доля женщин репродуктивного возраста в общей численности населения ниже регионального значения лишь в городах Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Екатеринбург, Нефтекамск, однако такая разница составляет 1 п. п. или меньше.

¹⁷ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025); Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения: 05.06.2025).

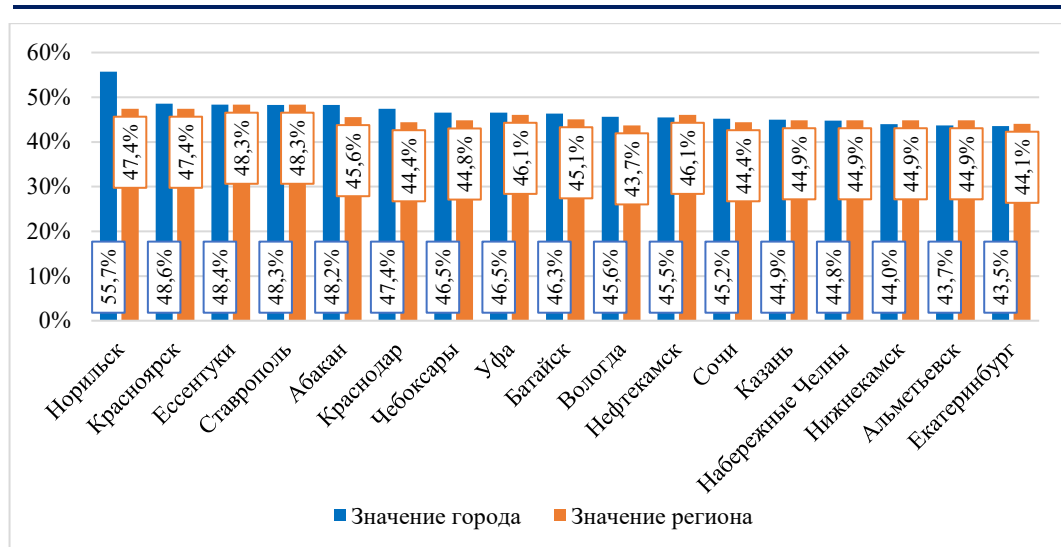

Рис. 7. Группа 1. Доля женщин в возрасте 15–49 лет в общей численности женского населения городов и регионов, в состав которых они входят, на 2023 г. (%)

Fig. 7. Group 1. The share of women aged 15-49 in the total female population of the cities and the regions in 2023 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁸

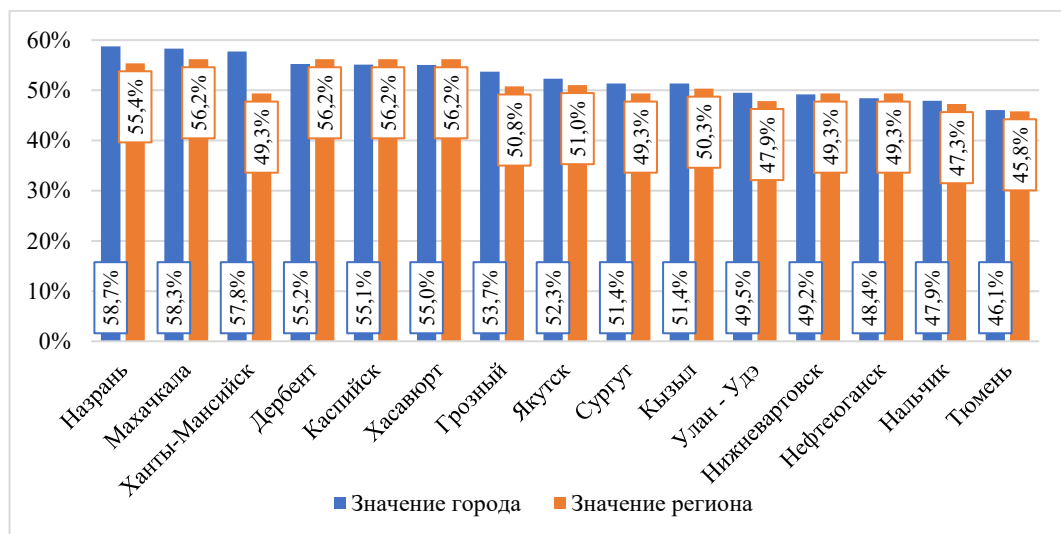

Рис. 8. Группа 2. Доля женщин в возрасте 15–49 лет в общей численности женского населения городов и регионов, в состав которых они входят, на 2023 г. (%)

Fig. 8. Group 2. The share of women aged 15-49 in the total female population of the cities and the regions in 2023 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁹

¹⁸ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://techno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025); Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁹ Там же.

Схожая ситуация и в городах первой группы – в 10 из 15 городов значение показателя также превышает региональное (рис. 8). Особенно ощутимое различие в Ханты-Мансийске – 8,4 п. п., в городах Назрань (3,3 п. п.), Грозный (3 п. п.), Махачкале (2,1 п. п.). Высокая доля женщин репродуктивного возраста положительно сказывается на общем числе родившихся в этих городах и влияет на естественный прирост населения.

На основании вышеизложенного справедливо будет отметить, что рассмотренные в настоящем исследовании города с естественным приростом населения в среднем имеют более высокие (в сравнении с региональными) показатели рождаемости при более низкой смертности, что вызвано в том числе более благоприятной в сравнении с региональной структурой населения, влияющей на значения ОКР и ОКС. В целом эти города в меньшей степени затронуты такими современными тенденциями в демографическом развитии, как старение населения и снижение рождаемости. Они обладают высоким демографическим потенциалом, то есть воспроизводственным потенциалом населения, выраженном в преобладании родившихся над умершими. В настоящем исследовании мы проанализировали демографический потенциал в узком смысле, не рассматривая миграционный потенциал территорий, что может стать темой дальнейших исследований.

Выводы

Численность населения за изучаемый период повысилась в 83 городах с населением свыше 100 тыс. человек, однако естественный прирост был зафиксирован только в 38 из них (6 городов по ряду причин из анализа были исключены). Отобранные для исследования демографической ситуации города различаются по численности населения: 5 из них относятся к группе крупнейших, 12 – к крупным и 15 – к большим городам. По географическому признаку эти города расположены преимущественно в СКФО, ПФО и УФО. Многие из них находятся в национальных республиках, в связи с чем можно отметить влияние этнического состава населения на уровень рождаемости в этих городах. Естественный прирост отмечается в городах Красноярского края, Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – регионах, обладающих высоким уровнем экономического развития и миграционной привлекательностью для трудовой миграции. При анализе демографической ситуации было проведено сравнение показателей городов со значениями регионов, в состав которых они входит. Для удобства все города были разделены на 2 группы по критерию наличия естественного прироста или убыли населения в регионе.

Общий коэффициент рождаемости в таких городах оказался в среднем выше, чем у городского населения региона, а также России в целом. Особенно это характерно для городов, входящих в состав регионов с естественной убылью населения. Среди остальных городов такой закономерности не наблюдалось, что было дополнительно обнаружено при рассмотрении временного ряда с 2014 по 2022 гг. Что касается общего коэффициента смертности, то его значение в большинстве городов было ниже регионального (исключение составили всего 4 города из 32).

Доля населения в возрасте старше трудоспособного во многих городах в действительности оказалось ниже регионального значения, что говорит о том, что

население этих городов более молодое, чем в регионе в целом. Также в большинстве таких городов выше доля женщин репродуктивного возраста в общей численности региона, чем в регионе в целом, что может положительно сказываться на динамике числа родившихся в городе детей.

Учитывая все вышесказанное, можно отметить, что рассмотренные нами 32 города обладают выраженным демографическим потенциалом. В то же время существенная часть городов с населением свыше 100 тыс. человек, в особенности больших и крупных, испытывает снижение численности населения, что в свете текущих демографических тенденций несет угрозу дальнейшей депопуляции данных территорий. Таким образом, усугубляется и без того существенный дисбаланс системы расселения – распределение населения становится более неравномерным. Сокращение численности населения приводит к дефициту рабочей силы, снижению производительности труда, инвестиционной привлекательности и замедлению экономического роста. Демографическое старение населения и падение рождаемости являются серьезными вызовами и для больших, и для крупных, и для крупнейших городов, требующими активной реализации мер демографической политики и пространственного развития территорий.

Список литературы

1. Соколов, А. А. Зонирование территории России на основе региональных особенностей изменения численности городского населения в период с 1989 по 2020 г. / А. А. Соколов, О. С. Руднева // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. 2024. Т. 48. С. 110–120. DOI [10.26516/2073-3402.2024.48.110](https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.48.110). EDN [HORDBC](https://www.edn.ru/HORDBC).
2. Усанова, Я. А. Демография, миграции, экономический рост: крупнейшие российские города в XXI в // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: Материалы форума, Воронеж, 30 сентября – 02 октября 2021 г. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2021. С. 1076–1081. EDN [CAUXJN](https://www.edn.ru/CAUXJN).
3. Зубаревич, Н. В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 5–21. EDN [ZRMYDX](https://www.edn.ru/ZRMYDX).
4. Цыпин, А. П. Демография городов России в 1970–2023 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2025. Т. 23, № 2. С. 116–125. DOI: [10.24147/1812-3988.2025.23\(2\).116-125](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23(2).116-125). EDN [MFSCXJ](https://www.edn.ru/MFSCXJ).
5. Безвербный, В. А. Демографическое развитие российских городов по данным переписей населения 1897–2020 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 131–152. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.9). EDN [LZMIAK](https://www.edn.ru/LZMIAK).
6. Ипполитова, Н. А. Динамика численности населения малых городов Сибири в постсоветский период / Н. А. Ипполитова, Д. С. Архипова // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 3. С. 138–148. EDN [XQPODW](https://www.edn.ru/XQPODW).
7. Фаузер, В. В. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 2. С. 552–569. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-2-14](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14). EDN [PKCYLK](https://www.edn.ru/PKCYLK).
8. Бахтина, Е. А. Демографическое и миграционное развитие малых городов российского Севера (на примере ХМАО-Югры) / Е. А. Бахтина, О. В. Гокова // Молодежь третьего тысячелетия: Сборник научных статей XLV региональной студенческой научно-практической конференции, Омск, 05–25 апреля 2021 г. / Отв. редактор П. В. Прудников. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 682–686. EDN [YBLMVH](https://www.edn.ru/YBLMVH).
9. Недосека, Е. В. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения / Е. В. Недосека, Е. Н. Шарова, Д. М. Шорохов // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 169–189. DOI [10.37482/issn2221-2698.2024.54.169](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169). EDN [CIVGUP](https://www.edn.ru/CIVGUP).

10. Карачурина, Л. Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 23–36. EDN [RNFLIZ](#).
11. Короленко, А. В. Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 1. С. 47–75. DOI [10.15838/ptd.2023.1.123.4](#). EDN [WKKITH](#).
12. Растворцева, С. Н. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов / С. Н. Растворцева, И. В. Манаева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 110–127. DOI [10.15838/esc.2022.1.79.6](#). EDN [MXYFDA](#).
13. Ускова, Т. В. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов / Т. В. Ускова, И. А. Секушина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 1. С. 56–70. DOI [10.15838/esc.2021.1.73.5](#). EDN [LLVQEK](#).
14. Симагин, Ю. А. Демографические проблемы малых городов России // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 18–19 декабря 2019 г. / Отв. ред. В. И. Герасимов. Выпуск 15. Часть 1. Москва : ИНИОН РАН, 2020. С. 764–768. EDN [HLLQRL](#).
15. Анохин, А. А. Современные тенденции динамики численности населения городов России / А. А. Анохин, Д. В. Житин, А. И. Краснов, С. С. Лачининский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2014. № 4. С. 167–179. EDN [SXTVSE](#).
16. Симагин, Ю. А. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России / Ю. А. Симагин, В. В. Пациорковский, Д. Д. Муртузалиева // Народонаселение. 2018. № 4. С. 36–49. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-4-04](#). EDN [YVSQBV](#).
17. Калабихина, И. Е. Динамика численности населения муниципальных образований Центральной России / И. Е. Калабихина, Д. Н. Мокренский // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2017. № 6. С. 97–124. DOI [10.38050/01300105201766](#). EDN [YMOWHK](#).
18. Микрюков, Н. Ю. Рождаемость в регионах России: пространственные закономерности на муниципальном уровне / Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 102–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](#). EDN [JMOJNG](#).
19. Абылкаликов, С. И. Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ / С. И. Абылкаликов, Г. Р. Баймурзина // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 34–52. DOI [10.25178/nit.2022.2.3](#). EDN [YSBCTF](#).
20. Бутенко, Н. А. Анализ влияния социально-экономических условий на демографические процессы в городе Сургуте // Дискуссия. 2018. № 3 (88). С. 20–26. EDN [OZSQJR](#).
21. Касьянов, В. В. Компаративный анализ потенциала миграционно-демографических процессов городов Краснодар и Ростов-на-Дону в начале XXI века / В. В. Касьянов, М. Ю. Попов, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 35–39. DOI [10.23672/SAE.2018.2.11476](#). EDN [VZZTOP](#).

Сведения об авторе

Мусин Эльдар Рафаэлевич, младший научный сотрудник, Центр исследований социальной политики, ВНИИ труда Минтруда России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: emusin@vcot.info; ORCID ID: [0009-0005-9251-5566](#); РИНЦ SPIN-код: [7627-0239](#).

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; принята в печать 20.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES WITH A POPULATION OF OVER 100 THOUSAND IN 2014–2024

Eldar R. Musin

All-Russian Research Institute of Labor, Ministry of Labor of Russia, Moscow, Russia

E-mail: emusin@vcot.info

For citation: Musin, E. R. Demographic Development of Russian Cities with a Population of over 100 thousand in 2014–2024. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 146–164. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.9). (In Russ.)

Abstract. This paper examines changes in population in cities with a population over 100 thousand for the period 2014–2024, including large, major and largest cities, with the aim to identify cities with the best demographic situation. The research is based on the data from the federal state statistics service, specifically the bulletin “Population of the Russian federation by municipality” and the database of municipality indicators. Based on this analysis, 32 cities with population over 100k that showed positive population growth and natural increase were identified. The article also examines birth and death rates as well as population structure in these cities in comparison to the regions they belong to. It was discovered that demographic indicators in these cities are generally more favorable than in the regions. The crude birthrate in these cities was higher than the regional average in 21 cities, while the crude mortality rate was lower in 28 cities. The analysis identified uneven demographic trends in large, mid-sized and largest cities as well as cities with the highest demographic potential. These findings can be used for updating regional programs aimed at increasing birth rates and municipal development, as well as developing demographic policies at the local level.

Keywords: demography, population dynamics, cities with population over 100,000, natural population increase, population structure

References

1. Sokolov, A. A., Rudneva, O. S. The Zoning of the Russian Territory Based on Regional Characteristics of Changes in Urban Population between 1989 and 2020 is Presented. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*. 2024. Vol. 48. Pp. 110–120. DOI: [10.26516/2073-3402.2024.48.110](https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.48.110). (In Russ.).
2. Usanova, Ya. A. Demografiya, migratsii, ekonomicheskii rost: krupneishie rossiiskie goroda v XXI v. [Demography, migration, economic growth: the largest Russian cities in the 21st century]. *International demographic forum “Demography and global challenges”: Forum materials, Voronezh, September 30 – October 2, 2021. Voronezh : Tsifrovaya poligrafiya Publ.*, 2021. Pp. 1076–1081. (In Russ.).
3. Zubarevich, N. V. Russia’s Agglomerations Development: Trends, Resources and Governing. *Social Sciences and Contemporary World*. 2017. No. 6. Pp. 5–21. (In Russ.).
4. Tsy-pin, A. P. Demography of Russian Cities in 1970–2023. *Herald of Omsk University. Series “Economics”*. 2025. Vol. 23, No. 2. Pp. 116–125. DOI [10.24147/1812-3988.2025.23\(2\).116-125](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23(2).116-125). (In Russ.).
5. Bezverbny, V. A. Demographic Development of Russian Cities According to Population Censuses of 1897–2020. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 131–152. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.9). (In Russ.).
6. Ippolitova, N. A., Arkhipova, D. S. Dynamics of the Population of Small Towns in Siberia in the Post-Soviet Period. *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*. 2022. Vol. 8, No 3. Pp. 138–148. (In Russ.).
7. Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Fauzer, G. N. Demographic Assessment of the Sustainability of Small and Medium-sized Cities in the Russian North. *Economy of Region*. 2021. Vol.17, No. 2. Pp. 552–569. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-2-14](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14). (In Russ.).
8. Bakhtina, E. A., Gokova, O. V. Demographic and Migration Development of Small Towns in the Russian North (Case Study of HMAO-Yugra). *Molodezh’ tret’ego tysyacheletiya [Youth of the Third Millennium]* : Proceedings of the XLV Regional Student Scientific and Practical Conference, Omsk, April 5–25, 2021 / Editor-in-Chief P. V. Prudnikov. Omsk : F. M. Dostoevsky Omsk State University Publ., 2021. Pp. 682–686. (In Russ.).

9. Nedoseka, E. V., Sharova, E. N., Shorokhov, D. M. Shrinking Cities of the Russian Arctic: Statistical Trends and Public Discourse on the Causes of Population Outflow. *Arctic and North*. 2024. No. 54. Pp. 169–189. DOI [10.37482/issn2221-2698.2024.54.169](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169). (In Russ.).
10. Karachurina, L. B. Demographic Transformation of Post-Soviet Cities of Russia. *Regional Research*. 2013. No 3. Pp. 23–36. (In Russ.).
11. Korolenko, A. V. Spatial Transformations of Russia's Territories: Trends and Regional Differences in Resettlement. *Problems of Territory's Development*. 2023. Vol. 27, No 1. Pp. 47–75. DOI [10.15838/ptd.2023.1.123.4](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.1.123.4). (In Russ.).
12. Rastvortseva, S. N., Manaeva, I. V. Modern Development of Small and Medium-Sized Cities: Trends and Drivers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. Vol. 15, No. 1. Pp. 110–127. DOI [10.15838/esc.2022.1.79.6](https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.6) (In Russ.).
13. Uskova, T. V., Sekushina, I. A. Strategic Priorities of Small and Medium Towns' Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021, Vol. 14, No. 1. Pp. 56–70. DOI [10.15838/esc.2021.1.73.5](https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.5). (In Russ.).
14. Simagin, Yu. A. Demograficheskiye problemy malykh gorodov Rossii [Demographic problems of small towns in Russia]. In: *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: development trends and prospects]* : Yearbook. Proceedings of the XIX National Scientific Conference with international participation, Moscow, December 18–19, 2019 / Ed. V. I. Gerasimov. Issue 15. Part 1. Moscow : INION RAS Publ., 2020. Pp. 764–768. (In Russ.).
15. Anokhin, A. A., Zhitin, D. V., Krasnov, A. I., Lachininsky, S. S. Modern Trends in Population Quantity Dynamics of Cities in Russia. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 7. Geology, Geography*. 2014. No. 4. Pp. 167–179. (In Russ.).
16. Simagin, Yu. A., Patsiorkovsky, V. V., Murtuzalieva, D. D. Differentiation of Natural Population Growth in Russian Municipalities. *Population*. 2018. Vol. 21, No. 4. Pp. 36–49. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-4-04](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-04). (In Russ.).
17. Kalabikhina, I. E., Mokrensky, D. N. Population Dynamics of Municipalities in Central Russia. *Moscow University Economics Bulletin*. 2017. No. 6. Pp. 97–124. DOI [10.38050/01300105201766](https://doi.org/10.38050/01300105201766). (In Russ.).
18. Mikryukov, N. Yu., Miryazov, T. R., Lukashenko, E. A. Birth Rate in Russian Regions: Spatial Patterns at the Municipal Level. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 102–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.6). (In Russ.).
19. Abylkalikov, S. I., Baimurzina, G. R. Demographic Processes in the Towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A Comparative Study. *New Research of Tuva*. 2022, No. 2. Pp. 34–52. DOI [10.25178/nit.2022.2.3](https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3). (In Russ.).
20. Butenko, N. A. Analysis of Social and Cultural Conditions Influence on Demographic Processes in Surgut. *Discussion*. 2018. No. 88. Pp. 20–26. (In Russ.).
21. Kasyanov, V. V., Popov, M. Yu., Samygin, S. I. Comparative Analysis of the Potential of Migration and Demographic Processes of the Cities of Krasnodar and Rostov-on-Don at the Beginning of the 21st Century. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*. 2018. No. 2. Pp. 35–39. DOI [10.23672/SAE.2018.2.11476](https://doi.org/10.23672/SAE.2018.2.11476) (In Russ.).

Bio note

Eldar R. Musin, Junior Researcher, Center for Social Policy, All-Russian Research Institute of Labor, Ministry of Labor of Russia, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: emusin@vcot.info; ORCID ID: [0009-0005-9251-5566](https://orcid.org/0009-0005-9251-5566); RSCI SPIN code: [7627-0239](https://www.rsci.spin-code.ru/7627-0239).

Received on 14.08.2025; accepted for publication on 20.10.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.10)EDN [TTAEUO](https://edn.ttaeuo.ru)

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ И НЕРЕЛИГИОЗНЫХ МОСКВИЧЕЙ

Кублицкая Е. А.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: eakubl@yandex.ru

Для цитирования: Кублицкая, Е. А. Эмиграционные настроения религиозных и нерелигиозных москвичей // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 165–187. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.10). EDN [TTAEUO](https://edn.ttaeuo.ru).

Аннотация. Для понимания целостной картины демографических процессов современного российского общества и корректных научных прогнозов в области демографии и миграции следует учитывать воздействие комплекса факторов и, в частности, религиозных и этноконфессиональных аспектов. Цель настоящего исследования – выявление и анализ возможного воздействия религиозного фактора на эмиграционные настроения российских граждан. Эмпирическую базу составили исследования ИДИ ФНИСЦ РАН (2022, 2024 гг.) среди населения Москвы и студенческой молодежи. Фокус анализа был сосредоточен на изучении соотношения религиозного и нерелигиозного мировоззрений респондентов с различным уровнем эмигрантских ориентаций. Поставленная цель решалась при помощи методологии, основанной на конструировании двух типологий: по мировоззренческому («религиозные»/ «нерелигиозные») и миграционному («соседные»/ «внутренние мигранты»/ «прожективные эмигранты») признакам. Социологический поиск строился на сравнительном анализе оценок и позиций представителей этих групп по отношению к социально-политическим, социально-экономическим, социокультурным и этноконфессиональным процессам. Аналитические выкладки свидетельствуют о том, что факторы религиозности и секуляризации респондентов имеют важное значение при анализе изучаемых характеристик типологических групп. Так, религиозные представления и напрямую связанные с ними традиции и духовно-нравственные ценности часто совпадают в группах «религиозных» и «соседных», выявляя их структурное сходство. В то же время контрольная группа «нерелигиозных» статистически значимо совпадает с группой потенциальных эмигрантов. Социально-политические, социально-экономические позиции и ценностные ориентации «религиозных» и «соседных» групп демонстрируют достаточно высокую положительную оценку государственной политики и деятельности религиозных организаций, проявляют гражданскую позицию и оптимизм в отношении прогнозов по объединению народов вокруг российского государства и возрождения высокого международного статуса России. В иерархии идей и ценностей, способствующих достижению национального консенсуса, на первый план выходят «патриотизм», «национальная гордость», «социальная справедливость», «национальная безопасность». Группы «нерелигиозных» и «прожективных эмигрантов» имеют схожие социальные позиции и ценности. Они более обеспокоены социально-экономическими и политическими проблемами. В значительно меньшей степени гордятся своей принадлежностью к российскому обществу, скептически относятся к идее объединения народов вокруг России, считая необходимой радикальную трансформацию политической системы. Ключевые ценности: «свобода и права человека», «социальная справедливость», творческая деятельность. Идеологические и патриотические ценности не занимают центрального места в их системе приоритетов. Делается вывод о том, что религиозное мировоззрение респондента, основанное на традиционных духовно-нравственных ценностях, выступает значимым элементом социальной стабильности, снижающим вероятность формирования эмиграционных настроений, в то время как секулярные мировоззренческие позиции стимулируют с большей интенсивностью потенциальную эмиграцию.

Ключевые слова: социально-политические процессы, социокультурные процессы, миграционные процессы, эмиграция, секуляризация, религиозность, духовно-нравственные ценности, население, молодежь, студенчество

Введение

Актуальность исследования эмиграционных настроений в современной России обусловлена необходимостью комплексного анализа факторов, влияющих на демографические процессы. В то время как социально-экономические

и политические детерминанты эмиграции достаточно изучены, роль ценностно-мировоззренческих факторов, а именно религиозности и секуляризации, остается недостаточно исследованной. Восполнение этой лакуны представляет собой актуальную научную проблему, решение которой позволяет перейти от одномерных объяснительных моделей к целостному пониманию мотивации «оседлости» или эмиграции.

Тематика публикаций, посвященных эмиграции из Российской Федерации, рассматривает этот процесс как фактор, представляющий угрозу демографической и социально-экономической стабильности государства [1, с. 59–72]. Научный дискурс охватывает широкий спектр вопросов социально-экономического и социально-политического характера: анализ современных форм временной миграции и статистические данные о трудовой миграции [2, с. 81–93]; исследование тенденций и масштабов эмиграции за последние три десятилетия [3, с. 44–53]; характеристика эмиграционных процессов на рубеже XX–XXI веков с выделением пяти основных волн [4, с. 100–111]; выявление новых закономерностей и тенденций эмиграции [5, с. 499–509]; сравнительный анализ эмиграционных потоков в США и Канаду [6, с. 83–96]; влияние эмиграции на русскоязычные диаспоры в США, Таиланде, Австралии и странах Европы [7, с. 122–136]; исследование масштабов, динамики и особенностей эмиграционных процессов в постсоветский период [8, с. 1298–1311]; анализ взаимосвязи эмиграции с процессами вывоза капитала и утратой экономических ресурсов [1, с. 59–72]; тенденции эмиграции российской молодежи и изучение каналов ее выезда в период с 1990 по 2017 гг. [9, с. 75–84]; эмоционально-психологические аспекты движущих сил эмиграционной активности молодежи [10]. По некоторым оценкам, последняя волна миграции мобильного населения, вызванная реакцией на специальную военную операцию, достигла масштабов, сопоставимых с периодом кризиса 1990-х гг. [11, с. 58–64]. Можно согласиться с демографами, которые придерживаются мнения о том, что эмиграция – процесс добровольного или вынужденного перемещения граждан из своей страны на постоянное место жительства в другое государство. В то же время, как справедливо отмечает Т. В. Черевичко, миграция сопряжена с перемещением не просто «человеческих ресурсов», но и «информационно-интеллектуального», а, следовательно, и мировоззренческого потенциала [12]. Этот аспект остается периферийным в научной литературе: мотивы «оседлости» или эмиграции редко анализируются через призму социокультурных установок, связанных с этноконфессиональными традициями и системой ценностей. Между тем, значение ценностно-мировоззренческих факторов, в частности религиозности, для консолидации общества остается в фокусе публичного дискурса. Уже более двух десятилетий назад глава Российской Федерации В. В. Путин акцентировал внимание на духовно-нравственных ценностях и культурных традициях как на ключевых элементах консолидации общества: «Убежден, что развитие общества немыслимо без согласия по общим целям. И эти цели не только материальны. Не менее важны духовные и нравственные цели. Единство России укрепляет присущий нашему народу патриотизм, культурные

традиции, общая историческая память».¹ Традиционные религиозные системы представляют собой значимый элемент мировой и национальной культурной идентичности, выступая в роли консолидирующего фактора. Несмотря на то, что роль религиозных институтов не рассматривается как определяющая, тем не менее, их доктринальные положения и вероучения содержат универсальные нравственные принципы, трактуемые как «золотое правило» в религиозной литературе. Православные социальные институты (РПЦ), как показывают мониторинговые исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН, продолжают играть важную роль в духовно-нравственной, образовательной и просветительской сферах общественной жизни. Социологические исследования, проведенные в начале XXI века, фиксируют падение доверия к религиозным институтам среди населения Российской Федерации. Уровень традиционной религиозности снижается, особенно среди представителей молодого поколения. Процесс религиозной социализации в современном обществе характеризуется двойственностью. С одной стороны, определенные ценности, заложенные религиозными институтами, продолжают служить нравственными ориентирами для части молодежи. С другой стороны, молодое поколение активно ищет альтернативные ориентиры, пытаясь понять перипетии этноконфессионального взаимодействия, нюансы взаимоотношений традиционных религий, общества и государства, формируя собственные мировоззренческие позиции. В рамках этого процесса наблюдается интерес к нетрадиционным религиям, оккультизму, неоязыческим и мистическим течениям [13].

Таким образом, в существующих исследованиях в социологии эмиграции подробно проанализировано влияние таких факторов, как уровень дохода, карьерные перспективы и политическая стабильность, а в социологии религии накоплен значительный материал о связи религиозности с социально-политическими установками и гражданской идентичностью. Однако область пересечения этих дискурсов – изучение связей между религиозным фактором и эмиграционными установками – исследована фрагментарно.

Итак, налицо исследовательский пробел: недостаточная изученность связи между религиозным/атеистическим мировоззрением и эмиграционными настроениями. Поэтому вполне закономерно определена цель настоящего исследования – выявление и анализ возможного воздействия религиозного фактора на эмиграционные настроения в российском обществе.

Эмпирической базой работы послужили данные исследований, проведенных ИДИ ФНИСЦ РАН в 2022 и 2024 гг. Методология исследования строилась на принципах сравнительного анализа и типологизации, что позволило выявить структурные связи между мировоззренческими и миграционными характеристиками типологических групп.

Научная новизна исследования заключается в эмпирической верификации гипотезы о том, что ценности, ассоциированные с традиционной религиозностью, могут выступать фактором, снижающим эмиграционные интенции, в то время как

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. «Какую Россию мы строим» (г. Москва) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/1583595/> (дата обращения: 26.05.2025).

секулярное мировоззрение коррелирует с большей открытостью к потенциальной эмиграции.

Методология, методы и эмпирическая база

Эмпирической базой для анализа служат исследования, проведенные Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2022 и 2024 гг. в городе Москве. В 2022 г. объектом исследования выступили студенты, а в 2024 г. – жители мегаполиса. Опросы осуществлялись на репрезентативной выборке, учитывающей гендерные и возрастные характеристики респондентов. Объем выборочной совокупности: в 2022 г. N = 310 ед.; в 2024 г. N = 551 ед.

Система показателей, включающая религиозные, национальные, миграционные и социально-политические индикаторы, оставалась практически неизменной в методике, что обеспечивало возможность объективного сравнения социальных ориентаций и мировоззренческих установок населения и молодежи посредством мониторинга.

Москва была выбрана в качестве объекта социологического анализа ввиду ее значимости как центра активных миграционных, экономических, политических и социокультурных процессов. Данный мегаполис представляет собой культурно-образовательный и научный центр с развитой инфраструктурой. В Москве гармонично сочетаются сохранение русских и православных традиций с многонациональной и поликонфессиональной средой. Столица Российской Федерации привлекает мигрантов из стран Содружества Независимых Государств, предоставляя им широкие возможности для реализации трудового и экономического потенциала. Миграционные процессы в Москве характеризуются разнообразием форм, включая миграцию, возвратную миграцию и эмиграцию.

Проведенные социологические исследования основываются на методологических принципах для верификации гипотезы о возможном воздействии религиозных и нерелигиозных мировоззренческих установок на эмиграционные ориентации населения и молодого поколения москвичей.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- построить и сопоставить две типологии респондентов: по религиозному признаку («религиозные»/ «нерелигиозные») и по миграционным установкам («оседлые»/ «внутренние мигранты»/ «прожективные эмигранты»);
- выявить и сравнить социально-политические, социально-экономические, социокультурные и ценностные позиции, характерные для каждой из выделенных групп;
- проанализировать статистическую значимость выявленных различий и определить, позволяет ли эмпирический материал рассматривать религиозность как фактор, снижающий эмиграционные интенции.

Результаты социологических исследований, определяющих уровень и степень распространения религиозности и атеистичности, базируются на методологических и методических принципах, признанных в научном сообществе российскими

социологами и религиоведами. В рамках социологии религии продолжаются научные дискуссии по данной проблематике [14–39]²:

– главные критерии религиозного сознания: вера в Бога и сверхъестественные силы, разделение на религиозное и нерелигиозное – основаны на наличии или отсутствии этой веры;

– при измерении уровня религиозности или уровня атеистичности применяются показатели веры и неверия в существование высшей сущности, религиозной и нерелигиозной самоидентификаций, конфессиональной самоидентификации и др.³ Д. М. Угринович определял уровень религиозности как «...выделение религиозных людей из общего числа членов группы и определения их процентного отношения ко всей группе» [38];

– степень религиозности измерялась с использованием индикаторов и показателей, определяющих как религиозное сознание, так и культовое поведение согласно определению И. Н. Яблокова, степень религиозности – это определенный уровень интенсивности религиозных свойств (признаков) индивида и группы [39].

В рамках исследования, проведенного в 2022 г. среди студентов Российской Федерации, была построена *типология I*, направленная на измерение только уровней религиозности и атеистичности. Выделенные группы – верующие, колеблющиеся, неверующие и атеисты⁴ – классифицировались в дихотомическую оппозиционную пару «религиозные» и «нерелигиозные»⁵. Полученные данные позволяли проанализировать воздействие религиозности и атеистичности на направленность социально-политических, социально-экономических, социокультурных, национальных позиций и миграционных ориентаций студенческой молодежи [36].

Типология II позволила классифицировать респондентов по их отношению к эмиграции, выделив три основные группы: «оседлые», «региональные мигранты» и «прожективные эмигранты». В основу данной классификации были положены следующие критерии:

- фактическое место жительства;
- коренной – некоренной житель региона;
- факт получения образования в стране происхождения;
- наличие планов переезда (временных или постоянных);
- направление переезда (в пределах Российской Федерации или за рубеж);
- мотивы, побудившие к переезду [36].

В рамках второй типологии, как и в первой, для определения наиболее ярких мнений и оценок респондентов были использованы две крайние группы: «оседлые» и «прожективные эмигранты», которые представляют собой противоположные точки зрения.

² Конкретно-социологический анализ религиозности предполагает выяснение критериев религиозности, т. е. таких показателей, в которых фиксируется религиозность индивидов, позволяющих отделять верующих от неверующих, а также устанавливать степень и уровень религиозности.

³ Принадлежность к определенной конфессии определялась с помощью индикатора по номинальной шкале, которая отражала конфессию, доминирующую в изучаемых регионах России.

⁴ Типологическая группа «неверующие» определялась только через показатели нерелигиозного сознания; группа «атеисты» определялась через показатели нерелигиозного сознания и поведения.

⁵ Оппозиционные пары: *религиозные* – (группа «верующие»); *нерелигиозные* – (группы «неверующие» + «атеисты»).

Научные результаты

Предложенный ракурс выявления проблем, с учетом вышеизложенного, рассматривался на фоне общих характеристик и динамики секуляризационного процесса⁶ в столичном мегаполисе. Как неоднократно отмечалось религиоведами, в современном российском обществе мировые религии продолжают играть роль духовно-нравственного ориентира и хранительницы национальных традиций и обычаев, не только для старшего поколения, но и молодежи.

Социологический мониторинг направленности процессов секуляризации москвичей проводится учеными ИСПИ и ИДИ ФНИСЦ РАН почти 30 лет⁷. Эмпирические данные фиксируют понижение уровня религиозности москвичей с 2015 г. и рост нерелигиозного населения. К 2024 г. уровень религиозности и атеистичности населения почти совпал с показателями тридцатилетней давности: 50% в 1996 г. и 46% в 2024 г. В целом нерелигиозные москвичи составляют около трети опрошенных: 28% в 1996 г. и 28% в 2024 г. Следует отметить, что пополнение нерелигиозного населения растет за счет группы «атеистов».

Процессы секуляризации молодежных групп развиваются в одном направлении: за последние 10–15 лет уровень религиозности упал настолько, насколько процентов вырос уровень нерелигиозности. В 2024 г. религиозная молодежь составила 38% и 38% – нерелигиозная (9% группа «неверующих», 29% группа «атеистов»)

По результатам исследований, проведенных среди студентов Москвы, с учетом образовательного ценза, выяснилось, что они более секуляризированы по сравнению с молодежью в целом. Около трети студентов оказались верующими – 27%, 23% – «колеблющимися», 43% – нерелигиозными (16% – группа «неверующих» и 27% – группа «атеистов»).

Таким образом, можно фиксировать, что в московском мегаполисе восстанавливается процесс секуляризации не только среди молодежи, но и среди всего населения.

Уровень религиозности среди респондентов, идентифицирующих себя как «оседлые», значительно превышает аналогичный показатель среди тех, кто относится к категории «проективные эмигранты». Различие составляет 25–27 (соответственно среди студентов⁸ и населения Москвы) (табл. 1).

⁶ Мы придерживаемся точки зрения известных религиоведов, что секуляризация – это процесс, в результате которого религиозное мышление, практики и институты постепенно теряют свое социальное влияние. Речь идет об ослаблении влияния религии и церкви (как религиозного института) практически на все области жизни общества, на сознание, поведение, быт и стиль жизни социальных групп и отдельных индивидов.

⁷ Система показателей и эмпирических индикаторов религиозности и атеистичности за этот период времени не изменялась, что дало возможность фиксировать характеристики религиозности и атеистичности респондентов в сравнительной перспективе. Анализ «воцерковленности» и степени религиозности населения и социальной группы молодежи не входят в конкретный социологический поиск.

⁸ Для социологического анализа выделена социальная группа студенчества как наиболее подверженная эмигрантским настроениям: 17% опрошенного населения, 44% московской молодежи. Более 55% респондентов из числа студенчества Москвы желают переехать в другую страну, в том числе на постоянное местожительство 45%.

Таблица 1

**Уровни религиозности и атеистичности среди всего населения и студенчества
Москвы в группах «оседлые»/ «проективные эмигранты» в 2022, 2024 гг.
(% от числа опрошенных в группах)**

Table 1

**Levels of religiosity and atheism among Moscow's total population and students
in the groups "settled"/ "projective emigrants" in 2022, 2024
(% of respondents in the groups)**

Отношение к религии и атеизму	Типологические группы	Москвичи			
		Все население, 2024 г.		Студенчество, 2022 г.	
		Оседлые	Проективные эмигранты	Оседлые	Проективные эмигранты
Религиозные население и молодежь	Верующие	43	28	28	16
«Неопределившиеся»	Колеблющиеся между верой и неверием	28	13	29	11
Нерелигиозные население и молодежь	Неверующие	14	7	11	32
	Атеисты	5	39	25	29
	Неверующие + атеисты	19	46	36	61

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Результаты анализа конфессиональной самоидентификации демонстрируют логическую корреляцию среди миграционных групп. Так, среди православных студентов, проживающих в Москве, доля «оседлых» составляет 64%, а «эмигрантов» – 42%. В общей выборке православного населения Москвы процент «оседлых» достигает 85%, а «эмигрантов» – 56%.

Результаты социологических исследований подтверждают гипотезу автора о том, что конфессиональная идентичность доминирует над религиозной. Конфессиональная самоидентификация включает в себя несколько маркеров: религиозный, национальный, культурологический, территориальный. Поэтому замерять уровень религиозности, используя данный показатель, нецелесообразно, так как завышается уровень и степень религиозности населения, а, следовательно, и направленность секуляризационного процесса [13; 15]. И все же возможно использовать показатель «конфессиональная самоидентификация» для подтверждения указанных закономерностей. Стало быть, эмпирические показатели религиозной и конфессиональной самоидентификации свидетельствуют: группа «оседлых» в значительной степени более подвержена религиозным взглядам по сравнению с группой потенциальных «эмигрантов».

Отношение типологических групп к этноконфессиональным, социально-политическим, социокультурным процессам и ценностным ориентациям [28, с. 30]

Следует, прежде всего, учитывать социально-экономические и социально-политические факторы мотивации переезда из России в другие страны. Наиболее популярную позицию на основании эмпирических данных в рейтинге переезда занимает политический мотив: 51% опрошенного населения и 61% из группы студентов. Вне всяких сомнений, что на первом плане у молодежи – всегда любопытство

и интерес к новой и разрекламированной в СМИ обеспеченной жизни за рубежом. В частности, 65% из них стремятся к путешествиям. «Прожективные эмигранты» в обеих группах указывают на необходимость повышения заработка и улучшение жилищных условий. Безусловно, молодое поколение стремится получить более профессиональное образование (34%), а отсутствие карьерного роста вынуждает значительную часть студенчества (40% из них) рассчитывать на возможности реализовать свои потенциальные профессиональные навыки в более «заманчивых» и перспективных с их точки зрения странах. Полученные эмпирические данные этой социальной группы соотносятся с выводами сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН о приоритетных мотивах эмиграции российской молодежи (возможность трудоустройства и получение образования). Причины национального и религиозного характера в рейтинге переезда стоят на последних местах (табл. 2).

Таблица 2

Мотивация переезда из России в другие страны «прожективных эмигрантов» из Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах)

Table 2

Motivation for moving from Russia to other countries of “prospective emigrants” from Moscow in 2022, 2024 (% of respondents in groups)

Причины эмиграции	Москвичи	
	Все население, 2024 г.	Студенчество, 2022 г.
	Прожективные эмигранты	Прожективные эмигранты
Найти работу по специальности	23	13
Повысить уровень заработной платы	30	55
Отсутствие карьерного роста	7	40
Получать более качественные медицинские услуги	0	24
Получать более профессиональное образование	16	34
Улучшить жилищные условия	26	24
Недостаточные возможности социокультурного развития и досуга	35	3
Возможность путешествовать	-	65
Семейные обстоятельства	26	18
Политические причины	51	61
Религиозные причины	0	5
Причины национального характера	9	13
Из-за плохой экологической обстановки в Москве	0	18

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

В сводной таблице 3 представлен сравнительный анализ оценочных суждений и ориентаций населения и студентов Москвы, относящихся к типологиям I и II по ключевым индикаторам (приложение).

1. Оценка религиозных и национальных тезисов (приложение, табл. 1, пп. 1, 2, 3)

В оценке деятельности Русской православной церкви (РПЦ) нерелигиозные респонденты и прожективные «эмигранты» проявляют более критическое восприятие, акцентируя внимание на деятельность церкви, связанной с политикой государства в различных сферах. В то же время все интервьюируемые отмечают высокий уровень клерикальной активности церкви, вне зависимости от их мировоззренческой принадлежности (по отношению к религии и атеизму) и миграционного статуса (рис. 1).

Продолжает фиксироваться сходство оценок религиозных и национальных проблем в парах «религиозные» – «оседлые» и «нерелигиозные» – «эмигранты». Так, «религиозные» и «оседлые» группы демонстрируют менее критические оценки тезиса, что «некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни» по сравнению с оппозиционными парами или «в нашем государстве идет ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей». Данные эмпирические показатели демонстрируют характер межнационального взаимодействия в столице: уровень напряженности в этой сфере, негативное отношение к некоторым национальностям, включенность в конфликтах на стороне своей этнической группы и т. д.

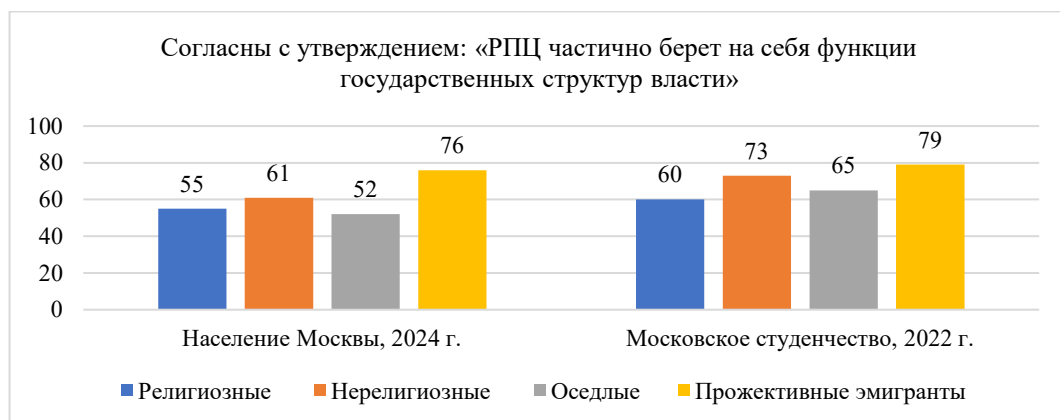

Рис. 1. Отношение к деятельности РПЦ среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Fig. 1. Attitudes to the activities of the Russian Orthodox Church among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

2. Оценка социально-экономических тезисов (приложение, табл. 1, пп. 4, 5, 6)

В рамках анализа социально-экономической ситуации были определены ключевые индикаторы, оказывающие влияние на геополитическую нестабильность. Проведенное сравнительное исследование типологических групп выявило самый высокий показатель нестабильности в экономической сфере среди населения и студентов, идентифицирующих себя как «нерелигиозные» и «эмигранты»: от 60 до 70% из них отмечали тезис «неопределенность жизненных перспектив» (рис.2).

Вопросы, связанные с проявлениями произвола и бюрократическими барьерами в деятельности государственного аппарата, вызывают обеспокоенность у представителей всех типологических групп. Однако наибольшую степень неудовлетворенности демонстрируют опять же представители «нерелигиозных» и «эмигрантов», по сравнению с оппозиционными группами. При более внимательном анализе опять выделяются группы «прожективных эмигрантов» среди населения и студентов, которые даже в сравнении с «нерелигиозными» проявляет более

критичное отношение к экономическим проблемам в России (54% и 53% соответственно) (рис. 3).

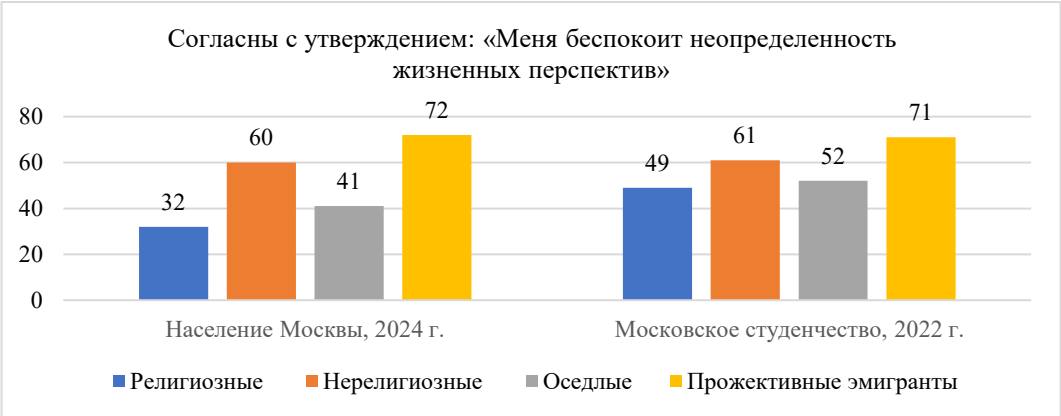

Рис. 2. Отношение к жизненным перспективам среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)
Fig. 2. Attitudes towards life prospects among Moscow’s population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups “religious”/ “non-religious” and “settled”/ “projective emigrants”)

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

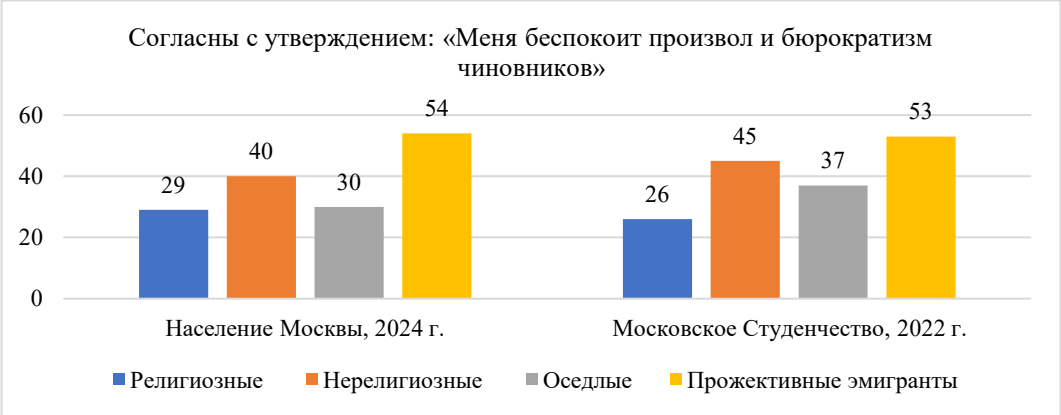

Рис. 3. Отношение к деятельности чиновников среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)
Fig. 3. Attitudes to the activities of officials among Moscow’s population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups “religious”/ “non-religious” and “settled”/ “projective emigrants”)

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

3. Оценка социально-политических тезисов (приложение, табл. 1, пп. 7–12)

Политическая мотивация стала значимым фактором, влияющим на процесс эмиграции в 2022 и 2024 гг. До 74% потенциальных эмигрантов в обеих группах

обеспокоены проведением специальной военной операции на территории Украины (рис. 4) и усилением международной напряженности (от 60 до 82%). В группах «религиозных» и «оседлых» проблемы международной напряженности затрагивают чуть меньше: от 45 до 54% респондентов.

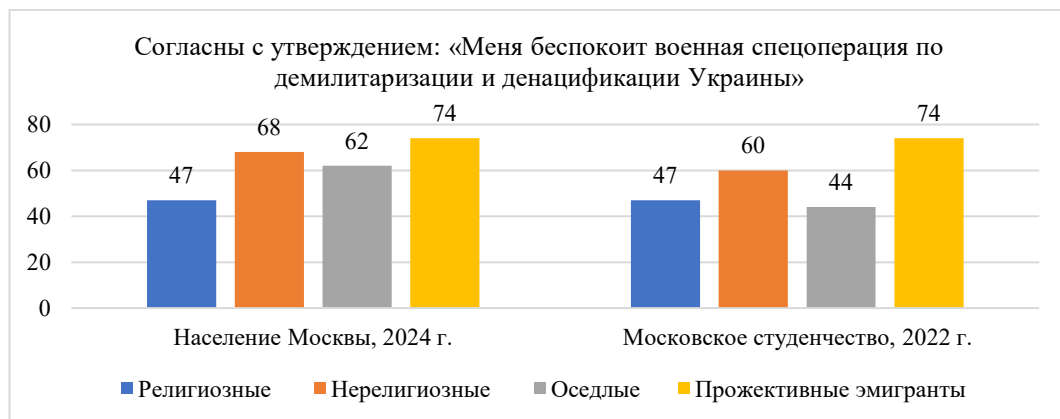

Рис. 4. Отношение к СВО среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Fig. 4. Attitudes towards the Special Military Operation among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Критический настрой по отношению к социально-политическим реформам и политической системе также наиболее ярко выражен среди населения в группах «нерелигиозных» (43%) и «прожективных эмигрантов» (61%). Они согласились с предложенным тезисом о «необходимости радикального реформирования существующей политической системы». Среди «религиозного» населения доля, поддерживающих радикальные изменения, составляет 15%, а среди «оседлых» еще меньше – 5%⁹.

В оценке уровня гражданской идентичности «Я горжусь, что я гражданин России» выделяются патриотической настроенностью, как и ожидалось, представители «религиозных» (62%) и «оседлых» групп студенчества (72%). В то же время среди «нерелигиозных» данный показатель составляет 45%, а среди «эмигрантов» – 26%¹⁰.

В отношении возможности объединения народов вокруг России совпадение тенденций в указанных группах в целом сохраняется. «Нерелигиозные» и «прожективные эмигранты» с неопределенными планами на будущее демонстрируют высокий уровень пессимизма по поводу «возрождения» государства. Наиболее оптимистично настроены «религиозные» и «оседлые» группы. Показательно, что

⁹ Данный показатель не использовался в 2022 г. при опросе студенческих групп в Москве, Республике Тыва и Белгородской области РФ.

¹⁰ Данный показатель не использовался в 2024 г. при опросе населения Москвы.

население Москвы в группах «религиозных» и «оседлых» значительно оптимистичнее смотрит в будущее в сравнении с подобными группами студенчества (рис. 5).

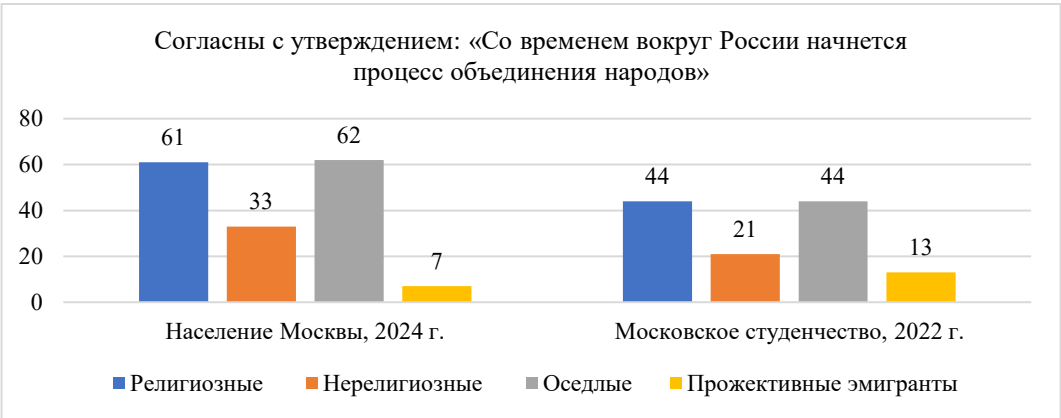

Рис. 5. Позиции в отношении объединительной идеи среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Fig. 5. Positions on the unifying idea among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

4. Оценка социально-политических и социокультурных ценностей (приложение, табл. 1, пп. 13–20)

В социологических исследованиях 2022 и 2024 гг. частично была использована шкала Ш. Шварца, характеризующая личные и коллективные ценности (очень важные – важные – неважные), определяющие поведенческие установки личности. В инструментарии предлагалось двадцать ценностных позиций.

Такие ценности как «патриотизм» (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) [40; 41], «национальная безопасность», «счастье и благополучие других» (близких, друзей, народа, человечества в целом), «семья и воспитание детей» как очень важные ценности в жизнедеятельности общества получили более высокие баллы в группах «религиозных» и «оседлых» по сравнению с группами оппозиции. Особенно это проявилась в отношении социально-политической ценности «патриотизм» (рис. 6) и духовно-нравственной ценности «семья и воспитание детей» (рис. 7).

Группы «прожективных эмигрантов» и «нерелигиозных» отмечают как очень важные в своей жизнедеятельности социокультурные и динамичные ценности: свободу, активную жизненную позицию, творческую самореализацию. Особенно ярко это проявляется в оценке «независимости в поступках и действиях» среди «эмигрантов», где данный показатель достигает 80–84% и среди населения, и студенчества соответственно.

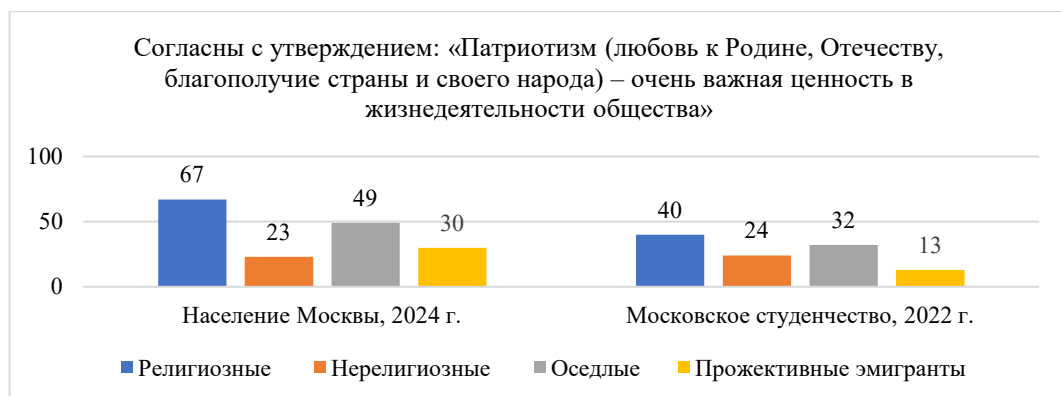

Рис. 6. Позиции в отношении патриотизма как важной ценности среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Fig. 6. Positions on patriotism as an important value among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

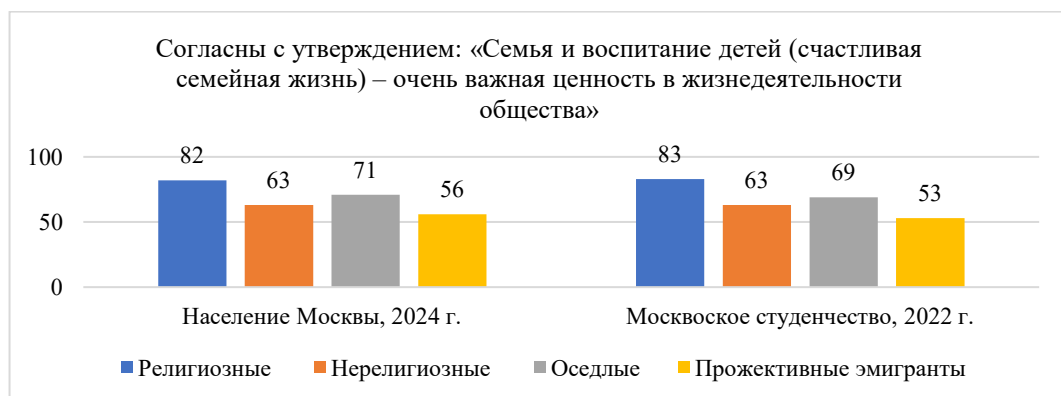

Рис. 7. Позиции в отношении семьи и воспитания детей как важной ценности среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Fig. 7. Positions regarding family and raising children as an important value among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Перед изучаемыми группами населения и студенчества был поставлен более конкретный вопрос о востребованности консолидированной идеи, ценности, которая смогла бы объединить российское общество.

Разница в положительных оценках необходимости общенациональной идеи, представляющих полярные группы в типологиях, остается на уровне 20–30% в пользу групп «религиозных» и «оседлых» респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Оценка необходимости общенациональной идеи среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Table 3

Assessing the need for a national idea among Moscow’s population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups “religious”/ “non-religious” and “settled”/ “projective emigrants”)

Позиции	Москвичи							
	Все население, 2024 г.				Студенчество, 2022 г.			
	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Прожективные эмигранты	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Прожективные эмигранты
1. Да, общенациональная идея необходима	79	66	89	56	68	46	65	37
2. Нет, не нужна	8	25	0	37	13	34	21	40
3. Затрудняюсь ответить	13	9	11	7	19	20	14	24

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Участникам опроса были предложены четырнадцать номинаций, которые могли бы объединить российское общество и стать основой для национального согласия. Среди них были как социально-политические, так и социокультурные и религиозно-национальные идеи. В рейтинге ценностей у групп, которые были определены как «религиозные» и «оседлые», лидировали: «патриотизм», «социальная справедливость» и «национальная гордость». А у групп «нерелигиозных» и «прожективных эмигрантов»: «свобода и права человека», «социальная справедливость» и «безопасность». Не рассматривая более подробно в данном тематическом материале все предложенные номинации, следует отметить, что ценности этноконфессионального порядка – «религия, религиозные традиции» и «интернационализм» – в рейтинге консолидирующих идей стоят в последних рядах, занимая 8–9 места.

Заключение

Проведенные социологические исследования доказывают необходимость изучения взаимосвязи между религиозностью и эмиграционными настроениями респондента. Учет уровня и степени религиозности и секуляризации существенно расширяет возможности факторного анализа эмиграционных настроений в современной России. Эмпирически подтверждено, что религиозность выступает значимым элементом социальной стабильности, снижающим вероятность формирования эмиграционных интенций.

Основой этой устойчивости является комплекс причин.

1. *Ценностно-мировоззренческая составляющая*: религиозные убеждения, основанные на традиционных духовно-нравственных ценностях, формируют специфическое отношение к месту индивида в обществе.

2. *Социально-сетевая поддержка*: прочные связи в рамках семьи и религиозных общин обеспечивают чувство принадлежности и солидарности, что усиливается коммуникацией через религиозные медиа.

3. *Социокультурный фундамент*: указанные факторы создают прочную основу, минимизирующую стремление к поиску лучшей жизни за рубежом, даже при наличии объективных социально-экономических стимулов.

Все вышеизложенное может выступать как фундамент, удерживающий верующих от переезда, что, естественно, снижает необходимость в эмиграции для поиска более престижной работы и обеспеченной жизни за рубежом.

Эмпирическая проверка, построенная на сопоставлении двух типологий (по религиозному признаку и по миграционным установкам), выявила следующие структурные связи:

1. Уровень секуляризации является ключевой характеристикой для дифференциации групп. Большинство религиозных респондентов среди населения и студенчества относится к группе «оседлые», в то время как нерелигиозные респонденты («неверующие», «атеисты») концентрируются в группе «прожективные эмигранты».

2. Установлено значительное сходство социально-политических и ценностных профилей «религиозных» и «оседлых» групп. Для них характерны позитивная оценка государственной политики, гражданский оптимизм и приоритет ценностей патриотизма, национальной гордости, социальной справедливости и национальной безопасности (рис. 8).

3. Группы «нерелигиозных» и «прожективных эмигрантов» также демонстрируют ценностное и позиционное сходство. С одной стороны, ключевыми ценностями для них являются: «свобода и права человека» (независимость в поступках и действиях), «социальная справедливость», «активная жизненная позиция» (максимально полное использование своих сил и способностей), творческая деятельность. С другой – их объединяет повышенная озабоченность социально-экономическими и политическими проблемами, скептицизм в отношении деятельности религиозных организаций вкупе с официальным курсом государства. То есть эти группы (но в большей степени «прожективные мигранты») проявляют негативную оценку across the board. Отметим, что семейные, идеологические и патриотические ценности не занимают центрального места в их системе приоритетов (рис. 8).

Таким образом, следует учитывать, что значительная часть нерелигиозного населения, а тем более молодое поколение россиян, как показывают исследования, менее поддерживает традиционные духовно-нравственные ценности и склонна к индивидуальному поиску лучшей жизни в более «заманчивых» и перспективных, с их точки зрения, странах.

Безусловно, традиционные «выталкивающие» факторы эмиграции – социально-экономические и социально-политические – сохраняют свою силу. Однако в данном материале мы пытались доказать, что секуляризация является самостоятельным фактором, стимулирующим эмиграционные настроения, в то время как

религиозность, напротив, формируя комплекс гражданских и патриотических установок, основанных на духовно-нравственных ценностях, снижает эмиграционную активность. Отметим главное: понимание роли религиозного фактора как одного из барьеров эмиграции, является необходимым условием для разработки более глубоких и эффективных решений в области государственной национальной и миграционной политики.

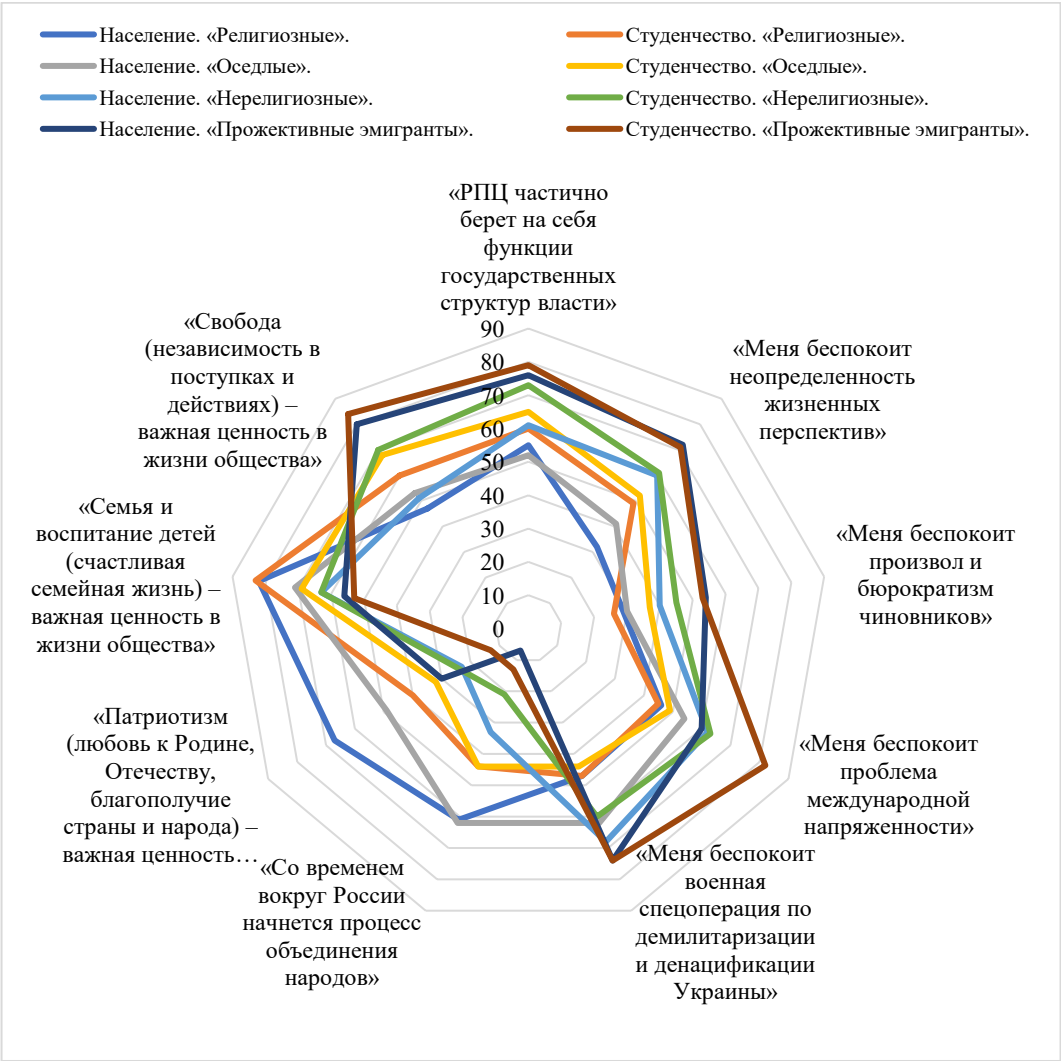

Рис. 8. Ценностные профили и социально-политические позиции типологических групп «религиозные/ нерелигиозные» и «оседлые/ эмигранты» (население и студенческая молодежь Москвы, 2022, 2024 гг., %)

Fig. 8. Value profiles and socio-political positions of the typological groups “religious”/ “non-religious” and “settled”/ “projective emigrants” (Moscow population and student youth, 2022, 2024, %)

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия / С. В. Рязанцев, А. С. Лукьянец // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 1(66). С. 59–72. EDN [VZSZNH](#).
2. Рязанцев, С. В. Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 81–93. EDN [SQKZZP](#).
3. Савоскул, М. С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 44–53. EDN [WJDAIR](#).
4. Воробьева, О. Д. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв. / О. Д. Воробьева, И. А. Алешковский, А. А. Гребенюк // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 100–111. EDN [ZVKNOB](#).
5. Ионцев, В. А. Новые тенденции и формы эмиграции из России / В. А. Ионцев, С. В. Рязанцев, С. В. Ионцева // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 2. С. 499–509. DOI [10.17059/2016-2-15](#). EDN [VZEJYL](#).
6. Лукьянец, А. С. Эмиграции из России в США и Канаду в контексте расширения русскоговорящих сообществ / А. С. Лукьянец, А. И. Тышкевич // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 83–96. DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](#). EDN [NZGFVX](#).
7. Рязанцев, С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 1. С. 122–136. DOI [10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136](#). EDN [ZEJOMP](#).
8. Храмова, М. Н. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности / М. Н. Храмова, С. В. Рязанцев // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1298–1311. DOI [10.17059/2018-4-19](#). EDN [YRQACD](#).
9. Байков, А. А. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия / А. А. Байков, А. С. Лукьянец, Е. Е. Письменная [и др.] // Социологические исследования. 2018. № 11(415). С. 75–84. DOI [10.31857/S013216250002787-8](#). EDN [YPHVPN](#).
10. Муращенкова, Н. В. Эмиграционные интенции молодежи: теоретические основы изучения и категориальное разнообразие (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 3. С. 57–67. DOI [10.17759/jmfp.2021100306](#). EDN [IXXXDL](#).
11. Рязанцев, С. В. Старые и новые тенденции эмиграции из России в Латинскую Америку / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Народонаселение. 2014. № 2(64). С. 58–64. EDN [SJFYRB](#).
12. Черевичко, Т. В. Концептуальное поле миграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12, № 1. С. 5–9. EDN [OZBOJV](#).
13. Кублицкая, Е. А. Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодежи: социально-педагогические аспекты / Е. А. Кублицкая, И. В. Лютенко // ЦИТИСЭ. 2019. № 5(22). С. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](#). EDN [BWYSYK](#).
14. Андреева, Л. А. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян / Л. А. Андреева, Л. К. Андреева // Социологические исследования. 2010. № 9(317). С. 95–98. EDN [LNFOQW](#).
15. Кублицкая, Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](#).
16. Кублицкая, Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4(300). С. 96–107. EDN [JZFQOZ](#).
17. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).
18. Лебедев, С. Д. Отношение учащейся молодежи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7(279). С. 87–96. EDN [IAIKQH](#).
19. Лопаткин, Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28, № 4. С. 266–272. EDN [PFGRPB](#).
20. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма : коллективная монография / М. Ю. Смирнов, Ю. Ю. Синелина, А. И. Кырлежев [и др.]. Москва : Новоспасский монастырь, 2015. 456 с. EDN [WMPZRD](#).

21. Синелина, Ю. Ю. Религия в современном мире // Наука. Культура. Общество. 2013. № 1. С. 101–117. EDN [GDODDK](#).
22. Угринович, Д. М. Введение в религиоведение. 2-е изд., доп. Москва : Мысль, 1985. 270 с.
23. Яблоков, И. Н. Социология религии. Москва : Мысль, 1979. 182 с.
24. Энциклопедический словарь социологии религии / О. И. Антонова, Е. И. Аринин, А. С. Астахова [и др.]. Санкт-Петербург : Платоновское общество, 2017. 508 с. ISBN 978-5-9909527-7-5. EDN [ZXBLHH](#).
25. Кублицкая, Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 21–42. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](#). EDN [PBFDES](#).
26. Дивисенко, К. С. Влияние конфессиональной принадлежности и воцерковленности на удовлетворенность жизнью верующих / К. С. Дивисенко, О. В. Дивисенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10, № 1. С. 99–114. DOI [10.21638/11701/spbu12.2017.107](#). EDN [ZDAXSF](#).
27. Ефремова, М. В. Исследование взаимосвязи религиозности с показателями отношения к работе: на примере православия и ислама / М. В. Ефремова, М. А. Лазуткина // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. № 1(21). С. 27–34. EDN [RIDWYF](#).
28. Пруцкова, Е. В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 3(59). С. 62–80. DOI [10.15382/stur1201559.62-80](#). EDN [TZUEVF](#).
29. Huber, S. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) / S. Huber, O.W.Huber // Religions. 2012. Vol. 3, № 3. Рр. 710–724. DOI [10.3390/rel3030710](#).
30. Религиоведение : Учебник для бакалавров / И. Н. Яблоков, А. В. Апполонов, Ф. М. Ацамба [и др.]. 1-е изд.. Москва : Издательство Юрайт, 2012. 479 с. ISBN 978-5-9916-1627-0. EDN [VTTCLL](#).
31. Писманик, М. Г. Этюды о социальных перспективах отечественной религиозности // Религия в культуре и в гражданском единении : Монография. Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2019. С. 230–238. EDN [QBTSLV](#).
32. Узланер, Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. 410 с. ISBN 978-5-93255-581-1.
33. Чеснокова, В. Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века : Монография. Москва : Академический проект, 2005. 304 с. ISBN 5-8291-0359-1. EDN [SULLZJ](#).
34. Андрианов, Н. П. Особенности современного религиозного сознания / Н. П. Андрианов, Р. А. Лопаткин, В. В. Павлюк ; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма. Москва : Мысль, 1966. 247 с.
35. Кублицкая, Е. А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11–27. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](#). EDN [XIPWEA](#).
36. Кублицкая, Е. А. Миграционные и социально-политические ориентации религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 164–184. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](#). EDN [LKKNBQ](#).
37. Яблоков, И. Н. Методологические проблемы социологии религии. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 133 с.
38. Угринович, Д. М. Введение в религиоведение. 2-е изд., доп. Москва : Мысль, 1985. 270 с.
39. Яблоков, И. Н. Социология религии. Москва : Мысль, 1979. 182 с.
40. Кузнецова, А. В. Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности : Монография / А. В. Кузнецова, Е. А. Кублицкая. Рос. акад. наук, Отд-ние обществ. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. Москва : РИЦ ИСПИ РАН, 2005. ISBN 5-7556-0321-9. EDN [QOEUPP](#).
41. Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания : Коллективная монография / В. Д. Байрамов, И. В. Бочарников, А. И. Дурягина [и др.]. Москва : Издательский Дом Альфа-М, 2013. 144 с. EDN [VTMHNR](#).

Сведения об авторе

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: eakubl@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9685-2213](https://orcid.org/0000-0001-9685-2213); РИНЦ SPIN-код: [2424-8940](https://elibrary.ru/2424-8940); Scopus Author ID: [57196415190](https://orcid.org/57196415190); Web of Science Researcher ID: [J-8935-2018](https://orcid.org/J-8935-2018).

Статья поступила в редакцию 02.08.2025; принята в печать 06.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EMIGRATION ATTITUDES OF RELIGIOUS AND NON-RELIGIOUS MUSCOVITES

Elena A. Kublitskaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: eakubl@yandex.ru

For citation: Kublitskaya, E. A. Emigration Attitudes of Religious and Non-Religious Muscovites. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 165–187. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.10). (In Russ.)

Abstract. To fully understand the demographic processes in contemporary Russian society and make accurate scientific predictions in the field of demographics and migration, we need to take into account a complex set of factors, including religious and ethnic-confessional ones. The aim of this study was to identify and analyze the possible influence of the religious aspect on emigration intentions among Russian citizens. We used data from surveys conducted by the IDR FCTAS RAS (2019, 2004) among Moscow residents and students. The study focused on examining the relationship between religious and nonreligious views of respondents with varying levels of emigration tendencies. This was done using a method based on constructing two typologies based on ideological (religious/secular) and migrational (settled/projective) characteristics. Sociological research was conducted through a comparative analysis of assessments and attitudes of representatives from these groups towards socio-political, economic, cultural, and ethnic-religious processes. Findings indicate that religious beliefs and secularization are important factors in analyzing the characteristics of typological groups. Religious beliefs and related traditions often coincide with “settled” groups, demonstrating structural similarities, while the “secular” group overlaps significantly with potential migrant groups. Socio-political and economic positions, as well as value systems, of “settled groups” demonstrate a positive assessment of state policies and religious organizations, a civic stance and optimism about the future of unification around Russia and restoration of its international status. “Patriotism”, “national pride”, “social justice”, and “security” are prominent in these groups’ ideas and values that contribute to national consensus. Non-religious and projective migrant groups share similar positions and values but are more concerned about socio-economic and political matters. They have less pride in Russian society, are skeptical about unifying around Russia, and believe in radical change to the political system. Their key values include “freedom”, “human rights”, “justice”, and creativity. Ideology and patriotism do not play a central role in their priorities. Overall, it can be concluded that a religious worldview based on traditional values contributes to social stability and reduces emigration, while a secular one promotes potential emigration through greater openness to change.

Keywords: sociopolitical processes, sociocultural processes, migration processes, emigration, secularization, religiosity, spiritual and moral values, population, youth, students

References

1. Ryazantsev, S. V., Lukyanets, A. S. Emigration of Youth from Russia: Forms, Tendencies and Consequences. *Bulletin of TSULBP. Series of Social Sciences*. 2016. No. 1(66). Pp. 59–72. (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V. New Forms of Temporary Emigration from Russia. *Science. Innovations. Technologies*. 2014. No. 2. Pp. 81–93. (In Russ.).
3. Savoskul, M. S. Emigration from Russia to the Non-Cis Countries during the Late 20th – the Early 21st Century. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2016. No. 2. Pp. 44–53. (In Russ.).
4. Vorobyova, O. D., Aleshkovsky, I. A., Grebenyuk, A. A. Transformation of Russian Emigration at the Turn of the 20th – 21st Centuries. *Age of Globalization*. 2017. No. 4(24). Pp. 100–111. (In Russ.).

5. Iontsev, V. A., Ryazantsev, S. V., Iontseva, S. V. Emigration from Russia: New Trends and Forms. *Economy of Region*. 2016. Vol. 12, No. 2. Pp. 499–509. DOI [10.17059/2016-2-15](https://doi.org/10.17059/2016-2-15). (In Russ.).
6. Lukyanets, A. S., Tyshkevich, A. I. Emigration from Russia to the USA and Canada in the Context of the Expansion of Russian-Speaking Communities. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 1. Pp. 83–96. DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.7). (In Russ.).
7. Ryazantsev, S. V. “Russian-Speaking” Economy as the Mechanism of the Integration of Russian-Speaking Migrants in the Receiving Countries. *RUDN Journal of Economics*. 2017. Vol. 25, No. 1. Pp. 122–136. DOI [10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136). (In Russ.).
8. Khramova, M. N., Ryazantsev, S. V. Factors of Emigration from Russia: Regional Features. *Economy of Region*. 2018. Vol. 14, No. 4. Pp. 1298–1311. DOI [10.17059/2018-4-19](https://doi.org/10.17059/2018-4-19). (In Russ.).
9. Baykov, A. A., Lukyanets, A. S., Pismennaya, E. E., Rostovskaya, T. K., Ryazantsev, S. V. Youth Emigration from Russia: Scale, Channels, Consequences. *Sociological Studies*. 2018. No. 11(415). Pp. 75–84. DOI [10.31857/S013216250002787-8](https://doi.org/10.31857/S013216250002787-8). (In Russ.).
10. Murashcenkova, N. V. Emigration Intentions of Youth: Theoretical Foundations of the Study and Categorical Diversity (A Review of International Studies). *Modern Foreign Psychology*. 2021. Vol. 10, No. 3. Pp. 57–67. DOI [10.17759/jmfp.2021100306](https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100306). (In Russ.).
11. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E. Old and New Trends in Emigration from Russia to Latin America. *Population*. 2014. No. 2(64). Pp. 58–64. (In Russ.).
12. Cherevichko, T. V. Conceptual Sphere of Migration. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2012. Vol. 12, No. 1. Pp. 5–9. (In Russ.).
13. Kublitskaya, E. A., Lutenko, I. V. Traditional Religious and Non-Traditional Religious Teachings in the Life of the Russian Youth: Socio-Pedagogical Aspects. *CITISE*. 2019. No. 5(22). Pp. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44). (In Russ.).
14. Andreeva, L. A., Andreeva, L. K. Religiosity of Student Youth: A Comparison with the Religiosity of Russians. *Sociological Studies*. 2010. No. 9(317). Pp. 95–98. (In Russ.).
15. Kublitskaya, E. A. Traditional and Non-Traditional Religiosity: An Experience of Sociological Study. *Sociological Studies*. 1990. No. 5. Pp. 95–103. (In Russ.).
16. Kublitskaya, E. A. Specifics of Religiosity Studies in Contemporary Russia. *Sociological Studies*. 2009. No. 4(300). Pp. 96–107. (In Russ.).
17. *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nyye praktiki [Self-regulation of youth life: methodology and social practices]*. Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevsky [et al.]. Belgorod : Epicenter LLC Publ., 2021. 500 p. ISBN 978-5-6045221-7-2. (In Russ.).
18. Lebedev, S. D. Studying Youth Attitudes towards Religion. *Sociological Studies*. 2007. No. 7(279). Pp. 87–96. (In Russ.).
19. Lopatkin, R. A. Sociology of Religion in Russia: Past Experience and Contemporary Problems. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2010. Vol. 28, No. 4. Pp. 266–272. (In Russ.).
20. *Pravoslaviye i sovremennost': problemy sekulyarizma i postsekulyarizma [Orthodoxy and modernity: problems of secularism and post-secularism] : collective monograph*. M. Yu. Smirnov, Yu. Yu. Sinelina, A. I. Kyrlezhev [et al.]. Moscow : Novospassky Monastery Publ., 2015. 456 p. (In Russ.).
21. Sinelina Yu. Yu. Religion in the Modern World. *Science. Culture. Society*. 2013. No. 1. Pp. 101–117. (In Russ.).
22. Ugrinovich, D. M. *Vvedeniye v religiovedeniye [Introduction to Religious Studies]*. 2nd ed., suppl. Moscow : Mysl Publ., 1985. 270 p. (In Russ.).
23. Yablokov, I. N. *Sotsiologiya religii [Sociology of religion]*. Moscow : Mysl Publ., 1979. 182 p. (In Russ.).
24. *Entsiklopedicheskiy slovar' sotsiologii religii [Encyclopedic dictionary of the sociology of religion]*. O. I. Antonova, E. I. Arinin, A. S. Astakhova [et al.]. St. Petersburg : Platonov Society, 2017. 508 p. ISBN 978-5-9909527-7-5. (In Russ.).
25. Kublitskaya, E. A. The Main Values of the Consolidation of Russian Society in the Views of Religious and Non-Religious Students. Research Result. *Sociology and Management*. 2023. Vol. 9, No. 2. Pp. 21–42. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3). (In Russ.).
26. Divisenko, K. S., Divisenko, O. V. Influence of Confessional Belonging and Enchurchment on the Life Satisfaction of Believers. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2017. Vol. 10, No. 1. Pp. 99–

114. DOI [10.21638/11701/spbu12.2017.107](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.107). (In Russ.).
27. Yefremova, M. V., Lazutkina, M. A. Correlation between Religiosity and Work Ethic Indicators: Orthodoxy and Islam. *Vestnik KRAUNC. Humanities*. 2013. No. 1(21). Pp. 27–34. (In Russ.).
28. Prutskova, E. V. Association of Religiosity with Norms and Values. The Factor of Religious Socialization. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2015. No. 3(59). Pp. 62–80. DOI [10.15382/stur1201559.62-80](https://doi.org/10.15382/stur1201559.62-80). (In Russ.).
29. Huber, S., Huber, O.W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS). *Religions*. 2012. Vol. 3, No. 3. Pp. 710–724. DOI [10.3390/rel3030710](https://doi.org/10.3390/rel3030710).
30. *Religiovedeniye [Religious studies]* : Textbook for bachelors. I. N. Yablokov, A. V. Apollonov, F. M. Atsamba [et al.]. 1st ed. Moscow: Yurait Publ., 2012. 479 c. ISBN 978-5-9916-1627-0. (In Russ.).
31. Pismanik, M. G. Etyudy o sotsial'nykh perspektivakh otechestvennoy religioznosti [Studies on the social prospects of domestic religiosity]. In: *Religiya v kul'ture i v grazhdanskom yedinenii [Religion in culture and civil unity]* : Monograph. Perm : Perm State Institute of Culture Publ., 2019. Pp. 230–238. (In Russ.).
32. Uzlaner, D. A. Postsekulyarnyy povorot. *Kak myslit' o religii v XXI veke [The post-secular turn. How to think about religion in the 21st century]*. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2020. 410 p. ISBN 978-5-93255-581-1. (In Russ.).
33. Chesnokova, V. F. *Tesnym putem: Protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka [The narrow path: the process of churching of the population of Russia at the end of the twentieth century]* : Monograph. Moscow : Akademicheskyy Proekt Publ., 2005. 304 p. ISBN 5-8291-0359-1. (In Russ.).
34. Andrianov, N. P., Lopatkin, R. A., Pavlyuk, V. V. *Osobennosti sovremennogo religioznogo soznaniya [Features of modern religious consciousness]*. Moscow : Mysl Publ., 1966. 247 p. (In Russ.).
35. Kublitskaya, E. A. Methodological and Methodical Analysis of the Correlation of Religious and Confessional Self-Identification (On the Example of the Studied Subjects of the Russian Federation). *Research Result. Sociology and Management*. 2024. Vol. 10, No. 1. Pp. 11–27. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2). (In Russ.).
36. Kublitskaya, E. A. Migration and Socio-Political Orientations of Religious and Non-Religious Student Youth. *Science. Culture. Society*. 2023. Vol. 29, No. 3. Pp. 164–184. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10). (In Russ.).
37. Yablokov, I. N. *Metodologicheskiye problemy sotsiologii religii [Methodological problems of the sociology of religion]*. Moscow : Moscow University Publ., 1972. 133 p. (In Russ.).
38. Ugrinovich, D. M. *Vvedeniye v religiovedeniye [Introduction to religious studies]*. 2nd ed., suppl. Moscow : Mysl Publ., 1985. 270 p. (In Russ.).
39. Yablokov, I. N. *Sotsiologiya religii [Sociology of Religion]*. Moscow : Mysl Publ., 1979. 182 p. (In Russ.).
40. Kuznetsova, A. V., Kublitskaya, E. A. *Grazhdanskiy patriotizm – osnova formirovaniya novoy rossiyskoy identichnosti [Civic patriotism – the basis for the formation of a new Russian identity]* : Monograph. Russian Academy of Sciences, Department of Social Sciences, Institute of Socio-Political Research. Moscow : ISPR RAS, 2005. ISBN 5-7556-0321-9. (In Russ.).
41. Bayramov, V. D., Bocharnikov, I. V., Duryagina A. I. [et al.]. *Patriotizm sovremennoy rossiyskoy molodezhi: kontseptual'nyye osnovaniya i tekhnologii vospitaniya [Patriotism of modern Russian youth: conceptual foundations and technologies of education]* : Collective monograph. Moscow: Alfa-M Publ., 2013. 144 c. (In Russ.).

Bio note

Elena A. Kublitskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ekubl@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9685-2213](https://orcid.org/0000-0001-9685-2213); RSCI SPIN code: [2424-8940](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57196415190); Scopus Author ID: [57196415190](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57196415190); Web of Science Researcher ID: [J-8935-2018](https://www.researcherid.org/ID/J-8935-2018).

Received on 02.08.2025; accepted for publication on 06.10.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Table 1

Позиции населения и студенческой молодежи Москвы по отношению к тезисам и ценностям религиозно-национального, социально-политического, социокультурного и патриотического характера в 2022 г., 2024 г. (% от числа опрошенных в группах «религиозные/ нерелигиозные» и «оседлые/ прожективные эмигранты»)

Table 1

Positions of Moscow's population and student youth in relation to theses and values of religious-national, socio-political, socio-cultural and patriotic nature in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Утверждения и ценности		Москвичи							
		Все население, 2024 г.				Студенчество, 2022 г.			
		Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Прожективные эмигранты	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Прожективные эмигранты
Религиозные и национальные утверждения									
1.	«РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти»	55	61	52	76	60	73	65	79
2.	«Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни»	15	58	30	62	34	52	42	58
3.	«В нашем государстве идет ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей»	46	50	52	52	42	58	49	58
Социально-экономические утверждения									
4.	«Меня беспокоит неопределенность жизненных перспектив»	32	60	41	72	49	61	52	71
5.	«Меня беспокоит расслоение общества на богатых и бедных»	28	52	28	33	25	37	35	36
6.	«Меня беспокоит произвол и бюрократизм чиновников»	29	40	30	54	26	45	37	53
Социально-политические, социокультурные утверждения и ценности									
7.	«Меня беспокоит проблема международной напряженности»	46	62	54	60	45	63	49	82
8.	«Меня беспокоит военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины»	47	68	62	74	47	60	44	74
9.	«Я горжусь, что я гражданин России»	-	-	-	-	72	45	62	26
10.	«Россия обречена на дальнейший распад»	2	3	0	28	15	26	17	41
11.	«Со временем вокруг России начнется процесс объединения народов»	61	33	62	7	44	21	44	13
12.	«Меня не устраивает политическая система нашего общества, ее необходимо радикально изменить»	15	43	5	61	-	-	-	-
13.	«Патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	67	23	49	30	40	24	32	13
14.	«Национальная безопасность государства (защита Отечества, граждан России) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	68	42	63	39	-	-	-	-

Продолжение таблицы 1

Утверждения и ценности		Москвичи							
		Все население, 2024 г.				Студенчество, 2022 г.			
		Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Прожективные эмигранты	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Прожективные эмигранты
15.	«Счастье и благополучие других (близких, друзей, народа, человечества в целом) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	67	61	71	54	76	69	68	61
16.	«Семья и воспитание детей (счастливая семейная жизнь) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	82	63	71	56	83	63	69	53
17.	«Удовольствия (жизнь полная развлечений, эмоций, приятного времяпровождения, насыщенность жизни) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	26	25	18	37	43	47	40	61
18.	«Свобода (независимость в поступках и действиях) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	47	51	53	80	60	70	68	84
19.	«Активная и деятельная жизнь (максимально полное использование своих сил и способностей) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	44	55	26	52	62	61	56	66
20.	«Творчество (возможность творческой деятельности) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	38	43	30	48	42	55	48	56

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.11)

EDN [RDSJKG](https://www.edn.ru/RDSJKG)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ И РАБОТ

Ситковский А. М.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: omnistat@yandex.ru

Мирязов Т. Р.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Для цитирования: Ситковский, А. М. Методологические аспекты проведения демографической экспертизы проектов и работ / А. М. Ситковский, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 188–215. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.11). EDN [RDSJKG](https://www.edn.ru/RDSJKG).

Аннотация. В статье рассматривается понятие демографической экспертизы проектов и работ, предлагается авторская методология ее проведения. Актуальность темы обусловлена включением демографической экспертизы в профессиональный стандарт «Демограф» при отсутствии унифицированных современных методов ее реализации. В разделе «Введение» обоснована востребованность демографической экспертизы для оценки последствий управленческих решений в сфере демографического развития; подчеркнута, что хотя профессиональный стандарт предусматривает такую функцию, на практике отсутствуют разработанные методические рекомендации. Обзор литературы показал, что ряд исследователей предпринимал попытки концептуализировать и применить демографическую экспертизу: обсуждался опыт экспертизы мер демографической политики, выполнялась оценка демографических рисков отдельных законопроектов, предлагалось законодательно ввести обязательную демографическую экспертизу стратегических документов и др. Тем не менее, единая методика до сих пор не сложилась. В разделе «Методология и методы» представлена двухэтапная методика: 1) экспертный анализ содержания документа (проверка соответствия целям демографической политики, научной обоснованности, полноты мер и т. д.); 2) сценарное демографическое моделирование последствий реализации документа. В разделе «Результаты» продемонстрировано применение методики на примере Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 г. Выполнена экспертиза содержания Стратегии (выявлены концентрация мер на поддержку крупных агломераций и недостаточное внимание демографическим рискам), рассчитаны альтернативные сценарии демографического развития (усиленной урбанизации против децентрализации расселения) с прогнозом численности населения до 2100 г. Показано, что при реализации агломерационного сценария долгосрочные темпы депопуляции возрастают по сравнению со сбалансированным сценарием. В «Обсуждении» сопоставляются полученные результаты с другими исследованиями демографического моделирования и подчеркиваются области применения методики в практической демографической экспертизе. В «Выводах» сделан акцент на том, что предложенная методология способствует институционализации демографической экспертизы как инструмента стратегического планирования, обеспечивая оценку демографических эффектов проектов и работ на научной основе.

Ключевые слова: демографическая экспертиза, демографическая политика, методика оценки, сценарное моделирование, прогнозирование населения, стратегическое планирование, агломерация, урбанизация

Введение

Демографические процессы обладают значительной инерционностью и чувствительностью к управленческим решениям. Поэтому при разработке стратегических документов, государственных программ и крупных проектов, оказывающих влияние на население, возникает потребность в их демографической экспертизе. Демографическая экспертиза в широком смысле предполагает специализирован-

ную оценку содержания проекта (программы, закона и т. п.) с точки зрения влияния на демографическое развитие, а также прогнозирование возможных демографических последствий его реализации. Значимость такой экспертизы определяется тем, что на ее основе можно заблаговременно выявить нежелательные тенденции и риски для демографического развития и обосновать необходимость корректировки мер политики. Например, еще А. И. Антонов [1] отмечал, что оценка демографической результативности мер политики должна соотноситься с их долгосрочными целями. Однако до последнего времени проведение комплексной демографической экспертизы не было частью обязательной практики принятия решений.

Официальное закрепление данной функции произошло лишь недавно. В 2022 г. утвержден профессиональный стандарт «Демограф»¹, в котором одной из обобщенных трудовых функций обозначена «демографическая экспертиза и консультирование», включая, в частности, проведение экспертизы программ и проектов, оценку управленческих решений с учетом демографических факторов, оценку результативности стратегий демографического развития и обоснование перспективных направлений демографической политики [2]. Это означает, что от профессиональных демографов теперь ожидается умение проводить подобные экспертизы. Вместе с тем фактическая реализация данного вида деятельности затруднена отсутствием общепринятой методики. В настоящее время нет утвержденных руководств или стандартов проведения демографической экспертизы, и каждый исследователь или организация разрабатывают собственный подход. Существующие наработки носят фрагментарный характер [3]. Так, С. А. Сукнева прямо указывает на необходимость разработки методической базы и предлагает законодательно установить требование проводить демографическую экспертизу всех разрабатываемых стратегических документов [4]. На недостаточную проработанность данного вопроса обращается внимание и в учебно-методических материалах – например, в лекционных курсах отмечается отсутствие четких алгоритмов экспертизы [5]. В этой связи актуально формирование целостной методологии демографической экспертизы, сочетающей качественный и количественный анализ, что и является целью данной статьи.

Цель исследования – разработать и обосновать методологические подходы к проведению демографической экспертизы проектов и программ. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) проанализировать существующие научные подходы и практический опыт в области демографической экспертизы; 2) предложить структуру и алгоритм проведения экспертизы (этапы, методы, критерии); 3) апробировать предлагаемую методику на конкретном примере стратегического документа и оценить ее применимость для выявления демографических последствий; 4) сопоставить результаты экспертизы с альтернативными прогнозными сценариями и другими исследованиями.

Структура статьи следует принципам IMRAD: во введении обоснована актуальность и поставлены задачи, обзор литературы предоставляет контекст предыдущих

¹ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.06.2022 № 346н «Об утверждении профессионального стандарта "Демограф"» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207040020> (дата обращения: 10.05.2025).

исследований, в разделе методологии описывается предлагаемая методика, в разделе результатов – ее применение и ключевые выводы, далее следует обсуждение и заключение.

Обзор литературы

Проблематика экспертизы управленческих решений в демографической сфере поднималась в научной литературе лишь эпизодически, и все же ряд работ заложил основу для формирования методологии демографической экспертизы. Одним из первых примеров можно считать исследование А. И. Антонова, который еще в 2000-е гг. обращал внимание на необходимость оценки согласованности мер демографической политики с ее стратегическими целями [1]. Ученый указывал на то, что краткосрочные шаги (например, разовые выплаты) следует оценивать с точки зрения их вклада в достижение устойчивого демографического развития на горизонте нескольких десятилетий. Его исследование фактически явилось попыткой провести экспертизу государственной демографической стратегии, выявив разрывы между целями и средствами политики. Хотя работа А. И. Антонова и носила концептуальный характер, она подчеркнула важность научной экспертизы демографических инициатив и задала вектор дальнейших исследований.

Еще одним направлением, близким к демографической экспертизе, стали оценки влияния конкретных законодательных инициатив на демографические процессы. Показательна работа И. И. Белобородова [3], в которой выполнена экспертиза проекта закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» с точки зрения демографических последствий. Автор проанализировал возможный эффект легализации и регулирования методов ЭКО и других репродуктивных технологий на рождаемость и демографическую ситуацию, сделав вывод о потенциальной «демографической деградации» – снижении рождаемости при недостаточно продуманном законодательстве. Данное исследование явилось примером узконаправленной демографической экспертизы нормативного акта: с привлечением статистических данных и прогнозных расчетов был сделан вывод о неблагоприятных тенденциях (сокращение традиционных рождений, рост среднего возраста матерей и др.), что позволило рекомендовать доработку законопроекта. Хотя объектом оценки был специфический законопроект, методологически работа продемонстрировала значимость сценарного анализа: И. И. Белобородов использовал модель прогнозирования рождаемости с учетом внедрения новых технологий, сравнив несколько сценариев (без вмешательства и с ним). Таким образом, был сделан шаг к включению прогнозирования в демографическую экспертизу.

В научной литературе предпринимались попытки закрепить необходимость демографической экспертизы на уровне методологии государственной политики. С. А. Сукнева [4] акцентировала внимание на региональном уровне, в частности для Арктической зоны, где демографические процессы отличаются специфической динамикой. Она отмечала, что оценка управленческих решений с демографических позиций должна быть не факультативной, а обязательной процедурой. Более того, С. А. Сукнева предложила законодательно установить требование предварительной демографической экспертизы всех разрабатываемых законов, указов

Президент РФ и постановлений Правительства РФ, обосновывая это тем, что без экспертного заключения трудно предсказать отдаленные последствия принимаемых мер. По ее мнению, демографическая экспертиза должна выявлять скрытые угрозы (например, ускорение оттока населения из отдельных регионов, усиление диспропорций в возрастной структуре и т. п.) и тем самым служить инструментом «страховки» от неверных управленческих шагов. Работа С. А. Сукневой отчетливо обозначила проблему отсутствия методического обеспечения экспертизы. Автор упоминала, что требуются разработка критериев качества демографической экспертизы и обучение специалистов методам ее проведения. Эти задачи остаются актуальными и в настоящее время.

Отдельные аспекты методологии демографической экспертизы рассматривались и другими исследователями. Так, А. С. Варыгина [6] проанализировала нормативно-правовые основы оценки демографических процессов, то есть фактически правовые и методические документы, регламентирующие мониторинг демографической ситуации в регионах. Несмотря на то, что ее работа была ориентирована больше на мониторинг, в ней затрагивались вопросы экспертизы, связанные с показателями оценки и критериями эффективности демографических программ. Д. В. Ноженко [7] в своих исследованиях выявил проблемы применения программно-целевого подхода при разработке и реализации региональных демографических программ. В частности, он указал на отсутствие четких индикаторов, по которым можно было бы оценивать успех демографических мер, и на разрывы между целевыми ориентирами программ и фактической динамикой показателей. Такие выводы косвенно свидетельствуют о необходимости демографической экспертизы на этапе разработки и мониторинга программ демографического развития. Кроме того, ряд прикладных работ, посвященных оценке региональных демографических программ [8], демонстрирует использование элементов экспертизы – анализ динамики показателей до и после внедрения мер, сравнение с контрольными территориями, опросы целевых групп. Но эти элементы не сложились в унифицированную методику.

Обобщая сказанное выше, можно отметить, что литература по теме методологии демографической экспертизы пока немногочисленна. Имеющиеся работы либо рассматривают отдельные кейсы, как у И. И. Белобородова, либо поднимают вопрос в общем плане, либо затрагивают смежные области (мониторинг, прогнозирование). Тем не менее, из этого массива можно выделить ключевые компоненты, которые целесообразно включить в методику: во-первых, содержательный (качественный) анализ документа на соответствие демографическим приоритетам и наличие потенциальных рисков; во-вторых, использование методов прогнозирования (сценарного анализа) для количественной оценки последствий. Именно совмещение этих подходов просматривается в трудах упомянутых авторов. Так, качественная экспертиза характерна для статьи С. А. Сукневой (экспертная оценка управленческих решений), а количественный подход – для работы И. И. Белобородова (прогнозирование демографических показателей). Следовательно, методология демографической экспертизы должна строиться как комплексная, объединяющая оба вышеназванных компонента. В рамках данного исследования разработана

именно такая комплексная методика, описание которой приводится в следующем разделе.

Методология и методы исследования

Опираясь на анализ предыдущих исследований и практики, авторская методология проведения демографической экспертизы предложена в виде двухэтапного алгоритма. Первый этап – экспертная оценка содержания документа, второй этап – сценарное демографическое моделирование последствий реализации документа. Ниже подробно рассматривается содержание каждого этапа, используемые методы и инструментарий, а также критерии, которым уделяется внимание при экспертизе.

1. Экспертная оценка содержания документа

На первом этапе демографической экспертизы документ (проект закона, государственная программа, стратегия развития и т. д.) изучается экспертами-демографами с точки зрения его содержания, цели и предполагаемых мер. Цель данного этапа – выявить, насколько документ учитывает демографические факторы и соответствует целям демографической политики, определить потенциальные проблемные зоны. Методологически этот этап близок к экспертно-аналитическому исследованию или контент-анализу документа, однако фокусируется именно на демографических аспектах.

Отбор специалистов для проведения демографической экспертизы должен производиться с учетом релевантного опыта. Его подтверждением могут стать как публикации в научных изданиях по теме демографии за 5 лет, предшествующих году проведения экспертизы, так и наличие диплома о высшем образовании и профессиональной переподготовке, кандидата/доктора наук в сфере демографии/экономики народонаселения.

Алгоритм экспертной оценки включает несколько ключевых шагов:

1. *Анализ целей и показателей документа с демографической точки зрения.* Эксперты выясняют, имеются ли в документе явные или неявные демографические цели (такие как увеличение рождаемости, снижение миграционного оттока, улучшение возрастной структуры населения). Если демографические цели прямо не заявлены, оценивается, какие демографические показатели могут косвенно подвергнуться влиянию в результате реализации документа. Также проверяется наличие целевых индикаторов, связанных с населением (к примеру, численность населения территории, коэффициенты рождаемости/смертности, миграционный прирост). На этом этапе важно установить, закладывает ли документ какие-либо целевые значения по демографии и согласованы ли они с общенациональными целями.

Соответствие законодательству и стратегическим установкам. Эксперты проверяют, соответствует ли документ действующим национальным приоритетам и законодательным нормам в демографической сфере. Если документ региональный – соответствует ли федеральной демографической стратегии; если отраслевой – учитывает ли влияние на демографию (так, проект экономического развития региона должен соотноситься с задачами удержания населения этого региона). Здесь же анализируются нормативно-правовые основания: нет ли противоречий с законодательством о миграции, о семьях, о здравоохранении и т. п., которые могли бы

помешать выполнению демографических целей. Такой юридический компонент экспертизы необходим, чтобы рекомендации впоследствии были реализуемы в правовом поле. В большинстве случаев анализируемый документ не должен противоречить содержанию следующих документов:

- Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей²;
- Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³;
- Национальным целям развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.⁴;
- Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации⁵;
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.⁶;
- Показателям оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации⁷;
- Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.⁸ и плану мероприятий по ее реализации⁹;
- Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.¹⁰;

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 08.06.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант» : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 08.06.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 08.06.2025).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 08.06.2025).

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 09.07.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003?index=5> (дата обращения: 08.06.2025).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «Гарант» : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 08.06.2025).

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.06.2021 № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608644722> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 года № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420217344> (дата обращения: 08.06.2025).

- Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.¹¹;
- Национальному проекту «Семья»¹²;
- Мерам по реализации демографической политики Российской Федерации¹³;
- Мерам социальной поддержки многодетных семей¹⁴;
- Методическим рекомендациям по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости¹⁵;
- Методическим рекомендациям по актуализации региональных программ по повышению рождаемости¹⁶.

2. *Оценка научной обоснованности и полноты мер.* Далее, содержательная экспертиза рассматривает набор мероприятий или мер, предлагаемых в документе, сквозь призму современного состояния демографической науки. Эксперты оценивают, опираются ли предлагаемые меры на доказанные причинно-следственные связи. Например, если программа ставит целью повышение рождаемости, проверяется, какие инструменты используются – материальное стимулирование, меры примирения работы и семьи, репродуктивное просвещение и т. д. – и насколько, согласно научным исследованиям, эти меры эффективны. Здесь привлекаются данные из демографических и социологических исследований: к примеру, известно, что единовременные выплаты повышают рождаемость лишь краткосрочно, тогда как развитие инфраструктуры дошкольного ухода оказывает более длительный эффект (по данным различных исследований рождаемости в регионах). Если в документе упоминаются только меры первого типа, эксперт отмечает неполноту инструментов. Аналогично и для миграции: проверяется, учитываются ли внешние и внутренние миграционные процессы, заложены ли меры удержания населения, создания рабочих мест и пр. Экспертная оценка выявляет потенциальные недостатки

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pnmN4.pdf> (дата обращения: 08.06.2025).

¹² Паспорт национального проекта «Семья» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/5b/f9/Национальный%20проект%20Семья.docx> (дата обращения: 08.06.2025).

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35270> (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50259> (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁵ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 05.05.2023 № 436 «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости» // СПС «Гарант» : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/407059954/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁶ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31.07.2024 № 387 «Об утверждении методических рекомендаций по актуализации региональных программ по повышению рождаемости» // Консорциум Кодекс : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1306997950> (дата обращения: 05.05.2025).

проекта: отсутствие важных мер, односторонность подхода, опору на устаревшие предпосылки или данные. Если, например, стратегия рассчитана на рост рождаемости без учета продолжающегося тренда старения населения (сокращения доли женщин репродуктивного возраста), это будет указано как серьезный недостаток.

3. *Выявление демографических рисков и непредвиденных последствий.* На основе предыдущего шага эксперты формулируют, какие риски для демографической ситуации несет документ. Риски могут быть прямыми: к примеру, риск снижения рождаемости в каком-либо регионе вследствие экономической стратегии, ведущей к оттоку молодежи; или косвенными: например, риск перегрузки социальной инфраструктуры вследствие притока мигрантов при отсутствии мер интеграции. Эксперты стараются предвидеть побочные демографические эффекты. Часто управленческие решения, принимаемые вне демографической политики, могут влиять на население самым неожиданным образом. Классический пример: строительство крупного промышленного объекта может привлечь в регион трудовых мигрантов (что позитивно сказывается на численности населения), но без развития социальной инфраструктуры это может ухудшить условия жизни и впоследствии ускорить отток населения. Задача экспертизы – обратить внимание разработчиков документа на такие потенциально возможные эффекты. Для чего составляется перечень вопросов: «Как отразится реализация проекта на динамике населения данного города/региона?», «Не приведет ли это к усилению дисбаланса между городским и сельским населением?», «Как воздействуют на рождаемость, смертность, миграцию целевых групп?», и т. д. Ответы носят экспертный характер (основаны на знаниях и аналогиях с другими случаями).

4. *Формулирование рекомендаций.* Результатом содержательного этапа экспертизы является подготовка экспертного заключения (или раздела заключения), где изложены выявленные демографические риски и даются рекомендации, которые могут включать добавление или корректировку определенных мер (например, включить в программу развития сельских территорий меры по стимулированию рождаемости, если прогнозируется старение населения); изменение целевых индикаторов (к примеру, установить показатель миграционного прироста, если стратегия его не учитывает); проведение дополнительных исследований (например, демографического прогноза для территории, если он не был сделан) и пр. Важно, что на данном этапе формулировки носят качественный характер – это экспертный анализ, основанный на знании закономерностей демографических процессов и ситуации на конкретной территории. Такой анализ во многом опирается на профессиональный опыт экспертов, поэтому возможно использование метода экспертной комиссии, когда документ рассматривается группой специалистов (демографов, экономистов, социологов), которые коллективно его обсуждают и приходят к консенсусному заключению. Коллективная (комиссионная) экспертиза обычно повышает объективность и качество оценок. В профессиональном стандарте «Демограф» прямо сказано, что демограф должен уметь организовывать экспертизу, в том числе в коллективном формате. Итогом первого этапа является перечень выявленных возможных последствий и проблемных моментов, которые следует проверить и количественно оценить на втором этапе.

2. Сценарное демографическое моделирование последствий

Второй этап методологии – количественная оценка демографических последствий путем построения прогнозных сценариев. Если первый этап отвечает на вопрос: «Какие демографические эффекты могут возникнуть?», то второй этап – «Насколько сильными они будут и как повлияют на численность и структуру населения?». Для этого используется аппарат демографического прогнозирования.

Методический подход базируется на классических методах прикладной демографии: как правило, это когортный/компонентный прогноз (с разбивкой населения по половозрастным группам) либо агрегированный прогноз с помощью демографических коэффициентов. В рамках экспертизы чаще применим относительно укрупненный прогноз, сосредоточенный на ключевых показателях (рождаемость, смертность, миграция, численность населения). Важно подчеркнуть, что прогноз строится в формате сценарного анализа: сравниваются как минимум два сценария – базовый (инерционный), отражающий динамику без реализации рассматриваемого документа, и целевой (или альтернативный), отображающий динамику при реализации мер документа. Возможно рассмотрение и более чем двух сценариев, если документ предполагает несколько вариантов или степень влияния мер не определена.

Алгоритм сценарного моделирования в рамках демографической экспертизы выглядит следующим образом:

1. *Сбор исходных демографических данных.* На основе официальной статистики (Росстата и др.) и предыдущих оценок берутся актуальные сведения о населении: численность постоянного населения (база прогноза) по территориальной и половозрастной разбивке, текущие коэффициенты рождаемости, смертности, миграционный прирост. Кроме того, анализируются существующие прогнозы (например, прогноз Росстата по населению России, региональные прогнозы). Это позволяет задать границы ожидаемых изменений. Например, если экспертиза касается федеральной стратегии, то можно опираться на средний вариант прогноза Росстата как на базовый сценарий.

2. *Формулирование гипотез влияния документа на демографические показатели.* На основе первого этапа (экспертного анализа) определяются, какие именно показатели и как будут изменены при реализации мер документа. К примеру, если стратегия направлена на развитие сельских территорий и удержание населения, можно ожидать снижения интенсивности оттока молодежи (т. е. улучшение миграционного сальдо) и возможно небольшого повышения рождаемости в этих территориях (за счет улучшения социальных условий). Такие гипотезы должны быть количественно сформулированы: например, «в результате реализации программы отток населения сократится на 50% относительно текущего уровня» или «суммарный коэффициент рождаемости (СКР) будет на 0,1 выше базового тренда к 2030 г.» Разумеется, подобные оценки являются экспертными допущениями. При их выработке используется или опыт аналогичных случаев, к примеру, других регионов, или мнения профильных экспертов. В некоторых случаях документ прямо устанавливает целевые показатели – тогда они используются в качестве гипотез. Если же целевых демографических ориентиров нет, эксперты могут задать умеренный сценарий воздействия (например, предполагая, что меры программы дадут прирост

рождаемости на 5–10% в течение 10 лет). Отдельно проговариваются гипотезы по каждой составляющей: рождаемость, смертность, миграция, ожидаемая продолжительность жизни.

3. *Построение базового сценария.* Базовый (инерционный) прогноз отражает динамику населения при отсутствии рассматриваемого вмешательства. Он может совпадать с официальным прогнозом (если таковой есть), либо быть рассчитан экспертами путем продления текущих трендов. Так, базовый сценарий рождаемости может предполагать продолжение снижения СКР на 0,05 ежегодно в регионе, если последние годы наблюдалось такое снижение; миграция – сохранение среднего оттока на уровне предыдущего десятилетия и т. п. Базовый сценарий зачастую опирается на трендовый анализ: экстраполяцию временных рядов показателей или на модели, учитывающие возрастные коэффициенты (сохранение текущих коэффициентов рождаемости и смертности с корректировкой на изменение возрастной структуры). Результатом шага является прогноз численности населения и основных демографических показателей на заданный горизонт (обычно на срок действия стратегии или дальше – 10–20 лет, иногда до 50 лет для полноты оценки отдаленных последствий).

4. *Построение целевого (альтернативного) сценария.* Затем вводятся в модель изменения согласно гипотезам влияния документа. Например, если в стратегии заложены меры по увеличению рождаемости, то в целевом сценарии СКР задается выше, чем в базовом (скажем, вместо снижения на 0,05 в год, стабилизация или рост). Если стратегия способствует притоку населения (к примеру, создание рабочих мест привлечет мигрантов), то в сценарии увеличивается миграционный прирост относительно базового. Изменения могут быть введены сразу (скачком, если ожидается разовый эффект) или постепенно (повышение рождаемости на 10% к концу десятилетия и т. д.). В некоторых случаях строятся несколько альтернативных сценариев – оптимистичный, пессимистичный – в зависимости от степени влияния мер. Однако для целей экспертизы достаточно сравнения одного альтернативного сценария с базовым, чтобы оценить разницу. Математически прогноз выполняется тем же методом, что и базовый, но с измененными входными параметрами (коэффициентами рождаемости, смертности, миграционных потоков) по годам прогнозного периода.

5. *Сравнение результатов и оценка эффекта.* Последний шаг – анализ разницы между сценариями. Полученные данные оформляются в виде графиков, таблиц, показывающих, как отличаются численность населения, возрастная структура или иные показатели в базовом и целевом вариантах. Именно на этом этапе становится возможным количественно оценить демографический эффект документа. Например, экспертиза может заключаться в том, что «реализация стратегии позволит дополнительно привлечь ≈100 тысяч человек к 2035 г. по сравнению с инерционным сценарием, что замедлит спад численности населения (разница между сценарием с реализацией и без реализации составит +2% населения)». Либо наоборот: «политика агломерирования приведет к более быстрому сокращению населения сельской периферии: к 2050 г. численность населения страны будет на 1 млн меньше, чем в сценарии сбалансированного развития». Такие формулировки напрямую отвечают на вопрос о влиянии проекта/программы на демографию. Также сравнение

сценариев может выявить, достигнуты ли заявленные цели: если стратегия ставила целью, условно, рост рождаемости до 2,0, а по расчетам экспертов, в лучшем случае получится 1,8, то налицо разрыв, требующий обсуждения в рекомендациях.

6. *Визуализация и документирование результатов.* Для удобства восприятия результаты прогнозирования представляются в наглядной форме – графики динамики численности населения, столбчатые диаграммы, карты. Такие иллюстрации включаются в экспертное заключение. Обязательно поясняется, какие допущения были заложены в сценарии (прозрачность предположений важна для доверия к результатам). Формулы и модельные параметры при необходимости приводятся в приложении или методическом разделе. К примеру, указываются использованные программные средства (Excel, специализированные программы прогнозирования), исходная база данных (Росстат, ООН и др.), расчетные коэффициенты. В профессиональной среде принято подвергать экспертные прогнозы верификации – сравнить с независимым прогнозом, если такой есть, или обсудить в профессиональном сообществе.

Комбинация качественного анализа (этап 1) и сценарного моделирования (этап 2) обеспечивает более полную экспертизу. Первый этап выявляет каузальные механизмы – через что документ влияет на демографию, а второй этап измеряет величину этого влияния. Следует отметить, что предложенная методика является итеративной: результаты второго этапа могут вернуть экспертов к доработке рекомендаций первого этапа. Если моделирование показало серьезные негативные последствия, экспертное заключение может содержать более настоятельные рекомендации изменить политику. В то же время, если численные оценки оказались незначительными, эксперты могут скорректировать свои качественные выводы, признавая влияние несущественным. Таким образом, методика позволяет обосновать экспертные выводы количественными данными, что повышает убедительность демографической экспертизы для лиц, принимающих решения.

Результаты

Для демонстрации предлагаемой методики была проведена демографическая экспертиза «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹⁷ (далее – Стратегия). Этот документ определяет приоритеты территориального развития РФ, в частности делает акцент на поддержку крупных городских агломераций как точек экономического роста. Стратегия влияет на распределение инвестиций и ресурсов между регионами, а, следовательно, косвенно на миграционные потоки, расселение и связанные демографические процессы (урбанизация, депопуляция отдельных территорий). Задачей экспертизы было оценить, как реализация положений Стратегии отразится на долгосрочных демографических тенденциях, и выявить возможные риски для демографического развития страны.

¹⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 09.07.2025).

Этап 1: экспертный анализ содержания Стратегии

В результате тщательного изучения текста Стратегии и сопутствующих документов было установлено следующее. Стратегия объявляет приоритетным развитием ограниченного числа «опорных территорий» – крупных городов и агломераций, где сосредоточено около 77% населения страны. В частности, в ней выделено порядка 20 крупнейших городских агломераций, которым предполагается оказывать всестороннюю поддержку (инфраструктурные проекты, экономические кластеры и т. п.) для обеспечения экономического роста. Такой подход мотивирован концентрацией ресурсов для максимального экономического эффекта. Вместе с тем экспертиза выявила несколько существенных демографических рисков подобного подхода.

1. *Большинство малых и средних населенных пунктов, не вошедших в число приоритетных, может ускоренно деградировать и терять население.* Концентрация инвестиций в крупных городах неизбежно приведет к перетоку населения из периферии в эти центры (усилится внутренняя миграция из сел и малых городов в мегаполисы). Что грозит опустыниванием значительных территорий страны, особенно в депрессивных регионах. Уже сейчас доля сельского населения в России снижается (с 26,4% в 1990 г. до 25,0% в 2024 г.), а реализация Стратегии может ускорить такую тенденцию. Опасность заключается не только в самом факте оттока – обезлюживание территорий чревато проблемами использования сельхозземель, рисками для сохранения инфраструктуры и даже вопросами национальной безопасности на приграничных и удаленных землях (если там некому будет жить и поддерживать хозяйство).

2. *Сокращение населения малых поселений усугубит дефицит трудовых ресурсов в ряде отраслей.* Малые города и села часто привязаны к промышленным предприятиям, сельскому хозяйству, добыче ресурсов. Если молодое трудоспособное население будет уезжать в агломерации, возникнет нехватка кадров на местах, что может привести к снижению производства вне больших городов. Это противоречит целям сбалансированного развития и может вызвать необходимость стимулировать обратный приток (что сложнее, чем предотвратить отток). Экспертиза выявила, что Стратегия практически не содержит мер по поддержке рынка труда в неприоритетных территориях, а между тем демографическая ситуация (старение населения, отток молодежи) там может резко ухудшиться.

3. *Рост населения в агломерациях повлечет социально-демографические проблемы в самих этих центрах.* Интенсивная урбанизация приведет к повышению плотности населения в крупных городах, что вызовет удорожание жилья, снижение обеспеченности жильем на душу населения, возможно ухудшение экологической обстановки и качества жизни. Косвенно это может отражаться на демографическом поведении: при высокой стоимости жилья семьи могут откладывать рождение детей, уменьшая суммарную рождаемость. Таким образом, поддержка урбанизации без компенсационных мер (развития инфраструктуры, расселения, жилищных программ) может иметь эффект снижения рождаемости в долгосрочном периоде именно в тех центрах, которые должны стать «локомотивами» роста.

4. *Усилится демографическая поляризация между центрами и периферией.* Уже сейчас наблюдается концентрация населения в ограниченном числе регионов (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и др. растут, тогда как многие регионы

Сибири и Дальнего Востока теряют население). Реализация Стратегии может усилить эту диспропорцию. В экспертном заключении отмечено, что «не все жители смогут переселиться в приоритетные агломерации», в результате чего социальное неравенство и дисбаланс в расселении увеличатся. Одни территории будут переполнены населением и ресурсами, другие – опустеют. Такая картина противоречит задаче комплексного развития и чревата возникновением точек социальной напряженности (миграция населения – стресс не только для территорий-доноров, но и для территорий-реципиентов, где возрастает нагрузка на социальную инфраструктуру, рынок жилья, рынок труда).

Следует отметить, что сама по себе Стратегия пространственного развития напрямую не ставит демографических целей – ее основная цель экономическая. Однако демографические аспекты фигурируют косвенно (так, например, ожидается, что концентрация населения в крупных центрах приведет к формированию человеческого капитала и инновационной экономики). В профессиональном стандарте упоминается задача «оценки результативности стратегий демографического развития», но в данном случае стратегический документ не демографический по названию, хотя и имеет явные демографические последствия. Итак, данный кейс весьма показателен: он демонстрирует необходимость демографической экспертизы в межотраслевых стратегиях, где демография не выступает на первом плане, но критически важна опосредованно.

По итогам качественного анализа сформулированы следующие практические рекомендации для корректировки Стратегии с учетом целей демографического развития России: предусмотреть меры поддержки населения на убывающих территориях (программы занятости, стимулирования рождаемости на периферии, развития транспортной доступности); ограничить чрезмерный отток молодежи из регионов (к примеру, ввести квоты на целевое обучение с последующим возвращением в регион); сопроводить развитие агломераций активной жилищной и социальной политикой (чтобы рост городов не вел к падению рождаемости и росту смертности от стрессов городской жизни). Такие предложения могут лечь в основу заключительной части первого этапа экспертизы.

Этап 2: сценарное моделирование демографических последствий

Для оценки влияния государственной политики агломерирования на долгосрочные тенденции численности населения был выполнен сценарный демографический прогноз. В распоряжении исследователей имеется несколько методов прогнозирования основных демографических показателей на среднесрочную перспективу: интерполяционный, аналитический, метод передвижки возрастов (он же – метод компонент), а также подходы, основанные на теории циклического этногенеза. Помимо того, перспективным, хотя еще и малоизученным, считается агент-ориентированный подход к моделированию демографических процессов [9]. На практике наиболее распространен и надежен метод передвижки возрастов, предложенный американским демографом П. К. Уэлптоном в первой половине XX века [10].

Метод «передвижки возрастов» представляет собой пошаговую математическую модель, описывающую динамику возрастно-полового состава населения. Исходная информация – численность населения по полу и возрастным группам

на последний известный год. Далее для каждого последующего года численность перерасчитывается с учетом демографических факторов. Иными словами, каждый индивид «стареет» на один год за шаг прогноза, одновременно с заданной вероятностью для каждой возрастной группы учитываются события рождения, смерти или миграции. Математически это можно выразить формулой:

$$N_{x+1}(t+1) = N_x(t) \times a_x + M_x(t) \quad (1),$$

где $N_x(t)$ – численность возрастной группы x в году t ;

$N_{x+1}(t+1)$ – численность возрастной группы $x+1$ в следующем году;

a_x – коэффициент перехода в следующий возраст (вероятность дожить до возраста $x+1$);

$M_x(t)$ – миграционное сальдо для данной возрастной группы [11].

Такой метод является многофакторным: точный состав факторов варьируется в зависимости от качества статистической информации. Необходимыми параметрами для расчета выступают, как минимум, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, суммарный коэффициент рождаемости и общий коэффициент смертности. Увеличение числа учитываемых факторов повышает точность прогноза, но усложняет сами вычисления.

Для практической реализации метода передвижки возрастов разработан программный модуль DemProj. Эта модель, впервые созданная Д. Стоувером в 1980 г. [12], применяется ООН и другими исследователями для прогнозирования численности и структуры населения различных стран и регионов. DemProj позволяет получать прогнозы на срок до 150 лет от базового года. В настоящее время данная модель входит в бесплатный программный комплекс Spectrum (Avenir Health)¹⁸; в работе использовалась версия Spectrum 6.4.

Эмпирической базой исследования послужили официальные данные Росстата о численности постоянного населения России по полу и возрасту¹⁹ и компонентах его изменения (суммарный коэффициент рождаемости²⁰ и ожидаемая продолжительность жизни при рождении²¹), дифференцированные по типу местности (городское или сельское население). Возрастное распределение рождаемости (в %) было рассчитано авторами по данным Росстата и признавалось неизменным на всем прогнозируемом периоде для пятилетних возрастных групп женщин: 15–19 лет – 5,34%; 20–24 года – 25,19%; 25–29 лет – 30,36%; 30–34 года – 22,97%; 35–39 лет – 12,80%; 40–44 года – 3,13%; 45–49 лет – 0,21%. Число родившихся мужчин на 100 женщин признавалось равным 105,6 на всем периоде прогноза. Миграционный прирост на всем прогнозном интервале условно принят равным нулю, чтобы сосредоточиться на динамике естественного движения населения.

¹⁸ Spectrum // Avenir Health : [сайт]. URL: <https://avenirhealth.org/software-spectrum.php> (accessed on 28.09.2025).

¹⁹ Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278938/> (дата обращения: 28.08.2025); Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278936/> (дата обращения: 28.08.2025).

²⁰ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 28.08.2025).

²¹ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 28.08.2025).

Опираясь на официальные статистические данные, был произведен прогноз компонентов изменения численности населения на период до 2100 г. Для прогнозирования рождаемости отдельно в городской и сельской местности был использован метод «SARIMA» [13] – прогнозные значения суммарного коэффициента рождаемости ограничивались диапазоном, наблюдавшимся в 1990–2023 гг., т. е. не выходили за пределы исторических минимумов и максимумов. Этот метод позволяет автоматически выявлять цикличность и формировать сдержанные прогнозы показателей с заданными min/max-значениями. Результаты прогноза представлены на рис. 1.

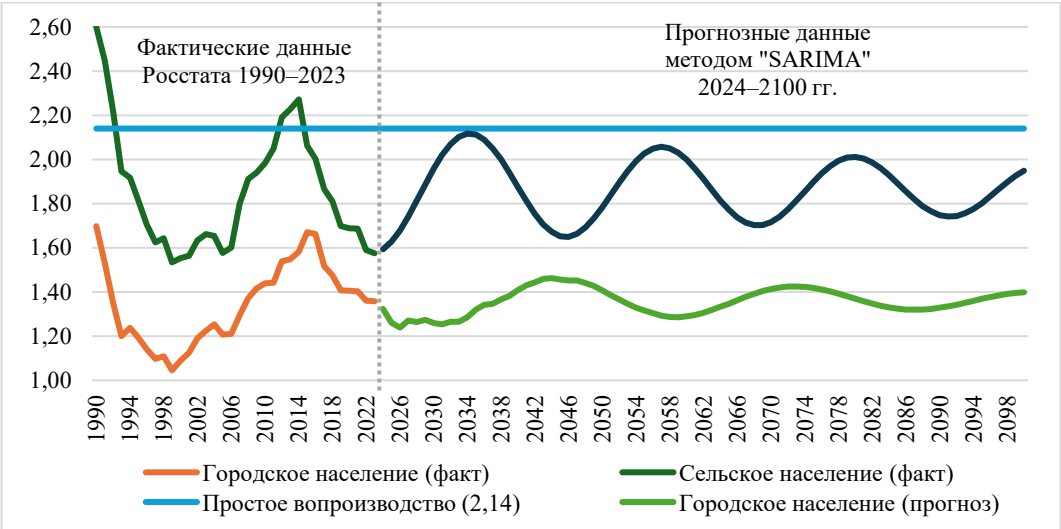

Рис. 1. Прогноз суммарного коэффициента рождаемости России для городской и сельской местности

Fig. 1. Forecast of the combined fertility rate of Russia for urban and rural areas

Источник: составлено авторами с помощью MS Excel по фактическим данным Росстата в 1990–2023 гг.²² и по рассчитанным авторами значениям в 2024–2100 гг. методом «SARIMA» с помощью Python

Статданные свидетельствуют о том, что уровень рождаемости в сельской местности устойчиво превышает городской. За весь период новейшей истории России суммарный коэффициент рождаемости на уровне простого воспроизводства населения ($> 2,14$) фиксировался только среди сельского населения (рис. 1) – в городах же СКР ни разу не достигал 2,14. Как правило, рост доли городского населения сопровождается снижением рождаемости (уменьшением величины СКР). Судя по Стратегии, ее авторы рассматривают укрупнение городов как объективно необратимый процесс. Несмотря на это государственная политика в принципе может быть направлена на смягчение подобных тенденций ради достижения стабильного

²² Численность постоянного населения на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://show-data.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 28.02.2025).

развития. В настоящее время можно констатировать, что стимулирование роста крупных городов фактически ведет к ускорению депопуляции.

Кроме того, в целях экспертизы был произведен прогноз ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин России на период до 2100 г. отдельно для городской и сельской местности. Методика построения прогноза опирается на детерминистическую «слабосмещенную» экстраполяцию тренда. Характеристики среднесрочного роста оцениваются на доковидном участке устойчивого подъема 2004–2019 гг. путем линейной регрессии. Полученный сдержанный линейный рост ожидаемой продолжительности жизни представлен на рис. 2.

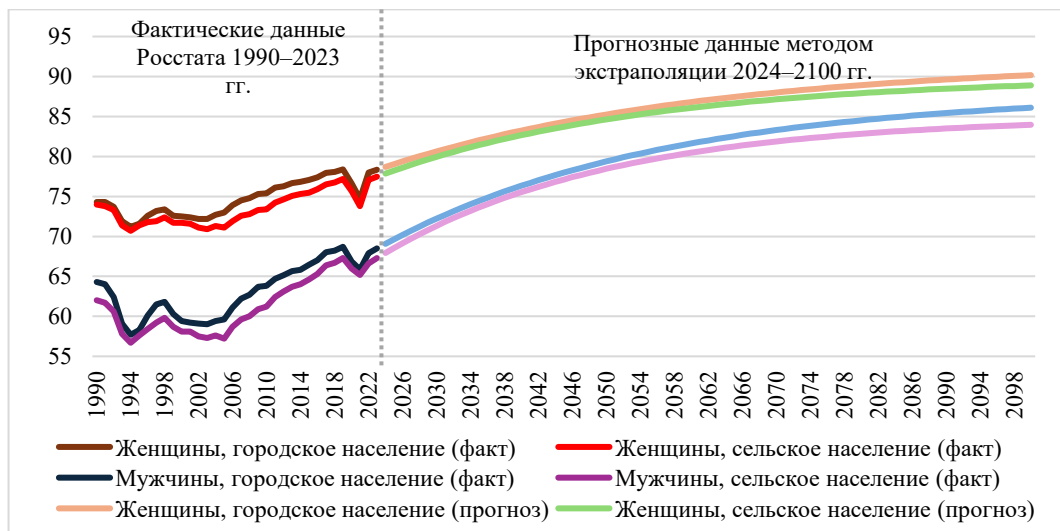

Рис. 2. Прогноз ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин России для городской и сельской местности (лет)

Fig. 2. Forecast of life expectancy for men and women in Russia for urban and rural areas (years)

Источник: составлено авторами с помощью MS Excel по фактическим данным Росстата в 1990–2023 гг.²³ и по рассчитанным авторами значениям в 2024–2100 гг. методом «слабосмещенной экстраполяции тренда» с помощью Python

Анализ данных за 1990–2023 гг. показывает, что доля городского населения в России увеличивалась почти линейно (рис. 3), что свидетельствует о продолжающемся процессе урбанизации, частично стимулированном государственной политикой. В связи с чем в прогнозе были рассмотрены три сценария изменения доли городского/сельского населения:

- сценарий «урбанизации» – сохранение текущей тенденции роста доли городских жителей теми же темпами, что и в 1990–2023 гг.;
- сценарий «фиксации» – доля городского (74,9%) и сельского (25,1%) населения остается постоянной на всем прогнозном интервале (на уровне 2023 г.);

²³ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 28.08.2025).

– сценарий «дезурбанизации» – доля сельского населения увеличивается (а доля городского сокращается) теми же темпами, с какими шел процесс урбанизации в последние десятилетия.

Поскольку тренд изменения долей городского и сельского населения – линейный, то и прогноз этого показателя на период до 2100 г. был выполнен с помощью линейной экстраполяции. Сценарный прогноз общей численности населения рассчитывался отдельно для городского и сельского населения по половозрастным группам с последующей корректировкой согласно сценарным траекториям долевого соотношения между ними.

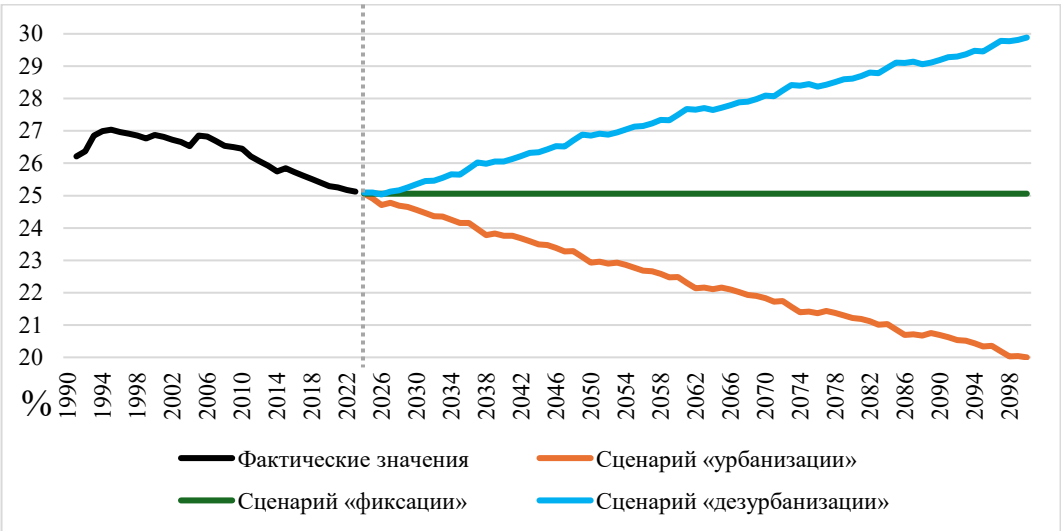

Рис. 3. Доля сельского населения России: фактические значения, 1990–2023 гг. и сценарные прогнозные значения, 2024–2100 гг. (%)

Fig. 3. Share of rural population in Russia: actual values, 1990–2023 and scenario forecast values, 2024–2100 (%)

Источник: выполнено авторами с помощью MS Excel по фактическим данным Росстата в 1990–2023 гг.²⁴ и по рассчитанным авторами данным методом линейной экстраполяции в 2024–2100 гг. с помощью Python

Прогноз численности населения осуществлялся отдельно для городской и сельской частей методом передвижки возрастов, после чего итоговые результаты корректировались в соответствии со сценариями изменения доли городского и сельского населения. Использовались данные для России в целом, без разбивки по регионам. Миграционное сальдо не учитывалось и не прогнозировалось. Ключевая гипотеза моделирования состояла в том, что высокий уровень урбанизации ведет к несколько более низкой суммарной рождаемости (ввиду концентрации населения в крупных городах, где рождаемость традиционно ниже), тогда как

²⁴ Численность постоянного населения на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://show-data.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 28.02.2025).

сохранение большей доли сельского населения поддерживает более высокий уровень рождаемости.

Исходные данные для прогнозов взяты из статистики Росстата по численности городского и сельского населения за 1990–2023 гг. (на 1 января)²⁵. Историческая динамика показала рост доли городского населения с 73,6% в 1990 г. до ≈75% в 2023 г., при общей убыли населения в 1990-е гг. и стабилизации в 2000–2010-е гг.²⁶ В альтернативном сценарии демографические коэффициенты рождаемости были условно выше для сельского населения²⁷. В сценарии деурбанизации доля сельского населения постепенно увеличивается с текущих ≈25% до ≈30% к 2100 г., в урбанизационном – напротив, снижается до ≈20% к 2100 г. При этом суммарная численность населения во всех сценариях сокращается (по причине низкой рождаемости, не обеспечивающей простое воспроизводство, и ограниченных резервов миграционного прироста). Здесь важно подчеркнуть: ни один сценарий не приводит к росту населения к концу XXI века, разница – лишь в скорости сокращения.

На рис. 4 представлены полученные прогнозные траектории численности постоянного населения России до 2100 г. для трех сценариев урбанизации.

Как видно на рис. 4, при всех рассмотренных вариантах численность населения РФ в долгосрочной перспективе имеет тенденцию к снижению (кривая фактической численности достигает максимума около 150 млн в начале 1990-х гг., затем снижается до ≈146 млн в 2020-е гг. и далее убывает). Однако сценарии различаются по крутизне спада во второй половине XXI века. Сценарий усиленной урбанизации приводит к несколько более низкой численности населения к 2100 г., чем сценарий дезурбанизации. Разница между этими сценариями к 2100 г. составляет порядка 4,3 млн человек (74,8 млн против 79,1 млн). Сценарий с сохранением существующей структуры (зеленая линия) занимает промежуточное положение (≈77,0 млн к 2100 г.). В процентах это означает, что политика, смягчающая урбанизационные процессы, может сохранить дополнительно около 5–6% населения к концу столетия по сравнению со сценарием концентрации населения в агломерациях. На промежуточном горизонте (2050 г.) различия не столь значительны – порядка 0,3 млн между крайними вариантами (около 127,2 млн в деурбанизационном против 126,9 млн в урбанизационном, то есть доли процента). К 2080 г. разница увеличивается до ≈2,3 млн (96,3 млн против 94,0 млн, ≈2,5%).

Такие результаты свидетельствуют о том, что демографические эффекты пространственной стратегии проявляются существенно в долгосрочной перспективе – на протяжении нескольких поколений. Для наглядности ключевые числовые показатели приведены в табл. 1.

²⁵ Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278938/> (дата обращения: 28.08.2025); Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278936/> (дата обращения: 28.08.2025).

²⁶ Численность постоянного населения на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 28.02.2025).

²⁷ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 28.02.2025).

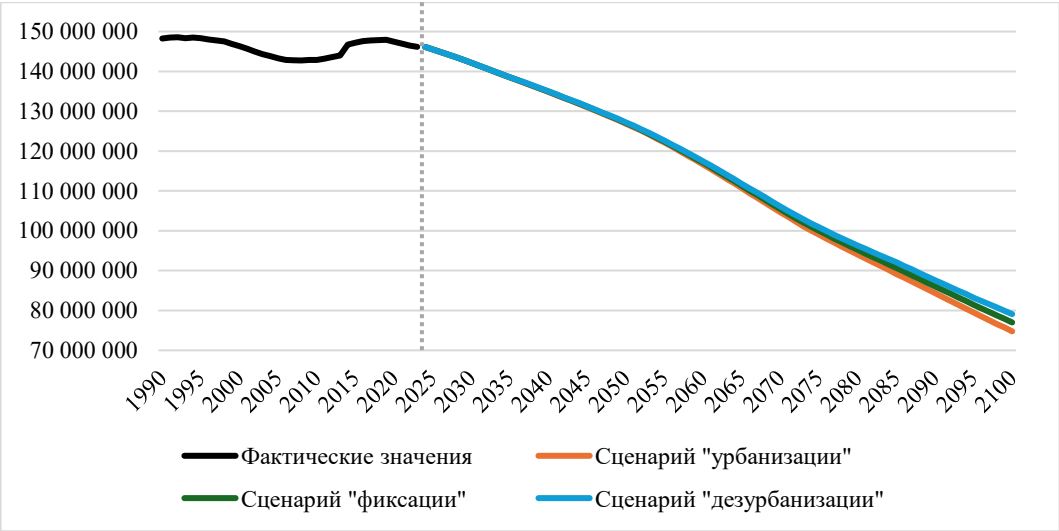

Рис. 4. Прогноз численности населения России при трех сценариях урбанизации
Fig. 4. Projected population of Russia under three urbanization scenarios

Источник: составлено авторами с помощью MS Excel по фактическим данным Росстата в 1990–2023 гг.²⁸ и по рассчитанным авторами значениям в 2024–2100 гг. методом передвижки возрастов с помощью модуля DemProj программного продукта Avenir Health Spectrum²⁹

Таблица 1

Прогноз численности населения России при различных сценариях урбанизации без учета миграционного замещения населения (млн человек)

Table 1

Projected population of Russia under different urbanization scenarios without taking into account the migration replacement of the population (million people)

Сценарий	2050 г.	2080 г.	2100 г.
Усиленная урбанизация	126,9	94,0	74,8
Фиксация структуры	127,1	95,2	77,0
Дезурбанизация	127,2	96,3	79,1

Источник: составлено авторами по данным Росстата³⁰

Из таблицы явствует, что к 2050 г. разница между сценариями будет минимальной – все варианты дают численность населения около 127 млн. Это объясняется тем, что на горизонте 20–30 лет основное влияние на численность населения оказывает уже заложенная возрастная структура (эхо прежней высокой рождаемости 1980-х гг. и провалов 1990-х гг.), а миграционные процессы могут лишь незначительно скорректировать общую динамику. Между тем к 2080 г. и тем более к 2100 г.

²⁸ Численность постоянного населения на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://show-data.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 28.09.2025).

²⁹ Spectrum // Avenir Health : [сайт]. URL: <https://avenirhealth.org/software-spectrum.php> (accessed on 28.09.2025).

³⁰ Численность постоянного населения на 1 января // Росстат : [сайт]. URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/report/278928> (дата обращения: 10.08.2025).

накопленные различия становятся заметными. При сценарии урбанизации более быстрое снижение рождаемости (в связи с высокой долей городского населения) и продолжающийся отток из периферии приводят к тому, что население сокращается сильнее. Сценарий деурбанизации, предполагающий удержание части населения вне крупных городов, демонстрирует чуть более высокие итоги за счет наиболее благоприятной структуры населения (большая доля сельских женщин репродуктивного возраста и несколько более высокие коэффициенты рождаемости). Таким образом, влияние Стратегии пространственного развития проявляется как ускорение депопуляции: модель показывает, что без мер децентрализации к 2100 г. население России может сократиться на $\approx 5\%$, нежели при политике, поддерживающей расселение по территории.

Резюмируя результаты экспертизы, подытожим: качественный анализ Стратегии выявил риск усиления депопуляции периферии и снижения рождаемости вследствие урбанизационного перекоса, а количественный прогноз подтвердил, что данные факторы могут привести к заметно более низкой численности населения в долгосрочной перспективе. Несмотря на то, что к 2030 г. (горизонт самой Стратегии) демографические различия неочевидны, но к 2050 г. последствия накапливаются. Это важный вывод: демографическая экспертиза позволяет заглянуть дальше формального горизонта планирования и оценить отдаленные эффекты. В случае Стратегии пространственного развития экспертиза показала, что без мер по сдерживанию внутренней миграции и поддержке рождаемости вне крупнейших агломераций Россия к концу XXI века рискует иметь на несколько миллионов человек меньше, чем могла бы. Такие цифры подчеркивают национальную значимость рассматриваемого вопроса.

Экспертное заключение по итогам двух этапов было представлено заинтересованным ведомствам. В нем, в частности, рекомендовано при доработке Стратегии пространственного развития ввести блок демографических мер: целевые программы развития малых городов, стимулирование рождаемости в регионах с низкой плотностью населения (например, путем увеличения пособий именно в вымирающих деревнях), создание инфраструктуры в средних городах для привлечения туда мигрантов и молодых семей, развитие дистанционных рабочих мест, позволяющих людям жить вне мегаполисов. Эти рекомендации непосредственно вытекают из обнаруженных рисков и подтверждены сценарным анализом. Таким образом, демонстрационный пример подтвердил, что методика демографической экспертизы, включающая и качественный, и количественный этапы, способна выявить «слепые зоны» в стратегических документах и дать научно обоснованные предложения по их корректировке.

Обсуждение

Полученные в результате апробации методики итоги следует обсудить в контексте других исследований и оценить универсальность предложенного подхода. Во-первых, результаты сценарного прогнозирования, выполненного в рамках экспертизы Стратегии пространственного развития, согласуются с оценками, имеющимися в демографической науке относительно влияния урбанизации на рождаемость. Известно, что в России рождаемость сельского населения стабильно выше

городского: так, по состоянию на 2024 г. суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности был примерно на 0,2 выше, чем в городах (1,53 против 1,36)³¹. Следовательно, продолжающаяся урбанизация без компенсирующих мер статистически ведет к снижению совокупного уровня рождаемости. Это отмечали и другие исследователи. В частности, С. Н. Филимонов с соавторами, анализируя естественное воспроизводство населения регионов Сибири, установили, что наиболее урбанизированные области имеют более низкие коэффициенты рождаемости и более высокие показатели смертности, тогда как сельские районы все еще дают естественный прирост [14]. Наши расчеты для сценария «усиленной урбанизации» фактически экстраполируют такую тенденцию на будущее, в то время как сценарий «деурбанизации» – условный вариант ее смягчения. Полученное расхождение в численности населения ($\approx 5\%$ к 2100 г.) в целом соответствует оценкам влияния разницы в рождаемости: ориентировочно разница в СКР на 0,1–0,15 в течение 80 лет при прочих равных и начальной базе ≈ 140 млн чел. даст разницу порядка нескольких миллионов родившихся. Таким образом, полученный результат находится в русле общепринятых представлений. Это говорит о валидности примененного моделирования и о том, что методика может воспроизводить реальные демографические процессы.

Во-вторых, обсуждая практическую значимость, важно отметить, что подобная демографическая экспертиза могла бы быть проведена и ранее, еще на этапе разработки Стратегии. К сожалению, в российских реалиях процедуры научной экспертизы стратегических документов не всегда осуществляются. Как показывал Д. В. Ноженко [7] в отношении региональных программ, часто программы принимаются без достаточного анализа базовых тенденций, что приводит к неэффективности – цели не достигаются, поскольку изначально были нереалистичны. Наш пример со Стратегией подтверждает этот вывод на федеральном уровне: демографические аспекты не получили должного внимания при подготовке экономико-пространственной стратегии. Что указывает на широчайшее поле применения методики демографической экспертизы. Она может использоваться на этапе разработки проектов – тогда негативные последствия будут предвидены и учтены заблаговременно. Кроме того, методика применима и ретроспективно для оценки уже реализованных программ (например, для анализа демографических эффектов национального проекта «Демография» или материнского капитала спустя годы после внедрения). В литературе встречаются попытки такой оценки – так, работы, анализирующие влияние материнского капитала на динамику рождаемости, фактически выполняют функцию демографической экспертизы политики постфактум. Представленная методология, будучи формализованной, может помочь структурировать такие исследования и сделать их результаты более сравнимыми.

Важный момент, выявленный при сравнении различных подходов – необходимость междисциплинарности в демографической экспертизе. Наша методика сфокусирована на демографической составляющей, но реализация рекомендаций часто упирается в экономические и управленческие вопросы. На примере Стратегии

³¹ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 28.02.2025).

пространственного развития становится очевидным, что изменить тенденции расселения можно лишь экономическими методами (инвестициями в периферию, изменением распределения ресурсов). То есть демографическая экспертиза должна в идеале выполняться в связке с экономической экспертизой, социально-географическим анализом. В практике научных экспертиз нередко создаются междисциплинарные группы. Наш опыт показывает, что выводы демографов могут послужить основой для постановки задач экономистам: к примеру, мы указали на риск оттока населения – экономисты могут оценить, сколько инвестиций нужно, чтобы его предотвратить. В этом смысле методику можно дополнить этапом согласования с другими экспертными направлениями. Однако ядро (два демографических этапа) от этого не меняется, просто результаты интегрируются в более широкий контекст.

Немалый интерес представляет сравнение с международной практикой. В зарубежных странах оценка демографического воздействия пока не выделяется как отдельный тип экспертизы, но ее элементы встречаются, например, в рамках «Social Impact Assessment» при оценке крупных проектов. Там оценивается, как проект повлияет на местное сообщество, в том числе численно (приток или отток населения). Наш подход фактически систематизирует эту составляющую. Можно отметить, что разработанная методика созвучна методам, применяемым ООН для прогнозирования населения: использование сценариев (варианты прогноза ООН – низкий, средний, высокий), по сути, сценарии политики. Новизна нашего подхода заключается в том, что сценарии привязаны к конкретным управленческим решениям, а не абстрактным допущениям. Что повышает прикладную ценность. В частности, прогноз ООН для России имеет средний вариант ≈ 121 млн к 2100 г. (при средних тенденциях рождаемости и миграции)³², что заметно выше наших оценок даже в худшем сценарии. Разница объясняется тем, что мы не оцениваем миграционное замещение населения, сосредотачиваясь на динамике естественного воспроизводства. В этом и заключается сила демографической экспертизы – она может показать, что будет, если мы предпримем те или иные действия. ООН и другие прогнозисты задают внешние сценарии, а мы – управляемые сценарии. Таким образом, методика демографической экспертизы позволяет увязать воедино научный прогноз с процессом планирования и управления.

Безусловно, предложенная методика имеет ограничения. Сценарное моделирование зависит от исходных гипотез, и если они заданы неверно, результат будет неточным. Например, в рассмотренном случае мы предположили относительно умеренное влияние урбанизации на рождаемость. Если же влияние окажется сильнее (скажем, урбанизация приведет к еще более резкому падению рождаемости, как в некоторых европейских странах), то реальная убыль населения может превысить наши оценки. В экспертизе всегда присутствует элемент неопределенности. Поэтому в идеале следует разрабатывать несколько альтернативных сценариев, отражающих различную степень воздействия, и оговаривать допущения. Мы в нашем исследовании ограничились тремя вариантами для наглядности, но при

³² World Population Prospects 2024 // UN DESA Population Division : [site]. URL: [https://population.un.org/wpp/assets/Excel%20Files/1_Indicator%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2024_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_FULL.xlsx](https://population.un.org/wpp/assets/Excel%20Files/1_Indicator%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2024_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_FULL.xlsx) (accessed on 07.10.2025).

практическом использовании методики можно, к примеру, построить диапазон прогнозов (лучший и худший случаи). Кроме того, демографические процессы могут меняться под влиянием внешних факторов, не учтенных в Стратегии (эпидемии, войны, глобальные миграции и т. п.). Экспертиза отдельных документов не заменяет общего стратегического демографического прогнозирования, она лишь уточняет его применительно к вмешательству.

Еще один вопрос для обсуждения – институциональное внедрение методики. Как отмечалось во введении, профессиональный стандарт требует от демографов умения проводить экспертизу и готовить экспертные заключения. Вместе с тем на практике необходимо, чтобы заказчики (органы власти) запрашивали такую экспертизу. Наше предложение – включать демографическую экспертизу в регламент оценки регулирующего воздействия (ОРВ) при принятии значимых документов. Сейчас при ОРВ обычно оценивают экономические и финансовые последствия, иногда экологические. Добавление демографического критерия было бы логичным шагом, особенно для документов в социальной сфере, регионального развития и пр. Реализация возможна через методические рекомендации Минтруда или Минэкономразвития. В этом плане публикация методологии (подобной представленной в статье) служит основанием и ориентиром для официальных документов.

Наконец, необходимо подчеркнуть прикладную значимость методики для развития регионов России. В условиях демографического спада и разной динамики по территориям (где-то еще идет рост, а где-то уже убыль) инструментарий демографической экспертизы поможет более точно нацеливать региональные программы. Например, Республика Тыва имеет относительно высокий естественный прирост, и при экспертизе программы повышения рождаемости важно было спрогнозировать, не приведет ли она к избыточному росту нагрузки на экономику – подобную задачу разбирали М. А. Зырянова и Л. А. Попова [15] в своем анализе процессов рождаемости на примере Тывы. В другом случае, для депопулирующего региона, экспертиза может показать, что без притока населения экономические меры бессмысленны – тогда регион в поисках трудовых ресурсов будет вынужден интегрироваться с соседними. Таким образом, метод демографической экспертизы находит применение в стратегическом планировании регионального развития, дополняя экономические расчеты.

Подводя итог обсуждению, отметим: полученные результаты конкретного сценарного анализа подтвердили необходимость учета демографических последствий управленческих стратегий, а предложенная методика доказала свою работоспособность. Она не противоречит существующим научным представлениям, а скорее соединяет их с практическими потребностями.

Выводы

В ходе исследования решена поставленная задача по разработке и апробации методологии демографической экспертизы проектов и программ. Ключевые выводы можно сформулировать следующим образом.

1. Демографическая экспертиза – востребованный инструмент демографической политики. Включение демографической экспертизы в профессиональный стандарт «Демограф» не случайно: в современных условиях, когда демографические

вызовы (старение населения, депопуляция территорий, миграционные процессы) напрямую влияют на устойчивое развитие, практически любой значимый проект нуждается в оценке его демографических последствий. Во введении обоснована актуальность исследования: без демографической экспертизы стратегические документы рискуют не достичь целей или даже усугубить проблемы (как иллюстрирует пример пространственной стратегии). Стало быть, разработка методологии экспертизы восполняет существующий пробел в методическом обеспечении демографической работы.

2. Предложена комплексная методика проведения демографической экспертизы, включающая два взаимодополняющих этапа – качественный (экспертный анализ) и количественный (сценарное моделирование). На качественном этапе эксперты проводят всестороннюю оценку содержания проекта: соответствие целям и законам, научная обоснованность мер, выявление потенциальных рисков и формулирование рекомендаций. На количественном этапе с помощью демографического прогнозирования оценивается масштаб ожидаемых изменений (разница между базовым и альтернативным сценариями). Такая структура методики соответствует принципам IMRaD: сначала анализировать проблему, затем измерить и подтвердить выводы. В работе подробно описаны методы, которые применяются на каждом этапе (от контент-анализа документов до когортного прогноза населения). Это придает методике универсальный характер – ее можно применять для различных объектов экспертизы, изменяя наполнение этапов под конкретную задачу.

3. Апробация методики на примере Стратегии пространственного развития РФ до 2030 г. продемонстрировала ее эффективность. Экспертиза выявила конкретные демографические риски (обезлюдение периферии, снижение рождаемости при урбанизации) и с помощью сценарного анализа количественно оценила их влияние (ускорение убили населения в долгосрочной перспективе на ≈5%). Были сформулированы рекомендации, направленные на смягчение негативных последствий (поддержка малых городов, стимулирование рождаемости вне агломераций и пр.). Тем самым показано, что методика способна продемонстрировать прикладной результат – научно обоснованное экспертное заключение, полезное для корректировки политики. Графики и таблицы, построенные по результатам прогнозов, наглядно отразили разницу сценариев и могут служить удобным инструментом коммуникации с лицами, принимающими решения.

4. Сравнение с другими исследованиями подтвердило достоверность и новизну подхода. Результаты экспертизы согласуются с известными демографическими закономерностями (к примеру, влияние урбанизации на рождаемость), что свидетельствует о научной обоснованности методики. В то же время новизна заключается в интеграции различных аспектов, ранее фрагментарно рассмотренных в литературе, в единую процедуру. По сути, методика кодифицирует лучшую практику: учитывает идеи А. И. Антонова о соответствии целей и мер, использует прогнозный инструментарий как у И. И. Белобородова, реализует призыв С. А. Сукневой к обязательности оценки. Такой синтез – теоретический вклад работы в развитие демографической науки прикладного характера.

5. Практическая значимость методики подтверждена и выходит за рамки одного примера. Предложенный алгоритм может применяться для экспертизы самых разных документов: программ стимулирования рождаемости, миграционной политики, социально-экономических стратегий регионов, национальных проектов и т. д. Везде, где есть демографическая составляющая, описанные нами в статье два этапа помогут выявить и измерить эффекты. Методика особенно актуальна для регионов с острыми демографическими проблемами – ее применение позволит обоснованно планировать меры, избегая неэффективных шагов. Кроме того, методика может лечь в основу методических рекомендаций федеральных органов (например, Минтруда) по проведению демографической экспертизы на местах. Это усилит институционализацию демографической экспертизы: она станет привычной частью процесса разработки и оценки государственных решений.

6. Внедрение демографической экспертизы будет способствовать более устойчивому и научно обоснованному управлению демографическим развитием. Теоретическая значимость методики – в том, что она повышает роль научного прогнозирования и экспертизы в публичном управлении. Практическая значимость – в предотвращении ошибочных решений, потенциальной экономии ресурсов и времени за счет ранней коррекции стратегий. Можно утверждать, что демографическая экспертиза, выполненная по предлагаемой методике, является инструментом превентивной демографической политики: вместо борьбы с последствиями (депопуляцией, дисбалансами) она позволяет заранее подстроить решения под демографические реалии, тем самым смягчая негативные тенденции.

В заключение подчеркнем: представленные методологические подходы и результаты не претендуют на окончательное решение проблемы. Напротив, они открывают направления для продолжения начатой работы. Требуется дальнейшее накопление опыта проведения демографических экспертиз, обмен лучшими практиками между регионами, уточнение модели сценарного анализа (к примеру, включение экономико-демографических моделей). Однако уже сейчас очевидно, что демографическая экспертиза из теоретической идеи превращается в практический инструмент. Описанная методика может служить отправной точкой для стандартов и руководств в этой области. Ее применение поможет сделать политику в демографическом плане более прозрачной, а значит – более эффективной и ответственной перед будущими поколениями.

Список литературы

1. Антонов, А. И. О соответствии мер и средств демографической политики ее долгосрочным целям (опыт демографической экспертизы) // Демографические исследования: сборник. Москва : КДУ, 2009. С.148–161.
2. Ростовская, Т. К. Особенности работы специалиста-демографа: обзор профессионального стандарта // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 253–258. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.17). EDN [CUJQKC](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2023.3.3.17).
3. Белобородов, И. И. Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор демографической деградации (демографическая экспертиза законопроекта «О вспомогательных репродуктивных технологиях» Республики Беларусь) // Демографические исследования. 2012. № 13. URL: <http://demographia.net/demograficheskaya-ekspertiza-zakonoproekta-o-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiyah-respubliki> (дата обращения: 06.08.2016).

4. Сукнева, С. А. Арктическая зона Северо-Востока России: проблемы демографического развития // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 25. С. 13–16. EDN [QCLHET](#).
5. Ситковский, А. М. Влияние государственной политики агломерирования на долгосрочные демографические тенденции в России // Вестник РУДН: Серия Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12, № 3. С. 375–385. DOI [10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385](#). EDN [BMRMLM](#).
6. Варыгина, А. С. Нормативно-правовые основы оценки демографических процессов // Экономика и социум. 2017. № 9 (40). С. 64–67. EDN [ZTHHRT](#).
7. Ноженко, Д. В. Проблемы применения программно-целевого метода в управлении демографическими процессами // Московский экономический журнал. 2020. № 7. С. 421–427. DOI [10.24411/2413-046X-2020-10499](#). EDN [PULDMD](#).
8. Каберты, Н. Г. Демографические меры регулирования рынка труда Северной Осетии–Алании / Н. Г. Каберты, Г. Б. Бекоев // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 4. С. 153–162. DOI [10.24412/1561-7785-2024-4-153-162](#). EDN [ECEHRC](#).
9. Макаров, В. Л. Агент-ориентированные модели: мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, Е. Д. Сушко [и др.] // Вестник РАН. 2016. Т. 86, № 3. С. 252–262. DOI [10.18254/978-5-604-5843-7-8](#). EDN [TNPHBF](#).
10. Whelpton, P. K. Population of the United States, 1925 to 1975 // The American Journal of Sociology. 1928. Vol. 34, No. 2. Pp. 253–270. DOI [10.1086/214667](#).
11. Назаров, А. А. Метод передвижки возрастных групп в демографии и его приложения / А. А. Назаров, М. Г. Носова // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2009. № 3 (8). С. 67–74. EDN [MNHJOT](#).
12. Stover, D. DemProj Manual: A Computer Program for Making Population Projections // D. Stover, S. Kirmeyer. Washington : The Futures Group International, 2007. 106 p.
13. Shimizu, S. Applicability of SARIMA Model in Tokyo Population Migration Forecast / S. Shimizu, S. Shin // Proceedings of the 14th International Conference on Human System Interaction (HSI). Gdansk : IEEE, 2021. P. 1–4. DOI [10.1109/HSI52170.2021.9538690](#).
14. Филимонов, С. Н. Естественное воспроизводство населения Сибирского федерального округа в начале второй волны депопуляции (особенности и прогноз) / С. Н. Филимонов, О. И. Баран, В. А. Рябов // Здравоохранение Российской Федерации. 2019. Т. 63, № 3. С. 116–121. DOI [10.18821/0044-197X-2019-63-3-116-121](#). EDN [VLNIQV](#).
15. Зырянова, М. А. Факторный анализ процессов рождаемости в северных регионах России / М. А. Зырянова, Л. А. Попова // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 3 (59). С. 111–121. DOI [10.25702/KSC.2220-802X-3-2018-59-111-121](#). EDN [VLSDMA](#).

Сведения об авторах

Ситковский Арсений Михайлович, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: omnistat@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8725-6580](#); РИНЦ SPIN-код: [9559-1803](#); Web of Science Researcher ID: [AAG-1530-2021](#); Scopus Author ID: [57220956828](#).

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov.timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](#); РИНЦ SPIN-код: [3204-9894](#); Web of Science Researcher ID: [AAY-1530-2021](#); Scopus Author ID: [57209221088](#).

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; принята в печать 20.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC EXPERTISE OF PROJECTS AND WORKS

Arseniy M. Sitkovskiy

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: omnistat@yandex.ru

Timur R. Miryazov

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

For citation: Sitkovskiy, A. M., Miryazov, T. R. Methodological Aspects of Demographic Expertise of Projects and Works. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 188–215. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.11). (In Russ.)

Abstract. The article discusses the concept of demographic analysis of projects and proposals and proposes an author's approach to its implementation. This topic is relevant due to the lack of unified methods for implementing demographic analysis in the professional standards "Demographer". The introduction justifies the need for demographic analysis to assess the consequences of managerial decisions in demographic development. Although the professional standard includes such a function, there are currently no developed methodological recommendations. A review of literature shows that several re-searchers have tried to conceptualize demographic analysis: they discussed the experience of analyzing demographic policy measures, assessed the demographic risks associated with individual bills, proposed introducing mandatory demographic analysis for strategic documents through legislation, etc., but a unified method has not been developed yet. The methodology and methods section presents a two-step approach: 1) an expert analysis of document content (checking for compliance with demographic policy goals, scientific validity, comprehensiveness of measures, etc.) and 2) demographic scenario modeling of consequences of implementation. The results section demonstrates how this methodology was applied using the example of The Strategy for Spatial Development in Russia until 2030: an analysis of its content revealed a concentration on supporting large cities and insufficient attention paid to demographic risks, and alternative scenarios for demographic development (urbanization vs. decentralization) were calculated with population forecasts until 2100. It was shown that implementing the urbanization scenario would lead to higher rates of long-term depopulation compared to a balanced scenario. In the discussion, the results were compared with other demographic modeling studies and the areas where the methodology could be applied in practical demographic analysis were highlighted. The conclusions emphasize that this methodology contributes to institutionalizing demographic analysis as a tool for strategic planning and providing a scientific basis for assessing demographic impacts of projects.

Keywords: demographic expertise, demographic policy, assessment methodology, scenario modeling, population forecasting, strategic planning, agglomeration, urbanization

References

1. Antonov, A. I. O sootvetstviy mer i sredstv demograficheskoi politiki ee dolgosrochnym tseliyam (opyt demograficheskoi ekspertizy) [On the compliance of measures and means of demographic policy with its long-term goals (experience of demographic expertise)]. *Demograficheskie issledovaniya [Demographic Research]: a collection*. Moscow : KDU Publ., 2009. Pp. 148–161. (In Russ.).
2. Rostovskaya, T. K. Features of the Work of a Demographer: An Overview of the Professional Standard. *DEMIS. Demographic research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 253–258. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.17). (In Russ.).
3. Beloborodov, I. I. Vspomogatel'nyye reproduktivnyye tekhnologii kak faktor demograficheskoy degradatsii (demograficheskaya ekspertiza zakonoprojekta «O vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh» Respubliki Belarus') [Assisted reproductive technologies as a factor in demographic degradation (demographic examination of the draft law "On Assisted Reproductive Technologies" of the Republic of Belarus)]. *Demograficheskie issledovaniya*. 2012. No. 13. URL: <http://demographia.net/demograficheskaya-ekspertiza-zakonoproekta-o-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiyah-respubliki> (accessed on 06.08.2016). (In Russ.).

4. Suknyova, S. A. Arkticheskaya zona Severo-Vostoka Rossii: problemy demograficheskogo razvitiya [Arctic zone of the North-East of Russia: problems of demographic development]. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2013. No. 25. Pp. 13–16. (In Russ.).
5. Sitkovskiy, A. M. The Impact of State Agglomeration Policy on Long-Term Trends of Population Changes in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025. Vol. 12, No. 3. Pp. 375–385. DOI [10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385](https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385). (In Russ.).
6. Varygina, A. S. Normativno-pravovye osnovy otsenki demograficheskikh protsessov [Regulatory and legal framework for assessing demographic processes]. *Ekonomika i sotsium [Economy and Society]*. 2017. No. 9 (40). Pp. 64–67. (In Russ.).
7. Nozhenko, D. V. Problems of Application of the Program-Target Method in the Management of Demographic Processes. *Moscow Economic Journal* 2020. No. 7. P. 421–427. DOI [10.24411/2413-046X-2020-10499](https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10499). (In Russ.).
8. Kaberty, N. G., Bekoev, G. B. Demographic Measures for Labor Market Regulation in North Ossetia. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 4. Pp. 153–162. DOI [10.24412/1561-7785-2024-4-153-162](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-153-162). (In Russ.).
9. Makarov, V. L., Bakhtizin, A. R., Sushko, E. D., et al. Supercomputer Technologies in Social Sciences: Agent-Oriented Demographic Models. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2016. Vol. 86, No. 3. P. 252–262. DOI [10.18254/978-5-604-5843-7-8](https://doi.org/10.18254/978-5-604-5843-7-8). (In Russ.).
10. Whelpton, P. K. Population of the United States, 1925 to 1975. *The American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 34, No. 2. Pp. 253–270. DOI [10.1086/214667](https://doi.org/10.1086/214667).
11. Nazarov, A. A., Nosova, M. G. The technic of Aging in Demography and its Applications. *Tomsk State University Journal of Control and Computer Science*. 2009. No. 3 (8). Pp. 67–74. (In Russ.).
12. Stover, D., Kirmeyer, S. *DemProj Manual: A Computer Program for Making Population Projections*. Washington : The Futures Group International, 2007. 106 p.
13. Shimizu, S., Shin, S. Applicability of SARIMA Model in Tokyo Population Migration Forecast. *Proceedings of the 14th International Conference on Human System Interaction (HSI)*. Gdansk : IEEE, 2021. Pp. 1–4. DOI [10.1109/HSI52170.2021.9538690](https://doi.org/10.1109/HSI52170.2021.9538690).
14. Filimonov, S. N., Baran, O. I., Ryabov, V. A. Natural Reproduction of the Population of Siberian Federal District at the Beginning of the Second Wave of Depopulation (Peculiarities and Prediction). *Health Care of the Russian Federation*. 2019. Vol. 63, No. 3. Pp. 116–121. DOI [10.18821/0044-197X-2019-63-3-116-121](https://doi.org/10.18821/0044-197X-2019-63-3-116-121). (In Russ.).
15. Zyryanova, M. A., Popova, L. A. Faktorniy analiz protsessov rozhdaemosti v severnykh regionakh Rossii [Factor analysis of fertility processes in the northern regions of Russia]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. 2018. No. 3 (59). Pp. 111–121. DOI [10.25702/KSC.2220-802X-3-2018-59-111-121](https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X-3-2018-59-111-121). (In Russ.).

Bio notes

Arseniy M. Sitkovskiy, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: omnistat@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8725-6580](https://orcid.org/0000-0002-8725-6580); RSCI SPIN-code: [9559-1803](https://www.rsci.ru/spin/9559-1803); Web of Science Researcher ID: [AAG-1530-2021](https://orcid.org/AAG-1530-2021); Scopus Author ID: [57220956828](https://orcid.org/57220956828).

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); RSCI SPIN-code: [3204-9894](https://www.rsci.ru/spin/3204-9894); Web of Science Researcher ID: [AAY-1530-2021](https://orcid.org/AAY-1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Received on 18.08.2025; accepted for publication on 20.10.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.12)

EDN [RHDVXZ](https://edn.ras.ru/RHDVXZ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН В ДИНАМИКЕ

Бесфамильный Д. А.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: besfadanil@gmail.com

Для цитирования: Бесфамильный, Д. А. Демографическое благополучие постсоветских стран в динамике // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 216–237. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.12). EDN [RHDVXZ](https://edn.ras.ru/RHDVXZ).

Аннотация. В статье дан комплексный анализ демографического благополучия государств постсоветского пространства в динамике. Демографическое благополучие подразумевает создание оптимальных условий для планирования семьи, рождения детей и смены места жительства, что способствует увеличению степени удовлетворенности жизнью и достижению желаемого уровня физического, психологического и социально-экономического благосостояния индивида и его ближайшего окружения. В статье ставится задача провести сравнительное исследование стран Содружества Независимых Государств (СНГ) по основным параметрам демографического благополучия с целью выявления универсальных тенденций и региональных паттернов. В качестве основы нами взяты такие показатели, как численность постоянного населения, его половозрастная структура, суммарный коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, ожидаемая продолжительность жизни, международная миграция, уровень и условия жизни, пенсионное обеспечение, жилищные условия. Названы ключевые особенности постсоветских стран с 1991 по 2024 г. в динамике. Выявлена динамика численности постоянного населения стран за 2014–2024 гг. Проанализирована половозрастная структура с использованием демографических пирамид для каждой из стран в начале и в конце исследуемого десятилетия – 2015 и 2024 гг. Анализ общего коэффициента смертности показывает общую тенденцию к ее постепенному уменьшению в государствах постсоветского пространства. Гипотетически это является признаком улучшения уровня жизни населения и развития систем здравоохранения. Для всестороннего исследования демографического благополучия в динамике изучены параметры материального обеспечения населения, создающие фундамент для построения семьи и домохозяйства. Так, проанализировано значение прожиточного минимума за период 2000–2024 гг. Рассмотрена динамика пенсионного обеспечения с 1991 по 2023 г. Для анализа также затронут общий объем жилого фонда за 1994–2023 гг.

Ключевые слова: демографическое благополучие, рождаемость, смертность, миграция, пенсионное обеспечение, жилищные условия

Введение

Демографическое благополучие подразумевает создание оптимальных условий для планирования семьи, рождения детей и смены места жительства, что способствует увеличению степени удовлетворенности жизнью и достижению желаемого уровня физического, психологического и социально-экономического благосостояния индивида и его ближайшего окружения.

Как отмечает С. В. Рязанцев, в масштабах государства или отдельных административно-территориальных единиц (областей, провинций) демографическое

благополучие в широком смысле интерпретируется как гармоничное соотношение количественных и качественных показателей демографической динамики страны или региона на протяжении как минимум пяти лет. Иными словами, это устойчивое состояние, характеризующееся положительными изменениями в показателях рождаемости, смертности, миграционных потоков и других демографических процессов, обеспечивающее стабильное воспроизводство населения и улучшение качественных характеристик, таких как состояние здоровья, образовательный уровень и экономическое положение граждан [1].

Во-первых, стабильный рост численности населения, наблюдаемый в течение продолжительного времени, является основным индикатором демографического благополучия. Во-вторых, к странам с положительной демографической динамикой относят те территории, где увеличение населения происходит как за счет естественного прироста, то есть превышения рождаемости над смертностью, так и благодаря положительному сальдо миграции. Страны, в которых общий прирост обеспечивается лишь одним из этих факторов при отрицательной динамике другого, не могут быть безоговорочно отнесены к территориям с благоприятной демографической ситуацией.

В-третьих, существенное значение имеет соотношение рождаемости и смертности, а также тенденции их изменения. Первостепенным условием является превышение количества родившихся над количеством умерших. Уровень рождаемости должен гарантировать простое воспроизводство населения, а структура смертности не должна характеризоваться чрезмерно высокими показателями среди трудоспособного населения и молодежи.

В-четвертых, важным критерием выступают качественные показатели демографического состояния, включая сбалансированное соотношение мужчин и женщин в разных возрастных группах, оптимальное соотношение молодых и пожилых людей, наличие достаточных трудовых ресурсов, необходимых для экономического и социального прогресса.

Таким образом, демографическое благополучие – это сбалансированное соотношение статистических показателей демографического развития страны на протяжении определенного временного периода.

Методология и методы

Исследованию демографических аспектов развития государств постсоветского пространства посвящено большое количество работ: С. В. Рязанцева, Т. Р. Мирязова [1], В. А. Ионцева, А. Г. Магомедовой [2], Л. Л. Рыбаковского [3], А. Е. Ивановой, А. Ю. Михайлова [4], С. В. Соболевой, Н. Е. Смирновой, О. В. Чудаевой [5], В. Н. Архангельского, О. Д. Воробьевой [6] и целого ряда др. На их труды мы опирались при отборе статистики, которая отражает широкие аспекты демографического благополучия.

Наша научная статья сфокусирована на анализе аспектов демографического благополучия стран постсоветского пространства в динамике. Выборка ограничена государствами – членами Содружества Независимых Государств, подписавшими его Устав: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Грузия, страны Балтии, Украина и Туркменистан

исключены из рассмотрения ввиду неподписания Устава СНГ, что определяет их иную институциональную траекторию развития. Целью работы является проведение сравнительного анализа стран СНГ по ключевым параметрам демографического благополучия и выявление общих для региона тенденций, обусловленных складывающейся в них демографической ситуацией. В связи со сложностью сбора репрезентативных статистических данных временные рамки исследования стандартизации не подлежат. Для обеспечения сопоставимости результатов использованы наиболее полные из доступных данных по выбранным странам с указанием релевантных временных периодов. Такой подход позволяет минимизировать возможные искажения, связанные с различиями в национальных методиках сбора статистики и иными источниками погрешности.

Так, выявлена динамика численности постоянного населения государств постсоветского пространства за 2014–2024 гг. Анализ половозрастной структуры произведен с использованием демографических пирамид для каждой из стран в начале и конце исследуемого десятилетия – за 2015 и 2024 гг. соответственно.

Для изучения демографических процессов и оценки рождаемости применен суммарный коэффициент рождаемости (СКР), отражающий среднее число рождений на одну женщину репродуктивного возраста в конкретной стране с 2014 по 2023 г. Общий коэффициент смертности (ОКС) затронут как индикатор, отображающий состояние здоровья граждан и их способность выживать и позволяющий оценить демографическое благополучие конкретной страны за период 1991–2023 гг.

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) также является важным параметром, отражающим уровень жизни населения, экономическое развитие государства и наличие квалифицированной медицинской помощи. Заданная категория отражает динамику с 1991 по 2023 г.

Для оценки международной миграции и уровня жизни населения постсоветских государств использованы данные по домохозяйствам за 2010–2021 гг. Домохозяйство представляет собой группу людей, совместно проживающих в одном жилом помещении и осуществляющих совместную экономическую деятельность. Подобная деятельность включает объединение денежных средств, частично или полностью, для обеспечения общих потребностей – приобретения продуктов питания, оплаты текущих расходов или формирования общего бюджета, вне зависимости от наличия родственных связей и ряда др.

Для всестороннего анализа демографического благополучия в динамике взяты параметры материального обеспечения населения, которые обеспечивают фундамент для построения семьи и домохозяйства. Проанализировано значение прожиточного минимума за период 2000–2024 гг. Рассмотрена динамика пенсионного обеспечения с 1991 по 2023 г., поскольку именно эти выплаты выступают в качестве финансовой опоры, когда граждане достигают пенсионного возраста, приобретают инвалидность либо теряют единственного кормильца. Кроме того, для полноты анализа затронут общий объем жилого фонда за 1994–2023 гг., который определяется путем сложения жилой площади, предназначенной для постоянного проживания граждан, и площади, отведенной для размещения хозяйственных и вспомогательных служб.

Результаты

Численность постоянного населения

Согласно информации, опубликованной Статистическим комитетом СНГ¹, население Азербайджана продемонстрировало значительный подъем, существенно превосходящий динамику Армении (увеличение на 704 тыс. человек). В Армении темпы изменения численности населения оказались самыми низкими среди анализируемых государств. В Республике Беларусь зафиксировано незначительное сокращение: с 9 444 тыс. до 9 156 тыс. человек. В отличие от Беларуси, в Казахстане наблюдался прирост почти в 2 млн человек. Население Кыргызстана также возросло – приблизительно на 1,4 млн человек, что при общей численности в 7 млн представляет собой ощутимую перемену для государства. В Республике Молдова за десятилетний период зафиксировано снижение численности населения с 2 869 тыс. до 2 423 тыс. человек.

Российская Федерация сохраняет лидерство по численности населения, значительно превышая суммарное количество жителей всех остальных стран. По последним данным, население России составляет 146 151 тыс. человек, что на 2 млн больше, чем десять лет назад. Наибольший показатель был зарегистрирован в 2019 г. – 147 959 тыс. человек. Наряду с этим значительное число жителей проживает на территории Узбекистана (36 800 тыс. человек). Государства Центральной Азии, такие как Кыргызстан (+1 385 тыс. человек), Таджикистан (+2 127 тыс. человек) и Узбекистан (+6 307 тыс. человек), демонстрируют существенный рост численности населения за исследуемый период (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности постоянного населения стран в 2014–2024 гг. (тыс. человек)

Table 1

Dynamics of the permanent population in countries in 2014–2024 (thousand people)

Страна	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2024 г.
Азербайджан	9 477	9 706	9 898	9 974	10 063	10 181
Беларусь	9 444	9 469	9 448	9 410	9 256	9 156
Таджикистан	8 161	8 551	8 931	9 314	9 887	10 288
Кыргызстан	5 777	6 020	6 257	6 664	6 913	7 162
Молдова	2 869	2 826	2 730	2 644	2 565	2 423
Армения	3 017	2 999	2 973	2 960	2 961	2 991
Казахстан	17 161	17 670	18 157	18 632	19 503	20 034
Узбекистан	30 493	31 575	32 657	33 905	35 271	36 800
Россия	144 025	147 182	147 797	147 959	146 980	146 151

Источник: составлено автором по данным Статкомитета СНГ²

¹ Статистика СНГ // Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176> (дата обращения: 15.09.2025).

² Там же.

Половозрастной состав населения

Анализ половозрастной структуры произведен с использованием демографических пирамид для каждой из стран в начале и конце исследуемого десятилетия³. По его результатам налицо следующая картина.

В Азербайджане отмечается рост численности населения, при этом половозрастная структура претерпела незначительные изменения. К началу 2024 г. зафиксировано небольшое старение населения с наиболее многочисленными возрастными группами (свыше 400 тыс. человек), приходящимися на возрастную категорию от 30 до 39 лет, тогда как в 2015 г. эта группа была на 10 лет моложе.

В Армении также наблюдается общая тенденция старения населения на фоне незначительного снижения его общей численности. Заметно усиление дисбаланса между количеством мужчин и женщин в возрасте старше 60 лет, который стал более выраженным за десятилетие – к началу 2024 г.

Беларусь тоже демонстрирует старение населения, однако разрыв между численностью мужчин и женщин пожилого возраста за 10 лет уменьшился. Кроме того, для Беларуси характерно снижение рождаемости, что проявляется в значительно меньшей численности населения на начало 2024 г. в возрасте от 0 до 4 лет по сравнению со старшими возрастными группами.

В Республике Казахстан фиксируется замедление роста народонаселения несмотря на то, что уровень рождаемости остается значительным. Лица в возрасте от 0 до 19 лет численно превосходят старшие возрастные категории. Наблюдается небольшая доля граждан старше 75 лет, и сохраняется диспропорция между мужским и женским населением.

В Кыргызской Республике прослеживаются схожие тенденции, характеризующиеся превышением числа рождений над числом смертей. Аналогично Казахстану, процент пожилых граждан в сравнении с молодежью относительно невелик.

В Республике Молдова происходит снижение репродуктивной активности, что приводит к старению населения. Уменьшение коэффициента рождаемости, зафиксированное к началу 2024 г., является ключевым фактором. Низкие показатели начала 2000-х гг. негативно отразились на численности трудоспособного населения в настоящий момент.

В Российской Федерации отмечаются подобные демографические изменения, в том числе заметное снижение рождаемости в 2024 г. по сравнению с 2015 г. Возрастная структура характеризуется существенным гендерным перекосом среди лиц старше 70 лет.

В Республике Таджикистан демографическая ситуация отличается активным ростом численности населения и высокими показателями рождаемости. В течение последних десяти лет в стране зафиксировано увеличение рождаемости, что способствует «омоложению» возрастной структуры населения.

Возрастная пирамида Республики Узбекистан демонстрирует признаки второго демографического перехода. Однако за последнее десятилетие наблюдался

³ Население, занятость и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств, 2022 : статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. Москва, 2023. 294 с. ISBN 978-5-89078-185-7.

рост численности населения и увеличение коэффициента рождаемости в 2023 г. Гендерный дисбаланс среди пожилого населения выражен в меньшей степени.

Суммарный коэффициент рождаемости

Для анализа демографических процессов и оценки рождаемости используется суммарный коэффициент рождаемости (СКР), отражающий среднее число рождений на одну женщину репродуктивного возраста в конкретной стране. Значение СКР около 2,1 указывает на простое воспроизводство населения, при котором его численность остается стабильной. Если СКР оказывается ниже 2,1, то это свидетельствует о суженном воспроизводстве и потенциальном сокращении населения в последующих поколениях, при отсутствии значительной миграции. Превышение СКР значения 2,1 говорит о расширенном воспроизводстве, вызванном естественным приростом населения за счет рождаемости (табл. 2).

Таблица 2

Суммарный коэффициент рождаемости населения стран СНГ

Table 2

Total fertility rate of the CIS countries

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Азербайджан	2,0	2,1	2,0	1,9	1,8	1,8	1,7	1,5	1,7	1,6
Армения	1,7	1,6	0,6	1,6	1,6	1,6	1,7	1,7	1,7	1,9
Беларусь	1,7	1,7	1,7	1,5	1,4	1,4	-	-	-	-
Казахстан	2,7	2,7	2,8	2,7	2,8	2,9	2,9	3,1	3,3	3,1
Кыргызстан	3,2	3,2	3,1	3,0	3,3	3,3	3,1	2,9	2,8	2,7
Молдова	1,8	1,9	1,9	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,7	1,6
Россия	1,8	1,8	1,8	1,6	1,6	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4
Таджикистан	-	-	-	2,8	-	-	-	-	-	-
Узбекистан	2,5	2,5	2,5	2,4	2,6	2,8	2,9	3,2	3,3	3,4

Источник: составлено автором по данным Статкомитета СНГ⁴

К государствам с расширенным воспроизводством в настоящее время можно отнести Казахстан (СКР – 3,1 в 2023 г.), Кыргызстан (2,7) и Узбекистан (3,4). Таджикистан также можно включить в эту группу, хотя данные за 2017 г. показывают значение 2,7. СКР в поименованных странах значительно превышает уровень простого воспроизводства. Казахстан демонстрирует умеренные темпы роста рождаемости, но с тенденцией к снижению в последние годы. В Кыргызстане наблюдаются признаки второго демографического перехода, с пиком рождаемости в 2018–2019 гг. и последующим постепенным снижением. Узбекистан за последние 10 лет пережил значительный скачок рождаемости почти на единицу.

Сохраняющиеся архаичные обычаи раннего вступления в брак, распространенность больших семей и полигамия, особенно в государствах исламского мира, оказывают ощутимое влияние на динамику народонаселения. Социальные устои, в основе которых лежит доминирование мужского начала, тоже существенно определяют демографические тренды. Сельские районы демонстрируют, как правило, повышенные уровни фертильности относительно крупных городских центров, что

⁴ Статистика СНГ // Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176> (дата обращения: 15.09.2025).

создает предпосылки для увеличения численного состава семей. Данный контекст нередко побуждает супругов к воспроизводству трех и более детей.

Вторая группа стран характеризуется снижением СКР и суженным типом воспроизводства, включая Азербайджан (1,6), Армению (1,9), Беларусь (1,4), Молдову (1,6) и Россию (1,4). Следует отметить, что данные по Беларуси неполные, однако позволяют оценить сложившуюся там демографическую ситуацию. В Азербайджане зарегистрировано одно из самых значительных падений рождаемости за последнее десятилетие. В Армении после резкого снижения в 2006 г. до 0,6 наблюдается более благоприятная динамика, приближающаяся к показателям простого воспроизводства. Беларусь демонстрирует активное снижение СКР после пиковых значений в 2016 г. Молдова характеризуется наиболее стабильными показателями СКР с незначительными изменениями за последние десять лет. В России налицо снижение СКР за последнее десятилетие, но за прошедшие два года ситуация несколько стабилизировалась.

Таким образом, страны СНГ в зависимости от показателей суммарного коэффициента рождаемости можно разделить на две группы. Первая из них представлена государствами с высокой рождаемостью и расширенным воспроизводством населения, прежде всего, это страны Средней Азии. Вторую группу представляет собой европейский сегмент СНГ, где ситуация с рождаемостью может быть описана как менее благоприятная.

Общий коэффициент смертности

Общий коэффициент смертности (ОКС) является важным индикатором, отражающим состояние здоровья граждан и их способность выживать, а также позволяющим оценить демографическое благополучие конкретной территории. Нами был произведен анализ данных по этому показателю в странах СНГ за период с 1991 по 2023 г. на основе информации из источников [1; 4; 6]. Особое внимание было уделено десятилетнему периоду с 2013 по 2023 г. для определения наиболее актуальных тенденций.

Таблица 3

Общий коэффициент смертности населения стран СНГ

Table 3

Overall mortality rate of the population in the CIS countries

Страна	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Азербайджан	6,2	6,7	5,9	6,2	6	5,7	7,6	5,9
Армения	6,5	7,6	7,5	8,4	9,2	9,3	12,2	8,2
Беларусь	11,2	13,1	13,5	14,7	14,4	12,6	-	-
Казахстан	8,2	10,7	10,1	10,4	9	7,5	8,6	6,6
Кыргызстан	6,9	8	6,9	7,2	6,6	5,8	6,1	4,4
Молдова	10,5	12,2	11,3	12,4	12,3	11,2	15,4	13,7
Россия	11,4	15	15,3	16,1	14,2	13	14,6	12,1
Таджикистан	6,1	6,1	4,7	4,6	4,4	4	4,5	3,2
Узбекистан	6,2	6,4	5,5	5,4	4,8	4,9	5,1	4,7

Источник: составлено автором по данным Статкомитета СНГ⁵

⁵ Статистика СНГ // Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176> (дата обращения: 15.09.2025).

Армения, Кыргызстан, Россия и Таджикистан столкнулись с резким увеличением смертности в 1992–1993 гг., что можно связать с политическими и экономическими потрясениями постсоветского времени, увеличением преступности и снижением доступности качественной медицинской помощи. Наиболее высокие значения летальности традиционно наблюдались в России и Беларуси, что может быть объяснено большей численностью населения и особенностями возрастной структуры.

Азербайджан демонстрирует относительно низкие значения ОКС. Кризисные явления 1990-х гг. оказали меньшее воздействие на статистику этой страны, однако в 2018 г. и 2020 г. отмечены заметные всплески смертности. В 2018 г. рост был более интенсивным, в то время как в период пандемии отмечалось постепенное увеличение, формирующее плато в течение двух лет. В остальное время суммарный коэффициент летальности в Азербайджане оставался относительно стабильным, находясь в диапазоне от 5,5 до 6,5 промилле.

В Армении общий коэффициент смертности демонстрирует стабильность, не показывая ощутимого влияния экономического кризиса 1990-х гг. Колебания фиксировались в пределах 7,5–9,5, но в период пандемии COVID-19 наблюдался скачок до 11,6, после чего последовало снижение до 6,6, что было ниже допандемийных значений.

Беларусь предоставляет статистические данные лишь до 2019 г., что затрудняет оценку влияния пандемии на смертность. Для Беларуси характерны относительно высокие показатели общего коэффициента смертности, колеблющиеся в диапазоне 12–14, без видимого воздействия кризиса 1990-х гг.

В Казахстане пики смертности отмечены в 1995 г. и 2021 г. Вместе с тем именно в этой стране наблюдается наиболее выраженное уменьшение ОКС, а кроме того, восстановление после пандемии произошло довольно быстро. Максимальный уровень общего коэффициента смертности в Казахстане достигал 10,7 в 1995 г., а к 2023 г. снизился до 6,6.

Кыргызстан демонстрирует положительную динамику в показателях смертности. Рост смертности в 1990-е гг. зафиксирован к 1995 г. Последующее снижение сменилось увеличением в период с 2001 по 2006 г. Затем в стране наблюдалось постепенное снижение общего коэффициента смертности, особенно заметное после 2013 г. COVID-19 не оказал значительного эффекта на показатели смертности, наблюдалась относительная стабилизация в 2020–2022 г., а к 2023 г. страна достигла уровня смертности ниже допандемийного (4,4).

В Молдове – типичная картина с ОКС: после незначительного подъема в 1990-е гг. показатель оставался относительно стабильным в диапазоне 10,5–12,5. Но к 2018 г. был отмечен значительный рост общего коэффициента смертности. Молдова, наряду с Россией и Украиной, столкнулась с наиболее серьезными последствиями пандемии COVID-19 – с увеличением ОКС на 4 и более промилле после 2020 г.

Узбекистан и Таджикистан характеризуются самыми низкими показателями смертности. В Узбекистане замечена наиболее равномерная динамика общего коэффициента смертности: без резких колебаний в пределах 4,5–3,5. Подъем показателя смертности в 1990-е гг. был плавным, с постепенным снижением

впоследствии. Схожая ситуация наблюдалась и в период пандемии COVID-19: для Узбекистана не был характерен резкий подъем ОКС в период с 2020 по 2022 г.

В Таджикистане зарегистрирован наиболее низкий показатель смертности среди стран СНГ (3,2 промилле), однако его динамика в течение исследуемого периода демонстрировала колебания. Республика испытала заметный подъем общего показателя смертности во время социально-экономических преобразований 1990-х гг. Впоследствии наблюдалось такое же стремительное снижение этого значения. Аналогично Кыргызстану в Таджикистане в период с 2000 по 2005 г. отмечалось постепенное увеличение ОКС, за которым последовала стабилизация и его постепенное снижение к 2019 г. Пандемия COVID-19 оказала воздействие на статистические данные в Таджикистане, но в относительно меньшей степени, чем в других странах СНГ.

Анализ общего коэффициента смертности за последние три с половиной десятилетия выявляет общую тенденцию к постепенному уменьшению в государствах Содружества. Предположительно, это указывает на улучшение уровня жизни населения и развитие систем здравоохранения. Кризис 1990-х гг. и пандемия COVID-19 оказали негативное влияние практически на все страны СНГ, что отразилось в статистике ОКС. В настоящее время наблюдается положительная динамика, выражающаяся в продолжающемся снижении коэффициента.

Ожидаемая продолжительность жизни

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) – важный параметр, который отображает уровень жизни населения, экономическое развитие государства и наличие квалифицированной медицинской помощи. Страны СНГ демонстрируют общую тенденцию к увеличению продолжительности жизни граждан, невзирая на различия в социально-экономическом развитии и неполноту данных по отдельным регионам. Однако этот индикатор наиболее ярко демонстрирует влияние социально-экономической дестабилизации 1990-х гг. и пандемии COVID-19 на государства Содружества.

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность жизни населения стран СНГ (лет)

Table 4

Life Expectancy of the Population in CIS Countries (years)

Страна	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Азербайджан	70,5	69,1	71,8	72,4	73,6	75,2	73,2	76
Армения	70,4	70,7	72,9	73,5	74,1	75	73,5	77,7
Беларусь	70,7	68,6	69	68,8	70,4	73,9	-	-
Казахстан	-	63,7	65,5	65,9	68,4	72	71,4	75,1
Кыргызстан	68,8	66	68,5	67,9	69,3	70,6	71,9	72
Молдова	67,7	65,8	67,6	67,9	69,1	71,5	69,8	71,9
Россия	69	64,5	65,3	65,4	68,9	71,4	71,5	73,4
Таджикистан	70,1	66,1	68,2	70,6	72,5	73,6	-	76,5
Узбекистан	-	70,2	70,8	71,8	73	73,6	73,4	74,7

Источник: составлено автором по данным Статкомитета СНГ⁶

⁶ Статистика СНГ // Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176> (дата обращения: 15.09.2025).

Наибольшая ожидаемая продолжительность жизни зафиксирована в Армении (77,7 лет в 2023 г.). В отличие от других государств, последствия пандемии отразились на Армении сильнее. Ожидаемая продолжительность жизни в Армении в период с 2019 по 2022 г. значительно снизилась (до 72,4). Однако в течение следующего года показатель почти вернулся к допандемийным значениям и продолжает демонстрировать тенденцию к росту.

В Азербайджане, в отличие от Армении, снижение ОПЖ в 1990-е гг. было более значительным (до 69,1 лет). Пандемия оказала существенное воздействие, и ожидаемая продолжительность жизни резко уменьшилась (до 73,2). В последние два года рост показателя замедлился, но его полного возвращения к допандемийному уровню не произошло.

В Республике Беларусь прослеживается своеобразная динамика средней ожидаемой продолжительности жизни. Несмотря на общемировую тенденцию к увеличению данного показателя, в стране наблюдаются колебания с периодами как снижения, так и повышения. Подобно ряду государств со схожими социально-экономическими условиями, в Беларуси в 1990-е гг. отмечалось постепенное уменьшение продолжительности жизни, достигшее минимальной отметки в 68,5 лет. Проведение полноценного анализа затруднено по причине отсутствия официальных статистических данных за период после 2019 г. Тем не менее, исходя из имеющейся информации, все же вероятным представляется сохранение тенденции к увеличению ОПЖ. Влияние пандемии COVID-19 на данный показатель остается неопределенным также ввиду отсутствия актуальных статистических сведений.

Республика Казахстан, ранее занимавшая последнее место по продолжительности жизни среди стран Содружества Независимых Государств, в настоящее время демонстрирует наиболее существенный прогресс, достигнув значения в 75,1. Впрочем, исторически сложившаяся ситуация в Казахстане не всегда была столь благоприятной. Несмотря на отсутствие данных за 1990 г., к 1995 г. было зафиксировано снижение ожидаемой продолжительности жизни, после чего начался ее постепенный рост, ускорившийся после 2005 г., особенно с 2007 г.

В Казахстане вплоть до 2019 г. наблюдался активный рост продолжительности жизни; пандемия COVID-19 оказала лишь умеренное воздействие, сократив показатель примерно на 1,5 г. После завершения пандемии отмечался ускоренный рост показателя, что позволяет стране занять лидирующие позиции в СНГ по продолжительности жизни на 2023 г.

В Кыргызской Республике ситуация с ОПЖ является типичной для стран СНГ в целом. В 1990-е гг. отмечалось некоторое снижение, однако оно было менее выраженным. Ожидаемая продолжительность жизни населения Кыргызстана к 2000 г. начала увеличиваться и продолжала стабильно расти до конца рассматриваемого периода, достигнув 72 лет. Важно отметить, что пандемия практически не повлияла на динамику ожидаемой продолжительности жизни в стране: значения оставались стабильными, и даже сохранилась тенденция к росту.

В Молдове пандемия COVID-19 оказала значительное негативное влияние, сократив среднюю продолжительность жизни на несколько лет. Эта тенденция отмечалась и в период, предшествовавший пандемии, начиная с 2018 г. К 2023 г.

показатель не достиг докризисного значения (71,9 г.), но демонстрирует признаки восстановления.

Вопреки относительно высокому уровню социально-экономического развития, средняя продолжительность жизни в России остается относительно невысокой (73,4 года). В 1990-е гг. страна пережила резкое снижение показателя – одно из наиболее ощутимых среди стран СНГ. Впоследствии, как и в большинстве государств европейской части Содружества, в Российской Федерации наблюдался рост, пик которого был достигнут раньше, чем у соседей, и уже к 2000 г. началось снижение. После 2005 г. вплоть до 2019 г. наблюдался стабильный и значительный рост. Пандемия COVID-19 привела к снижению показателя в период с 2019 по 2022 г. более чем на 3 года. В настоящее время показатель восстановился, достигнув почти 73,5 г.

Республика Узбекистан демонстрирует положительную динамику средней продолжительности жизни (74,7 года к 2023 г.). Несмотря на пробелы в данных за 1990-е гг., текущие значения указывают на такую тенденцию. Пандемия оказала меньшее воздействие на Узбекистан, с сокращением примерно на 2 года (до 73,4 лет). На данный момент показатель восстановился и даже превысил допандемийный уровень.

Отличительной чертой ситуации в Таджикистане является отсутствие официальной статистики об ожидаемой продолжительности жизни в период пандемии COVID-19. Вероятно, сбор данных был осложнен ограничениями, введенными для перемещения населения. Отсутствие этой информации затрудняет сопоставление потенциального снижения продолжительности жизни в Таджикистане с другими странами СНГ за тот же период времени. Тем не менее, на сегодняшний день средняя продолжительность жизни в Таджикистане превысила уровень, предшествовавший пандемии, достигнув 76,5 лет, и продолжает демонстрировать положительную динамику.

При анализе тенденций изменения продолжительности жизни в странах СНГ наблюдается общее стремление к увеличению данного показателя. Однако влияние пандемии на разные государства различалось по интенсивности, и для некоторых стран последствия оказались более ощутимыми, так как не все смогли вернуться к допандемийным показателям.

Международная миграция

Данные по международной миграции в стране с точки зрения демографического благополучия позволяют оценить уровень поддержания демографического равновесия. Миграция может компенсировать убыль населения, особенно в условиях снижения рождаемости. Приток молодых и работоспособных мигрантов может смягчить эффект старения населения и способствовать сохранению активного трудового населения.

В Азербайджане наиболее массовый отток населения зафиксирован в 1991 г. (40,1 тыс. чел.), затем его уровень стал снижаться и к 2000 г. составил 0,9 тыс. человек. К 2010 г. Азербайджану удалось выйти на уровень стабильного прироста населения на 1,2 тыс. человек в среднем.

В Армении методика определения численности постоянно проживающего населения была пересмотрена в 2014 г., и теперь учитывает данные о миграционных перемещениях. Основой для анализа миграции служат сведения, полученные путем опроса домохозяйств за предшествующий год. До 2020 г. для Армении была характерна устойчивая тенденция сокращения численности населения. Но в 2022 г. и 2023 г. наблюдался миграционный приток, составивший 6,1 тыс. и рекордные 41,4 тыс. человек соответственно⁷.

В Республике Беларусь отрицательное сальдо миграции зафиксировано лишь в 1994 г. и 1995 г. В последующие годы наблюдалась положительная динамика, достигшая пика в 2015 г., когда прирост был равен 18,5 тыс. человек.

Самый значительный отток населения в Казахстане зарегистрирован в 1994 г., когда страну покинули 409,1 тыс. человек. В дальнейшем ситуация стабилизировалась, и в 2006 г. был достигнут максимальный положительный показатель – 33 тыс. человек.

В Кыргызстане наибольшее отрицательное значение миграционного прироста отмечено в 2010 г. (-50,6 тыс. чел.), а в 2023 г. страна впервые вышла на уровень положительного значения в 9,8 тыс.

В Республике Молдова статистические данные не охватывают территорию Приднестровья и город Бендеры. С 2014 г. оценка миграционных потоков основывается на сведениях Пограничной полиции о пересечении государственной границы с учетом международных стандартов, устанавливающих понятие обычного места жительства. Информация за последний период является предварительной.

В Российской Федерации, начиная с 2011 г., к долговременным мигрантам относятся граждане РФ, иностранцы и лица без гражданства, зарегистрированные по месту жительства на срок от девяти месяцев и более. Максимальный миграционный приток был в 1994 г. и составил 978 тыс. человек. В дальнейшем наблюдалось его постепенное снижение, достигшее минимального значения в 2014 г. После 2015 г. прирост характеризуется колебаниями: в 2020 г. (в период пандемии COVID-19) он был равен 106,5 тыс., в 2021 г. – 429,9 тыс., а в 2022 г. снизился до 61,9 тыс. человек.

В Таджикистане и Узбекистане миграционный прирост с 1991 по 2023 г. показывает отрицательное значение. Так, в Таджикистане самый низкий уровень зафиксирован в 1995 г. (-37,8 тыс.), а в Узбекистане – в 2005 г. (-101,6 тыс.)

Анализ миграционного прироста позволяет разбить страны СНГ на две группы. Первая представляет собой страны, которые смогли к 2023 г. выйти на положительное значение данного показателя (Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан и Россия). Во второй группе до сих пор фиксируется отрицательный показатель миграционного прироста (Молдова, Таджикистан и Узбекистан). По Беларуси данные неполные, но на 2015 г. наблюдалась положительная динамика.

⁷ Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира 2020–2023. Межгосударственный статистический комитет СНГ. Москва, 2024. 51 с.

Таблица 5

Миграционный прирост (тыс. человек)

Table 5

Migration gain (thousand people)

Страна	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Азербайджан	-40,1	-9,8	-5,5	-0,9	1,4	1,1	1,1	1,2
Армения	4,4	-35,6	-21,9	-30,3	-37,6	-25,9	3,3	41,4
Беларусь	3	-0,2	12,1	1,9	10,3	18,5	-	-
Казахстан	-48,9	-243,3	-108,3	22,7	15,4	-13,5	-17,7	9,3
Кыргызстан	-36,6	-18,9	-22,5	-27	-50,6	-4,2	-4,9	9,8
Молдова	-33,7	-17,1	-4,7	-3,6	-0,5	-21,3	-7,2	-59,6
Россия	136,1	653,7	362,6	282,1	271,5	245,4	106,5	203,6
Таджикистан	-26,4	-37,8	-13,7	-9,3	-6,5	-4,8	-7,9	-
Узбекистан	-30,2	-89	-66,6	-101,6	-44,1	-29,3	-12,5	-14,4

Источник: составлено автором по данным Статкомитета СНГ⁸

Уровень и условия жизни

Знание денежных доходов домашних хозяйств в стране с позиции демографического благополучия необходимо, чтобы оценить приоритеты социальной и экономической политики государства, а также наличие или отсутствие благоприятных условий для жизни на территории государства.

Финансовые ресурсы домохозяйства формируются из совокупных поступлений, получаемых всеми его членами. Эти поступления включают в себя заработную плату наемных работников, доходы от индивидуальной трудовой деятельности (включая работодателей, частных предпринимателей и членов производственных кооперативов), государственные социальные выплаты (такие как пенсионные выплаты, стипендии, социальные пособия и компенсации, благотворительная помощь в денежном выражении), доходы от владения имуществом в виде процентных начислений, дивидендов, рентных платежей, доходы от реализации продукции личного подсобного хозяйства и другие денежные поступления.

В странах СНГ учет доходов домохозяйств с 2011 по 2021 г. осуществлялся в соответствующих национальных валютах. Например, в Азербайджане использовался азербайджанский манат, в Армении – армянский драм, в Республике Беларусь – белорусский рубль (после деноминации 2016 г.), в Казахстане – казахстанский тенге, в Кыргызстане – сом, в Молдове – молдавский лей, в Российской Федерации – российский рубль, в Таджикистане – сомони, в Узбекистане – узбекский сум⁹.

При исчислении доходов от самостоятельной занятости и предпринимательской деятельности не учитывается сельскохозяйственная деятельность, за исключением некоторых случаев.

В Азербайджане с 2011 по 2023 г. рост дохода домохозяйств составил 1,8 раз – со 166 до 301 тыс. манат. В Армении с 2019 по 2021 г. денежный доход домохозяйств

⁸ Статистика СНГ // Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 15.09.2025).

⁹ Население, занятость и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств, 2022 : статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. Москва, 2023. 294 с. ISBN 978-5-89078-185-7.

увеличился в 1.3 раза, достигнув 76 тыс. драм. В Казахстане в период с 2013 по 2021 г. зафиксирован рост дохода домохозяйств в 2.1 раза – с 36 до 69.1 тыс. тенге.

В Республике Беларусь, начиная с 2016 г., в оплату труда наемных работников включается доход от самостоятельной занятости, а также учитываются доходы, полученные от реализации сельскохозяйственной продукции, с вычетом материальных затрат, связанных с ее производственным процессом.

В Республике Молдова, начиная с 2019 г., данные не сопоставимы с предыдущими периодами из-за изменений в методологии исследования бюджетов домохозяйств.

В Российской Федерации с 2013 по 2021 г. отмечен рост денежного дохода домашних хозяйств на 16,4 тыс. рублей в месяц на каждого члена домохозяйства, что составляет 1,9 раза по стране. Казахстан, Таджикистан и Узбекистан демонстрируют рост показателя демографического благополучия в 2,1 раза в среднем.

Исходя из сравнения уровня и условий жизни в государствах Содружества через денежные доходы домашних хозяйств, можно отметить, что все страны проявляют тенденцию к постепенному росту доходов домохозяйств, что говорит о положительной динамике с точки зрения демографического благополучия и фиксирует наличие благоприятных условий для жизни и развития на территории СНГ.

Таблица 6

Денежные доходы домашних хозяйств, по данным выборочных обследований (единиц национальной валюты на члена домашнего хозяйства в месяц)

Table 6

Monetary incomes of households, according to sample surveys (units of national currency per household member per month)

Страна	2011 г.	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2019 г.	2021 г.
Азербайджан	166	215	240	268	293	301
Армения	34 206	42 405	52 377	58 474	61 076	76 058
Беларусь	1 034	2 703	3 515	390	518	667
Казахстан	-	36 048	41 105	47 562	57 725	69 111
Кыргызстан	2 936	3 336	4 048	4 702	5 630	6 648
Молдова	1 280	1 507	1 756	2 043	2 658	3 291
Россия	17 571	22 996	25 724	26 718	30 053	33 980
Таджикистан	196	260	271	344	425	684

Источник: составлено автором по данным Статкомитета СНГ¹⁰

Пенсионное обеспечение

Анализ демографического благополучия в стране невозможен без точного знания числа граждан, находящихся на пенсионном обеспечении, что обусловлено рядом ключевых аспектов. Первостепенное значение имеет формирование государственного бюджета. Рост численности пенсионеров, являющихся получателями пенсионных выплат, автоматически увеличивает государственные расходы на пенсионное обеспечение, финансирование здравоохранения, социальную помощь и иные виды социальной поддержки, ориентированные на старшее поколение.

¹⁰ Статистика СНГ // Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176> (дата обращения: 15.09.2025).

Кроме того, необходимо учитывать воздействие данного фактора на ситуацию на рынке труда. Увеличение удельного веса пенсионеров в общей численности населения приводит к сокращению числа трудоспособных граждан. Такая тенденция способна спровоцировать нехватку квалифицированных кадров в различных отраслях экономики и привести к росту уровня безработицы среди молодых специалистов. Крайне важно анализировать и влияние демографической ситуации на темпы экономического роста. Экономическое развитие страны напрямую связано с активностью работающего населения. Преобладание пожилых граждан над работающими может обусловить замедление экономического роста и снижение валового внутреннего продукта (ВВП).

Люди преклонного возраста регулярно получают материальную помощь от государства в виде годовых пособий. Данные выплаты выступают в качестве финансовой опоры, когда граждане достигают пенсионного возраста, приобретают инвалидность либо теряют единственного кормильца. Назначение и порядок выплат регламентируются действующими законодательными актами о пенсионном обеспечении. Общее количество пенсионеров включает граждан, получающих как трудовые пенсии, сформированные в течение трудовой деятельности, так и социальные пенсии, предназначенные для поддержки наименее защищенных слоев общества. В эту категорию также входят бывшие военнослужащие, которые получают пенсионные выплаты через структуры социальной защиты.

В Азербайджане учет получателей трудовых пенсий ведется с 2006 г., в Армении – с 2014 г., а в Молдове – с 2004 г. Азербайджан и Армения с 1991 по 2023 г. демонстрируют снижение количества пенсионеров на 192 и 105 тыс. чел. соответственно.

На территории Республики Казахстан с 1998 г. в статистические отчеты включены сведения о гражданах, получающих социальные выплаты в связи с оформлением инвалидности, потерей кормильца или достижением пенсионного возраста. За весь рассматриваемый период зафиксирован рост числа пенсионеров на 494 тыс. чел. Подобная тенденция наблюдается и в Кыргызской Республике – рост на 305 тыс. чел.

В России общее число пенсионеров в период с 1991 по 2018 г. увеличилось на 13,8 млн человек. Вместе с тем к 2023 г. произошло снижение их количества на 2,5 млн человек.

Статданные по Республике Молдова, начиная с 1995 г., не включают сведения, относящиеся к территории левобережья Днестра и городу Бендеры. При всем том на протяжении исследуемого периода в стране наблюдается постепенное сокращение численности пенсионеров.

В Узбекистане с 2015 по 2023 г. зарегистрирован существенный прирост количества пенсионеров на 1,6 млн человек, а в Таджикистане – на 224 тыс.

Таким образом, страны СНГ по показателю численности пенсионеров на конец года можно поделить на две группы. В первую группу входят Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Россия и Узбекистан с растущим числом пенсионеров и, как следствие, увеличивающимися государственными расходами на пенсионное обеспечение, финансирование здравоохранения, социальную помощь и иные виды социальной поддержки, ориентированные на старшее поколение. Ко второй

группе относятся Азербайджан, Армения и Молдова, где количество пенсионеров уменьшается.

Таблица 7

Численность пенсионеров на конец года (тыс. человек)

Table 7

Number of pensioners at the end of the year (thousand people)

Страна	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Азербайджан	1 287,7	1 226,8	1 218,7	1 398,8	1 292,2	1 299,9	1 228,8	1 095,9
Армения	580,0	642,0	560,1	533,3	520,3	465,8	467,0	475,8
Беларусь	2 362,0	2 532,0	2 500,6	2 444,7	2 468,9	2 592,8	2 485,8	-
Казахстан	2 591,0	2 917,0	2 574,1	2 367,7	2 400,5	2 662,6	2 934,1	3 085,2
Кыргызстан	621,0	612,0	610,2	591,7	642,4	727,4	831,2	926,3
Молдова	857,0	781,0	717,2	628,7	633,5	683,6	685,9	670,9
Россия	34 044,0	37 083,0	38 411,3	38 312,6	39 706,3	42 728,6	42 977,4	41 075,4
Таджикистан	572,0	566,0	559,4	520,4	569,8	617,4	729,4	796,1
Узбекистан	2 499,0	2 773,0	3 087,0	3 229,5	3 265,8	3 203,9	4 029,3	4 827,3

Источник: составлено автором по данным Статкомитета СНГ¹¹

Жилищные условия

Для анализа демографического благополучия необходимо проанализировать сведения о жилищных условиях. В нашем случае собраны данные по общей площади жилищного фонда на конец года, который определяется путем сложения жилой площади, предназначенной для постоянного проживания граждан, и площади, отведенной для размещения хозяйственных и вспомогательных служб. Общая площадь жилищного фонда на конец отчетного периода позволяет выяснить уровень обеспеченности населения жильем, коммунальным и бытовым обслуживанием, оценить комфортабельность жилища и его состояние (степень изношенности).

Жилая площадь включает в себя комнаты, расположенные в квартирах, индивидуальных жилых домах, а также в различных типах специализированных жилых помещений. К ним относятся спальни, гостиные, столовые, зоны для проведения досуга и обучения, находящиеся в интернатах, сиротских учреждениях, общежитиях, домах престарелых, учреждениях для инвалидов и тому подобных заведениях. Кроме того, учитываются комнаты, расположенные в нежилых зданиях, таких как школы и больницы, временно неиспользуемые комнаты, например, в связи с проведением ремонтных работ или переоборудованием.

Исключение составляют вспомогательные помещения, квартиры и комнаты, фактически используемые не по прямому назначению – в качестве офисов, торговых площадей или аптечных пунктов. Вспомогательные помещения, как правило, располагаются в пределах квартиры и включают в себя кухни, коридоры, туалетные и ванные комнаты (или душевые кабины), гардеробные, кладовые помещения и встроенные шкафы. В общежитиях к ним относятся и помещения культурно-бытового назначения, кабинеты для оказания медицинской помощи.

¹¹ Статистика СНГ // Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 15.09.2025).

Распределение жилья регламентируется действующим жилищным законодательством и основывается на различных формах собственности – частной, государственной, муниципальной, общественной.

За период с 1994 по 2023 г. жилищный фонд Узбекистана увеличился в 2,3 раза, что является самым высоким показателем роста среди анализируемых стран. В Азербайджане рост составил 2,2 раза, в Таджикистане – 2 раза ровно. Это говорит о том, что в названных странах есть необходимость объемного расширения площади жилья, коммунального и бытового обслуживания ввиду высокого коэффициента рождаемости (Таджикистан и Узбекистан) и положительного миграционного прироста (Азербайджан).

В России общая площадь жилого фонда за тот же период увеличилась в 1,6 раза, достигнув 4,1 млн кв. м, что стало наибольшим показателем в абсолютном выражении и связано с высоким положительным уровнем миграционного прироста.

Тем временем общая площадь жилищного фонда Армении выросла в 1,7 раза, Казахстана и Кыргызстана – в 1,6 раза, Беларуси – в 1,3 раза.

По Молдове данные неполные, но на 2020 г. рост составил 1,2 раза, что в совокупности с отрицательным миграционным приростом и низким уровнем рождаемости говорит об отсутствии необходимости в расширении жилищных условий.

Данные по общей площади жилищного фонда позволяют выявить ряд стран, которые наиболее широко охватили этот показатель демографического благополучия в сравнении со своими же показателями с 1994 по 2023 г. Так, наибольший рост демонстрируют Узбекистан, Азербайджан, Таджикистан и Россия ввиду необходимости в расширении из-за высоких показателей рождаемости или миграционного прироста. Армения, Казахстан и Узбекистан тоже расширили объем жилищного фонда, но не так значительно. Беларусь и Молдова не фиксируют существенный рост данного показателя.

Таблица 8

Общая площадь жилищного фонда на конец года (кв. м.)

Table 8

Total area of housing stock at the end of the year (sq. m.)

Страна	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Азербайджан	104 123	116 410	138 981	159 559	171 322	198 341	230 400
Армения	57 710	66 728	74 360	88 755	93 911	98 642	-
Беларусь	200 547	212 118	220 665	232 919	251 295	264 367	273 600
Казахстан	254 364	239 400	254 599	271 741	340 607	373 286	419 058
Кыргызстан	57 259	61 340	63 055	86 246	78 508	86 463	91 310
Молдова	71 800	75 649	77 077	79 343	82 000	89 188	-
Россия	2 648 976	2 786 565	2 955 000	3 228 993	3 581 273	3 933 971	4 215 090
Таджикистан	52 739	56 315	59 363	66 229	-	104 752	-
Узбекистан	294 337	339 900	-	-	477 100	548 996	692 513

Источник: составлено автором по данным Статкомитета СНГ¹²

¹² Статистика СНГ // Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176> (дата обращения: 15.09.2025).

Обсуждение

Изучению демографических показателей посвящено много исследований, в основном, касающихся Российской Федерации. Понимание контекста показателей рождаемости и смертности позволяет лучше понять динамику происходящего по странам СНГ в целом. Так, С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева уточняют, что внедрение в 2006–2007 гг. государственных программ, ориентированных на снижение смертности и стимулирование рождаемости в России, обусловило перемены в демографической ситуации: отрицательный естественный прирост населения трансформировался в положительный [6]. Данная тенденция создала предпосылки для прекращения сокращения численности населения к 2012 г., которое продолжалось в течение двух десятилетий.

С 2012 по 2016 гг. ежегодное количество новорожденных оставалось в пределах 1,9 млн, практически достигнув показателей начала 1990-х гг. (в 1991 г. зарегистрировано 1795 тыс. рождений). До 1992 г. число умерших не превышало 1,8 млн человек, что обеспечивало положительную динамику естественного прироста населения. Однако этот период стал последним, когда в России не наблюдалось депопуляции.

Аналогичные тенденции отмечались в середине 2010-х гг. С 2013 г. по 2015 г., благодаря широкомасштабным мероприятиям, был зафиксирован естественный прирост населения, составивший суммарно 90 тыс. человек. В 2012 г. и 2016 г. имела место незначительная естественная убыль населения, не превысившая в совокупности пяти тыс. человек.

Тем не менее, начиная с 2016 г., произошли неблагоприятные кардинальные изменения: положительный естественный прирост населения сменился постепенным увеличением отрицательного показателя [6].

Рост смертности среди мужского населения, вызванный определенными факторами, сопровождался более ранним летальным исходом. У женщин, напротив, снижение возраста смерти наблюдалось в тех случаях, когда отмечалось улучшение показателей выживаемости. Так, А. Е. Иванова, А. Ю. Михайлов в своей оценке демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России отмечали, что наиболее существенный рост смертности происходил в группах повышенного риска, а наименьший – в более старших возрастных категориях [4]. В период с 2005 по 2011 г. снижение общего уровня смертности шло параллельно с увеличением среднего возраста умерших, что свидетельствует о более эффективном влиянии позитивных изменений в группах риска и, как следствие, о сокращении преждевременной смертности.

С 2011 по 2016 гг. отмечено увеличение среднего возраста смерти по всем основным причинам, что повлекло за собой сдвиг возрастного распределения смертности в сторону более старших возрастных групп, независимо от имеющихся тенденций (как положительных, так и отрицательных). В случае положительных тенденций это говорило об опережающем снижении смертности в группах риска. В случае же отрицательных – о менее выраженном ухудшении ситуации в группах риска по сравнению со старшими возрастными группами. Соответственно, уменьшение числа преждевременных смертей обусловлено, главным образом, мерами,

принимаемыми в сфере здравоохранения, а их результативность напрямую зависит от социально-экономических условий.

Изначально, до введения общегосударственных мероприятий, сокращение смертности наблюдалось преимущественно в экономически развитых и социально благополучных регионах. В 2005–2011 гг. наибольшее снижение смертности зафиксировано в регионах с первоначально неблагоприятными показателями, так как эти регионы обладали значительным потенциалом для улучшений, а принятые меры дали максимальный результат. В дальнейшем, в период с 2011 по 2016 гг., какой-либо явной корреляции между достигнутой на начало периода средней продолжительностью жизни и темпами ее изменений обнаружено не было [4].

Принимая во внимание демографический кризис, который выражается в низком уровне суммарного коэффициента рождаемости, В. А. Ионцев и А. Г. Магомедова предлагают рекомендации по достижению прогресса в улучшении демографической ситуации, преодолению существующих негативных трендов в данной сфере [2].

Так, для решения обозначенной проблемы требуется незамедлительная консолидация усилий правительства и гражданского общества, признание значимости ситуации высшим руководством страны и регионов, а также всем населением. Необходимо ясное осознание деструктивных последствий продолжения отрицательной динамики демографических процессов для перспектив развития России. Требуется понимание необходимости оперативных и энергичных мер для стимулирования рождаемости и совершенствования системы воспитания подрастающего поколения.

Например, посредством признания государством и обществом материнства как приоритетной и оплачиваемой сферы деятельности женщины, посвятившей себя рождению и воспитанию ребенка. Кроме того, существенным является сокращение уровня смертности, в особенности предотвратимой, и укрепление общественного здоровья путем популяризации здорового образа жизни, модернизации системы здравоохранения и улучшения социально-экономических условий. Необходимо целенаправленная государственная миграционная политика, ориентированная на привлечение соотечественников, проживающих за рубежом, в Российскую Федерацию [2].

Заключение

Демографическое благополучие понимается как сбалансированное сочетание статистических данных, характеризующих изменения в демографии государства за определенный временной отрезок. Исследование, опирающееся на данные Статкомитета СНГ, позволяет провести анализ стран Содружества и выявить общие тенденции демографического благополучия постсоветского пространства с 1991 г. по 2024 г.

В зависимости от величины суммарного коэффициента рождаемости (СКР) государства СНГ подразделяются на две категории. Первая группа включает страны с высокой рождаемостью и расширенным воспроизводством населения, преимущественно расположенные в Центральной Азии, а именно: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан, где СКР значительно превышает уровень простого

воспроизводства. Вторая группа состоит из европейских стран Содружества, для которых характерна менее благоприятная демографическая ситуация с тенденцией к снижению суммарного коэффициента рождаемости и суженным типом воспроизводства. К ним относятся Азербайджан, Армения, Беларусь, Молдова и Россия.

Анализ общего коэффициента смертности за последние 35 лет демонстрирует общую тенденцию к его постепенному уменьшению в странах СНГ, что может свидетельствовать об улучшении жизненного уровня и системы здравоохранения. Экономический кризис 1990-х гг. и пандемия COVID-19 оказали негативное влияние на большинство государств Содружества, что отразилось в статистике общего коэффициента смертности. В настоящее время наблюдается положительная динамика, выражающаяся в дальнейшем снижении этого показателя.

Оценка средней продолжительности жизни в странах СНГ указывает на стремление к увеличению данного показателя. Однако влияние пандемии на разные государства было различным, и для некоторых стран последствия оказались более ощутимыми, с трудностями в возвращении к допандемийным значениям.

По миграционному приросту страны СНГ разделяются на две группы. Первая группа, включающая Азербайджан, Армению, Казахстан, Кыргызстан и Россию, к 2023 г. имела положительный миграционный прирост. Во второй группе, в которую входят Молдова, Таджикистан и Узбекистан, до сих пор наблюдается отрицательное значение такого показателя.

Сопоставление уровня жизни в государствах Содружества на основе денежных доходов домохозяйств показывает тенденцию к их постепенному росту, что свидетельствует о положительной динамике с точки зрения демографического благополучия и создании благоприятных условий для жизни и развития.

По количеству пенсионеров на конец года страны СНГ также делятся на две группы. В первой группе находятся Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Россия и Узбекистан с растущим числом пенсионеров и, как следствие, увеличением государственных расходов на пенсионное обеспечение и социальную поддержку. Во второй группе – Азербайджан, Армения и Молдова, где численность пенсионеров сокращается.

Анализ общей площади жилищного фонда выявляет страны с наибольшим ростом этого показателя в 1994–2023 гг., а именно: Узбекистан, Азербайджан, Таджикистан и Россию, что объясняется потребностью в расширении из-за высоких показателей рождаемости или миграционного прироста. Армения, Казахстан и Узбекистан тоже увеличили объем жилищного фонда, но в меньшей степени. В Беларуси и Молдове не наблюдается значительного увеличения этого показателя.

Таким образом, все страны Содружества Независимых Государств демонстрируют тенденцию к росту уровня демографического благополучия по таким показателям, как снижение общего коэффициента смертности, увеличение средней продолжительности жизни, рост денежных доходов домохозяйств и общей площади жилищного фонда. По остальным показателям можно выделить Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан, которые демонстрируют высокую рождаемость, а также Азербайджан, Армению, Казахстан, Кыргызстан и Россию, фиксирующие положительный миграционный прирост и, как следствие, контроль демографических процессов.

По прогнозам автора, выявленные тенденции будут сохраняться в течение нескольких лет, что обусловлено устойчивыми показателями, формирующими демографическое благополучие. Результаты, полученные на основе данных Статкомитета СНГ, указывают на необходимость применения более сложных методов исследования. В качестве следующего этапа предлагается использовать корреляционный и кластерный анализ для всестороннего изучения динамики демографического благополучия постсоветских стран.

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С. В. Рязанцев, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). EDN [HNFXKJ](https://www.edn.ru/HNFXKJ).
2. Ионцев, В. А. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах / В. А. Ионцев, А. Г. Магомедова // Экономика региона. 2015. № 3(43). С. 89–102. DOI [10.17059/2015-3-8](https://doi.org/10.17059/2015-3-8). EDN [UISFRL](https://www.edn.ru/UISFRL).
3. Рязанцев, С. В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерение / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819. DOI [10.31857/S0869587321090085](https://doi.org/10.31857/S0869587321090085). EDN [VHNSDJ](https://www.edn.ru/VHNSDJ).
4. Иванова, А. Е. Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России / А. Е. Иванова, А. Ю. Михайлов // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 5(57). С. 1. EDN [ZSVYFB](https://www.edn.ru/ZSVYFB).
5. Соболева, С. В. Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–153. EDN [XIRSQR](https://www.edn.ru/XIRSQR).
6. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры : Национальный демографический доклад – 2020 / В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева, В. И. Гневашева [и др.]. Москва : Обьединенная редакция, 2020. 155 с. ISBN 978-5-93856-292-9. DOI [10.25629/HC.2020.13.01](https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.01). EDN [STFBWI](https://www.edn.ru/STFBWI).
7. Рыбаковский, Л. Л. Демографическая безопасность : популяционные и геополитические аспекты / Л. Л. Рыбаковский ; Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. Москва : Экон-Информ, 2003. 55 с. ISBN 5-9506-0047-9.

Сведения об авторе

Бесфамильный Данила Алексеевич, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: besfadanil@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-2666-2195](https://orcid.org/0000-0003-2666-2195), РИНЦ SPIN-код: [9976-3860](https://elibrary.ru/9976-3860).

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; принята в печать 15.12.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC WELL-BEING OF POST-SOVIET COUNTRIES IN DYNAMICS

Danila A. Besfamilny

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: besfadanil@gmail.com

For citation: Besfamilny, D. A. Demographic Well-Being of Post-Soviet Countries in Dynamics. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 216–237. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.12). (In Russ.)

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of demographic well-being over time in post-Soviet states, including the creation of conditions for optimal family planning, birth, and migration, which contribute to increased life satisfaction and achievement of physical, mental, and socio-economic well-being for individuals and their surroundings. The article aims to compare the Commonwealth of Independent States countries using key demographic indicators to identify trends and patterns. Indicators used include the size and structure of the permanent population by age and gender, fertility rates, mortality rates, life expectancies, migration patterns, living standards, pension systems, and housing situations. Key features of post-Soviet nations from 1990 to 2104 are identified through analysis of these indicators. The permanent population dynamics for 2010–2114 are examined, as well as sex and age structures using demographic pyramids. Analysis of mortality rates reveals a general trend of gradual decline in post-soviet states, possibly indicating improved living standards and healthcare systems. Material security indicators, such as subsistence levels, were also examined to understand the basis for family and household formation. Thus, the value of the subsistence minimum for the period 2000–2024 was analyzed. The dynamics of pension provision from 1991 to 2023 are considered. The total volume of the housing stock for 1994–2023 was also considered for the analysis.

Keywords: demographic well-being, fertility, mortality, migration, pension provision, housing conditions

References

1. Ryazantsev, S. V., Miryazov, T. R. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 4. Pp. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). (In Russ.).
2. Iontsev, V. A., Magomedova, A. G. Demographic Aspects of Human Capital Development in Russia and Its Regions. *Economy of Regions*. 2015. No. 3(43). Pp. 89–102. DOI [10.17059/2015-3-8](https://doi.org/10.17059/2015-3-8). (In Russ.).
3. Ryazantsev, S. V., Rybakovsky, L. L. Demographic Development of Russia in the 20th–21st Centuries: Historical and Geopolitical Dimensions. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91, No. 9. Pp. 810–819. DOI [10.31857/S0869587321090085](https://doi.org/10.31857/S0869587321090085). (In Russ.).
4. Ivanova, A. E., Mikhaylov, A. Yu. Assessment of Population Policy Aimed at Reducing Mortality at the Regional Level in Russia. *Social Aspects of Population Health*. 2017. No. 5(57). P. 1. (In Russ.).
5. Soboleva, S. V., Smirnova, N. E., Chudaeva, O. V. Demographic Security of Russia: Regional Measures, Results Estimation. *The World of New Economy*. 2016. No. 4. Pp. 142–153. (In Russ.).
6. *Demograficheskoye razvitiye Rossii: tendentsii, prognozy, mery : Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2020 [Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures: National demographic report – 2020]*. V. N. Arkhangelsky, O. D. Vorobyova, V. I. Gnevasheva [et al.]. Moscow: United Editorial Board, 2020. 155 p. ISBN 978-5-93856-292-9. DOI [10.25629/HC.2020.13.01](https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.01). (In Russ.).
7. Rybakovsky, L. L. *Demograficheskaya bezopasnost': populyatsionnyye i geopoliticheskiye aspekty [Demographic security: population and geopolitical aspects]*. Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2003. 55 p. ISBN 5-9506-0047-9. (In Russ.).

Bio note

Danila A. Besfamilny, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: besfadanil@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-2666-2195](https://orcid.org/0000-0003-2666-2195), RSCI SPIN code: [9976-3860](https://www.elibrary.ru/99763860).

Received on 15.10.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.13)

EDN [NQKXIX](https://edn.nqkxix.ru)

АДАПТАЦИЯ ТАИЛАНДА К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПОТОКОВ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

Рязанцев Н. С.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nikipaulitano@gmail.com

Храмова М. Н.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Лукашенко Е. А.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Для цитирования: Рязанцев, Н. С. Адаптация Таиланда к восстановлению туристических потоков в постпандемийный период / Н. С. Рязанцев, М. Н. Храмова, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 238–256. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.13). EDN [NQKXIX](https://edn.nqkxix.ru).

Аннотация. Несмотря на то, что пандемия COVID-19 нанесла значительный ущерб туристической отрасли Таиланда, к 2025 г. страна продемонстрировала ее устойчивое восстановление, основанное на гибкой адаптации и переосмыслении турполитики. В статье анализируются ключевые направления постпандемийного возрождения туристической индустрии, институциональные и рыночные механизмы поддержки отрасли, роль государства в обеспечении перехода к модели устойчивого, инклюзивного и диверсифицированного туризма. Отдельное внимание уделяется трансформации международных туристических потоков и изменению их географической структуры. Анализируются особенности возрастания доли путешественников не только из Восточной Азии, стран АСЕАН, но и из России, и постсоветских государств, которые в последние годы прочно закрепились в числе крупнейших доноров туристического потока. Раскрываются современные тенденции, определяющие развитие индустрии отдыха: цифровизация услуг, внедрение блокчейн-платежей, развитие внутреннего туризма, диверсификация региональных направлений, популяризация экотуризма, гастрономического и медицинского туризма. Кроме того, обозначены экологические и инфраструктурные вызовы, связанные с ростом массового туризма, валютной волатильностью, глобальными экономическими рисками и геополитическими факторами. Приводится оценка эффективности реализуемых мер государственной поддержки, включая упрощение визового режима, налоговые льготы, развитие транспортной сети, внедрение цифровых сервисов и стимулирование малых предпринимательских инициатив в туристической сфере. Отмечается значимость русскоязычного туристического сегмента как устойчивого источника доходов и инструмента укрепления гуманитарных связей. Постпандемийная модель тайского туризма рассматривается как пример успешного сочетания экономической прагматики, культурной открытости и принципов устойчивого развития, что делает опыт Королевства Таиланд ценным для стран, стремящихся к модернизации собственных туристических стратегий в условиях глобальных вызовов XXI века.

Ключевые слова: Таиланд, международный туризм, туристическая политика, устойчивый туризм, российский туризм, русскоязычный туризм

Введение

По итогам 2024 г. Королевство Таиланд суммарно посетили свыше 35,54 млн иностранных туристов, а в 2023 г. – 28,09 млн человек, т. е. прирост достиг свыше 26%, что принесло стране более чем 53,4 млрд (в эквиваленте) долл. США дохода от туризма, прирост здесь также составил около 25%¹. И все же, несмотря на приведенные цифры, последствия пандемии COVID-19 оказались для Королевства несколько более затяжными, чем ожидалось. Ввиду этого общий доход от туризма так и не достиг целевого показателя в 60,5 млрд долл. США, в т. ч. и по причине «глобального экономического спада, конфликтов на Ближнем Востоке и неполного сбора данных об онлайн-расходах туристов»². Иными словами, показатель турпотока в Таиланд по результатам 2024 г. не смог восстановиться (ни в финансовом, ни демографическом аспектах) до непревзойденных допандемийных значений, хотя вплотную и приблизился к ним – тогда в далеком 2019 г. в страну прибыли до сих пор рекордные 39,91 млн иностранных туристов³. Итак, можно констатировать, что Королевство Таиланд до сих пор ежегодно недосчитывается порядка 5 млн иностранных туристов со всеми вытекающими из этого социально-экономическими последствиями и вопреки всевозможным стремлениям и инициативам различных правительственных структур простимулировать восстановление туристической и смежных с ней отраслей и дальнейшее увеличение турпотоков в страну.

Таким образом, Таиланд и далее вынужден продолжать активную и даже глубинную трансформацию своей туристической отрасли, делая долгосрочный и стратегический акценты на принципах устойчивого развития, поисках альтернативных моделей и диверсификации туристических предложений для удовлетворения более широкого спектра рекреационных интересов и ожиданий зарубежных туристов из числа всех социальных групп, возрастов, достатка, состава семьи и множества прочих аспектов. Это и классический пляжно-курортный туризм, и культурно-познавательный туризм, и экотуризм, и гастрономический туризм, и медицинский туризм, и другие нишевые направления. Одновременно с политической диверсификации международных потоков туристов тайские государственные органы параллельно занялись стимулированием внутреннего туризма – как среди самих граждан Королевства, так и переориентированием туризма в регионы, провинции и отдельные города так называемого «второго (туристического) уровня» (англ. яз. «secondary provinces»). Такая стратегия под условным названием «Разжигаем туризм в Таиланде» включают «модернизацию ресторанов и базовой инфраструктуры, улучшение туристических направлений и их окрестностей, разработку продуктов и услуг, адаптированных к туристическим потребностям, продвижение туризма через местные традиции и... улучшение общественного транспорта» с це-

¹ Kingdom of Thailand welcomed 35m in 2024 // Bangkok Post : [site]. 02.01.2025. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2931152/kingdom-of-thailand-welcomed-35m-in-2024> (accessed on 07.08.2025).

² Ibid.

³ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. 03.07.2025. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949#> (accessed on 08.08.2025, only for authorized users).

люю привлечения внимания интуристов к менее известным локациям и, соответственно, увеличения дохода от туризма в них⁴.

Сегодня для страны принципиально важно, чтобы туристическая отрасль была способна удовлетворить зарубежных гостей в течение любого сезона, за исключением явных межсезонных просадок. Иначе говоря, данный процесс отражает глобальные тенденции переосмысления парадигмы туризма в постпандемийный период, когда традиционные массовые модели успели продемонстрировать свою ограниченность и социально-экономическую уязвимость в условиях миграционных, социальных, экономических и даже экологических вызовов и меняющихся потребительских возможностей и предпочтений граждан. В дополнение скажем о том, что летом 2025 г. была утверждена «Концепция новой эры тайского туризма», реализация которой начнется уже в 2026 г. и которая предполагает сделать акцент на качество отдыха и его эмоциональную составляющую, а среди перспективных рынков в документе обозначена и Россия⁵.

Обзор научной литературы и методы исследования

В статье используются статистические методы (описательная статистика), методы сравнительного анализа (оценки долей и временных рядов) и другие общенаучные методы с целью обеспечения достоверности полученных результатов, тогда как методологическую основу составляют статистический анализ вторичных данных Управления по туризму Таиланда (далее – ТАТ) за 2019–2025 гг., релизы органов исполнительной власти Королевства, публикации российских и зарубежных СМИ.

В настоящее время интерес к исследованию адаптационных стратегий туристического сектора Таиланда в постпандемийный период в научной литературе значительно возрос.

Так, в ряде англоязычных публикаций рассматриваются институциональные и рыночные механизмы восстановления туристической отрасли страны, включая устойчивость туризма в контексте кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [см., напр., 1]. Исследование [2] посвящено адаптации гостиничного бизнеса к новым требованиям безопасности и цифровизации. Особое внимание уделяется кейсам «Phuket Sandbox» и «Samui Plus», описанным в работе [3], как примерам успешной государственной стратегии по возобновлению международного туризма на основе контролируемого въезда. Заметный вклад в формирование теоретических основ постпандемийного туризма внесла работа [4], в которой подчеркивается необходимость переосмысления моделей туристического поведения и стратегий брендинга Королевства Таиланд на мировом рынке.

⁴ Гунг Нанг Рапипун. Управление по туризму Таиланда стимулирует туризм во второстепенных провинциях // The Pattaya news: [сайт]. 22.05.2024. URL: <https://thepattayanewsru.com/2024/05/22/Управление-туризма-Таиланда-стимулирует-туризм-во-второстепенных-провинциях/> (дата обращения: 07.08.2025).

⁵ В 2026 году стартует эпоха «Нового Таиланда» // Ассоциация туроператоров России: [сайт]. 25.07.2025. URL: <https://www.atorus.ru/article/v-2026-godu-startuet-epokha-novogo-tailanda-63256> (дата обращения: 07.08.2025).

В российской научной литературе имеющих принципиально важное значение исследований по избранному для изучения авторами данной статьи направлению еще не столь много. Почти все опубликованные до сих пор научно-исследовательские труды, как правило, охватывают события до пандемии COVID-19, во время пандемии или незадолго до ее окончания. Исключение, пожалуй, составляют публикации Н. В. Бочкаревой «Стратегия восстановления туристической индустрии Таиланда в постпандемический период» (2021 г.) [5] и Н. С. Рязанцева «Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19» (2023 г.) [6], положившая на страницах научного журнала «ДЕМИС. Демографические исследования» начало серии статей по проблемам русскоязычного туризма в Королевство Таиланд в новейший период.

Специфика русскоязычного туризма в Таиланд из России и некоторых постсоветских стран в 2023–2024 гг. была описана Н. С. Рязанцевым в соавторстве с Е. А. Лукашенко и А. В. Смирновым в таких работах, как «Социально-экономические и демографические аспекты российского туризма в Таиланде в 2023 г.» [7], «Современные тренды русскоязычного туризма в Таиланд» [8], «Особенности развития «русскоязычной экономики» в Королевстве Таиланд на современном этапе» [9], представляющих значительный научный и практический интерес. В них авторы поставили перед собой цель систематизации и актуализации информации за прошедшие несколько лет. Затронутые в этих статьях процессы новы и имеют непосредственное отношение к демографической ситуации в РФ и СНГ.

Для исследователей актуальных проблем развития Таиланда в равной мере будет познавательна статья С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой, А. В. Смирнова «Русская миграция в Сиам (Таиланд) в контексте развития двусторонних отношений в XIX–XXI вв.» [10], фундаментальный вклад которой состоит в рассмотрении феномена туризма и форм миграции русских в Королевство через призму развития двусторонних отношений в сравнительном контексте исторической ретроспективы и реалий сегодняшнего дня.

В последние несколько лет интерес к осмыслению тайской туристической индустрии проявляют и начинающие ученые (см., например, [11; 12]). Однако их исследования сосредоточены, как правило, на весьма узкой теме и основаны на достаточно небольшом количестве объективного материала. Среди подобных работ внимания заслуживает статья о наиболее динамичных и необычных видах туризма в Таиланде – гастрономическом туризме [13].

Весьма развит в стране и медицинский туризм, который привлекает иностранцев сочетанием низких цен, высокого качества медицинских услуг, развитой туристической инфраструктуры и возможности совместить лечение с отдыхом. В этом контексте специалистов может заинтересовать, к примеру, статья [14], целесообразность которой обусловлена тем, что за последние годы индустрия медицинского туризма в Королевстве претерпела существенные качественные преобразования, а здравоохранение при этом выступает в качестве одного из основных секторов развития и роста экономики страны.

Отдельный пласт российских исследований посвящен некоторым аспектам привлечения российских туристов из регионов РФ в Таиланд и позиционирова-

нию туристических продуктов Королевства Таиланд в субъектах Российской Федерации. Так, довольно интересные результаты были получены в выпускной квалификационной работе С. Е. Деевой «Продвижение турпродукта посредством применения мультимедийных технологий (на примере Королевства Таиланд)» [15], цель которой состоит в совершенствовании продвижения Таиланда на туристическом рынке г. Красноярск с использованием мультимедийных технологий. В работе Л. А. Шведова и соавторов «Факторы выбора потребителями отелей Таиланда» [16] описываются результаты исследования предпочтений жителей Нижнего Новгорода и Нижегородской области при выборе отеля в Королевстве Таиланд и, в частности, в провинции Пхукет, куда россияне отправляются, прежде всего, ради пляжного отдыха. По результатам проведенного анализа ее авторы сделали вывод о том, что турагентам и туроператорам, работающим по данному направлению, необходимо соотносить ключевые потребности туристов и возможности отелей острова, что позволит сохранить конкурентоспособность на рынке туризма.

Тема постпандемийного восстановления туризма в Таиланде, несомненно, является высоко актуальной. И эта наша новая публикация, как представляется, сможет заполнить важную нишу, потому как в ней исследуется не просто восстановление, а по сути, адаптация туристической отрасли страны с учетом современных вызовов. Из всего сказанного следует, что научная новизна данной работы заключается в комплексном подходе к изучению восстановления тайской туристической индустрии в период по 2025 г. включительно исходя из глобальных, региональных и локальных вызовов и возросшей роли русскоязычного туристического сегмента.

Полученные исследователями результаты имеют практическую значимость для оценки стратегий устойчивого развития относительно международного туризма в Таиланде в период продолжающегося посткризисного восстановления в контексте русскоговорящего туризма и дальнейшей разработки и оптимизации действующих программ. При этом фокус на русскоязычном туристическом сегменте является весомым вкладом в научные исследования.

Общие тенденции восстановления международных туристических потоков в Королевство Таиланд в 2024–2025 гг.

В 2024 г. основными донорами туристического потока в Таиланд в абсолютном и относительном выражениях вместо стран АСЕАН стали государства Восточной Азии (далее – ВА), на которые в общей сложности пришлось 32,93% или 11,67 млн туристов от всего международного турпотока в Королевство⁶. На страны АСЕАН – 29,99% (10,63 млн туристов), на государства Европы – 20,65% (7,32 млн туристов), на страны Южной Азии – 7,25% (2,57 млн туристов), на государства Американского континента – 4,16% (1,47 млн туристов), на юрисдикции в Океании – 2,47% (0,88 млн туристов), на страны Ближнего Востока – 2,09% (0,74 млн туристов), а оставшиеся 0,47% (0,17 млн туристов) – на государства Африканского континента⁷.

⁶ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. 03.07.2025. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949#> (accessed on 08.08.2025, only for authorized users).

⁷ Ibid.

По итогам первого полугодия 2025 г. ситуация не изменилась⁸. И такой сложившийся и заслуживающий внимания аналитиков дисбаланс, а именно: перекося в пользу стран ВА и АСЕАН, на которые суммарно и традиционно приходится чуть более половины от общего турпотока в Таиланд, можно объяснить, если более детально рассмотреть его разбивку по странам.

Ключевыми десятью донорами международных туристов в Королевство Таиланд в 2024 г. стали: 1) КНР – 6,73 млн туристов (+91,2% к 2023 г.); 2) Малайзия – 4,95 млн туристов (+7,8%); 3) Индия – 2,12 млн туристов (+30,8%); 4) Республика Корея – 1,86 млн туристов (+12%); 5) Российская Федерация – 1,74 млн туристов (+17,5%); 6) Лаос – 1,12 млн туристов (+24,4%); 7) Тайвань – 1,08 млн туристов (+49,2%); 8) Япония – 1,05 млн туристов (+30,3%); 9) США – 1,03 млн туристов (+10,7%); 10) Сингапур – 1 млн туристов (-0,7%)⁹. В первом полугодии 2025 г. географическое распределение осталось примерно таким же¹⁰. Следовательно, на эти государства в совокупности приходится порядка 22,7 млн туристов или же более 64% от общего числа путешественников в Таиланд. И именно благодаря представителям материкового Китая и Малайзии формируется существенный как количественный, так и относительный перевес в сторону путешественников из стран ВА и АСЕАН соответственно. Впрочем, такое положение дел более чем логично ввиду не только более близкого расположения к Королевству, но и огромных туристических рынков этих государств, с точки зрения количества граждан, имеющих финансовые возможности, желание и любовь к путешествиям за границу и, в частности, в довольно доступный Таиланд.

Динамика восстановления и характерные черты русскоязычного туризма в Королевство Таиланд в постпандемийный период

Важная роль в 2024 г. выпала и на представителей русскоговорящих стран постсоветского пространства – в первую очередь Российской Федерации. Общее число туристов из пяти ключевых туристических доноров-стран СНГ в Таиланд следующее (государства перечислены в порядке убывания): Россия – 1,74 млн туристов, Республика Казахстан – 195 тыс. туристов, Республика Узбекистан – более 45 тыс. туристов, Республика Беларусь – 20,5 тыс. туристов, Кыргызская Республика – 12 тыс. туристов, что составило чуть более 2 млн человек, а это довольно весомые – порядка 5,7% от общего числа международных туристов в Королевство¹¹. Причем русскоязычные соотечественники не стали исключением из правил, и для них зимние месяцы оказались самым желанным и наиболее посещаемым периодом в году, как и для многих туристов из других стран¹².

По окончании пандемии COVID-19 граждане РФ на фоне продолжающегося геополитического давления – сложностей в получении европейских виз, отсутствия прямого авиасообщения и ряда прочих факторов – смогли переоткрыть для

⁸ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center: [site]. 03.07.2025. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949#> (accessed on 08.08.2025, only for authorized users).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

себя Таиланд по-новому. Страна с круглогодично мягким климатом, безвизовым режимом, доброжелательностью жителей, гостеприимством и доступными ценами моментально стала оптимальным решением для большинства российских путешественников по множеству параметров.

В течение 2023–2025 гг. Россия стабильно оставалась 4–5 донором по числу туристов для Королевства, в 2022 г. наша страна также вошла в топ-10¹³. Кроме того, и для отправляющей стороны – Российской Федерации – Королевство Таиланд традиционно остается одним из наиболее популярных направлений для зарубежных путешествий. Кстати, по итогам первого квартала 2025 г. Ассоциация туроператоров России (далее – АТОР) на основе открытых сведений погранслужбы ФСБ и данных иностранных миграционных служб подтвердила, что Таиланд обогнал ОАЭ, Турцию, Египет и КНР и стал лидирующим направлением по объему выездного турпотока из России – это около 722 тыс. туристов (рост составил 16% к аналогичному периоду прошлого года)¹⁴.

В то же время следует учитывать одну важную особенность – довольно мягкое миграционное законодательство Королевства Таиланд в отношении туристических потоков (например, долгосрочный безвизовый режим, в первую очередь для граждан РФ). Что служит своеобразным «прикрытием» для въезда и дальнейшей фактически полноценной жизни в стране, т. е. когда значительная часть принимаемых в Таиланде иностранцев из числа русскоязычных государств де-факто туристами и не является. Подобное положение дел особенно усилилось с 2022 г. – в период геополитической напряженности и волн быстрой релокации из России. Иными словами, обозначенное выше совокупное число российских туристов в Королевстве Таиланд в действительности меньше. Из сказанного выше следует, что русскоговорящее сообщество в Таиланде, проживающее на временной и/или постоянной основе (вне зависимости от правового статуса пребывания в стране), по некоторым оценкам, может составлять 100–400 тыс. человек.

Более подробно особенности русскоязычного туризма в Королевство из постсоветских государств в 2023–2024 гг. были описаны нами в ранее статьях [6; 7; 8; 9], в которых, в том числе рассматриваются специфика формирования и развития так называемой «русскоязычной экономики», получившей большой стимул для своего развития в последние годы, вопросы авиасообщения между странами, визовые, финансовые и прочие проблемы.

Новые вызовы перед туристической отраслью и экономикой Таиланда

Внутренние вызовы

На фоне бурного восстановления туристических потоков в Королевство различные государственные органы страны вновь были вынуждены обеспокоиться более тщательным миграционным учетом иностранных граждан, проблемами

¹³ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. 03.07.2025. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949#> (accessed on 08.08.2025, only for authorized users).

¹⁴ Лидером начала 2025 года в российском выездном туризме стал Таиланд // Ассоциация туроператоров России : [сайт]. 14.05.2025. URL: <https://www.atorus.ru/article/liderom-nachala-2025-goda-v-rossiyskom-vyezdnom-turizme-stal-tailand-62109> (дата обращения: 07.08.2025).

окружающей среды и т. п., ведь именно массовый туризм и неравномерный наплыв туристов в значительной мере негативно влияют на экологию и даже могут стать триггером ряда социально-экономических проблем.

Что, например, и произошло с небольшим, но очень популярным среди зарубежных туристов тайским островом Самуи. Сегодня различные коммуникации и городские службы не справляются с огромным наплывом отдыхающих, в результате чего перегружены системы водоснабжения (и отходы частично сбрасываются прямо в море), увеличиваются объемы мусора, который сложно вовремя вывозить, складировать и перерабатывать. По причине массового строительства отелей и курортов страдают экологически чувствительные природные зоны (мангровые леса, морские экосистемы и пляжи), разрушаются природные ландшафты. Местные власти пытаются сдерживать хаотичную застройку. Де-юре некоторые территории защищены законами, но де-факто застройка продолжается. Несмотря на капиталовложения в необходимые инфраструктурные решения и принятие различных мер, рост туризма часто опережает многие из этих действий.

Внешние вызовы

Летом 2025 г. к так называемым «черным лебедям» туристической отрасли Королевства Таиланд добавилось обострение Камбоджийско-Таиландского приграничного вооруженного конфликта. Страны обменялись артиллерийскими залпами и, к сожалению, обе стороны столкнулись с человеческими жертвами, с введением ЧП в ряде провинций Таиланда и принудительной эвакуацией с территории боевого соприкосновения. Ассоциация туроператоров России со ссылкой на местных тайских гидов уточнила, что «[российские] туристы, отдыхающие на Пхукете, даже не в курсе, что такой конфликт вообще имел место быть», и т. к. он «произошел в глубине материковой части страны, на значительном удалении от курортных зон», то «угроз и рисков жизни и отдыха туристов в Таиланде нет. Все продолжают свой отдых. Те, кто только собираются ехать, тоже не проявляют беспокойства»¹⁵. По данным АТОР, до 90% наших соотечественников из числа туристов в Королевстве Таиланд «отдыхают на Пхукете, расположенном в более чем 1200 км от зоны конфликта. Остальные путешественники рассредоточены по таким курортам, как Паттайя, Бангкок, Самуи, Хуа Хин, Ко Чанг, Чиангмай и др.»¹⁶. К этому добавим следующее. Ранее из Паттайи выполнялись автобусные туры в Камбоджу, однако эти поездки в конце июня 2025 г., когда Таиланд закрыл свои сухопутные границы с Камбоджей, были временно приостановлены¹⁷. Соответственно, такой фактор негативно сказался на практике визаранов (бордерранов), часто используемой нашими соотечественниками между королевствами с целью быстрого и наиболее простого продления туристической визы по прибытии (фактически обычного штампа о въезде в страну с указанием последнего дня законного пребывания в Таиланде) [8]. А ввиду миграционных послаблений в отношении граждан России, к примеру, со стороны Вьетнама, можно было ожидать, что часть потоков

¹⁵ Какая обстановка для российских туристов сейчас в Таиланде и Камбодже // Ассоциация туроператоров России : [сайт]. 24.07.2025. URL: <https://www.atorus.ru/article/kakaya-obstanovka-dlya-rossiyskikh-turistov-seychas-v-tailande-i-kambodzhe-63245> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

в рамках визаранов быстро переориентируется на него. Тем не менее, вопреки боевым действиям, авиасообщение между Королевством Таиланд и Королевством Камбоджа продолжало функционировать¹⁸.

Еще одна проблема, тянущаяся с 2024 г., связана с тайской национальной валютой – батом, неожиданно показавшим самый большой квартальный рост ко всем резервным валютам со времен азиатского финансового кризиса 1998 г.¹⁹. Такая высокая волатильность, помимо структурных проблем для национальной экономики, прежде всего, в вопросах получения тайскими экспортерами валютной выручки (ведь на экспорт приходится почти 60% ВВП страны), поставила под угрозу и туристическую отрасль Королевства. По словам вице-президента Совета по туризму Таиланда С. Акараворамата, крепкий бат не произвел мгновенного эффекта на иностранных путешественников, и все же подобное положение дел (в случае продолжительного сохранения низкого курса) способно оказать «психологическое воздействие на желание путешественников расходовать средства»²⁰, ведь стоимость всех товаров и услуг для них возрастает и, стало быть, привлекательность страны для отдыха, шопинга и иностранных инвестиций падает. К слову, последние два аспекта особенно чувствительны для экономики Таиланда, если речь идет о путешественниках и инвесторах из Китая. Для туристов из России, несмотря на значительное укрепление российского рубля, соотношение валютной пары рубль-бат осталось приблизительно в прежних значениях, а потому и отдых в Королевстве для россиян отнюдь не стал доступнее.

Далее, на фоне снижения спроса на потребительские товары класса «премиум» и «люкс» от ведущих модных европейских домов на рынке КНР компании-производители активно начали искать альтернативу для сохранения объемов продаж на азиатских рынках. По мнению отдельных аналитиков, рынок Королевства Таиланд, экономика которого стабильно растет, а либеральная политика в отношении привлечения иностранного капитала и туристических потоков в итоге позволяет обеспечивать хорошие продажи (как со стороны местного населения, так и со стороны приезжающих в Таиланд иностранцев), может стать заманчивой бизнес-заменой и емким рынком сбыта²¹. Но этот вопрос как раз-таки актуален непосредственно в контексте иностранных покупателей (по крайней мере, пока), которые могли бы позволить себе покупку товаров при слабой национальной валюте в стране путешествия.

Социально-миграционные вызовы

То же касается и приобретения недвижимости в Королевстве: именно на покупателей из материкового Китая традиционно приходится большая часть всех сделок по покупке жилищного фонда – юнитов в кондоминиумах (кондо) и даже целых вилл, как в количественном выражении, так и по общему объему инвести-

¹⁸ Авиасообщение между Таиландом и Камбоджей продолжается, несмотря на конфликт // News2World : [сайт]. 25.07.2025. URL: <https://news2world.net/obzor-mirovyh-novostej/aviareysi-mezhdu-tailandom-i-kambodzhey-sohranyayutsya-nesmotrya-na-konflikt.html> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁹ Faris Mokhtar and Patpicha Tanakasempipat. As China Spending Falts, Luxury Brands Set Their Sights on Thailand // Bloomberg : [site]. 17.01.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2025-01-16/luxury-brands-dior-louis-vuitton-bet-on-thailand-as-china-slumps> (accessed on 07.08.2025).

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

рованных средств. Согласно сведениям тайского Информационного центра по недвижимости, в 2024 г. на долю иностранцев традиционно пришлось порядка 12% от общего числа сделок с кондо по всей стране²². Поэтому сильное укрепление национальной валюты закономерно вызвало опасения тайских девелоперов относительно возможного снижения темпов реализации своих объектов. Более того, данная проблема усугубилась и геополитическим (внешним) фактором – массовым наплывом представителей государств постсоветского пространства (безоговорочным лидером здесь является Российская Федерация, в то же время нарастает динамика и со стороны Республики Казахстан) [8].

Во-первых, в 2022–2024 гг. в Таиланде в значительной мере возрос спрос на покупку и аренду объектов недвижимости гражданами Китая, России и Казахстана (это особенно актуально для небольших локаций, курортов и островов), что не только взвинтило цены, но и мгновенно в ряде мест «вымыло» почти все предложения любого ценового сегмента. Во-вторых, последующее продолжительное укрепление тайского бата с конца 2024 г. вкпе с изменениями международной конъюнктуры в виде стабилизации спроса со стороны представителей СНГ быстро охладило рынок. Тем не менее, все это заставило государственные органы Королевства Таиланд вернуться к обсуждению мер по ужесточению правил покупки недвижимости иностранцами, в первую очередь в наиболее популярных локациях. Некоторые провинции попытались реализовать собственные инициативы для решения возникшей проблемы, однако каких-либо законодательных закреплений подобных начинаний на национальном уровне не последовало. Если аналогичные идеи все же будут пролоббированы, то спрос со стороны российских инвесторов может серьезно пошатнуться. На сегодняшний день в ряде небольших локаций (например, на о. Пхукет), уже многие объекты курортной недвижимости перешли в собственность наших соотечественников, а ограничения могут затруднить перепродажу инвестиционной недвижимости другим нашим согражданам в случае начала фиксации прибыли первой волной российских инвесторов.

По мере восстановления турпотоков тайские власти начали постепенное ужесточение миграционного законодательства, которое ранее было несколько ослаблено как раз в качестве одной из мер по поддержке туристической отрасли. Пользуясь такими послаблениями, многие иностранцы стали использовать обычные туристические визы наряду с практикой так называемых «визаранов», обеспечивая себе возможность долгосрочного пребывания и нелегальной работы в стране. При этом Таиланд, осознавая важность русскоязычного туристического сегмента, даже позволил гражданам России, в отличие от стандартных постпандемийных 60 дней для большинства стран, наслаждаться сроком до 90 дней безвизового режима [8]. Сегодня власти Королевства обсуждают изменения, чтобы вновь вернуться к допандемийному отрезку времени в 30 дней²³. Решения в вопросе безвизового режима в отношении иностранных туристов в Таиланде на самом деле имеют бо-

²² Rebecca Ratcliffe. Thai island of Samui weighs 'White Lotus effect' against environmental cost // The Guardian : [site]. 01.06.2024. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jun/01/thai-island-samui-white-lotus-effect-tourism-environment> (accessed on 07.08.2025).

²³ Таиланд сохранит срок безвизового пребывания россиян в 2025 году // Интерфакс : [сайт]. 05.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1029707> (дата обращения: 08.08.2025).

лее сложную природу, обусловленную скорее унификацией миграционных правил абсолютно для всех государств. Это видно и по тому, как значительно улучшилась ситуация для граждан стран Центральной Азии [8]. Данный пример скорее подтверждает курс Королевства Таиланд к поиску нейтральной позиции и принятию наиболее оптимальных решений для национальной экономики.

В то же самое время власти страны вернули обязательную практику заполнения иммиграционных форм при каждом въезде всех иностранных граждан (вне зависимости от их правового статуса в Королевстве), т. е. под правило подпадают даже те иностранцы, которые обладают статусом ВНЖ или ПМЖ, кроме транзитных пассажиров, которые не проходят иммиграционный контроль²⁴. С 1 мая 2025 г. так называемая «Цифровая карта прибытия в Таиланд» (Thailand Digital Arrival Card, TDAC) стала полным цифровым аналогом заполняемой ранее бумажной иммиграционной формы ТМ.6, действие которой было, по сути, приостановлено еще в 2024 г. (а для авиапассажиров фактически еще ранее). Вместе с тем, по мнению тайландских властей, она является инструментом, разработанным для того, чтобы «помочь иммиграционным властям отслеживать иностранных граждан», а также «предотвратить проникновение в страну преступных элементов и обеспечить более высокий уровень безопасности как для туристов, так и для граждан» Таиланда²⁵.

Под конец следует заметить, что в мае 2025 г. правительство Королевства Таиланд в очередной раз приняло решение отложить введение спорного туристического налога в размере 8 долл. США для иностранных путешественников до 2026 г.²⁶. Ранее, после нескольких лет бурных обсуждений, введение налога планировалось на середину 2025 г., и он должен был в частности «покрывать страхование... несчастных случаев и способствовать развитию инфраструктуры в туристических регионах». Но, как заявил представитель Министерства туризма и спорта страны, в условиях нестабильной глобальной экономики и замедления роста въездного турпотока, особенно из КНР и Республики Кореи, власти решили не рисковать²⁷.

Меры поддержки и стимулирования международного туризма в Королевство Таиланд

Транспортно-инфраструктурные меры

Важную роль в восстановлении туристического потока в Королевство сыграл авиационный сектор благодаря тому, что международные авиалинии возобновили прежние и даже открыли новые маршруты по всему миру из основных и второстепенных тайских городов. Такое расширение увеличило общую вместимость авиалиний, направляющихся в Таиланд, до 47 миллионов в 2024 г., что на 26% оказалось

²⁴ The Thailand Digital Arrival Card // Agents Co., LTD : [site]. 07.08.2025. URL: <https://tdac.agents.co.th/> (accessed on 07.08.2025).

²⁵ TDAC Thailand Digital Arrival Card: A Step-by-Step Guide // Thai Embassy : [site]. 08.08.2025. URL: <https://www.thaembassy.com/thailand-visa/tdac-thailand-digital-arrival-card> (accessed on 08.08.2025).

²⁶ Таиланд откладывает введение туристического налога до 2026 года // Tourpressa.com : [site]. 05.05.2025. URL: <https://www.tourpressa.com/post/tailand-otkladyvaet-vvedenie-turisticheskogo-naloga-do-2026-goda> (дата обращения: 07.08.2025).

²⁷ Там же.

больше показателя 2023 г.²⁸. Для примера: в декабре 2024 г., т. е. в преддверии Католического Рождества и новогодних праздников, в Королевство для удовлетворения возросшего туристического спроса было организовано свыше 300 дополнительных авиарейсов, что суммарно добавило более 70 тыс. посадочных мест²⁹. Уточним, что именно на декабрь (в сравнении со всеми другими месяцами) традиционно приходится наибольшее число иностранных туристов в Королевство Таиланд, что произошло и в 2024 г.³⁰. От декабря 2024 г. по объемам туристического потока не отстал и февраль 2025 г., на который выпало празднование другого не менее важного события – Китайского Нового года, что отразилось на числе туристов из Китая и Малайзии (напомним, что более пятой доли общей численности населения Малайзии составляют этнические китайцы).

В последнее время в Королевстве продолжаются активные политические и общественные дебаты в отношении несколько спорной в глазах тайского общества инициативы «Entertainment Complex Bill» – одобренного правительством законопроекта по легализацию в стране казино и, соответственно, строительству развлекательных комплексов (с привлечением международных инвесторов) и дополнительной инфраструктуры. Подобная инициатива вызвала большое социальное возмущение среди местного населения, которое обеспокоилось тем, что с легализацией азартных игр под угрозой «проигрыша» окажутся, прежде всего, социально уязвимые слои тайцев. Несмотря на это, правительство Таиланда видит в таком проекте огромный экономический потенциал. Ожидается, что его воплощение в жизнь, запланированное на 2030 г., будет способствовать росту доходов от туризма, приросту ВВП страны и привлечению инвестиций. Эксперты полагают, что туризм может вырасти на 5–10%, а средние расходы туристов – на 300 долл. США³¹.

Визово-миграционные меры

В 2024 г. Таиланд наконец-то запустил Destination Thailand Visa (DTV)³², прозванную «визой цифровых кочевников» и позволяющую находиться в Королевстве до 180 дней в году, однако не дающую возможности трудоустройства внутри страны³³. Что позволяет отнести данную меру скорее к вопросам развития долгосрочного (или расширенного) туризма, нежели к полноценной миграционной политике в сфере трудовой деятельности и интеграции иностранных работников в местное общество.

²⁸ Thailand Welcomes Over 35 Million Visitors in 2024: A Milestone Paving the Way for 2025 // TAT News : [site]. 28.12.2024. URL: <https://www.tatnews.org/2024/12/thailand-welcomes-over-35-million-visitors-in-2024-a-milestone-paving-the-way-for-2025/> (accessed on 07.08.2025).

²⁹ Ibid.

³⁰ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. 03.07.2025. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949#> (accessed on 08.08.2025, only for authorized users).

³¹ Как новый закон о казино может изменить туризм и экономику Таиланда? // The City : [site]. 14.06.2025. URL: <https://the-city.asia/articles/kak-novyy-zakon-o-kazino-mozhet-izmenit-turizm-i-ekonomiku-tailanda> (дата обращения: 07.08.2025).

³² Рудная, Елена. Виза цифрового кочевника в Таиланд уже доступна: как получить и сколько это стоит // Immigrant Invest : [сайт]. 04.10.2024. URL: <https://immigrantinvest.com/ru/insider/thailand-digital-nomad-visa/> (дата обращения: 07.08.2025).

³³ Там же.

То есть, несмотря на наличие возможности довольно длительного пребывания в Таиланде, держатели такой визы юридически не получают статуса резидентов (в т. ч. налоговых), не включаются в систему социального обеспечения, а потому де-юре и де-факто рассматриваются тайскими властями преимущественно как временные и довольно обеспеченные посетители Королевства или как определенная категория туристов, а не как иммигранты.

Финансово-технологические инновации

В последние годы Таиланд стал энергично идти навстречу миру криптовалют. Так, в начале 2025 г. стало известно, что октябре на о. Пхукет должна быть запущена так называемая «песочница» (т. е. пилотный проект) под названием «TouristDigiPay». В рамках государственного проекта на деле станут возможны платежи в криптовалютах (в первую очередь стейблкоинами и Биткоином)³⁴. Глава тайской «дочки» Binance (Gulf Binance TH), не так давно прошедшей лицензирование в Комиссии по ценным бумагам Королевства Таиланд, подчеркнул, что «учитывая важность туризма для Таиланда, создание криптовалютной среды... может привлечь не только туристов, но и цифровых кочевников, криптоинвесторов и инновационные стартапы в регион»³⁵. В нескольких словах уточним, что криптопроект представляет из себя фактически более привычный для большинства потребителей обычный цифровой кошелек, который позволяет получать на него криптовалюты для моментального обмена на фиатный тайский бат, минуя законодательство Королевства, которое по-прежнему запрещает оплату товаров и услуг в стране напрямую криптовалютами³⁶.

В контексте международных санкций, валютных ограничений и методов расчетов за рубежом быстрые платежи в криптовалютах (особенно в рамках лицензированных фиатных каналов) могли бы стать для российских туристов одним из эффективных элементов решения насущных вопросов, особенно в связке со стейблкоинами с привязкой к российскому рублю или, к примеру, началом работы лицензированных бирж с ЦФА³⁷. И если ситуация с использованием криптовалют в нашей стране остается в несколько подвешенном состоянии ввиду сильного зарегулирования, отсутствия лицензированных криптобирж, проблем р2р-обменов и иных, то тайский криптопроект учитывает общемировой тренд на широкое внедрение и использование криптовалют в повседневной жизни. Такие меры и технологические инновации, особенно в отношении криптовалюты, способны привлечь (и уже привлекают) в Таиланд определенные категории бизнеса [9], граждан и просто туристов, особенно из числа состоятельных.

³⁴ Иванов, Петр. На Пхукете запустят песочницу для тестирования криптоплатежей // Forklog : [сайт]. 20.01.2025. URL: <https://forklog.com/news/na-phukete-zapustyat-pesochnitsu-dlya-testirovaniya-kriptoplatezhei> (дата обращения: 07.08.2025).

³⁵ Будущее криптовалют в Таиланде: Пхукет как тестовая зона для цифровых активов // The City : [site]. 02.02.2025. URL: <https://the-city.asia/articles/budushchee-kriptoalyut-v-taillande-pkhuket-kak-testovaya-zona-dlya-tsifrovyykh-aktivov> (дата обращения: 07.08.2025).

³⁶ TouristDigiPay in Thailand: Transforming Tourism Through Secure Digital Payments // Benoit&Partners : [site]. 09.10.2025. URL: <https://benoit-partners.com/touristdigipay/> (accessed on 13.10.2025).

³⁷ Цифровые финансовые активы.

Социально-культурные и имиджевые инициативы

Небезынтересным и заслуживающим хотя бы краткого упоминания (несмотря на то, что для многих он отчасти является неочевидным и возможно даже неоднозначным) считается феномен тайской карликовой бегемотихи по кличке Му Денг (англ. яз. «Moo Deng») из национального зоопарка провинции Чонбури, которая из-за своих крохотных размеров, пухлых пропорций тела и нетипичной высокой физической активности в сентябре 2024 г. сначала оказалась в социальных сетях вирусным интернет-мемом и объектом всевозможных фан-артов, а затем ее образ перекочевал в реальную жизнь – туризм и экономику Королевства Таиланд, став «визитной карточкой» для страны³⁸.

По мнению губернатора провинции Чонбури, в 2024 г. именно эта провинция вслед за г. Бангкоком и о. Пхукет превратилась в один из главных источников доходов от туризма³⁹. Популярность и узнаваемость пока еще миниатюрной девочки-бегемота продолжается и по сей день, пусть и частота упоминаний, и ажиотаж немного снизились. Но что точно очевидно, ситуация вокруг миловидного бегемота превратилась в инструмент проявления так называемой «мягкой силы» для «страны улыбок», с которым и местный тайских бизнес, и госорганы продемонстрировали довольно умелое управление в национальных интересах.

Заключение

Постпандемийное восстановление туристической отрасли Таиланда не только продемонстрировало способность государства оперативно адаптироваться к новым реалиям, но и готовность переосмысливать стратегические приоритеты в пользу устойчивого и диверсифицированного туризма. Сочетание упрощения визового режима, активного развития транспортной и цифровой инфраструктуры, продвижения новых форм отдыха позволило значительно сократить разрыв с допандемийными показателями и привлечь более разнообразный контингент путешественников.

Особое место в этом процессе занял русскоязычный туристический сегмент, стабильно входящий в число крупнейших доноров въездного туризма и оказывающий заметное влияние на экономику и социальную динамику отдельных регионов Королевства. Его сохранение и развитие требуют учета специфики спроса, транспортной доступности и гибкой миграционной политики.

В то же время тайская туриндустрия сталкивается с рядом вызовов, способных затормозить ее дальнейший рост: экологическим давлением от массового туризма, инфраструктурной нагрузкой на отдельные регионы, валютной волатильностью, колебаниями глобального спроса, геополитическими рисками. Реакция на эти факторы требует не точечных, а системных решений, включающих регулирование

³⁸ Moo Deng still a drawcard, boosts the economy // Bangkok Post : [site]. 12.11.2024. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/general/2900738/moo-deng-still-a-drawcard-boosts-the-economy> (accessed on 08.08.2025).

³⁹ Ситуация с передачей права собственности на кондоминиумы иностранцам в третьем квартале 2024 года // REIC : [site]. 08.01.2025. URL: <https://www.reic.or.th/Activities/PressRelease/249> (дата обращения: 07.08.2025).

застройки, оптимизацию потоков туристов, стимулирование инвестиционной активности и расширение спектра предлагаемых услуг.

В ближайшие годы ключевыми задачами для Королевства Таиланд станут укрепление конкурентных преимуществ в условиях растущего соперничества с Вьетнамом, Малайзией и другими странами региона, а также закрепление туристического имиджа Королевства как направления, сочетающего доступность, безопасность, культурное многообразие и ответственное отношение к природным ресурсам. Опыт Таиланда в выстраивании гибкой и многокомпонентной политики восстановления туризма может служить ориентиром для государств, стремящихся сбалансировать экономические выгоды и долгосрочную устойчивость отрасли. А само исследование, как и выводы ученых, его проводивших, могут быть полезны и тайским регуляторам, и российским туроператорам для формирования эффективных стратегий.

Список литературы

1. Rittichainuwat, B. Resilience to Crises of Thai MICE Stakeholders: A Longitudinal Study of the Destination Image of Thailand as a MICE Destination / B. Rittichainuwat, E. Laws, R. Maunchontham, et al. // *Tourism Management Perspectives*. 2020. No. 35. Article 100755. DOI [10.1016/j.tmp.2020.100704](https://doi.org/10.1016/j.tmp.2020.100704).
2. Koh, E. Phuket Sandbox: Stakeholder Perceptions on Tourism and Travel Resumption Amidst the COVID-19 Pandemic // E. Koh, T. Jarumaneerat, W. Saikaew, P. Fakfare // *International Journal of Tourism Policy*. 2023. Vol. 13, No. 1. Pp. 300–314. DOI [10.1504/IJTP.2023.132223](https://doi.org/10.1504/IJTP.2023.132223).
3. Thaicharoen, S. How Thailand's Tourism Industry Coped with COVID-19 Pandemics: A Lesson from the Pilot Phuket Tourism Sandbox Project / S. Thaicharoen, S. Meunrat, W. Leng-Ee, et al. // *Journal of Travel Medicine*. 2023. Vol. 30, No. 5. Article 151. DOI [10.1093/jtm/taac151](https://doi.org/10.1093/jtm/taac151).
4. Wattanacharoensil, W. An Airport Experience Framework from a Tourism Perspective / W. Wattanacharoensil, M. Schuckert, A. Graham // *Transport Reviews*. 2016. Vol. 36, No. 3. Pp. 318–340. DOI [10.1080/01441647.2015.1077287](https://doi.org/10.1080/01441647.2015.1077287).
5. Бочкарева, Н. В. Стратегия восстановления туристической индустрии Таиланда в постпандемический период // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2021. № 3. С. 27–33. DOI [10.18101/2304-4446-2021-3-27-33](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2021-3-27-33). EDN [YJGVFM](https://www.edn.ru/EDN/YJGVFM).
6. Рязанцев, Н. С. Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19 // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2023. Т. 3, № 1. С. 83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). EDN [GDXBKU](https://www.edn.ru/EDN/GDXBKU).
7. Рязанцев, Н. С. Социально-экономические и демографические аспекты российского туризма в Таиланде в 2023 г. / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024. Т. 4, № 1. С. 85–100. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6). EDN [BUWFFZ](https://www.edn.ru/EDN/BUWFFZ).
8. Рязанцев, Н. С. Современные тренды русскоязычного туризма в Таиланд / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2025. Т. 5, № 1. С. 135–150. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.8). EDN [GPVDYO](https://www.edn.ru/EDN/GPVDYO).
9. Рязанцев, Н. С. Особенности развития «русскоязычной экономики» в Королевстве Таиланд на современном этапе / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024. Т. 4, № 2. С. 133–147. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.9). EDN [MPWMBX](https://www.edn.ru/EDN/MPWMBX).
10. Рязанцев, С. В. Русская миграция в Сиам (Таиланд) в контексте развития двусторонних отношений в XIX–XXI вв. / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, А. В. Смирнов // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18, № 1. С. 40–58. DOI [10.22162/2619-0990-2025-77-1-40-58](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-77-1-40-58).
11. Матюхина, В. Д. Развитие туризма в Таиланде на современном этапе // *Коммуникационные технологии: социально-экономические и информационные аспекты: материалы всероссийской молодежной научно-практической конференции. Иркутск, 10–20 апреля 2021 года*. Иркутск : Издательство «ЦентрНаучСервис», 2021. С. 120–124. EDN [PKJTSA](https://www.edn.ru/EDN/PKJTSA).

12. Гуров, С. А. Современные тенденции турбизнеса в Таиланде / С. А. Гуров, Е. П. Лузанова // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма: Материалы VII Международной научно-практической конференции (пгт Форос, г. Ялта, Республика Крым, 13–14 мая 2022 г.). Симферополь : «Ариал», 2022. С. 322–325. EDN [VXQYAF](#).

13. Лукичева, Ю. О. Гастрономический туризм в Таиланде. Статья в сборнике трудов конференции // Городская повседневность: Региональный и социокультурный контексты: IV Нижневолжские чтения, Волгоград, 21–23 марта 2019 г. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2019. С. 475–479. EDN [KSCIEY](#).

14. Петрова, Г. Д. Количественное исследование рынка медицинского туризма в Таиланде / Г. Д. Петрова, Х. Кальва, Е. В. Чернышев, Д. Ло Ситгал // Здоровье мегаполиса. 2024. Т. 5, № 1. С. 41–53. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2024.v5i1](#). EDN [AQFTAO](#).

15. Деева, С. Е. Продвижение турпродукта посредством применения мультимедийных технологий (на примере Королевства Таиланд). [Электронный ресурс] : выпускная квалификационная работа бакалавра : 43.03.02 / С. Е. Деева. Красноярск : СФУ, 2021. 70 с.

16. Шведов, Л. А. Факторы выбора потребителями отелей Таиланда / Л. А. Шведов, Н. В. Яшкова, Т. Н. Цапина, С. В. Булганина, Т. Е. Лебедева // Московский экономический журнал. 2021. № 2. С. 394–403. DOI [10.24412/2413-046X-2021-10086](#). EDN [KAFGTH](#).

Сведения об авторах

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikipaulistano@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](#); РИНЦ SPIN-код: [2654-1867](#); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](#); Scopus Author ID: [57220204335](#).

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](#); РИНЦ SPIN-код: [3786-0465](#); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](#); Scopus Author ID: [57195735740](#).

Лукашенко Елена Адольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](#); РИНЦ SPIN-код: [4283-7466](#); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](#).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [22-68-00210](#) «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Статья поступила в редакцию 31.08.2025; принята в печать 18.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THAILAND'S ADAPTATION TO THE RECOVERY OF TOURIST FLOWS IN THE POST-PANDEMIC PERIOD

Nikita S. Ryazantsev

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nikipaulistano@gmail.com

Marina N. Khranova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Elena. A. Lukashenko

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

For citation: Ryazantsev, N. S., Khramova, M. N., Lukashenko, E. A. Thailand's Adaptation to the Recovery of Tourist Flows in the Post-Pandemic Period. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 238–256. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.13). (In Russ.)

Abstract. Despite the fact that the COVID-19 pandemic has caused significant damage to Thailand's tourism industry, the country has demonstrated its resilient recovery by 2025, based on flexible adaptation and a rethinking of tourism policies. The article analyzes the key directions of the post-pandemic revival of the tourism industry, institutional and market mechanisms to support the industry, and the role of the state in ensuring the transition to a model of sustainable, inclusive, and diversified tourism. Particular attention is paid to the transformation of international tourist flows and changes in their geographical structure. The article analyzes the characteristics of the increase in the share of travelers not only from East Asia and ASEAN countries, but also from Russia and the post-Soviet states, which in recent years have firmly established themselves among the largest contributors to tourist flows. It reveals the current trends shaping the development of the leisure industry: the digitalization of services, the introduction of blockchain payments, the development of domestic tourism, the diversification of regional destinations, and the popularization of ecotourism, gastronomic tourism, and medical tourism. In addition, it identifies environmental and infrastructure challenges associated with the growth of mass tourism, currency volatility, global economic risks, and geopolitical factors. An assessment is provided of the effectiveness of the state support measures being implemented, including visa simplification, tax incentives, transport network development, the introduction of digital services, and the promotion of small business initiatives in the tourism sector. The importance of the Russian-speaking tourism segment as a sustainable source of income and a tool for strengthening humanitarian ties is noted. The post-pandemic model of Thai tourism is seen as an example of a successful combination of economic pragmatism, cultural openness, and sustainable development principles, which makes the experience of the Kingdom of Thailand valuable for countries seeking to modernize their own tourism strategies in the face of the global challenges of the 21st century.

Keywords: Thailand, international tourism, tourism policy, sustainable tourism, Russian tourism, Russian-speaking tourism

References

1. Rittichainuwat, B., Laws, E., Maunchontham, R., et al. Resilience to Crises of Thai MICE Stakeholders: A Longitudinal Study of the Destination Image of Thailand as a MICE Destination. *Tourism Management Perspectives*. 2020. No. 35. Article 100755. DOI [10.1016/j.tmp.2020.100704](https://doi.org/10.1016/j.tmp.2020.100704).
2. Koh, E., Jarumaneeerat, T., Saikaew, W., Fakfarem, P. Phuket Sandbox: Stakeholder Perceptions on Tourism and Travel Resumption Amidst the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Tourism Policy*. 2023. Vol. 13, No. 1. Pp. 300–314. DOI [10.1504/IJTP.2023.132223](https://doi.org/10.1504/IJTP.2023.132223).
3. Thaicharoen, S., Meunrat, S., Leng-Ee, W., et al. How Thailand's Tourism Industry Coped with COVID-19 Pandemics: A Lesson from the Pilot Phuket Tourism Sandbox Project. *Journal of Travel Medicine*. 2023. Vol. 30, No. 5. Article 151. DOI [10.1093/jtm/taac151](https://doi.org/10.1093/jtm/taac151).
4. Wattanacharoensil, W., Schuckert, M., Graham, A. An Airport Experience Framework from a Tourism Perspective. *Transport Reviews*. 2016. Vol. 36, No. 3. Pp. 318–340. DOI [10.1080/01441647.2015.1077287](https://doi.org/10.1080/01441647.2015.1077287).
5. Bochkareva, N. V. Strategy for Restoring Thailand's Tourism Industry in the Post-Pandemic Period. *Bulletin of Buryat State University. Economics and Management*. 2021. Vol. 3, No. 1. Pp. 27–33. DOI [10.18101/2304-4446-2021-3-27-33](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2021-3-27-33). (In Russ.).
6. Ryazantsev, N. S. International Tourism in Thailand: Trends and Recovery of the Flow of Russian Tourist after the COVID-19 Pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 1. Pp. 83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). (In Russ.).
7. Ryazantsev, N. S., Lukashenko, E. A., Smirnov, A. V. Socio-Economic and Demographic Aspects of Russian Tourism in Thailand in 2023. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 85–100. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6). (In Russ.).
8. Ryazantsev, N. S., Lukashenko, E. A., Smirnov, A. V. The Latest Trends in Russian-Speaking Tourism in Thailand. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 135–150. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.8). (In Russ.).

9. Ryazantsev, N. S., Lukashenko, E. A., Smirnov, A. V. Trends in the Development of the “Russian-Speaking Economy” in the Kingdom of Thailand at the Present Stage. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 133–147. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.9). (In Russ.).

10. Ryazantsev, S. V., Khramova, M. N., Smirnov, A. V. Russian Migration to Siam (Thailand) in the Context of Bilateral Relations Development, Nineteenth to Twenty First Centuries. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18, No. 1. Pp. 40–58. DOI [10.22162/2619-0990-2025-77-1-40-58](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-77-1-40-58). (In Russ.).

11. Matyukhina, V. D. Razvitiye turizma v Tailande na sovremennom etape [Tourism Development in Thailand at the Current Stage]. *Communication Technologies: Socio-Economic and Information Aspects: Proceedings of the All-Russian Youth Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, April 10–20, 2021. Irkutsk : “CenterNauchServis” Publ. Pp. 120–124. (In Russ.).

12. Gurov, S. A., Luzanova, E. P. Sovremennyye tendentsii turbiznesa v Tailande [Current Trends in the Tourism Industry in Thailand]. *Priority areas and challenges for the development of domestic and international tourism: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference* (Foros, Yalta, Republic of Crimea, May 13–14, 2022). Simferopol : “Ariol” Publ. Pp. 322–325. (In Russ.).

13. Lukicheva, Yu. O. Gastronomicheskiy turizm v Tailande [Gastronomic Tourism in Thailand]. Article in the conference proceedings. “Urban Everyday Life: Regional and Sociocultural Contexts”: IV Lower Volga Readings, Volgograd, March 21–23, 2019. Volgograd : Volgograd State University Publ. Pp. 475–479. (In Russ.).

14. Petrova, G. D., Kalva, Kh., Chernyshev, Eu. V., Sithgal, D. Lo. A Quantitative Study of the Medical Tourism Market in Thailand. *Health in the Metropolis*. 2024. Vol. 5, No. 1. Pp. 41–53. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i1](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i1). (In Russ.).

15. Deeva, S. E. *Prodvizheniye turprodukta posredstvom primeneniya mul'timediynykh tekhnologiy (na primere Korolevstva Tailand) [Promotion of tourism products through the use of multimedia technologies (using the Kingdom of Thailand as an example)]*. [Electronic resource]: Bachelor's thesis : 43.03.02 / S. E. Deeva. Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2021. 70 p. (In Russ.).

16. Shvedov, L. A., Yashkova, N. V., Tsapina, T. N., Bulganina, S. V., Lebedeva, T. E. Consumer Choice Factors of Thailand Hotels. *Moscow Economic Journal*. No. 2. Pp. 394–403. DOI [10.24412/2413-046X-2021-10086](https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10086). (In Russ.).

Bio notes

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikipaulistano@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI SPIN-code: [2654-1867](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57220204335); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X).

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); RSCI SPIN-code: [3786-0465](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57195735740); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935).

Elena A. Lukashenko, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); RSCI SPIN-code: [4283-7466](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF) according to the research project No. [22-68-00210](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940) “Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges”.

Received on 31.08.2025; accepted for publication on 18.10.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.14](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.14)

EDN [KJECED](https://www.kjeced.org)

ЖУРНАЛУ «ДЕМИС. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» – ПЯТЬ ЛЕТ!

Козин С. В.

*Южный федеральный университет; Южный научный центр РАН;
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: mister.svk92@yandex.ru*

Жидяева Т. П.

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
Алатырский филиал, Алатырь, Россия
E-mail: tanya21_84@mail.ru*

Закиева Р. Р.

*Казанский государственный энергетический университет;
Институт цифровых технологий и экономики, Казань, Россия
E-mail: rafina@bk.ru*

Для цитирования: Козин, С. В. Журналу «ДЕМИС. Демографические исследования» – пять лет! / С. В. Козин, Т. П. Жидяева, Р. Р. Закиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 257–265. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.14](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.14). EDN [KJECED](https://www.kjeced.org).

Аннотация. Поводом для написания данной статьи стал замечательный пятилетний рубеж, которого достиг журнал «ДЕМИС. Демографические исследования». За этот период в свет вышли 20 номеров журнала, на страницах которого публиковались известные и начинающие, российские и зарубежные ученые, чьи работы охватывают вопросы демографической теории и методологии демографических исследований, анализа демографической ситуации и демографических процессов, демографического прогнозирования, демографической, семейной и миграционной политики, экономических и социальных последствий демографических процессов, пространственной демографии, исторической демографии и пр. Все статьи на страницах журнала публикуются в открытом доступе, что демонстрирует приверженность редакционного совета к активному научному взаимодействию, распространению демографических знаний и их дальнейшему укреплению. Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» стремится стать площадкой для обмена опытом и мнениями между ведущими российскими и зарубежными демографами, историками, социологами, философами, экономистами, а также молодыми учеными, только начинающими свой путь. В нашей небольшой поздравительной обзорной статье дана общая характеристика журнала, обозначены основные вехи его развития, освещены некоторые опубликованные в нем статьи, приведены основные библиометрические показатели. Кроме того, авторы статьи предложили возможные пути развития издания.

Ключевые слова: демография, научные журналы, «ДЕМИС. Демографические исследования», Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН

В 2025 г. журналу «ДЕМИС. Демографические исследования» исполнилось пять лет. Это подходящий момент, чтобы оглянуться назад и подвести промежуточные

итоги. Самоанализ важен для любого начинания. Он помогает определить стратегию развития, актуальность изменений и области для улучшения, необходимые для успешной конкуренции с другими научными изданиями. Также полезно вспомнить историю становления журнала «ДЕМИС. Демографические исследования».

Журнал был создан благодаря поддержке представителей научного сообщества. Первый номер вышел в свет в начале 2021 г. Журнал выпускается небольшим коллективом редакции и редколлегией. Главным редактором является член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН С. В. Рязанцев. Учредителем журнала выступает Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. Журнал выходит четыре раза в год. Доступ к контенту бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Появление журнала оказало значительное влияние на развитие демографических исследований в России, поскольку статьи в специализированных изданиях неизменно отражают последние достижения науки¹.

В журнале «ДЕМИС. Демографические исследования» регулярно освещаются такие рубрики, как «Демографическая и миграционная политика», «Демографическое регионоведение», «Демография зарубежных стран», «Демография рынка труда», «Здоровье, самосохранительное поведение и смертность», «Миграция и миграционная политика», «Политическая демография», «Региональная демография», «Семья и рождаемость», «Социальная демография», «Теория демографии и миграциологии», «Урбанизация и расселение», «Экономическая демография», «Рецензии и эссе», «Научная жизнь».

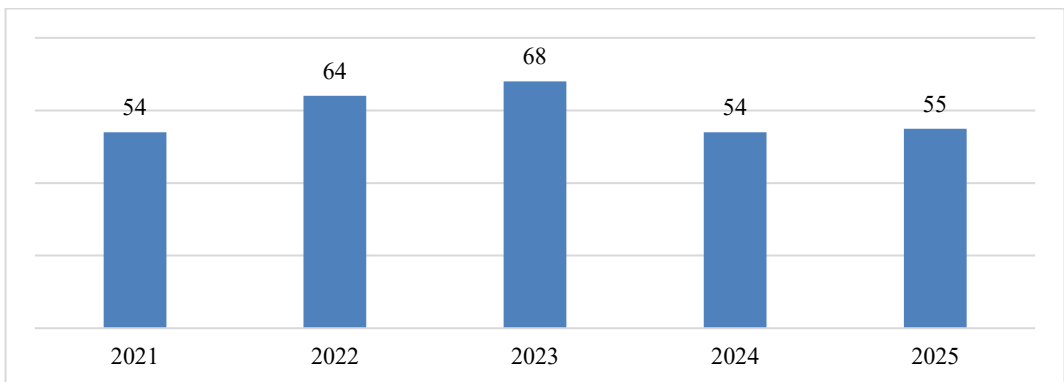

Рис. 1. Распределение публикаций в журнале «ДЕМИС. Демографические исследования» с 2021 по 2025 гг.

Fig. 1. Distribution of publications in the journal "DEMIS. Demographic Research" from 2021 to 2025

Источник: составлено авторами по данным системы РИНЦ

¹ Для широкого распространения и признания научные результаты необходимо обнародовать через статьи в престижных научных изданиях. Обычно, прежде чем оформить в книгу, материал представляется автором в виде цикла статей, что делает научные журналы основным источником новейшей и наиболее актуальной информации для заинтересованного читателя по любой теме. Число опубликованных работ и их научная значимость служат важным показателем профессионального уровня исследователя.

На рис. 1 представлено распределение публикаций в журнале с 2021 по 2025 гг. Сопоставление по библиометрическим показателям с другими демографическими журналами приводится в табл. 1.

Таблица 1
Основные библиометрические показатели российских демографических журналов²

Table 1

The main bibliometric indicators of Russian demographic journals

Наименование периодического научного издания (его учредитель)	Год основания	Кол-во выпусков в год	Перечень ВАК (Категория)	Ядро РИНЦ	2-летний импакт-фактор РИНЦ
Народонаселение ISSN: 1561-7785 (ФНИСЦ РАН)	1998	4	Да (К-1)	Да	2,975
Демографическое обозрение eISSN: 2409-2274 (НИУ ВШЭ)	2014	4	Да (К-1)	Да	2,708
ДЕМИС. Демографические исследования ISSN: 2782-2303; eISSN: 2782-229X (ФНИСЦ РАН)	2020	4	Да (К-2)	Нет	0,981
Демоскоп Weekly eISSN: 1726-2887 (ВШЭ и ИМИС/Р)	2001	22	Нет	Нет	0,458
Здоровье, демография, экология финно-угорских народов ISSN: 1994-8921 (ИГМА Минздрава России)	2008	4	Да (К-3)	Нет	0,267

Источник: составлено авторами по данным системы РИНЦ за 2024 г.

На страницах журнала «ДЕМИС. Демографические исследования» систематически публикуются работы, посвященные анализу основных демографических процессов. Рождаемость и смертность играют определяющую роль в формировании возрастной структуры населения, трудовых ресурсов и, в конечном счете, в устойчивом развитии страны. В России, как и во многих развитых государствах, наблюдается сложная динамика этих показателей, обусловленная совокупностью экономических, социальных и культурных факторов [1]. Снижение коэффициента брачности, отмеченное в последние десятилетия, связано с изменением ценностных ориентаций молодежи, увеличением возраста вступления в брак, ростом числа незарегистрированных партнерств и экономической нестабильностью. Потенциальные супруги все чаще отдают предпочтение построению карьеры и достижению финансовой независимости, откладывая создание семьи на более поздний срок [2]. Рождаемость, в свою очередь, подвержена влиянию уровня жизни населения, доступности жилья, развития системы здравоохранения и социальной поддержки семей с детьми. Несмотря на реализуемые государством меры по стимулированию рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости в России остается ниже уровня простого воспроизводства населения [3]. Это обусловлено высокой

² Рубрика журнала по верхнему уровню ГРНТИ. Журнал может быть отнесен к нескольким различным рубрикам.

стоимостью воспитания детей, недостаточным количеством мест в дошкольных учреждениях и гендерным неравенством в сфере занятости, когда основная нагрузка по уходу за детьми ложится на плечи женщин [4].

Часть статей обращена к различным аспектам использования трудовых ресурсов [5; 6]. Одним из ключевых факторов является старение населения. В России наблюдается тенденция увеличения доли людей старшего возраста, что приводит к сокращению численности населения в трудоспособном возрасте и увеличению нагрузки на систему социального обеспечения [7]. Это требует разработки мер по стимулированию занятости пенсионеров [8] и привлечению трудовых ресурсов из других регионов и стран [9].

Миграция, как внутренняя, так и внешняя, играет важную роль в формировании трудовых ресурсов крупнейших городов [10]. Приток квалифицированных специалистов способствует развитию инновационной экономики, однако создает нагрузку на инфраструктуру и социальную сферу [11]. Необходимы меры по адаптации мигрантов к принимающему обществу и обеспечению им доступа к образованию и здравоохранению [12].

В условиях евразийской интеграции особое значение приобретают миграционные связи России с государствами – членами ЕАЭС [13]. В частности, в журнале «ДЕМИС. Демографические исследования» вышли несколько статей различных авторов, посвященных перемещению населения РФ и Кыргызстана. Стоит сказать, что традиционные мотивы, такие как поиск работы и более высоких заработков, по-прежнему доминируют, но к ним добавляются новые факторы, формирующие современный миграционный поток. В последние годы, безусловно, растет образовательная миграция. Кыргызские студенты все чаще выбирают российские вузы, привлеченные возможностью получить качественное образование и перспективами трудоустройства в будущем [14]. Это способствует формированию нового поколения мигрантов, обладающих наиболее высоким уровнем квалификации и претендующих на более престижные рабочие места. Если ранее кыргызстанцы в основном работали в строительстве, торговле и сфере обслуживания, то сейчас они осваивают новые ниши, в частности, в IT-секторе и высокотехнологичных отраслях. Это свидетельствует о повышении квалификации и адаптации мигрантов к меняющимся потребностям российского рынка труда [15]. Усиливается роль социальных сетей и онлайн-платформ в процессе миграции. Они облегчают поиск работы, жилья и информации, а кроме того, способствуют поддержанию связей с соотечественниками, что облегчает адаптацию в новой среде [16].

В условиях устойчивой убыли населения, которая наблюдается в европейской части России на всем протяжении современной истории государства [17], для сохранения численности населения и поддержания его трудового потенциала значение приобретают также сокращение смертности, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, сбережение здоровья. В России подобные резервы обусловлены устранением проблем, возникших на предыдущих этапах эпидемиологического развития. Основные факторы включают преждевременную смертность от хронических неинфекционных заболеваний и внешних причин, вызванных нездоровым образом жизни, особенно среди мужчин. Кроме того, значительное влияние

оказывают последствия социально-экономического кризиса 1990-х годов, которые затронули трудоспособное население [18].

Немаловажными и актуальными представляются статьи, посвященные здоровью детей, поскольку оно составляет фундамент будущего демографического благополучия страны. Дошкольные образовательные организации играют ключевую роль в формировании здорового поколения. Факторы здоровьесбережения в таких учреждениях многогранны и охватывают все аспекты жизнедеятельности ребенка [19].

Не остается в стороне от внимания ученых и тематика, посвященная репродуктивному здоровью и поведению. Репродуктивное здоровье молодежи – стратегический ресурс нации, определяющий ее демографическое будущее и социально-экономическое развитие. Комплексная оценка репродуктивного здоровья молодого поколения представляет собой сложную задачу, требующую учета медицинских, социальных, экономических и культурных факторов. Одним из ключевых аспектов является доступность качественной медицинской помощи в сфере репродуктивного здоровья. Профилактика инфекций, передающихся половым путем, раннее выявление гинекологических и урологических заболеваний, обеспечение доступа к современным средствам контрацепции – необходимые элементы этой системы [20; 21].

Репродуктивный выбор – это право каждого человека самостоятельно и осознанно принимать решения о рождении детей и их количестве, интервалах между беременностями. Свобода репродуктивного выбора подразумевает наличие у молодежи полной и достоверной информации о методах планирования семьи, рисках нежелательной беременности, возможностях лечения бесплодия [20]. Социально-экономические условия оказывают значительное влияние на репродуктивные установки молодежи. Неуверенность в завтрашнем дне, жилищные проблемы, низкий уровень доходов могут откладывать принятие решения о создании семьи и рождении детей. Важный фактор для молодых семей – наличие поддержки со стороны государства и общества [1; 2; 22].

Практическую ценность (причем не только для демографов, но и социологов, экономистов) представляют статьи, посвященные изучению разработанных новых профессиональных стандартов и ретроспективному изучению демографического образования в России и за рубежом [23; 24]. Работа демографа – это многогранный анализ населения, изменений его структуры и воспроизводства. Специалист в данной области изучает рождаемость, смертность, брачность, миграцию и прочие демографические процессы, определяющие динамику народонаселения. Профессиональный стандарт «Демограф», как комплексный документ, регламентирует необходимые знания, умения и навыки, которыми должен обладать специалист для эффективного выполнения своих должностных обязанностей. Ключевым аспектом работы демографа является умение работать с большими объемами данных. Специалист должен владеть статистическими методами анализа, уметь использовать специализированное программное обеспечение, строить модели и прогнозы. Важно понимать основы социально-экономической статистики, чтобы корректно интерпретировать полученные данные и выявлять причинно-следственные связи.

Профессиональный стандарт также подчеркивает необходимость владения навыками подготовки аналитических отчетов и презентаций [23; 24].

В качестве рекомендаций (предложений) журналу «ДЕМИС. Демографические исследования» можно посоветовать ввести новую рубрику «Интервью», где ученые могли бы делиться с профессиональным сообществом воспоминаниями об учителях и основных вехах своей работы, идеями из новых проектов, мнениями о текущей ситуации в области демографии. Помимо этого, было бы интересным увидеть в журнале такие рубрики, как «Журнальный гид» и «Новые книги по демографическим исследованиям». Размещение на страницах журнала подобной информации могло бы способствовать распространению среди аудитории издания сведений о других достойных внимания публикациях по теме, привлечению новых читателей, авторов и укреплению авторитета как заслуживающего доверия источника информации о демографических процессах, развитию демографической науки в стране.

В завершение нашего краткого поздравительно-аналитического обзора хочется еще раз поздравить главного редактора, членов редколлегии и редакционного совета, экспертов и рецензентов с 5-летним юбилеем журнала «ДЕМИС. Демографические исследования». Выражаем надежду, что вам удастся воплотить в жизнь все смелые и масштабные научные планы. Роль каждого исследователя в научной работе уникальна, у каждого свои задачи и стремления, однако революционные научные результаты, особенно в области социальных наук, редко достигаются индивидуально. В связи с этим крайне важна поддержка со стороны коллег, научного сообщества или научной школы. Основой нашей деятельности являются честность, верность принципам и усердие, а также, безусловно, стремление к новым знаниям – фундаментальным эпистемологическим ценностям, неизменным на протяжении многих веков служения науке.

Список литературы

1. Ростовская, Т. К. Студенческая семья как ключевое направление нового национального проекта «Семья» / Т. К. Ростовская, А. В. Пачин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 152–166. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.9). EDN [FYFRDI](https://www.edn.ru/FYFRDI).
2. Рославцева, М. В. Мотивационные аспекты демографического поведения населения постсоветских стран // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2). EDN [CVCFOR](https://www.edn.ru/CVCFOR).
3. Микрюков, Н. Ю. Рождаемость в регионах России: пространственные закономерности на муниципальном уровне / Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 102–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.6). EDN [MOJNG](https://www.edn.ru/MOJNG).
4. Гурьянова, М. П. Анализ факторов брачности и рождаемости населения России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 8–24. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.1). EDN [BMVSGY](https://www.edn.ru/BMVSGY).
5. Кашепов, А. В. Трансформация структуры занятости населения в регионах Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 137–152. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.8). EDN [JGXKJI](https://www.edn.ru/JGXKJI).
6. Давлетшина, Л. А. Статистическая оценка влияния социально-экономических факторов на рабочую силу России / Л. А. Давлетшина, Н. А. Садовникова, А. В. Безруков, О. Г. Лебединская // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 25–44. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.2). EDN [GYCRXE](https://www.edn.ru/GYCRXE).

7. Воробьева, О. Д. Рынок труда, миграционные процессы, социальное государство в условиях демографического старения в России / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, Т. С. Хроленко, Г. В. Ниорадзе // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 153–164. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.9). EDN [CSKNQU](#).
8. Кашепов, А. В. Проблемы занятости населения старшего поколения в период повышения пенсионного возраста в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 55–70. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.4). EDN [UMHZTY](#).
9. Моисеева, Е. М. Конъюнктура рынка труда и трудовая миграция в российских регионах / Е. М. Моисеева, Р. В. Маньшин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 202–215. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12). EDN [TNQFSE](#).
10. Топилин, А. В. Демографические особенности формирования и использования трудовых ресурсов в крупнейших городах России в 2019–2021 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3). EDN [CZSKEV](#).
11. Хотеева, Е. А. Трудовая миграция как фактор развития рынка труда Арктической зоны России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 71–83. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.5). EDN [SUWXYK](#).
12. Леденева, В. Ю. Адаптационные центры для мигрантов в контексте миграционной политики России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 197–208. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12). EDN [FKGLMM](#).
13. Рязанцев, С. В. Социально-демографические аспекты интеграционных процессов в ЕАЭС / С. В. Рязанцев, М. Л. Вартанова, Н. А. Омуралиев, Т. Н. Юдина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 198–208. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.12). EDN [YDMYSQ](#).
14. Письменная, Е. Е. Образовательная миграция в Кыргызстане: тенденции и перспективы / Е. Е. Письменная, Б. А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 138–153. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9). EDN [ZSYZBJ](#).
15. Рязанцев, С. В. Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию / С. В. Рязанцев, Б. А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 105–118. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7). EDN [XOJKLU](#).
16. Козин, С. В. Миграция из России в Кыргызстан: опыт социологического исследования / С. В. Козин, Т. П. Жидяева, Р. Р. Закиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 193–201. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.12). EDN [BVUZTU](#).
17. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах Европейской России в 1992–2024 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). EDN [KRVKOR](#).
18. Иванова, А. Е. Резервы сокращения смертности в России в контексте ее возрастных и нозологических особенностей / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 92–125. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6). EDN [PZYBQE](#).
19. Шенеман, М. В. Факторы здоровьесбережения детей в российских дошкольных образовательных организациях / М. В. Шенеман, О. Б. Истомина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 74–87. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.5). EDN [YANKSZ](#).
20. Русанова, Н. Е. Репродуктивное здоровье и репродуктивный выбор российской молодежи / Н. Е. Русанова, Л. В. Ерофеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 6–21. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.1). EDN [NTLTGT](#).
21. Архангельский, В. Н. Здоровье как фактор реализации репродуктивных намерений населения России / В. Н. Архангельский, Е. В. Землянова, А. А. Савина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 68–81. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.4). EDN [SASQNM](#).
22. Осадчая, Г. И. Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 78–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.5). EDN [OFLPIM](#).
23. Ростовская, Т. К. Особенности работы специалиста-демографа: обзор профессионального стандарта // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 253–258. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.17). EDN [CUJQKC](#).

24. Козин, С. В. Демографическое образование в России: исторические аспекты и современная парадигма развития / С. В. Козин, Т. П. Жидяева, Р. Р. Закиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 274–281. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.17](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.17). EDN [GWPQCX](https://www.edn.ru/GWPQCX).

Сведения об авторах

Козин Сергей Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социальных технологий, Южный федеральный университет; научный сотрудник, Южный научный центр РАН; доцент, кафедра философии и мировых религий, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: mister.svk92@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8398-8805](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); РИНЦ SPIN-код: [2261-9753](https://elibrary.ru/2261-9753); Web of Science Researcher ID: [D-9529-2019](https://orcid.org/D-9529-2019); Scopus Author ID: [59185152600](https://orcid.org/59185152600).

Жидяева Татьяна Павловна, старший преподаватель, кафедра гуманитарных и экономических дисциплин, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Алатырский филиал, Алатырь, Россия.

Контактная информация: e-mail: tanya21_84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8238-193X](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); РИНЦ SPIN-код: [5020-0021](https://elibrary.ru/5020-0021); Web of Science Researcher ID: [GVT-2580-2022](https://orcid.org/GVT-2580-2022); Scopus Author ID: [58681336300](https://orcid.org/58681336300).

Закиева Рафина Рафкатовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор, кафедра промышленной электроники, Казанский государственный энергетический университет; директор, Институт цифровых технологий и экономики, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: rafina@bk.ru; ORCID ID: [0000-0001-9513-7672](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); РИНЦ SPIN-код: [7893-8536](https://elibrary.ru/7893-8536); Web of Science Researcher ID: [T-2047-2019](https://orcid.org/T-2047-2019); Scopus Author ID: [57205611148](https://orcid.org/57205611148).

Статья поступила в редакцию 19.10.2025; принята в печать 15.12.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

5TH ANNIVERSARY OF THE JOURNAL “DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH”

Sergey V. Kozin

Southern Federal University; Southern Scientific Center RAS;

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: mister.svk92@yandex.ru

Tatiana P. Zhidyaeva

Ulyanov Chuvash State University, Alatyr Branch, Alatyr, Russia

E-mail: tanya21_84@mail.ru

Rafina R. Zakieva

Kazan State Power Engineering University;

Institute of Digital Technologies and Economics, Kazan, Russia

E-mail: rafina@bk.ru

For citation: Kozin, S. V., Zhidyaeva, T. P., Zakieva, R. R. 5th Anniversary of the Journal “DEMIS. Demographic Research”. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 257–265. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.14](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.14). (In Russ.)

Abstract. This article was inspired by the five-year anniversary of the journal “DEMIS. Demographic Research”. During this time, 20 volumes of the journal were published, featuring prominent and emerging Russian and international researchers whose work covered demographic theory, research methods, analysis of demographic situations and processes, demographic forecasts, demographic policies, family policies, migration policies, economic and social implications of demographic changes, spatial demographics, historical demographics, and more. All papers are published in open access to demonstrate the editorial team's commitment to scientific collaboration, dissemination of demographic knowledge,

and further development. "DEMIS. Demographic Research" aims to be a platform for sharing experiences and ideas between leading demographers, historians, social scientists, philosophers, economists from Russia and abroad, as well as younger scholars just starting their careers. This review article offers a general overview of the magazine, highlights significant milestones in its history, some of its published articles, and key bibliometric metrics. Additionally, the authors suggest potential future directions for the publication's development.

Keywords: demography, scientific journals, "DEMIS. Demographic Research", Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences

References

1. Rostovskaya, T. K., Pachin, A. V. Student Family as a Key Area of the New National Project "Family". *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 152–166. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.9). (In Russ.).
2. Roslavl'tseva, M. V. Motivational Aspects of Demographic Behavior of the Population in Post-Soviet Countries. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2). (In Russ.).
3. Mikryukov, N. Y., Miryazov, T. R., Lukashenko, E. A. Birth Rate in Russian Regions: Spatial Patterns at the Municipal Level. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 102–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.6). (In Russ.).
4. Guryanova, M. P. Analysis of Factors Affecting Family Formation and Birthrate in Russia's Population. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 8–24. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.1). (In Russ.).
5. Kashepov, A. V. Transformation of the Employment Structure of the Population in the Regions of the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 137–152. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.8). (In Russ.).
6. Davletshina, L. A., Sadovnikova, N. A., Bezrukov, A. V., Lebedinskaya, O. G. Statistical Assessment of the Impact of Socio-Economic Factors on the Russian Labour Force. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 4. Pp. 25–44. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.2). (In Russ.).
7. Vorobyeva, O. D., Topilin, A. V., Khrolenko, T. S., Nioradze, G. V. Labor Market, Migration Processes, Social State in the Conditions of Population Aging in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 153–164. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.9). (In Russ.).
8. Kashepov, A. V. Problems of Employment of the Older Generation during the Period of Raising the Retirement Age in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 55–70. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.4). (In Russ.).
9. Moiseeva, E. M., Manshin, R. V. Labor Market Conditions and Labor Migration in Russian Regions. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 202–215. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12). (In Russ.).
10. Topilin, A. V. Demographic Characteristics of Labor Resources Formation and Use in the Largest Cities of Russia in 2019–2021. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3). (In Russ.).
11. Khoteeva, E. A. Labor Migration as a Factor in the Development of the Labor Market in the Arctic Zone of Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 71–83. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.5). (In Russ.).
12. Ledeneva, V. Y. Adaptation Centers for Migrants in the Context of Russian Migration Policy. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 197–208. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12). (In Russ.).
13. Ryazantsev, S. V., Vartanova, M. L., Omuraliev, N. A., Yudina, T. N. Socio-Demographic Aspects of Integration Processes in the EAEU. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 198–208. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.12). (In Russ.).
14. Pismennaya, E. E., Sydygalieva, B. A. Educational Migration to Kyrgyzstan: Trends and Prospects. *ДЕМИС. DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 138–153. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9). (In Russ.).
15. Ryazantsev, S. V., Sydygalieva, B. A. New Trends in Migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 105–118. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7). (In Russ.).

16. Kozin, S. V., Zhidyaeva, T. P., Zakieva, R. R. Migration from Russia to Kyrgyzstan: A Sociological Study. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 193–201. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.12). (In Russ.).
17. Rybakovsky, O. L. Depopulation in European Russian Regions in 1992–2024. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). (In Russ.).
18. Ivanova, A. E., Sabgaida, T. P., Semenova, V. G. Reserves for Reducing Mortality in Russia in the Context of Its Age and Nosological Characteristics. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 92–125. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6). (In Russ.).
19. Sheneman, M. V., Istomina, O. B. Health Factors for Preschool Children Educational Institutions in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 74–87. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.5). (In Russ.).
20. Rusanova, N. E., Erofeeva, L. V. Reproductive Health and Reproductive Choice of Russian Youth. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 6–21. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.1). (In Russ.).
21. Arkhangelsky, V. N., Zemlyanova, E. V., Savina, A. A. Health as a Factor in Implementing the Reproductive Intentions of the Russian Population. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 68–81. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.4). (In Russ.).
22. Osadchaya, G. I., Yudina, T. N., Kocherbaeva, A. A. Reproductive Behavior of Migrants from Central Asian Countries in the Moscow Agglomeration. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 78–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.5). (In Russ.).
23. Rostovskaya, T. K. Features of the Work of a Demographer: An Overview of the Professional Standard. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 253–258. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.17). (In Russ.).
24. Kozin, S. V., Zhidyaeva, T. P., Zakieva, R. R. Demographic Education in Russia: Historical Aspects and Modern Development Paradigm. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 274–281. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.17](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.17). (In Russ.).

Bio notes

Sergey V. Kozin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department for Social Technologies, Southern Federal University; Researcher, Southern Scientific Center RAS; Associate Professor, Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: mister.svk92@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8398-8805](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); RSCI SPIN code: [2261-9753](https://www.rsci.spb.ru/spin/2261-9753); Web of Science Researcher ID: [D-9529-2019](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); Scopus Author ID: [59185152600](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805).

Tatiana P. Zhidyaeva, Senior Lecturer, Department of Humanities and Economics, Ulyanov Chuvash State University, Alaty Branch, Alaty, Russia.

Contact information: e-mail: tanya21_84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8238-193X](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); RSCI SPIN code: [5020-0021](https://www.rsci.spb.ru/spin/5020-0021); Web of Science Researcher ID: [GVT-2580-2022](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); Scopus Author ID: [58681336300](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X).

Rafina R. Zakieva, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Professor, Department of Industrial Electronics, Kazan State Power Engineering University; Director, Institute of Digital Technologies and Economics, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: rafina@bk.ru; ORCID ID: [0000-0001-9513-7672](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); RSCI SPIN code: [7893-8536](https://www.rsci.spb.ru/spin/7893-8536); Web of Science Researcher ID: [T-2047-2019](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); Scopus Author ID: [57205611148](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672).

Received on 19.10.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
Перечень ВАК, категория К2,
Белый список (ЕГПНИ), уровень 2

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленного материала.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2025. Том 5, № 4. Дата выхода в свет: 26.12.2025.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2025. ТОМ 5. № 4

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru